

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
225

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Член-корреспондент РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
к. ист. н. Л. И. Авилова (зам. главного редактора),
д. ист. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь),
д. ист. н. Л. В. КОЛЬЦОВ, д. ист. н. С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ,
д. ист. н. В. Д. КУЗНЕЦОВ, к. ист. н. Н. В. ЛОПАТИН

Рецензенты:
д. ист. н. Ю. Б. ЦЕТЛИН, к. ист. н. Н. Н. ТЕРЕХОВ

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2011. — 280 с., ил., наклейка после с. 182.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0492-8

Очередной выпуск практически полностью посвящен исследованиям археологических материалов эпохи бронзы. Основу выпуска составили материалы Круглого стола «Катакомбная культурно-историческая общность/область: структура, номенклатура, динамика развития», состоявшегося в Москве в апреле 2007 г. В статьях представлены современные взгляды на наиболее актуальные проблемы степной археологии, включая пространственную и иерархическую структуру обширной катакомбной общности, абсолютную хронологию входивших в нее культур, результаты типологического и аналитического изучения материалов. Публикуется ряд статей, посвященных исследованиям памятников бронзового века в России и за рубежом в широком хронологическом диапазоне — от раннего до позднего периода бронзового века.

Данные исследования будут интересны для археологов, историков, этнографов и других представителей смежных с археологией наук.

ББК 63.4

ISBN 978-5-9551-0492-8

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Авторы, 2011
© Языки славянской культуры, 2011

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
ОБЩНОСТЬ/ОБЛАСТЬ: СТРУКТУРА,
НОМЕНКЛАТУРА, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ»
(МОСКВА, АПРЕЛЬ 2007 г.)

А. Н. Гей

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ¹

*A. N. Gei. Catacomb cultural and historical unity: Problems, discussions,
and prospects of investigation*

Abstract. The paper is an attempt to characterize the present-day situation in investigation of Catacomb cultural and historical unity, a wide-scale phenomenon in the Bronze Age of the South-eastern part of the European steppe. A series of problems related to singling out separate Catacomb cultures and their relationships is pointed out. Of special importance is recently outlined early Catacomb Azov culture placed between the Early Bronze Age entities (Novotitorovka culture) and classical Catacomb cultures (Donets, West- and East-Manych, Ingul groups). Numerous data evidence mainly local way of formation of Catacomb unity and its separate variants, which seriously question migrationist hypotheses, so popular not long ago. Many problems remain unsolved, such as the role Early Bronze Age “wagon burials” played in formation of the Catacomb world, the factors that caused its convergent development, and the processes of its destruction, and the like. Taking into account new materials and hypotheses, it seems necessary to pay serious attention to the traditionally difficult problem of interaction between the steppe and Central European cultures in the Bronze Age.

Ключевые слова: катакомбная культура, хронология, этнокультурный феномен, историческая интерпретация, керамические сосуды.

Катакомбная культурно-историческая общность – одно из наиболее масштабных и выразительных образований бронзового века Восточной Европы.

¹ Настоящая работа представляет собой изложение вступительного слова при открытии конференции «Катакомбная культурно-историческая общность: структура, номенклатура, динамика развития». Она несколько дополнена: в ряде случаев ссылки заменены на более полные работы упоминаемых авторов, вышедшие уже после 2007 г.

Сознательное изучение ее насчитывает уже более ста лет, его история сама по себе интересна, поучительна как пример поступательного развития наших знаний, но одновременно и достаточно известна. Имеет смысл обратиться прежде всего к характеристике современного состояния и связанных с ним проблем (как их понимает автор).

Типическая схема археологического исследования этнокультурной направленности такова: открытие яркого и не похожего на уже известные памятника (констатация нового явления) → накопление информации о близких или даже аналогичных памятниках (выделение новой общности) → дальнейшее накопление материалов и диверсификация методов изучения (установление внутренней структуры общности, а затем неизбежное усложнение и ветвление этой структуры). Параллельный (но постоянно влияющий на первый) ход – соотнесение новых явления – общности – структуры с окружением, аналогичными сущностями по соседству, с предшествующими, с последующими (а они тоже постоянно меняются и усложняются). Смысл процесса – поиск решений наиболее сложных задач, касающихся генезиса, развития и последующих судеб явления, и историческая их интерпретация.

Все это применимо к изучению катакомбной общности и ее структуры с той оговоркой, что для одних территорий и групп памятников сейчас уже можно предполагать различие не просто реальных коллективов, но буквально семейных групп (что, впрочем, требует проверки генетическими анализами), тогда как другие остаются недостаточно или плохо изученными. Тем не менее постоянное усложнение структуры и применение означенных выше общих вопросов к отдельным ее составляющим, как кажется, способствует пониманию основных вех развития общности в целом. Важнейшим результатом последних двух десятилетий является разработка, грубо говоря, трехступенчатой культурно-хронологической схемы катакомбного мира с признанием наличия нескольких культурных образований (культур, культурных типов или групп) на каждом этапе, притом что ни одно из них не существует более двух этапов. Выделение особого раннекатакомбного этапа с его предднепровской культурной группой в Северном Приазовье и на Нижнем Дону и приазовской культурой в Прикубанье способствовало разделению проблемы происхождения катакомбной культуры на составляющие: сложение самих этих ранних групп и формирование в последующем на их основе серии локальных катакомбных культур развитого этапа. А очевидное в обоих случаях наследование культурных норм и стереотипов (в первом случае от новоторовской культуры и ее аналогов, во втором – от раннекатакомбных групп) способствовало отходу от миграционистских схем формирования катакомбной общности, доминировавших на протяжении всего XX столетия. В любом случае существенная роль местных групп и автохтонных процессов признается теперь даже решительными сторонниками внешних импульсов.

Перейдем к характеристике отдельных культур и связанных с ними проблем, которые представляются наиболее важными в настоящее время.

1) **Преднепровская и/или приазовская.** Долгое время оставалась намеченной крайне эскизно. Лучше других изучены памятники Донца и Нижнего Дона, обозначаемые как раннекатакомбные (*Смирнов, 1996*) или относящиеся к ран-

нему этапу донецкой культуры (*Братченко, 2001*). Этот нюанс достаточно важен: по сути, речь идет о том, имеет ли место особый раннекатакомбный пласт всей общности или выразительный локальный феномен, ставший основой для формирования лишь некоторых катакомбных культур. Широкое территориальное распространение материалов раннего облика достаточно очевидно, однако в некоторых районах (Калмыкия, Северо-Западное Причерноморье, Нижнее Поволжье) так называемые раннекатакомбные комплексы часто недостаточно гомогенны или недостаточно отчетливо выделяются из всего катакомбного массива (*Шшилина, 2007*), а по особенностям обряда и инвентаря должны быть признаны несколько более поздними, чем древнейшие материалы в приазовском «очаге» катакомбного культурогенеза, и скорее сопоставимыми с начальными фазами локальных катакомбных культур развитого этапа общности.

Один из аспектов проблемы «первичного очага» или «центра» катакомбного культурогенеза связан с его локализацией (Нижний Дон, или все-таки Кубань, или и то и другое?). В сопровождающем инвентаре из наиболее ранних катакомб Правобережья Нижнего Дона и прилегающих районов Северного Приазовья присутствует небольшая, но выразительная серия сосудов с характерной орнаментацией в виде очень длинных, спускающихся до придонной части, заштрихованных треугольников с особым обрамлением боковых сторон, представляющая как бы особый керамический стиль, который может быть назван «кадамовским». Известна подобная находка и в Прикубанье (Новокорсунская, 2/17; см.: *Кондрашов, Тарабанов, 1986*), с той разницей, что здесь подобный сосуд связан с комплексом, формально соответствующим заключительному, третьему этапу новотиторовской культуры (яма с уступом и угловой ступенькой, что, с моей точки зрения, позволяет включать ее в число «протокатакомб»); детали повозки на уступе; скорченное на правом боку положение погребенного с западно-юго-западной ориентировкой), предвещающему появление собственно катакомб. Нельзя исключить возможность, что данный комплекс является в действительности не новотиторовским, а «постновотиторовским», отражающим сохранение новотиторовских традиций уже в раннекатакомбной среде. Такие случаи не единичны. Но интрига, связанная с уточнением хронологического соотношения предкатакомбных и раннекатакомбных материалов на разных территориях, сохраняется, и разрешать ее только по керамическим материалам, даже по их стилистическим особенностям, вряд ли правомерно. Такие признаки могут довольно причудливо изменяться в пространственно-временных координатах.

Стоит особо отметить и проблему разнонаправленности развития отдельных составляющих более раннего «блока культур с повозками» и сменяющих их раннекатакомбных образований. Почему чрезвычайно схожие с новотиторовцами буджакцы игнорировали катакомбный путь? Почему на всей территории катакомбной общности формируются локальные культуры развитого ее этапа, а «на родине», в Приазовье, продолжается развитие приазовской культуры, тогда как более заметный рубеж отделяет ее поздние памятники от батуриных?

2) **Предкавказская.** За последние полвека претерпела, пожалуй, наибольшие трансформации. В настоящий момент на ее месте выделена группа самостоятельных культур со скорченным обрядом погребений: **западноманычская,**

восточноманычская и несколько более поздняя по отношению к ним **батури́нская** (наиболее отчетливая в Прикубанье, но имеющая соответствия и на остальных территориях Предкавказья). Заметный контраст им представляют культурные группы с обрядом вытянутых погребений: весьма архаичная «степная» **северокавказская катакомбная** (основное ядро которой занимает территории Калмыкии и северных районов Ставрополя) и хронологически более поздняя «предгорная», наиболее ярким проявлением которой является **верхнекубанская** группа. Интерес представляют как критерии, положенные в основу различения, так и смысловая сторона их группировки. При значительном сходстве в погребальных конструкциях и материальном комплексе западно- и восточноманычская предельно четко разделяются по обряду (скорченные захоронения, правобочные с преобладанием северных и западных ориентировок в первом случае и левобочные с южными и восточными ориентировками – во втором). Реальность их обособления/противопоставления подчеркивается примером со специфической группой левобочных погребений из района Азова, представляющей собой специфический восточноманычский анклав внутри западноманычского ареала. И наоборот: заметные отличия в конструкции катакомб и в материальном наборе при очевидной разновременности северокавказских катакомбников Центрального Предкавказья, с одной стороны, и Закубанья – Верхней Кубани – с другой, не противоречат их отнесению к разным стадиям развития одного и того же массива населения, практиковавшего обряд вытянутых труположений.

3) **Донецкая**. Вопрос о формировании этой яркой и самобытной культуры, занимающей в территориальном отношении центральное место в катакомбном ареале, до выделения преддонецкого типа или пласта практически приравнивался к проблеме формирования всей катакомбной общности; так он был обозначен еще В. А. Городцовым, так рассматривался в работах Л. С. Клейна. С учетом новых данных он очевидно должен быть переориентирован на выяснение, почему из преддонецкой основы, в общем-то единой, берут начало такие заметно отличающиеся и принципиально отказывающиеся смешиваться между собой культурные образования, как донецкая и западноманычская культуры. Не меньший интерес представляют и такие темы, как время и причины распространения не характерных для преддонецкой культуры новых типов погребальных сооружений (так называемых Н-катакомб), северные границы донецкой культуры и роль ее в формировании лесостепных групп, характер смешанных позднедонецких или бахмутских групп, культурный набор которых достаточно своеобразен и вряд ли может объясняться только донецкими или манычскими прототипами.

4) **Среднедонская**. На протяжении долгого времени основное внимание исследователей привлекали вопросы относительной хронологии и периодизации. Только недавно предпринята совершенно справедливая попытка выделения локальных вариантов – право- и левобережного (*Березуцкая*, 2003), которые в перспективе могут обрести статус самостоятельных культур. Для правобережной вполне может быть сохранен старый термин – харьковско-воронежская, поскольку ей свойственна ориентация на западную и юго-западную лесостепь; основное направление связей левобережной – юго-восточные степные районы, причем границы с доно-волжской культурой выглядят пока достаточно проблематично.

5) **Дона-волжская.** Не общепризнанная; по сути, находится в стадии выделения и обособления от прочих. Начало этому процессу было положено еще работами В. И. Мельника, выделившего «чистые» катакомбные комплексы из достаточно аморфного круга полтавкинских памятников Поволжья. Спорными остаются вопросы не только ее разграничения со среднедонской левобережной, но и западных ее пределов, где отмечается размытость характеристик комплексов с елочной (елочно-гребенчатой) орнаментацией, особенно по направлению к Нижнему Дону и Донцу.

6) **Ингульская.** Определение хронологической позиции и места ее в системе катакомбной общности выглядит пока достаточно противоречивым. С одной стороны, большинство исследователей склонно относить ее к числу позднекатакомбных образований. Вместе с тем существуют и не лишённые резонанса заключения о тесных связях, даже симбиозе, с поздними ямниками и донецкими катакомбниками. Вероятный архаизм погребального обряда, свойственного ингульской культуре и отличающего ее от других катакомбных групп Северного Причерноморья (вытянутые труположения), свидетельствует скорее в пользу второй точки зрения. Кроме того, при отчетливых параллелях с культурными группами, практиковавшими такие же вытянутые захоронения в Предкавказье (сопровождаемых определенными элементами сходства антропологического типа в обоих ареалах; впрочем, эти данные также пока немногочисленны), больше точек соприкосновения находится не с верхнекубанской группой или северокавказскими степными катакомбниками, а с хронологически им предшествующей собственно северокавказской культурой (в формах керамики, в пристрастии к топорам). Представляется, что разрешение этого противоречия возможно прежде всего через разработку вопросов о хронологической неоднородности и локальной вариативности такого обширного образования, каким является ингульская культура.

Новая хронология. Принципиальное значение для решения вопросов о структуре катакомбной общности, а также о взаимоотношениях входящих в нее образований между собой и с другими синхронными культурами имеет решительный переход от традиционной хронологии к системе калиброванных радиоуглеродных дат. Работы старше 5–7 лет с их определениями («к первой половине XVII в.; не позднее рубежа XIX–XVIII вв.») воспринимаются ныне как глубокий анахронизм.

При этом следует отметить неравномерную обеспеченность датами разных культур общности и почти полное их отсутствие для некоторых. Среди последних – батуриная культура и верхнекубанская группа Предкавказья; определения для ингульской начали поступать лишь в самое последнее время (Kaiser, 2003). Крайне ограничены пока данные и по среднедонской. Первая дата, полученная для погребения 47/4 Павловского могильника на Левобережье (4130 ± 40 ВР, или 2873–2615 BC cal) была отвергнута как чрезмерно удревненная (Синюк, 1983). Вторая, полученная для погребения правобережного варианта (могильник Репная Балка, 1/5), определена как 4030 ± 70 ВР, или 2615–2463 BC cal (ИГАН-2449). Обе они соответствуют диапазону дат памятников среднего и позднего этапов развития общности с других территорий, что

не подтверждает распространенного мнения об особо поздней хронологической позиции среднедонской культуры в целом².

Новые открытия и разработки. Среди наиболее важных для изучения катакомбной общности, особенно позднейших ее фаций, следует признать плодотворную разработку в последние годы тематики посткатакомбных культур и синхронных им образований. Обобщение данных по бабинской культуре и уточнение ее состава и структуры (отраженное наиболее полно в серии работ Р. А. Литвиненко; см.: *Литвиненко*, 2009), выделение лолинской культуры и криволукской группы (*Мимоход*, 2005) не только очертили целый блок, сформировавшийся на месте и при участии предшествующего катакомбного, но и способствовали заметному продвижению в понимании потаповско-синташтинского этнокультурного феномена и проблем становления культур эпохи поздней бронзы. Примечательно, что сами исследователи потаповско-синташтинских древностей, говоря об их истоках, неизменно отсылают нас к позднейшим и особенно катакомбным группам Поволжья – Подонья, однако детальные сопоставления, позволяющие определить и локализовать прототипы тех или иных признаков данного культурного комплекса, пока не проведены.

В заключение, говоря о современном состоянии исследований катакомбной культурно-исторической общности, упомянем еще два момента. Первый связан с наблюдающимся на протяжении последних 10–15 лет и охватившим практически все сферы и разделы археологической науки распространением новых естественнонаучных и аналитических методов, можно даже сказать – с повальным увлечением ими. Положительная сторона такой ситуации сомнений не вызывает, поскольку развитие междисциплинарных направлений способствует получению новых блоков информации для решения старых и постановки принципиально новых проблем. Однако на фоне заметных успехов по ряду вопросов (взаимодействия древних обществ и природной среды, палеоэкономики, истории производств, палеодемографии, а также хронологии, которая при всей своей важности остается все-таки вспомогательной дисциплиной) наблюдается и очевидное снижение интереса к традиционным направлениям – типологии и систематике, без которых анализ археологических источников, полноценная интерпретация их и выход на уровень исторических обобщений представляются мне невозможными.

А ведь здесь насущно необходимы многие разработки. Назову для примера типологию погребальных сооружений-катакомб (практически застывшую на вариациях плана сооружений – так называемых Т-, У- или Н-видных катакомбах – и не касающуюся множества иных красноречивых признаков), а также типологию поз погребенных (аналогичным образом ограничивающуюся «скачущими всадниками», «адорантами» и «пакетами»). Отмечаю именно эти две позиции не только потому, что они служат важнейшими критериями для выде-

² В дальнейшем близкие, хотя и несколько более поздние, даты были получены для комплексов могильника Паницкое VI в Саратовской области, тяготеющих к «левобережной» разновидности среднедонских катакомбных памятников (*Мимоход*, 2009. С. 36, 37, 43).

ления разных культур и культурных групп внутри общности, но и потому, что их изменчивость имеет, как кажется, свою логику, понимание которой важно и для реконструкции идеологических представлений разных групп катакомбного населения, и для уточнения характера их связей (генетических в том числе) между собой или с другими синхронными и асинхронными общностями.

Второй условно «неблагополучный» участок – рассмотрение катакомбного блока на более широком фоне, соотнесение его с ближними и дальними соседями. Выше уже отмечалась проблемная ситуация, касающаяся вклада катакомбной общности в формирование синташтинского феномена. Не меньше вопросов, и в частности в свете перехода на систему калиброванных дат, вызывает южное направление, рассматривавшееся ранее с диаметрально противоположных позиций: либо как источник импульса, не то предопределившего, не то отметившего своим влиянием формирование катакомбной общности, либо как вероятный маршрут продвижения отдельных групп уже сложившейся катакомбной культуры или даже тотального исхода ее носителей (при условии отождествления их с индоариями, что предлагается в серии работ Л. С. Клейна).

Что же касается запада и северо-запада, то здесь первоочередным выступает старый вопрос о связях или отношениях культур катакомбной общности с близким по своим масштабам блоком культур шнуровой керамики. Признание определенных параллелей в материальном комплексе и обрядовых формах у тех и других никоим образом не отражается на возобладавших в отечественной и европейской науке представлениях, согласно которым и восточнобалтийские, и восточноевропейские культуры рассматриваются прежде всего как дериваты центральноевропейских (последний пример см.: *Зальцман*, 2009). При этом забывается, что и в тех и в других в разных сочетаниях присутствуют и проявляются черты южноевропейских степных скотоводческих образований, среди которых уже сейчас могут быть распознаны связанные с ямной (древнеямной) общностью, синхронным, но не тождественным ей блоком «культур захоронений с повозками», наконец собственно катакомбные. Систематизация этих параллелей и определение, пусть гипотетическое, стоящих за ними исторических реалий – одна из насущных задач изучения европейского бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Зальцман Э. Б.*, 2009. Поселения культуры шнуровой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кондрашов А. В., Тарабанов В. А.*, 1986. Отчет о раскопках 2-х курганов в станице Новокорсунской Тимашевского района Краснодарского края в 1985 г. // Архив Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. Д. 442.
- Литвиненко Р. А.*, 2009. Культурный круг Бабино (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев.
- Мимоход Р. А.*, 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.

- Мимоход Р. А.*, 2009. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М.
- Синюк А. Т.*, 1983. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж.
- Смирнов А. С.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165.
- Kaiser E.*, 2003. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archäologie in Eurasien. Bd. 14.

В. И. Мельник

ПРОБЛЕМА УРОВНЕЙ ОБЩНОСТИ КАТАКОМБНОГО КУЛЬТУРНОГО КРУГА

V. I. Melnik. The Catacomb cultural circle: Problem of the unity structure

Abstract. The author presents a review of the views on the determination of Catacomb archaeological sites starting from their discovery by V. A. Gorodtsov till present, with special attention paid to the evolution of terminology reflecting the ideas on the nature of this unity: a single culture, a set of synchronous local variants, separate Catacomb cultures, Catacomb cultural and historical unity formed of several groups, Catacomb cultural circle. The present situation is considered as a crisis related to the variability of criteria used for determination of status of certain groups.

Ключевые слова: катакомбные памятники, терминология, таксономия, археологическая культура, культурно-историческая общность, культурный вариант, культурное взаимодействие.

Начиная с исследований В. А. Городцова, определившего группу погребений эпохи бронзы как представительницу катакомбной культуры, существует проблема отнесения тех или иных памятников по мере накопления материала к данному или другому культурному образованию. В основу выделения культуры были положены особенности погребального сооружения по сравнению со стратиграфически предшествующими сооружениями (ямными) и последующими (срубными), что и дало название – донецкая катакомбная культура. Наличие специфического инвентаря и различная позиция погребенных, сочетающиеся с названными сооружениями, укрепляли своеобразие выделяемых групп. Таким образом, В. А. Городцов реализовал идею выделения археологической культуры, носителем которой, по его мнению, был некий народ (*Городцов*, 1905).

В 1930-е гг. отечественная историческая наука оказалась во власти так называемого социологического подхода и стадийной теории, и понятие археологической культуры практически исчезло из оборота.

Через два десятилетия статус понятия был восстановлен, а вскоре вышла книга Т. Б. Поповой «Культура катакомбных племен». Катакомбная культура здесь уже предстала разделенной на локальные варианты. Они были следующими: нижнеднепровский, среднеднепровский, донецкий, харьковско-воронежский, североприазовский, волго-маньчский. Пять вариантов представлялись одновременными и потому характеризовались как территориальные, один – среднеднепровский – как хронологический, позднекатакомбный (Попова, 1955). Накопление материала шло быстрыми темпами, и появлялись другие наименования вариантов катакомбной культуры. Вместо волго-маньчского варианта предлагался вариант предкавказский, включающий памятники предгорий Северного Кавказа (*Иерусалимская*, 1958). В Нижнем Поднепровье после раскопок Никопольского курганного поля выделился новый, никопольский вариант катакомбной культуры (*Кривцова-Гракова*, 1962).

Анализ катакомбных групп памятников, проведенный Л. С. Клейном, привел его к выводу о том, что выделяемые варианты должны иметь статус культуры. Такими были признаны донецкая катакомбная культура, приазовская катакомбная культура, никопольская катакомбная культура, среднедонская катакомбная культура, предкавказская катакомбная культура и, предположительно, полтавкинская культура, составляющие круг катакомбных культур, в котором три первые культуры образуют украинскую катакомбную провинцию (*Клейн*, 1968; 1970).

Трактовка катакомбных памятников на территории Украины, представленная О. Г. Шапошниковой к этому времени, также выглядела по-иному. Общее понятие катакомбной культуры заменялось понятием катакомбной культурно-исторической (культурной) области, которая разделялась на группы: донецкую, харьковско-воронежскую, приазовско-крымскую, степную приднепровскую, а также среднеднепровскую и волго-маньчскую (*Шапошникова*, 1969; 1971).

Выход целого ряда работ по катакомбной проблематике, связанной со своеобразием групп (*Братченко*, 1976; *Нечитайло*, 1978; *Матвеев*, 1982; *Трифонов*, 1983), выделение ингульской катакомбной культуры (*Шапошникова*, *Бочкарев*, *Шарафутдинова*, 1977), приазовской (раннекатакомбной) культуры (*Николаева*, *Сафронов*, 1979; 1981), отделение от полтавкинской культуры памятников собственно катакомбных (*Мельник*, 1979) – все это создало новую ситуацию в понимании соотношения катакомбных групп памятников. Нами был проведен специальный анализ, учитывающий своеобразие катакомбных групп. Они были представлены в следующем виде: северо-западнопричерноморская, донецкая, среднедонская, поволжская, предкавказская (маньчская), северокавказская (катакомбная). В итоге выяснилось, что все они принадлежат к катакомбному культурному кругу. Донецкая, среднедонская, предкавказская и поволжская (доно-волжская) группы образуют катакомбную общность, где донецкая и доно-волжская группы были представлены в виде донецко-волжской провинции. Все группы претендовали на статус культуры, за исключением доно-волжской, которая в силу характера связей определялась как вариант катакомбной общности, наряду с названными культурами (*Мельник*, 1986; 1987; 1989).

В новом обобщающем труде по археологии Украины, изданном в 1985 г., катакомбное образование обозначалось как культурно-историческая общность, состоящая из культур харьковско-воронежской, донецкой, днепро-азовской, ингульской, предкавказской, или маньчской, и полтавтинской (*Братченко, Шапошникова*, 1985). Таковым был культурно-таксономический подход, применяемый по отношению к катакомбным памятникам в 1960–1980-х гг.

В последующее время были опубликованы результаты крупных исследований, посвященных различным катакомбным группам (*Державин*, 1991; *Синюк*, 1996; *Смирнов*, 1997; *Кияшко*, 1999) и сопредельным культурам, важным для изучения катакомбной проблематики (*Гей*, 2000). Начало XXI в. ознаменовалось трудами по отдельным катакомбным регионам (*Братченко*, 2001; *Санжаров*, 2001; *Кияшко*, 2002; *Березуцкая*, 2003; *Тоцев*, 2007; *Шишлина*, 2007; *Андреева*, 2008). Разработки предшествующего времени в принципе сохранили свои позиции. Проблема общей картины соотношения катакомбных групп памятников в этот отрезок времени практически не рассматривалась.

Своеобразный подход к рассматриваемому нами вопросу был предложен А. В. Кияшко. Вполне оправданному приему интерпретировать археологический материал с опорой на понятия эпохальный, региональный и локальный типы культуры (по В. М. Массону) А. В. Кияшко противопоставил на самом деле археологическую модель: культурная общность – культура – локальный вариант, объявляя ее, по сути дела, мало приемлемой (*Кияшко*, 2002).

Рассмотренный случай весьма знаменателен, и он, видимо, свидетельствует о кризисе жанра. Этому можно видеть две причины. Первая связана не столько с трудностью выделения той или иной культурной группы, сколько с определением ее статуса. Основная проблема – выбор критерия. Он никем не определен и неизвестен. Попытки универсальной количественной регламентации не имели успеха, как, впрочем, и многие классификации с претензией на универсальность. Ясно, что универсального критерия не существует. Многих также смущала жесткость соподчинения групп. Все это породило скепсис в отношении таксономических конструкций (см., напр.: *Клейн*, 1991).

Вторая причина, на наш взгляд, кроется в практическом использовании различных таксономических уровней, особенно специалистами по другим регионам и эпохам. Им чаще всего неизвестны тонкости выделения тех или иных группировок, а еще хуже положение, когда существует разноречивость в их понимании. Что и как в этом случае выбирать? До проверки обоснованности выделения той или иной группы дело, как правило, и не доходит, поскольку требуется вхождение в малоизвестный, иногда обширный материал. В этом случае выбирается то, что проще и привычнее. Эта же логика нередко присутствует и при выделении культурных групп, которые обычно именуются культурой именно для простоты использования, без выяснения связей и отношений с окружающими культурными образованиями.

Сложившаяся проблемная ситуация требует разрешения. Может быть, стоит вообще отказаться от выяснения уровней культурной общности? Нужно ли этим заниматься? С нашей точки зрения, нужно, потому что в противном случае теряется возможность поиска не только своеобразия, но и степени близости культурных образований, за которыми могут стоять исторические, экологические,

демографические, социологические, социально-психологические, этнические и иные явления. В исследовательской практике в разных случаях специалисты могут обходиться без использования культурно-таксономических понятий, однако это не значит, что данные понятия должны быть упразднены. По большому счету, эти понятия играют особую ориентационную роль в практически безбрежном море человеческой культуры, отражая некие ее связи и взаимодействия. Не следует только делать из них культа, превращать их в догму; при этом, не должно быть и совершенно произвольной их трактовки. Более того, открыто поле для введения новых понятий, способствующих извлечению информации из археологических источников. Целесообразность использования нововведений нуждается в обсуждении.

Сложившаяся культурно-таксономическая терминология, тем не менее, продолжает использоваться, и есть опыт ее обоснования применительно к катакомбным культурным образованиям (Клейн, 1970; Мельник, 1987). Характер предлагаемых критериев не претендует на универсальность, но он опирается на уже полученные знания о культуре и обществе древнего населения, обитавшего на изучаемом пространстве, и на археологические материалы. Именно наличие некоторого знания о древнем обществе позволяет как-то ориентироваться в выборе археологических критериев, не доводя их до абсурда. В процедуре разграничения таксономических уровней могут быть использованы так называемые эвидентные (очевидные) типы. Более строгий подход нуждается в статистических выкладках.

В отношении практики использования обозначений различных культурных групп при отсутствии необходимости указания их статуса также имеется некоторый опыт. Понятие катакомбной культуры (в единственном числе) нередко используется в контексте освещения вопросов, относящихся к нескольким катакомбным культурам. Тем же понятием обозначаются катакомбные образования тех или иных регионов, скажем катакомбная культура Нижнего Подонья. В этих случаях нет надобности кивать на статус культурных групп.

Кроме всего прочего, есть проблема идентификации отдельных археологических памятников, которые по имеющимся признакам могут не соотноситься с отдельной культурой, но при этом вполне вписываться в культурное образование более высокого уровня. Такая же ситуация наблюдается при культурной идентификации фрагментированных и плохо сохранившихся объектов.

В катакомбной тематике почти не затронутыми теоретически оказались вопросы динамики. Как известно, археологические культурные общности отражают общность материалов не только одновременных, но и разновременных, к тому же отражающих и динамические процессы. Л. С. Клейном предложены термины, фиксирующие временные изменения и пространственные перемещения применительно к археологической интерпретации: котрадиция, траверсы, колонная и трассовая секвенции (Клейн, 1991). Не во всех, однако, культурных образованиях возможна детальная проработка динамики. Процесс развития культуры может быть зафиксирован другим образом. Например, полтавкинская культура своим происхождением тесно связана с культурой ямной. Учитывая огромную территорию ямного культурного образования и значительно более скромную территорию, занимаемую полтавкинской культурой, мы предложили обозначить ее статус как культуры-деривата, вкуче с ямной составляющей осо-

бую культурно-генетическую общность (Мельник, 1987). Введение такого рода понятий ведет к более историчному представлению культур.

Культурное взаимодействие и синкретизм по отношению к катакомбным образованиям представлен довольно широким спектром. Здесь и ямно-катакомбное, и северокавказско-катакомбное, и полтавкинско-катакомбное сочетания. Механизм этих сочетаний пока остается не вполне ясным. То же можно сказать и о катакомбных реминисценциях после ухода с исторической арены весьма яркого катакомбного культурного образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В.*, 2008. Восточноманычская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). М.
- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж.
- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.*, 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.
- Городцов В. А.*, 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. М. Т. 1.
- Державин В. Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Иерусалимская А. А.*, 1958. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья: Предкавказский вариант катакомбной культуры. Л.
- Кияшко А. В.*, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко А. В.*, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кияшко А. В.*, 2003. Культурно-исторический процесс в эпоху средней бронзы на территории Нижнего Поволжья (по материалам погребальных памятников). СПб.
- Клейн Л. С.*, 1968. Происхождение донецкой катакомбной культуры. Л.
- Клейн Л. С.*, 1970. Катакомбная культура или культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
- Клейн Л. С.*, 1991. Археологическая типология. Л.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1962. Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. (МИА. № 115.)
- Матвеев Ю. П.*, 1982. История населения среднедонской катакомбной культуры. М.
- Мельник В. И.*, 1979. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Мельник В. И.*, 1986. Локальные культуры и проблема соотношения катакомбных групп памятников // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. М.
- Мельник В. И.*, 1987. О культурно-таксономическом соотношении катакомбных групп памятников // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М.
- Мельник В. И.*, 1989. Восточная периферия катакомбной общности // Археология восточноевропейской степи: Тез. докл. I Рыковских чтений. Саратов.
- Нечитайло А. Л.*, 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1979. Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк.
- Николаева Н. А., Сафронов В. А.*, 1981. Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе.

- Попова Т. Б., 1955. Племена катакомбной культуры. М.
- Санжаров С. Н., 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Смирнов А. М., 1997. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Тоцев Г. Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. Запорожье.
- Трифонов В. А., 1983. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика). Л.
- Шапошникова О. Г., 1969. Катакомбная культурно-историческая область // *Origini. Roma. III.*
- Шапошникова О. Г., 1971. Катакомбна культурна область // *Археологія Української РСР. Київ. Т. 1.*
- Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Т., 1977. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // *Древности Поингуля. Киев.*
- Шишлина Н. И., 2007. Северо-западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тысячелетия до н. э.). М.

Э. Кайзер

ПРОБЛЕМЫ АБСОЛЮТНОГО ДАТИРОВАНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

*E. Kaiser. The problems of absolute dating of Catacomb culture
in the North Pontic zone*

Abstract. The paper discusses the results of application of scientific methods in constructing absolute chronology of the Bronze Age cultures in the East European steppes. Parallel to the increase of number of radiocarbon dates from the Catacomb sites, new complications have arisen. These are related mostly to the methodic approaches specialists use. On the example of Catacomb culture of the North Pontic zone the author shows importance of critical assessment and dates crosschecking. According to the material and association context they are obtained from, the dates are divided into two quality classes. Statistical processing of dates allows obtaining more precise chronology. Thus, it is shown that the early Catacomb culture at least for certain period of time (ca. 2800–2500 BC) coexisted with Pit-grave culture. Methodically, samples should be taken from materials with short lifetime and from several burials of single kurgan forming a stratigraphic sequence. In general, it is necessary to improve quality of publications. Thus it will become possible to construct a reliable chronology of the Bronze Age steppe cultures.

Ключевые слова: хронология, бронзовый век, абсолютное датирование, радиоуглеродный метод, катакомбная культура, ямная культура, Северное Причерноморье, статистический анализ, метод отбора проб.

В прошедшем десятилетии было приложено много усилий к тому, чтобы при помощи естественнонаучных методов получить абсолютные даты для

¹ Мне хочется искренне поблагодарить д-ра М. Кашубе (Кишинев) за помощь в переводе рукописи.

культур эпохи бронзы степей Восточной Европы. В самом деле, общее число ^{14}C дат, например для катакомбной культуры, сильно возросло, что усиливало ожидания в получении уточненной абсолютной датировки этой культуры. К сожалению, имеющиеся к настоящему времени даты скорее привели к замешательству, чем способствовали размещению культур на абсолютной шкале.

Причины такого замешательства различны: часто исследователи выбирают суммарную оценку из многих дат (ср. *Черных, Орловская, 2004*), или даты отдельных комплексов растягиваются в подтверждение неких общих, большей частью субъективных, гипотез; большое количество дат явно опубликовано не полностью, достаточно часто не введены в научный оборот и сами комплексы, откуда были взяты эти даты.

В дальнейшем я остановлюсь исключительно на датах катакомбной культуры Северного Причерноморья – между Северским Донцом и Карпатами. Только для этого региона мною было собрано 127 дат. Такая масса данных должна была бы, собственно, являться вполне достаточной, чтобы определить абсолютные хронологические рамки всей ККИО и также датировать ее разделение на этапы в отдельно взятых регионах. В отличие от предыдущих исследований, надежно и обоснованно мною были выделены в Нижнем Поднепровье только два хронологических этапа: ранние катакомбы с Т-образной конструкцией и скорченным положением погребенных и поздние катакомбы с погребенными в вытянутом положении на спине (последние могут быть охарактеризованы как ингульская культура). На Нижнем Дону и Северском Донце ситуация иная – здесь выделяются три хронологических этапа (*Братченко, 1976; Смирнов, 1996*). Для найденных там катакомб до сих пор имеется небольшое количество абсолютных дат, особенно по сравнению с Нижним Поднепровьем и Северным Приазовьем, однако так или иначе связанные с этими датами проблемы в своей основе такие же, как и для остальных регионов.

Критическая перепроверка имеющихся ^{14}C дат

Прежде всего, сам материал для проб, проанализированные комплексы (контексты) и сами даты должны самостоятельно подвергаться критической перепроверке. Однако анализ опубликованных дат показывает, что только за редким исключением они представлены таким образом, что могут соответствовать международным стандартам (ср. *Telegin et al., 2003*). В большинстве случаев указываются только погребение, лабораторный номер, материал, из которого была взята проба, а также даты BP и cal BC, при этом отсутствуют содержание ^{13}C и другая информация. Исключение составляют (к сожалению, не имеющие важного значения для рассматриваемого здесь региона) даты из Северо-Западного Прикаспия, для которых в новейшей публикации ^{14}C -лабораторией представлена самая полная информация (*Plicht et al., 2006*). Только при соблюдении таких требований специалист получает реальную возможность критически оценить представленные датировки.

Перед специалистами-археологами, которые привлекают даты для дальнейшего анализа при помощи калибровочных программ, встают, однако, совсем другие, не менее сложные, проблемы. Х. Т. Ватерболк первым предложил параметры критической перепроверки материалов для проб, опробованных комплексов (контекстов) и полученных ^{14}C дат (*Waterbolk*, 1983). Им, а впоследствии и другими авторами (ср. *Czebreszuk, Szmyt*, 1998) были предложены разные параметры, по которым можно оценивать качество образцов.

Что касается *проб из катакомбных погребений Северного Причерноморья*, то их можно разделить на два класса качества:

I – образцы, взятые из костей (или других материалов с коротким сроком жизни/существования);

II – образцы, взятые из дерева (или других материалов с длинным сроком жизни/существования).

Т. к. все пробы для анализов ^{14}C были взяты из погребальных памятников, то внутри двух выделенных классов можно предложить следующую градацию для качества проб:

A – имеется полная информация о погребении и его стратиграфической позиции в кургане;

B – имеется информация только о погребении, но отсутствуют данные о его стратиграфической позиции в кургане;

C – погребение не опубликовано.

Распределение датировок по классам (n = 127)

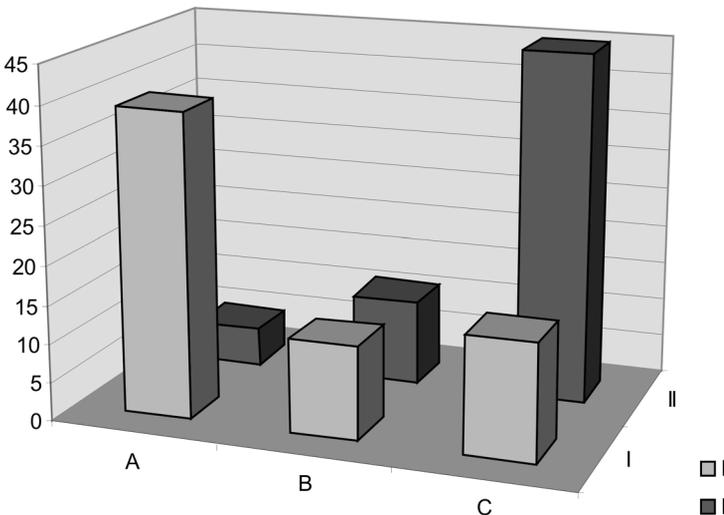

Рис. 1. Классы качества проб радиоуглеродных дат для катакомбных погребений Северного Причерноморья

Как показывает график (рис. 1), почти треть датированных комплексов может быть причислена к классу IA, но при этом немалое количество комплексов относится к классу IC. Строго говоря, даты, происходящие из до сих пор не опубликованных комплексов, должны бы быть изъяты из обсуждения вплоть до их публикации, т. к. невозможна сама перепроверка их контекстов, которая является обязательной для оценки и анализа этих дат. В последующем можно также увидеть, что мы все же вновь и вновь вынуждены обращаться к датам из неопубликованных комплексов, т. к. их доля слишком велика, чтобы ее просто игнорировать.

Экспериментально каждая суммарная калибровка (функция «Summarize» программы OxCal) первоначально была разделена на 6 классов качества. При этом для всех опубликованных катакомб, пробы из которых были с коротким сроком жизни, получился сравнительно узкий временной промежуток – 2430–2030 cal BC (с вероятностью 68,2%) или 2850–1850 cal BC (с вероятностью 95,4%). Даты класса IB рассеиваются уже значительно шире (2600–2000 cal BC с вероятностью 68,2%), а даты класса IC дают слишком широкие временные рамки (3100–1900 cal BC с вероятностью 68,2%), которые конкретной систематизации культуры мало чем могут помочь. Даты, полученные из дерева как долгоживущего материала, напротив, не показывают практически никакой разницы в отношении критерия полноты публикации соответствующего контекста: IA – 2900–2450 cal BC, как и IC – 2900–2200 cal BC (в обоих случаях с вероятностью 68,2%). Верхняя граница существования катакомбной культуры получается по пробам из дерева отчетливо древнее, чем по пробам из материалов с коротким сроком жизни. Однако в этом случае может присутствовать эффект использования старой древесины. Тем не менее последующая обработка показывает, что широкое рассеивание дат археологически более или менее синхронных комплексов и связанная с этим их временная систематизация оказались лишь в незначительной степени зависимы от качества самих проб.

В прямой связи нередко с очень широкими временными отрезками находится, напротив, плоская область калибровочной кривой для III тыс. до н. э. (рис. 2). Крутые части кривой попадают в этом промежутке времени только между 2920–2860 cal BC и 2480–2460 cal BC (Furholt, 2003. Abb. 1). Если дата попадает за пределы одного из этих отрезков – и вероятность при этом очень высока, – то получаются только при самой калибровке из-за плоского участка калибровочной кривой действительно широкие временные интервалы более чем в 100 лет. Эти временные отрезки расширяются еще больше из-за распространенных ошибок для дат высокой точности в Северном Причерноморье. Так, только 6% дат для катакомбной культуры имеют стандартное отклонение менее 35 лет. Стандартное отклонение у четверти дат колеблется от 36 до 50 лет, почти для половины дат отклонение составляет более 66 лет (рис. 3). Если же ^{14}C даты даже с незначительным стандартным отклонением в 23 или 25 лет, как это видно на примере Тарасовой Могилы (рис. 4), попадают в плоскую область калибровочной кривой, то они дают в итоге интервалы в 200 и более лет, в течение которых могли быть сооружены захоронения.

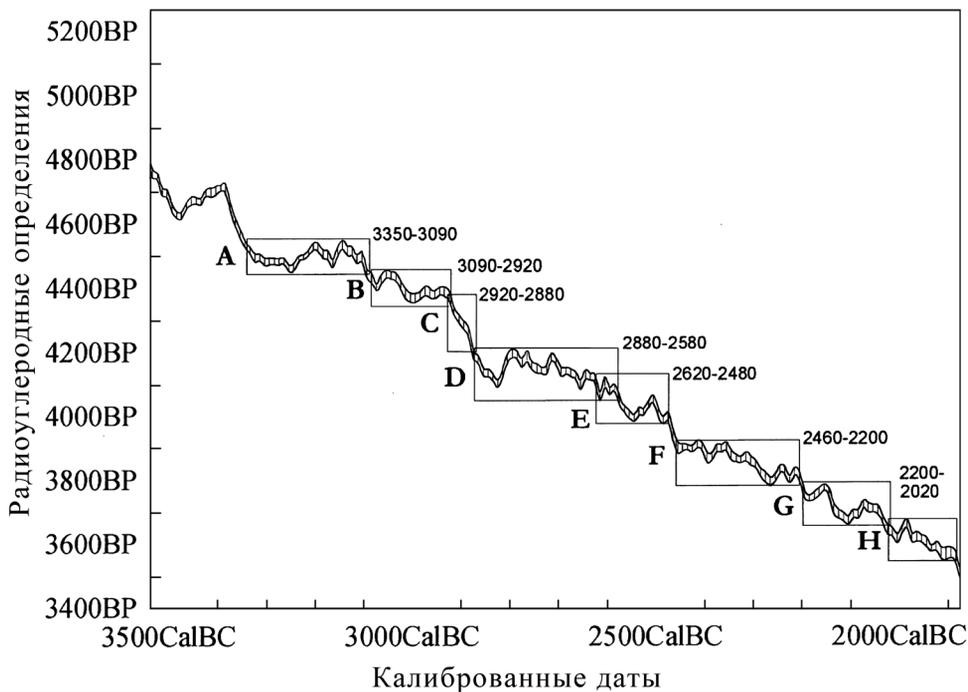

Рис. 2. Плоская и крутые области калибровочной кривой для III тыс. до н. э. (по: Furholt, 2003)

Распределение стандартных отклонений

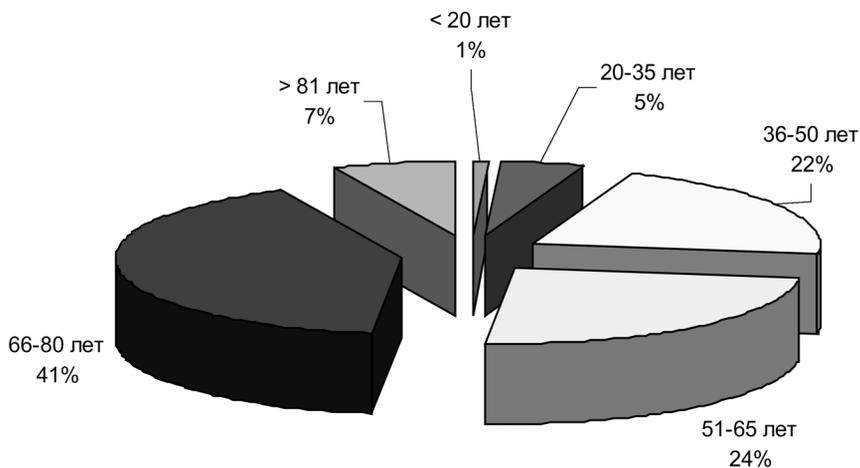

Рис. 3. Стандартные отклонения радиоуглеродных дат для катакомбных погребений Северного Причерноморья

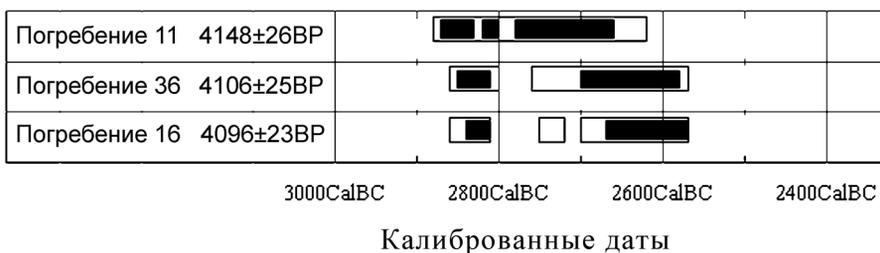

Рис. 4. Распределение ранних погребений катакомбной культуры и катакомб ингульской культуры из курганных групп возле г. Орджоникидзе согласно калиброванным временным интервалам

Абсолютная датировка ранней катакомбной культуры в Северном Причерноморье

Прежние разработки охватывали все датированные комплексы в рассматриваемом регионе без критического отбора, к какому этапу катакомбной культуры эти даты относятся. Для дальнейших исследований необходимо отделить ранний этап катакомбной культуры от позднего. Как было уже отмечено, в Северо-Западном Причерноморье, Побужье, Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье мною были выделены два этапа в развитии катакомбной культуры – ранний и поздний.

Как известно, ведется довольно большая дискуссия не только по поводу хронологии культуры, но и относительно культурно-исторической интерпретации ранних катакомбных захоронений. Так, украинские коллеги уже давно обсуждают вопрос о принадлежности ранних катакомбных погребений к ямной культуре (т. н. ямно-катакомбные погребения).

Казалось бы, в этой дискуссии могли кое-что прояснить ¹⁴C даты из погребений *курганных групп возле г. Орджоникидзе* (Днепропетровская область Украины), откуда была получена сравнительно большая их серия. Т. к. там наряду с катакомбами ингульской культуры (соответственно, поздний этап) с вытянутыми на спине погребенными были обнаружены также захоронения раннего этапа со скорченным положением скелетов, то ожидалось, что относительная хронология этих катакомб могла бы подтвердиться абсолютными естественнонаучными датами (Kaiser, 1999; 2003; Nikolova, 1999). Однако составленная таблица (рис. 5) показывает, что даты ранних и поздних катакомб из курганных групп возле г. Орджоникидзе перекрывают друг друга и не отражают предполагаемой последовательности. Хотя две ранние катакомбы (погребение 28 кургана 3 группы Черная Могила и погребение 12 кургана 11 группы Круглая Могила) относятся к древнейшему горизонту (2450–2200 cal BC) представленных датированных комплексов, однако для погребения 13 кургана 8 группы Круглая Могила (катакомба раннего этапа) была получена омоложенная ¹⁴C дата, и, согласно ей, оно синхронно захоронениям ингульской культуры. Из того же кургана 8 было

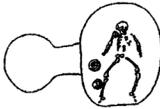
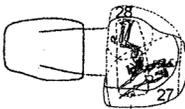
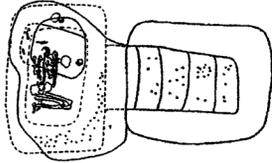
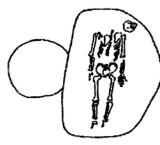
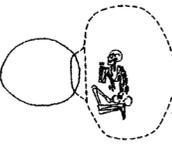
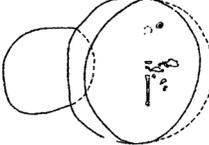
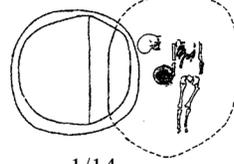
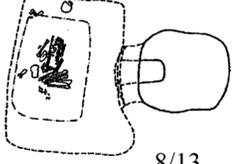
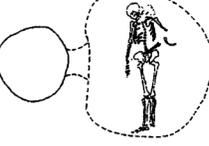
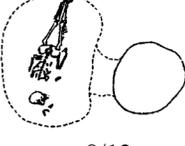
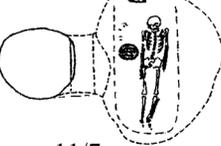
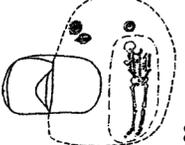
ХРОНОЛОГИЯ	ГРУППА ЧКАЛОВО	ГРУППА ЧЕРНАЯ МОГИЛА	ГРУППА КРУГЛАЯ МОГИЛА
2450-2200 cal BC			
	7/8	k3	11/12
2300-2000 cal BC			
	1/20	3/17	1/15
			
		1/14	8/13
2200-1950 cal BC			
	1/7		8/12
			
	11/7		8/5

Рис. 5. Калибровка радиоуглеродных дат из кургана Тарасова Могила, Запорожская область

датировано погребение 12, несомненно относящееся к ингульской культуре, которое, в свою очередь, бесспорно моложе погребения 13. Так что относительно-хронологическая последовательность все же подтверждается. Тем не менее все даты в целом для ранней катакомбной культуры выглядят слишком омоложенными, как и отдельные – для ингульской культуры.

Недавно опубликованы другие новые даты для ранней катакомбной культуры. Курган *Тарасова Могила* был исследован в 1992 г. на восточной окраине г. Орехов Запорожской области (*Govedarica et al.*, 2006). Среди 36 погребений эпохи энеолита – бронзы 15 относятся к ямной культуре и 8 – к катакомбной. Последовательность погребений в кургане исследована частично. В период ямной культуры были также сооружены насыпи II и III. Собственно, насыпь III была последней, которая окончательно сформировала курган. Для ямного погребения 11, впущенного в уже существующую насыпь III, была получена радиоуглеродная дата, согласно которой оно датируется 2880–2620 ВС (рис. 5).

По инвентарю и другим элементам обряда три катакомбы (погребения 7, 16 и 36) относятся к раннему этапу катакомбной культуры, а другие (10, 28 и 31) – к ее развитому этапу, т. е. к ингульской культуре. По погребальным конструкциям кенотаф 15 и частично разрушенное захоронение 32 могут с оговоркой быть причислены к развитому этапу. Согласно двум радиоуглеродным датам, ранние катакомбные погребения 16 и 36 датируются первой половиной III тыс. до н. э. и, таким образом, одновременны погребению 11 ямной культуры (рис. 5).

На первый взгляд неожиданные датировки, в сравнении с датами из курганных групп у г. Орджоникидзе, получились для недавно опубликованных ^{14}C дат из ямных и катакомбных погребений *кургана 24 у с. Виноградное* в Запорожской области (*Görsdorf et al.*, 2004). К сожалению, и этот курган полностью до сих пор не опубликован. Но один из авторов отчета, Ю. Я. Рассамакин, подтверждает, что ямные захоронения находились в шести разных насыпях, которые были зафиксированы при раскопках этого кургана. В шестой насыпи этого кургана помимо ямных погребений была сооружена и катакомба (погребение 15) ранней фазы культуры. К следующему горизонту относятся только ямные захоронения, и лишь в последнем горизонте были зафиксированы другие ранние катакомбные погребения – например, опробованный комплекс 22. Радиоуглеродные даты ямных и катакомбных погребений попадают в широкий хронологический диапазон и, на первый взгляд, не соответствуют ожидаемой археологической датировке (*Görsdorf et al.*, 2004. Fig. 1).

Однако Гёрсдорф с соавторами при использовании метода «Sequencing» программой OxCal получили вполне удовлетворительный результат. Со статистической вероятностью более 75% все эти даты образуют колонку, которая соответствует стратиграфической последовательности опробованных погребений в кургане (*Görsdorf et al.*, 2004. Fig. 3; *Govedarica et al.*, 2006. Abb. 44). Таким образом, и в кургане 24 у с. Виноградное ранние катакомбы синхронны поздним ямным захоронениям (погребения 18, 25, 14 и 31).

Из курганов в бассейне р. Молочной, где находится с. Виноградное, известны и многие другие раскопанные катакомбные и ямные захоронения. С. Ж. Пустовалов (2003) опубликовал большое количество дат для катакомбных захоронений, в том числе и с погребенными в скорченном положении. Однако он не

признает хронологическое разделение на раннюю и позднюю фазы катакомбной культуры на Нижнем Днепре, интерпретируя различия в положении погребенных как региональные или этносоциальные элементы и выделяя скорченные захоронения в так называемую восточную катакомбную культуру (Пустовалов, 2003. С. 49). Из катакомбных захоронений бассейна р. Молочная к этому этапу он надежно причисляет пять комплексов, но погребение 39 кургана 3 у с. Виноградное стоит под вопросом (Telegin et al., 2003). Это осталось без объяснений; возможно, причина неясности в культурном определении этого комплекса – его слишком омоложенная датировка.

Ю. Я. Рассасакин (Рассамакин, 2006. Табл. 2), который принимал участие в работах тех же экспедиций, что и С. Ж. Пустовалов, и также раскапывал обсуждаемые здесь погребальные комплексы, приходит отчасти к другим интерпретациям, чем С. Ж. Пустовалов. Шесть калиброванных комплексов из бассейна р. Молочная (рис. 6) он относит к ранней катакомбной культуре, погребение 5 кургана 15 Виноградного (1983) причисляет к ямной культуре, а погребение 2 кургана 12 Жовтневого (1980) рассматривает как результат миграции из области донецкой культуры поздней ККИО. Если следовать данным Ю. Я. Рассасакина, то датировка ранней катакомбной культуры бассейна р. Молочная приходится на период между 2900 и 2500 cal BC, что существенно не отличается от результатов, которые были получены при калибровке по данным С. Ж. Пустовалова (Govedarica et al., 2006. Abb. 43). В последнем случае для калибровки использовались четыре даты из трех комплексов, в то время как, следуя данным Ю. Я. Рассасакина, были взяты 6 дат из пяти погребений (рис. 6). Ни одно из погребений не опубликовано, так что невозможно независимо перепроверить их культурно-хронологическое определение. Однако для ранней катакомбной культуры в Нижнем Поднепровье и Северном Приазовье они, не считая уже упомянутых дат Тарасовой Могилы, являются до сих пор единственными датами, которые могут быть привлечены для уточнения и подтверждения ее абсолютных датировок. Поэтому на точности датировок отрицательно сказывается то, что большинство комплексов продолжают оставаться неопубликованными.

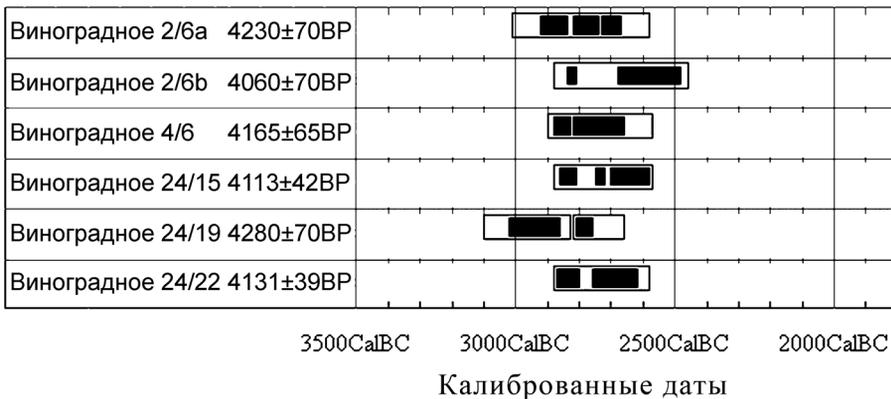

Рис. 6. Даты для ранних катакомбных погребений из бассейна р. Молочная по Ю. Я. Рассасакину (2006)

Тот факт, что ранняя катакомбная культура в западной части ее ареала, в Нижнем Поднепровье, должна быть помещена в XXVIII–XXV вв. до н. э., подтверждают также даты из кургана Ипатово в Центральном Предкавказье. В этом большом, хорошо сохранившемся кургане была прослежена надежная стратиграфия, причем погребения ранней катакомбной культуры (в которых, помимо всего прочего, находились повозки со сплошными колесами) были обнаружены в насыпях с № 5 по № 10. Многочисленные полученные ^{14}C даты обнаруживаются, правда, также большие стандартные отклонения и зачастую сильно друг с другом расходятся. Несмотря на это, авторы приходят к заключению, что ранние катакомбы после калибровки могут быть помещены в интервал с XXVIII до XXV в. до н. э. (*Корневский и др.*, 2007. С. 92–97). Явно поздняя катакомба (№ 32) западноманычской культуры была датирована XXIII–XXII вв. до н. э.

В целом вырисовывается следующая картина: ранняя катакомбная культура возникла в Нижнем Подонье и затем достаточно быстро распространилась (*Кияшко*, 1999). Бассейн Днепра является ее западной границей. Если даже и находятся на Правобережье Днепра ранние катакомбы, то все равно из региона западнее Ингульца известны только одиночные погребальные комплексы. Критическая перепроверка имеющихся на сегодняшний день дат вместе с анализом погребального инвентаря позволяет с определенной долей вероятности допустить, что ранние катакомбы все же синхронны поздним ямным захоронениям в период, который только с оговоркой может быть датирован 2800–2500 cal BC.

Абсолютная датировка ингульской культуры

Для катакомбных погребений ингульской культуры в Северном Причерноморье характерно вытянутое положение на спине. Для них существует большее количество ^{14}C дат, чем для захоронений раннего этапа катакомбной культуры. Большинство из них приходится на вторую половину III тыс. до н. э., хотя есть исключения. Когда рассматриваются доступные для анализа курганы, то полученные из них даты для ямных погребений и поздних катакомб часто четко отличаются по времени. Как пример можно упомянуть ямное погребение 3 и катакомбные захоронения 5 и 14 из *Вознесенского кургана* в г. Запорожье, который был раскопан в 1990-х гг. (*Kaiser*, 2003. Abb. 109). Даты были получены в Берлинской лаборатории и датируют ямное погребение первой, а катакомбные захоронения – второй половиной III тыс. до н. э.

Как было уже отмечено, радиоуглеродные даты для ямных и поздних катакомбных комплексов из курганных групп возле г. Орджоникидзе часто не соответствовали археологическим ожиданиям. Усугубляет ситуацию и то, что сами даты часто попадают в уплощенные сектора кривой калибровки (с этим связаны затем и довольно длинные хронологические отрезки после калибровки, которые создают впечатление, что ямники и поздние катакомбники существовали синхронно – см. ниже).

На первый взгляд, такие же размежевания показывают и даты из кургана *II группы Чкаловской*, которая принадлежит к курганным группам возле г. Орджоникидзе. Для ямных погребений 9 и 11 были получены четыре даты по каж-

дому, которые после калибровки не всегда совпадали. Опробованные катакомбные погребения по обряду принадлежат к поздней фазе, для каждого из них имеется по две даты. К сожалению, стратиграфия кургана очень простая, ведь сохранилась лишь одна насыпь (Nikolova, 1999). Ямное погребение 9 являлось основным, все остальные захоронения были впущены в курган. Исходя из этого можно предположить, что между сооружением ямного погребения 9 и впущенного в курган ямного захоронения 11 прошел какой-то промежуток времени. Поэтому их можно относить к двум разным фазам. Катакомбные погребения этого кургана не представляется возможным разделить согласно стратиграфической последовательности. С очень высокой долей статистической вероятности после калибровки методом «Sequencing» программы OxCal можно датировать сооружение ямных погребений XXVI и XXV вв. до н. э. Поздние катакомбы ингульской культуры этого кургана сооружались в период с 2400 по 2000 г. до н. э.

Проблема «омоложенных» дат

Пока невозможно объяснить, почему, например, у дат из погребений курганных групп возле г. Орджоникидзе получилось такое размежевание (рис. 5). Особенно даты ямной и ранней катакомбной культур часто являются слишком омоложенными. Когда ямные и катакомбные комплексы из одного кургана анализируются методом «Sequencing», результат часто соответствует их стратиграфической последовательности. При этом даты для более древних захоронений часто также являются слишком омоложенными, как это оказалось для дат из недавно опубликованных ямных погребений Северо-Западного Причерноморья (Иванова и др., 2005).

В Буго-Днестровском междуречье было раскопано большое количество курганов и при этом получены радиоуглеродные даты для 6 ямных и 9 катакомбных захоронений. Катакомбные погребения принадлежат исключительно к ингульской культуре, а ямные были причислены к буджакской культуре. Даты для кургана Любаша и кургана 3 у с. Ровово, обработанные методом «Sequencing», дают статистически важную закономерность, которая соответствует культурно-хронологической последовательности от ямной к поздней катакомбной культуре, а в одном случае – еще и КМК (Govedarica et al., 2006. Abb. 48, 49). При этом временные отрезки для ямной культуры приходятся на XXV–XXIV вв. до н. э., в одном случае датировка попадает даже в XXIII в. до н. э. Вместе с тем эти погребения кажутся синхронными датам поздней катакомбной культуры.

Предположительно вытекающее заключение, что ямная и катакомбная культуры являются не отдельными культурами, а представляют собой различные погребальные обряды некоего одного «этносоциального» организма (Пустовалов, 2003), является недостаточно обоснованным. С одной стороны, такую гипотезу не подтверждают материал и стратиграфические наблюдения, как, например, это было зафиксировано в погребениях 23, 24 и 29 кургана 9 группы Завадские Могилы у г. Орджоникидзе (Bunjatjan et al., 2007. Abb. 84). С другой стороны, этому противоречат и обсуждаемые выше даты, которые отчетливо указывают на более раннее время для ямной и ранней катакомбной культур. Однако часть

абсолютных дат не соответствует археологическим ожиданиям, и этому надо искать объяснения.

Возможно, такое размежевание дат связано с природными эффектами, повлиявшими на кости, образцы которых были взяты для анализа. Например, резервуарный эффект, установленный Н. И. Шишлиной и ван дер Плихтом для образцов из Северо-Западного Прикаспия (*Plicht et al.*, 2006), или же другие эффекты, влияние которых нам пока еще неизвестно.

Также не исключено, что именно в Правобережном Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье ямная культура могла существовать дольше – ведь здесь гораздо меньше ранних катакомбных погребений, чем в Приазовье. Но это предположение может быть доказано только при условии использования большого числа радиоуглеродных анализов, обработанных так, как это было оговорено выше.

Выводы

Хотя отсутствуют даты ^{14}C высокой точности (*Hochpräzisionsdaten*), статистические методы программы OxCal позволяют сокращать длительность калиброванных отрезков. Использование таких методов позволяет иногда даже на первый взгляд противоречивые даты выстроить на временной шкале, но при условии наличия стратиграфических данных.

Представленная в работе попытка новой интерпретации ^{14}C дат если и не окончательно доказывает, то, по крайней мере, более четко выявляет тот факт, что ранняя катакомбная культура определенно промежуток времени существовала синхронно с ямной культурой. Условно их сосуществование можно пока датировать в пределах с 2800 до 2500 г. до н. э.

Радиоуглеродные даты поздних катакомбных погребений доказывают, что они следовали за ямными захоронениями и не могут рассматриваться как одновременные с ними. Это соответствует и археологическим данным (скорее даже «археологическим ожиданиям»), которые вытекают из стратиграфических наблюдений и аналогий для погребального инвентаря.

В целом представляется необходимым качественно улучшать публикации и, соответственно, относящиеся к ним ^{14}C даты по эпохе средней бронзы. Все результаты, поступившие из ^{14}C -лаборатории, уже при первой публикации должны быть общедоступными. Отдельные радиоуглеродные даты одиночных погребений не смогут пригодиться в дальнейшей обработке и интерпретации абсолютной датировки катакомбной культуры. По возможности, должны браться пробы из материалов с коротким сроком жизни из нескольких погребений одного кургана, желательна из захоронений, составляющих стратиграфическую последовательность. В случае если даты из стратиграфически последовательных погребений одного кургана полностью опубликованы и из публикации можно извлечь все данные для перепроверки этих дат и всего контекста в целом, при статистической обработке программой калибровки зачастую достигаются дальнейшие, весьма удовлетворительные, результаты.

Используя датировку по ^{14}C , можно размещать на абсолютной шкале те степные культуры бронзового века, «скромный» погребальный инвентарь которых

по большей части препятствует другим надежным возможностям датирования. Однако работа с ^{14}C датами должна быть как критической и осторожной, так и соотносенной с иным археологическим материалом. Только через увязки археологического контекста и абсолютного датирования можно будет выстроить в перспективе надежную хронологическую колонку степных культур бронзового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.*, 2005. Курганы древних скотоводов между реками Южного Буга и Днестра. Одесса.
- Кияшко А. В.*, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипаговский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.
- Пустовалов С. Ж.*, 2003. Анализ радиоуглеродных дат из погребений ямной и катакомбной общностей, опубликованных в *Baltic-Pontic Studies*. № 7 (1999) // *Vita Antiqua*. 5–6.
- Рассамакин Ю. Я.*, 2006. Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // *Матеріали та дослідження по археології Восточної України*. Луганск. № 5.
- Смирнов А. М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б.*, 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности // *РА*. № 2.
- Bunajatjan K. P., Kaiser E., Nikolova A. V.*, 2007. Bronzezeitliche Bestattungen aus dem unteren Dneprgebiet // *Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraums*. 8. Langenweisbach.
- Czebreszuk J., Szmyt M.*, 1998. Der Epochenbruch vom Neolithikum zur Bronzezeit im Polnischen Tiefland am Beispiel Kujawiens // *Prähistorische Zeitschrift*. 73. № 2.
- Furholt M.*, 2003. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südkandinavien // *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*. 101. Bonn.
- Görsdorf J., Häusler A., Rassamakin Y.*, 2004. ^{14}C Dating of Mound 24 of the Kurgan Group near Vinogradnoe Village, Ukraine // Higham T. et al. (ed.). *Radiocarbon and Archaeology: 4th Internat. Symp. St. Catherine's College (Oxford, 9–14 April 2002)*. Oxford. (Oxford Univ. school of Arch. Monogr. 62.)
- Govedarica B., Kaiser E., Rassamakin Ju., Samar V.*, 2006. Der Grabhügel «Tarasova Mogila» bei der Stadt Orechov: Neue Angaben zur Periodisierung und Chronologie der äneolithischen und bronzezeitlichen Steppenkulturen im Azovgebiet // *Eurasia Antiqua*. 12.
- Kaiser E.*, 1999. Radiocarbon Dates from Catacomb Graves // *Baltic-Pontic Studies*. 7.
- Kaiser E.*, 2003. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // *Archäologie in Eurasien*. 14. Mainz.
- Nikolova A. V.*, 1999. Radiocarbon Dating of Graves of the Yamnaya and Catacomb Cultures on the Dnieper Right Bank // *Baltic-Pontic Studies*. 7.
- Plicht van der J., Shishlina N., Hedges R. E. M., Zazovskaya E. P., Sevastianov V. S., Chichagova O. A.*, 2006. Reservoir Effect and ^{14}C Chronology of the Catacomb cultures of the North-West Caspian Steppe Area: a case study // *Eurasia Antiqua*. 12.
- Telegin Dm. Y., Pustovalov S. Z., Kovalyukh N. N.*, 2003. Relative and Absolute Chronology of Yamnaya and Catacomb Monuments: The Issue of Co-Existence // *Baltic-Pontic Studies*. 12.
- Waterbolk H. T.*, 1983. Ten guidelines for the archaeological interpretation of radiocarbon dates // *Revue du Réseau européen de coopération scientifique et technique appliquée au patrimoine culturel (PACT)*. 8.

Р. А. Мимоход

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ БЛОКА ПОСТКАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

R. A. Mimokhod. Radiocarbon chronology of post-Catacomb cultural units

Abstract. The author presents a review of radiocarbon chronology of post-Catacomb cultural groups. The bank of radiocarbon determinations comprises 48 dates, which is clearly insufficient. Anyway, the data are statistically analysed, compared with those obtained for other cultures in synchronic and diachronic aspects, and included into the system of radiocarbon chronology worked out for the East European steppe and forest-steppe during the end of the Middle – the beginning of the Late Bronze Ages. The set of post-Catacomb cultures falls within the interval of the 22nd – 18th cc. BC. It is underlined that in case a system of radiocarbon dates from a single cultural circle is obtained, it generally corresponds to relative chronological column, which is evident for the set of post-Catacomb cultures.

Ключевые слова: радиоуглеродные датировки, посткатакомбные культуры, средний бронзовый век, поздний бронзовый век, статистический анализ, абсолютная хронология, относительная хронология.

На сегодняшний день доступный банк радиоуглеродных данных культурных образований посткатакомбного блока насчитывает 48 дат. Большинство из них опубликовано (*Szmyt, Chernyakov, 1999. Tab. 1; Klochko, 1999. Fig. 10, 14; Мимоход, Шишлина, 2004. Табл. 1; Черных, Орловская, 2004. Табл. 2; Калмыков, 2005. С. 80; Иванова, Петренко, Ветчинникова, 2005. Табл. 2; Лысенко, 2005. Табл. IV*). Ощущается острый недостаток количества посткатакомбных дат ¹⁴C, особенно при рассмотрении их отдельно по культурным группам. Однако уже сейчас они могут быть проанализированы, сопоставлены с радиоуглеродными данными других культурных образований в синхронном и диахронном планах и включены в систему радиоуглеродной хронологии культур восточноевропейской степи-лесостепи конца средней – начала поздней бронзы. Все радиоуглеродные определения посткатакомбных культурных образований, использовавшиеся в данной работе, сведены в таблицы (табл. 1–4)¹.

¹ В таблицах все даты даны в интервальных стандартах с вероятностью в 1σ, причем в графах сохранены авторские интервалы, приведенные в публикациях. Там, где калибровка производилась мною, использовалась программа OxCal. v 3.9, а интервалы в 1σ представлены без учета тех отрезков, где вероятность составляла меньше 5%. Интервалы бытования отдельных культур и блоков культурных образований определялись путем обработки соответствующих данных функцией *sum_probability* OxCal. v 3.9. Предпочтение отдавалось результатам суммирования также с вероятностью в 1σ. В графическом виде эти данные представлены на рис. 6–10.

Таблица 1. Лолинская культура

№	Комплекс (могильник, курган/погребение)	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 1σ
1	Манджикины 1, 3/4	ИГАН-1900	кость человека	3600±90	2112–1872
2	Манджикины 1, 9/1	ИГАН-2278	кость человека	3740±30	2190–2044
3	Манджикины 1, 9/1	ИГАН-2227	дерево	3850±60	2453–2197
4	Манджикины 1, 4/1	ИГАН-1887	кость человека	3720±90	2273–1972
5	Манджикины 1, 5/6	ИГАН-2280	кость человека	3840±50	2397–2196
6	Кевюды 1, 3/5	ГИН-12043	кость человека	3580±40	2009–1833
7	Ипатово 3, 2/13	ГИН-10146	кость человека	3200±120	1616–1321
8	Ипатово 3, 2/13	ГИН-11157	кость человека	3560±100	2030–1744
9	Ипатово 3, 2/13	ГИН-11432	кость человека	3470±40	1878–1694
10	Ильинский 1, 1/6	ГИН-10139	кость человека	3460±180	2019–1523
11	Типки 1, 2/6	ГИН-10311	кость человека	3640±40	2113–1942
12	Чограй VIII, 34/1	Ki-12877	кость человека	3780±60	2300–2040
13	Островной, 6/8	Ki-12882	кость МРС	3380±70	1750–1580
14	Островной, 6/9	Ki-12884	кость МРС	3620±60	2040–1880
15	Островной, 7/7	Ki-12883	кость МРС	3870±70	2460–2230
16	Островной, 3/39	GgA-32895	кость МРС	3740±35	2200–2040
17	Хар-Зуха I, 5/3Б	ИГАН-1419	кость человека	3106±90	1492–1264

1–4, 17 – даты по: *Мимоход, Шишлина*, 2004. Табл.1; 6–11 – даты по: *Калмыков*, 2005. С. 80; 16 – дата по: *Шишлина и др.*, 2007. Табл. 7; даты по: *Ковалюх, Мимоход*, 2007. Табл. 1

Таблица 2. Кубанская группа финала средней бронзы

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 68,2%
1	Садовый, 4/10	Ki-13053	дерево (колесо)	3520±60	1920–1740
2	Садовый, 4/10	Ki-13054	образцы серой глины с микровключениями древесины перекрытия	3440±70	1880–1680
3	Малаи I, 4/4	Ki-13057	кость человека	3590±50	2030–1880
4	Уашхиту 1, 2/28	Ki-13055	кость человека	2650±60	900–780

1–3 – даты по: *Ковалюх, Мимоход*, 2007. Табл. 1

Лучше всего пока датированы посткатакомбные памятники степного Предкавказья. Лолинская культура имеет 17 определений (13 захоронений), родственная ей кубанская группа – 4 даты (3 погребения) (рис. 1; табл. 1; 2)². Лолинские комплексы с ¹⁴C данными расположены в основном территориальном

² Две даты – лолинского комплекса Хар-Зуха I, 5/3Б и кубанского Уашхиту1, 2/28 (табл. 1, 17; 2, 4) – являются явно дефектными (омоложенными) и в дальнейшей работе не используются.

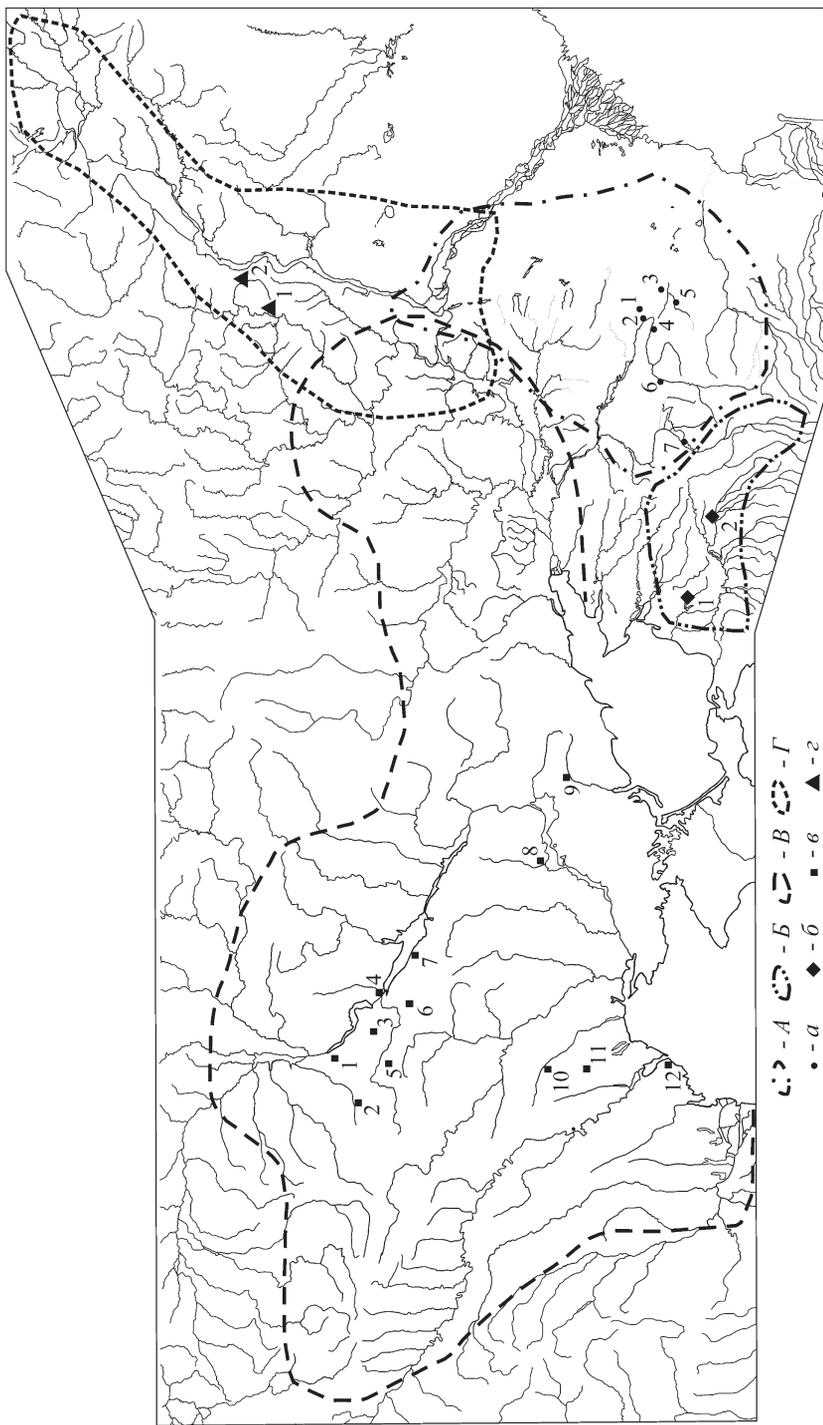

Рис. 1. Расположение постакакомбных комплексов, имеющих радиоуглеродные даты

А – ареал лопинской культуры, *а* – комплексы лопинской культуры с радиоуглеродными датами: 1 – Кевюды 1, 2 – Островной, 3 – Манджикины 1, 4 – Типки-1, 5 – Чограй VIII, 6 – Ипатово-3, 7 – Ильинский-1;
Б – ареал кубанской группы, *б* – комплексы кубанской группы с радиоуглеродными датами: 1 – Малаи 1, 2 – Садовый;
В – ареал днепровско-прутской и днепровско-прутской бабинских культур по: (Р. А. Литвиненко (2006)), *в* – комплексы бабинской (днепровско-прутской) культуры с радиоуглеродными датами: 1 – Великая Бугаевка, 2 – Малополовецкое-3, 3 – Мироновка, 4 – Бубновая Слободка, 5 – Журавлиха, 6 – Ксавериево, 7 – Боровица, 8 – Черная Могила, 9 – Виноградное, 10 – Любаша, 11 – Редова, 12 – Аккембетовский курган;
Г – ареал кривокутской культуры, *г* – комплексы кривокутской культурной группы с радиоуглеродными датами: 1 – Линево, 2 – Паницкое 6

ядре данной культуры – на юге Калмыкии и севере Ставрополя, в бассейне Восточного Маньча. Два кубанских погребения (Малаи I и Садовый) находятся в право- и левобережье р. Кубань (рис. 1). Приведенные даты ложатся в достаточно четкий хронологический диапазон. Он соответствует ранее намеченному интервалу существования лолинской культуры (*Мимоход, Шишлина, 2004. С. 127*). Радиоуглеродные данные при суммировании с вероятностью в 1σ попадают в отрезок XXIII–XVII вв. до н. э. Следует обратить внимание на то, что предкавказские даты получены по основным видам датирующихся материалов (кость человека, кость МРС, дерево) в четырех отечественных и зарубежных лабораториях. При этом большинство дат согласуются между собой, что свидетельствует об их корректности. На мой взгляд, серия дат степного Предкавказья является базовой в определении радиоуглеродного возраста блока посткатакомбных культурных образований. Даты памятников Нижнего Поволжья и Украины получены в одной лаборатории (Ки) и в подавляющем большинстве – по кости человека (табл. 3; 4).

Отдельный интерес представляет соотнесение дат предкавказских комплексов с их относительной хронологией в пределах трехэтапной периодизации лолинской культуры. Все рассматриваемые погребения имеют прочные позиции на шкале относительной хронологии Лолы. Они обладают хронологически диагностическими обрядовыми и инвентарными характеристиками, четкими стратиграфическими позициями. В частности, на сегодняшний день даты ^{14}C имеют 5 погребений из 8, где обнаружены фигурные пряжки (рис. 2, 1, 2, 6, 7; 3, 1), являющиеся четкими хронологическими индикаторами первых двух этапов развития культуры (*Мимоход, 2005. С. 72; 2007. С. 150, 151; Калмыков, Мимоход, 2005. С. 225–228*), а также один кубанский комплекс с пряжкой времени

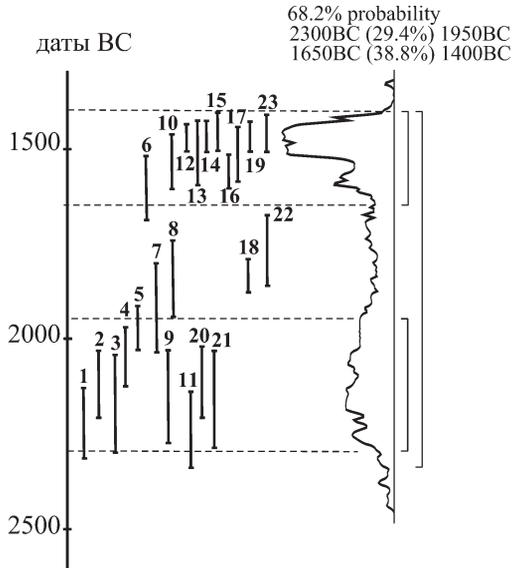

Рис. 2. Радиоуглеродные даты бабинской культуры

поздних этапов Бабино и Лолы (Садовый, 4/10). Удивительно, но при суммировании дат (sum_probability OxCal.3) по этапам мы получили калиброванные интервалы, которые отражают основные тенденции трехэтапной периодизации культуры (рис. 2). Особенно бросается в глаза более древний возраст ранне-лолинских дат по сравнению с остальными. Этот факт не стоит абсолютизировать. Крайне ограниченное число данных для каждого периода увеличивает фактор случайности в подобном распределении. Не раз обсуждавшийся вопрос о проблемах, возникающих на сегодняшнем уровне развития метода ^{14}C при датировании микрохронологии в пределах культуры (*Nikolova*, 1999. Р. 122, 126; *Николова*, 2001. С. 104; *Тимофеев и др.*, 2004. С. 26; *Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 231; *Рассмакин*, 2006. С. 153; *Ковалюх, Мимоход*, 2007. С. 37), продолжает оставаться актуальным.

Таблица 3. Бабинская культура

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 68,20%
1	Аккембетский курган, п. 11	Ki-6823	кость человека	3795±60	2310–2130
2	Аккембетский курган, п. 15	Ki-6824	кость человека	3745±50	2210–2030
3	Аккембетский курган, п. 16	Ki-6825	кость человека	3780±60	2300–2040
4	Аккембетский курган, п. 20	Ki-6826	кость человека	3685±45	2140–1970
5	Мироновка, 7/1	Ki-5827	кость человека	3610±30	2030–1910
6	Мироновка, 8/5	Ki-5829	кость человека	3325±50	1690–1520
7	Ревава, 3/14	Ki-11175	кость человека	3590±70	2033–1799
8	Любаша, п. 9	Ki-11173	кость человека	3520±80	1943–1741
9	Любаша, п. 15	Ki-11201	кость человека	3740±70	2277–2033
10	Бубновая Слободка, 9/2	Ki-6223	кость человека	3275±40	1610–1460
11	Мироновка, 2/1	Ki-5825	кость человека	3810±55	2340–2140
12	Мироновка, 8/2	Ki-6217	кость человека	3210±30	1510–1438
13	Мироновка, 8/7	Ki-6218	кость человека	3240±30	1588–1428
14	Мироновка, 4/2	Ki-6215	кость человека	3200±30	1508–1428
15	Журавлиха, 3/6	Ki-6224	кость человека	3170±35	1504–1404
16	Ксаверово, 2/5	Ki-6225	кость человека	3290±35	1608–1518
17	Боровица, ½	Ki-6222	кость человека	3250±35	1590–1442
18	Великая Бугаевка, п. 109	Ki-9555	кость человека	3430±70	1879–1793
19	Мироновка, 7/1	Ki-6216	кость человека	3190±30	1508–1429
20	Виноградное, 3/39	Ki-9412	кость человека	3720±70	2210–2020
21	Черная Могила, 3/17	Ki-6553	кость человека	3745±75	2290–2030
22	Малополовецкое 3, п. 25 (1997 г.)	Ki-6213	кость человека	3430±35	1862–1678
23	Мироновка, 2/1	Ki-6214	кость человека	3180±40	1508–1410

1–4 – даты по: *Szmyt, Chernyakov*, 1999. Tab. 1; 5, 6, 11 – даты по: *Klochko*, 1999. Fig. 10, 14; 1–6 – калиброванные интервалы по: *Черных, Орловская*, 2004. Табл. 2; 7, 9 – даты по: *Иванова, Петренко, Ветчинникова*, 2005. Табл. 2; 10, 12–19, 23 – даты по: *Лысенко*, 2005. Табл. IV; 20 – дата по: *Рассмакин*, 2006. С. 135; 21 – дата по: *Telegin, Pustovalov, Kovalyukh*, 2003. Tab. 2; 22 – дата по: *Лисенко*, 2004. Прилож. 3

Таблица 4. Криволукская культурная группа

№	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Дата ВР	Дата ВС, вероятность 68,20%
1	Линево, 8/2	Ki-12886	Кость человека	3590±50	2030–1880
2	Линево, 6/6	Ki-12876	Кость человека	3825±50	2350–2190
3	Паницкое 6, 4/3	K-13003	Фрагмент керамики	3600±90	2130–1810
4	Паницкое 6, 4/3	Ki-13004	Астрагал МРС	3530±70	1940–1740

1–4 – даты по: Ковалюх, Мимоход, 2007. Табл.1

Дат, относимых к бабинской культуре, опубликовано 23. Территориально датированные комплексы расположены в Северо-Западном Причерноморье, в Среднем и Нижнем днепровском Правобережье. Только два комплекса находятся к востоку от Днепра (рис. 3). В культурном отношении все рассматриваемые комплексы (рис. 1) относятся к днепровско-прутской бабинской культуре, по Р. А. Литвиненко (2006а). К сожалению, на данный момент мы не имеем ни одной радиоуглеродной даты для комплексов днепро-донской бабинской культуры, представляющих собой ядро формирования посткатакомбных памятников культурного круга Бабино. Именно в этом ареале представлены наиболее древние и классические погребальные и поселенческие памятники, с которых начиналось выделение культурного феномена КМК-Бабино.

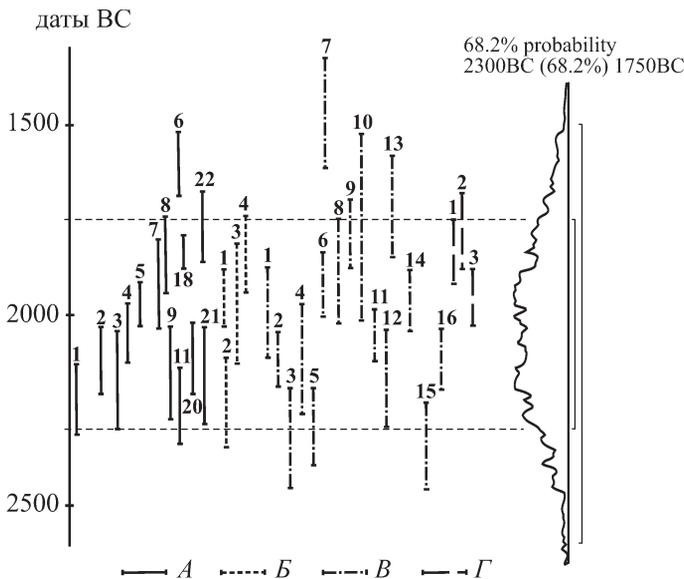

Рис. 3. Радиоуглеродные даты блока посткатакомбных культурных образований

А – даты бабинской культуры, Б – даты криволукской культурной группы, В – даты лолинской культуры, Г – даты кубанской группы

Таких поздних датировок нет в посткатакомбных сериях степного Предкавказья и Нижнего Поволжья.

Старшая группа бабинских дат (XXIII–XX вв. до н. э.) (табл. 3, 1–5, 7–9, 11, 18; рис. 6) в целом соответствует калиброванному интервалу существования посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и степном Предкавказье. На мой взгляд, именно эта группа является более корректной в определении диапазона существования бабинских культур, по-видимому, с включением в нее в качестве верхнего рубежа и XVIII/XVII вв. до н. э. Как уже отмечалось, датированы были погребения, относимые Р. А. Литвиненко к днепровско-прутской бабинской культуре. В ней не представлены классические архаичные комплексы раннебабинского времени, которые хорошо известны в Днепро-Донском междуречье и уверенно синхронизируются с погребениями первого этапа лолинской культуры и ранними криволукскими захоронениями (*Мимоход*, 2004; 2005. С. 72; 2007. С. 152. Рис. 5; *Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 227). Днепровско-прутские бабинские памятники имеют более поздний возраст, и самые ранние из них могут относиться к рубежу I и II этапов культуры Бабино (*Савва*, 1992. С. 147. Табл. 6, 7; *Литвиненко*, 2001. Табл. 1). Следует обратить внимание на то, что в группе бабинских погребений, давшей более древние даты (рис. 3, 1–5), нет комплексов, которые можно было бы уверенно датировать позднебабинским временем. Напротив, эти захоронения по характерным южным и западным ориентировкам, скорее всего, могут относиться к концу раннего и развитому этапам культур Бабино³.

Особого внимания заслуживает погребение Черная Могила, 3/17 (рис. 3, 7), совершенное в катакомбе с округлой шахтой ингульского типа, но со скорченным в позе адорации костяком. Положение скелета и отсутствие сопроводительного инвентаря в этом погребении полностью соответствуют стандартам посткатакомбной бабинской обрядности. Данное захоронение относили как к поздней ингульской катакомбной (*Kaiser*, 1999. P. 132; *Telegin, Pustovalov, Kovalyukh*, 2003. Tab. 2), так и к бабинской культурам (*Nikolova*, 1999. P. 126). Аналогичные погребения с подбойными конструкциями ингульского типа и бабинским адоративным обрядом (Круглая Могила, 8/6, 7) В. В. Отрощенко (2001. С. 95, 96) рассматривает как бабинские. Комплекс Черная Могила, 3/17 маркирует в Нижнем Поднепровье рубеж ингульской и днепровско-прутской бабинской культур, и, по всей видимости, он синхронен ранним памятникам днепро-донской бабинской культуры (*Литвиненко*, 2002. С. 188; 2004а. С. 16, 17), лолинской культуры и криволукской культурной группы. К этому же, постингульскому, времени, по мнению Р. А. Литвиненко, относится и комплекс Виноградное, 3/39 (рис. 5, 6). Симптоматично выглядят даты, полученные для погребений из Черной Могилы и Виноградного (табл. 3, 20, 21). Они полностью соответствуют раннелолинским датам и подтверждают намеченную линию синхронизации.

³ К сожалению, с материалами бабинских комплексов Аккембетовского кургана ознакомиться невозможно. Отчет по данным раскопкам в Архиве ИА НАНУ отсутствует. Позиция аккембетовских погребений на шкале относительной хронологии бабинских древностей остается непонятной. Я использую даты этого памятника в настоящей работе, ссылаясь на их многоваликовую атрибуцию, которая дана автором раскопок в предварительной публикации (*Szmyt, Chernyakov*, 1999. Tab. 1).

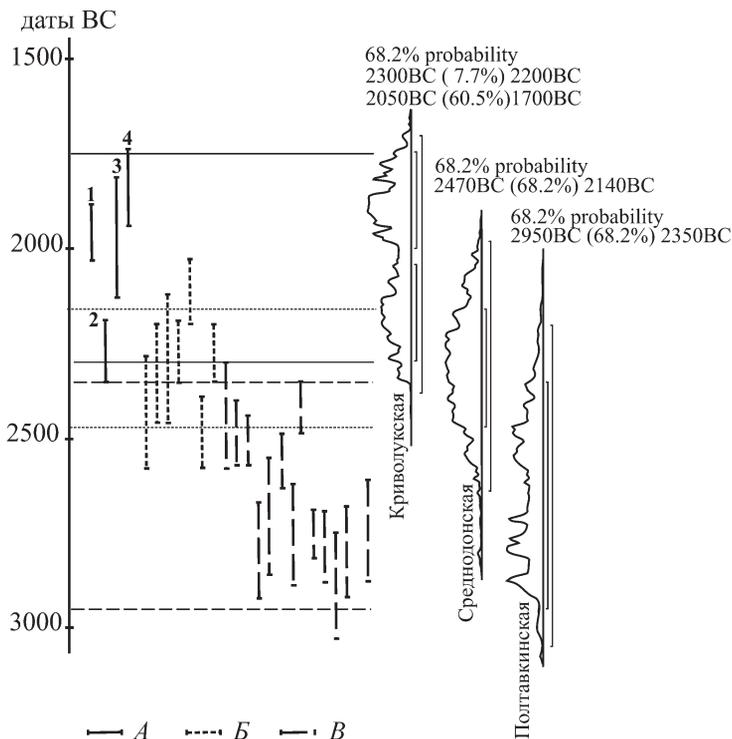

Рис. 5. Радиоуглеродные даты культурных образований средней бронзы в Поволжье и Волго-Донском междуречье

A – радиоуглеродные даты криволукской культурной группы, *Б* – радиоуглеродные даты среднедонской катакомбной культуры (левобережный вариант), *В* – радиоуглеродные даты полтавкинской культуры

Помимо радиоуглеродных дат раннелолинских и постингульских погребений выход на радиоуглеродную хронологию I этапа днепро-донской бабинской культуры дают данные ^{14}C комплексов Шагарского могильника, расположенного в Озерной Мещере. Здесь в трех захоронениях шагарской культуры были обнаружены три раннебабинские пряжки – одна кольцевидная и две фигурные (*Каверзнева*, 2003. С. 145. Рис. 1). Вещи этих типов в степной – лесостепной зонах являются узко датирующимися категориями инвентаря, которые четко маркируют самые ранние погребения днепро-донской бабинской культуры. Попадание их в шагарские комплексы может свидетельствовать о связях населения Озерной Мещеры со степным скотоводческим миром (*Литвиненко*, 2004б. С. 271). Синхронность шагарских находок и раннебабинских пряжек представляется вполне очевидной (*Каверзнева*, 2003. С. 147; *Литвиненко*, 2004б. С. 271). К сожалению, данных ^{14}C для шагарских комплексов с пряжками нет. Однако имеющиеся 5 радиоуглеродных дат для других погребальных комплексов этого времени Шагарского могильника дают время бытования посткатакомбного горизонта на более южных территориях. Причем три радиоуглеродные даты (п. 13, 25, 33)

(*Каверзнева, Бобров, Борисов, 2006*. Табл. 1) в целом могут соответствовать возрасту раннеолонинских и постингульских комплексов, т. е. представлять время раннего этапа днепро-донской бабинской культуры в пределах калиброванного интервала XXIII–XX вв. до н. э. Дальнейшее уточнение радиоуглеродного возраста раннебабинской культуры должно основываться на создании собственной базы данных ^{14}C для днепро-донского Бабино, которая на данный момент отсутствует.

Таким образом, старшая группа бабинских дат вписывается в систему радиоуглеродной хронологии культурных образований рубежа средней и поздней бронзы. Даты этой группы соответствуют данным ^{14}C посткатакомбных погребений степного Предкавказья и Поволжья, полученным в трех лабораториях Москвы и Гронингена. Это позволяет с большой долей уверенности утверждать, что старшая группа дат культурного круга Бабино, полученная в Киевской лаборатории, является корректной и отражает часть реального диапазона существования бабинских памятников по данным радиоуглеродного метода.

Младшая группа бабинских дат (XVII–XV вв. до н. э.) (табл. 3, 6, 10, 12–17, 19, 23), на мой взгляд, является проблемной и требует детального обсуждения. Тот факт, что молодые даты проявляют тенденцию к сериации (рис. 6), вроде бы уменьшает степень сомнения в их достоверности. Однако они входят в серьезное противоречие с системами относительной и калиброванной радиоуглеродной хронологий культурных образований финала средней и поздней бронзы.

Во-первых, как уже отмечалось, в опорной радиоуглеродной серии для посткатакомбных памятников Предкавказья такие молодые датировки отсутствуют⁴. В этом отношении показательно сравнение радиоуглеродных дат с пряжками из бабинских комплексов Среднего Поднепровья (Бубновая Слободка, 9/2 и Мироновка, 8/2) (рис. 5, 9, 10) (табл. 3, 10, 12) и посткатакомбного комплекса из Закубанья (Садовый 4/10) (табл. 2, 1, 2)⁵. Во всех комплексах присутствуют костяные пряжки, изогнутые в сечении, с двумя отверстиями – малым дополнительным и большим центральным с бортиком. В рамках относительной хронологии, построенной на многолетних детальных стратиграфических и сравнительных типологических наблюдениях, комплексы с пряжками из Среднего Поднепровья и Закубанья являются синхронными и маркируют позднебабинское и позднеолонинское время, т. е. завершающий этап существования посткатакомбного блока.

⁴ Исключение составляет только одна из трех дат по комплексу с пряжкой (рис. 2, 6) второго этапа лонинской культуры Ипатово 3, 2/13, которая дала интервал XVII–XIV вв. до н. э. (табл. 1, 7). Две другие даты из этого же погребения очертили вполне корректный, хотя и широкий, интервал XXI–XVII вв. до н. э. (табл. 1, 8, 9). В свете этого ошибочность молодой даты из ипатовского погребения не вызывает сомнения (*Калмыков, Мимоход, 2005*. С. 231).

⁵ Все даты получены в Киевской радиоуглеродной лаборатории.

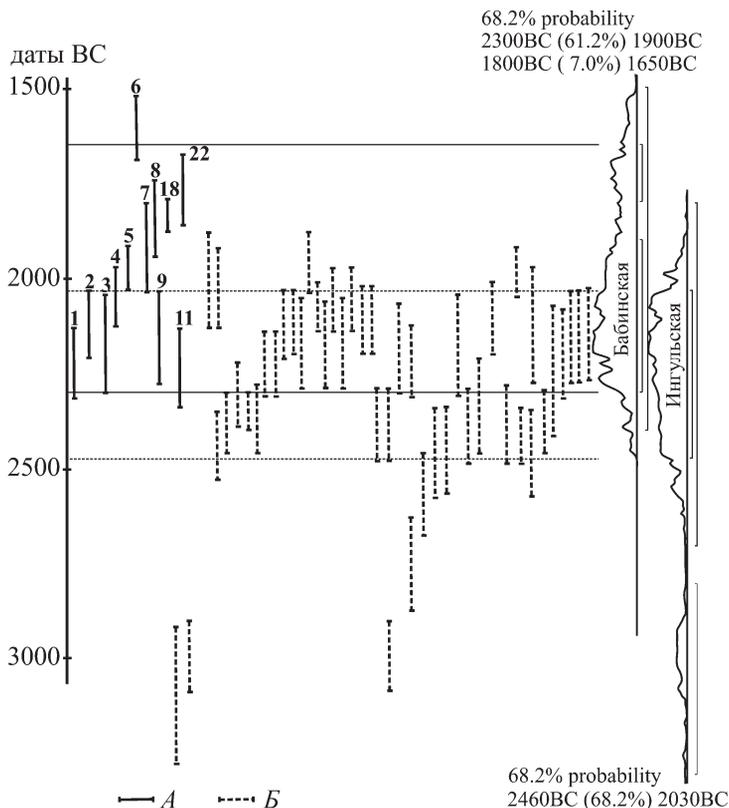

Рис. 6. Радиоуглеродные даты бабинской и ингульской культур

А – радиоуглеродные даты бабинской культуры, Б – радиоуглеродные даты ингульской катакомбной культуры

Однако две даты из Садового очертили интервал XX–XVII вв. до н. э., а даты из Бубновой Слободки и Мироновки – XVII–XV вв. до н. э. Налицо несовпадение дат из заведомо одновременных комплексов.

Во-вторых, младшая группа бабинских дат противоречит радиоуглеродным калиброванным датам памятников поздней бронзы. На сегодняшний день достаточно надежно устанавливается факт общей синхронности бабинских комплексов блоку колесничных культурных образований (памятники покровского, потаповского и синташтинского типов) в рамках предсрубного горизонта. Памятники горизонта щитковых псалиев имеют базу данных ^{14}C , состоящую не менее чем из 37 дат, полученных в пяти лабораториях. Они демонстрируют высокую степень сходимости. На сегодняшний день памятники типа Синташты, Потаповки и Покровска по калиброванным радиоуглеродным датам датируются с небольшими вариациями в пределах XX–XVIII вв. до н. э. (Anthony, Vinogradov, 1995. P. 38, 40; Трифонов, 1996. С. 62; 2001. Табл. 1; Кузнецов, 1996. С. 58; Kouznetsov, 1999. Shem. 1; Kuznetsov, 2006. P. 643; Малов, 2001. С. 201; Енумахов, Хэнкс, Пенфрю, 2005. С. 100). Младшая группа бабинских дат оказывается

значительно более молодой по сравнению с датировками колесничных культурных образований.

В-третьих, сравнение этой группы ^{14}C данных с радиоуглеродными датировками культур развитого периода поздней бронзы, которые следуют за позднебабинским временем и горизонтом боевых колесниц, приводит к парадоксальной ситуации. Оказывается, что младшая группа дат культурного круга Бабино, который маркирует финал средней бронзы, более соответствует времени начала расцвета позднебронзовых культур. Так, даты из погребений бережновско-маевской срубной культуры Нижнего Поднепровья (*Chernykh, Polin, Otroshchenko, 2003. Tab. 1*) дают интервал XVII/XVI–XIII вв. до н. э. Самые ранние датировки горизонта I срубного поселения Глубокое Озеро 2, который синхронен развитой сабастиновской культуре и, соответственно, относится ко второму этапу бережновско-маевской срубной культуры, относятся к XV в. (*Гершкович, 1998. Табл. 1*). Этот рубеж является *terminus ante quem* для первого этапа БМСК. Срубные комплексы Самарского Поволжья постпокровского времени датируются в пределах XVII–XVI вв. до н. э., а последующая сусканская культура – XV в. (*Кузнецов, 1996. С. 58; Kouznetsov, 1999. Shem. 1*). Радиоуглеродные даты срубного поселения Горный I в Приуралье также уложились в диапазон XVII–XV вв. до н. э. (*Каргалы, 2002. С. 127*). Такой же интервал дают срубные и алакульские памятники южного Зауралья (*Епимахов, Хэнкс, Ренфрю, 2005. Рис. 3*). На территории к западу от Днепра культуры бабинского круга сменяет сабастиновская культура. На сегодняшний день Сабастиновка по многочисленным аналогиям с карпато-дунайскими культурами, имеющими представительные серии определений ^{14}C , датируется в пределах XVII/XVI–XIII вв. до н. э. (*Савва, 2003. С. 149*).

Радиоуглеродная база данных тшинецкого культурного круга Среднего Поднепровья стадий МП-II–IV, по С. Д. Лысенко, которые в целом синхронны сабастиновской и срубной культурам, датируется в пределах XVII–XIII вв. до н. э. (*Górski, Lysenko, Makarowicz, 2003. P. 298, 300; Лысенко, 2005. С. 43, 44, 46*).

Таким образом, становится очевидным, что младшая группа бабинских дат очерчивает интервал, который не только не относится к финалу средней бронзы, но и является более поздним даже по отношению к колесничным культурным образованиям начального периода ПБВ. Более всего он соответствует датировкам памятников классических позднебронзовых культур (срубной, алакульской, сабастиновской и др.). Действительно, XVII–XV/XIV вв. до н. э. бабинская культура датировалась в системе традиционной абсолютной хронологии до широкого внедрения радиоуглеродного метода с использованием калиброванных дат. Общеизвестно, что калибровка ведет к серьезному удревнению для эпохи бронзы радиоуглеродных дат – до нескольких столетий. Следовательно, налицо существенное противоречие. В младшей группе бабинских дат представлены калиброванные данные, а хронологический интервал ее соответствует старым представлениям о хронологии бабинской культуры, основанным на некалиброванных датах ^{14}C и сопоставлениях с микенскими материалами.

Использование исследователями младшей группы дат для установления абсолютной хронологии бабинской культуры создает противоречивые ситуации.

У В. И. Клочки и соавторов на хронологической шкале существования бабинской культуры появляется серьезная лакуна между старшей и младшей

группами дат. Последняя явно не соответствует радиоуглеродной хронологии средней бронзы. Кроме того, даты бабинских комплексов Поднепровья оказываются значительно более древними по сравнению с основной массой молодых бабинских дат Среднего Поднепровья (*Klochko, Koško, Szmyt, 1999. Fig. 1. P. 266*). В рамках относительной хронологии памятники культурного круга Бабино обоих регионов являются синхронными (*Литвиненко, 2001. Табл. 1*).

По всей видимости, именно младшей группой бабинских дат оперировал В. А. Дергачев при построении синхронистической таблицы культур неолита – бронзы юга Восточной Европы, основанной на калиброванных данных ^{14}C (*Дергачев, 2006. Рис. 1*). В результате нижняя граница бабинской культуры оказалась даже более молодой, чем начало существования блока колесничных культурных образований (Покровск-Потаповка), а основной диапазон бытования бабинских древностей оказался синхронен срубной культуре. Комментировать подобную синхронизацию в свете надежно установленного предсрубного возраста феномена Бабино-КМК не имеет смысла.

Особенно ярко противоречивость в интерпретации серии проявилась в работах ее заказчика, С. Д. Лысенко. По-видимому осознавая, что большинство дат является слишком молодыми, он подверг сомнению бабинскую атрибуцию части погребений с молодыми датами (*Górski, Lysenko, Makarowicz, 2003. P. 296; Лысенко, 2005. С. 43*). Для комплексов Журавлиха, 3/6⁶ и Боровица, 1/2 такая постановка вопроса, возможно, приемлема. Данные захоронения действительно обладают размытыми обрядовыми характеристиками и не имеют бесспорных диагностических бабинских черт. Они вполне могут относиться к горизонтам МП-II и МП-III (*Лысенко, 2005. С. 43*), которым соответствуют их радиоуглеродные даты. Однако нельзя согласиться с мнением исследователя о том, что из могильника Мироновка⁷ только погребение 5 кургана 8 (рис. 5, 12) является достоверно бабинским (*Górski, Lysenko, Makarowicz, 2003. P. 296; Лысенко, 2005. С. 42*). Комплексы Мироновка 2/1, 4/2, 7/1, 8/2, 8/7 отвечают основным характеристиками бабинского обряда: адоративное положение костяка, характерная западная и северо-западная ориентировки, захоронение в колоде. Идентичность обряда в Ксаверово 2/5 бабинскому отмечает и сам С. Д. Лысенко (см. его работу в наст. сб.). Бабинская атрибуция данных погребений ставится под сомнение скорее их радиоуглеродными датами, нежели самими комплексами. К сожалению, С. Д. Лысенко, который датировал бабинский горизонт МП-I в Среднем Поднепровье cal. 1800–1600 BC⁸ (*Górski, Lysenko, Makarowicz, 2003. P. 298; Лысенко,*

⁶ Данный комплекс формально обладает некоторыми чертами женской обрядовой группы раннего этапа днепро-донской бабинской культуры: правобочное положение умершего, восточная ориентировка и положение рук, характерное для средней бронзы. Однако данная раннебабинская группа захоронений относится к днепро-донской культуре и в Среднем Поднепровье неизвестна (*Литвиненко, 1999а. С. 10*).

⁷ В работах С. Д. Лысенко могильник Мироновка фигурирует под названием Росава или Россава.

⁸ Остается вопросом, чем руководствовался исследователь, определяя данный диапазон. Если суммировать (sum_probability OxCal) опубликованные С. Д. Лысенко

2005. С. 43; 2006. С. 233), не попытался соотнести определенный им интервал с существующей системой радиоуглеродной хронологии. Он то ли не знаком с опубликованными данными ¹⁴C по посткатакомбной долинской культуре, блоку колесничных культурных образований, срубной и алакульской культурам, то ли проигнорировал их. В соответствии с ними, только нижний рубеж очерченного интервала МП-I может соответствовать верхней границе существования бабинской культуры. Ситуация опять становится парадоксальной. С одной стороны, С. Д. Лысенко (2006. С. 236) настаивает на наличии раннебабинских материалов в Среднем Поднепровье. Однако как вписать раннебабинское время в интервал горизонта МП-I, исследователь не объясняет. С другой стороны, С. Д. Лысенко считает, что молодые даты (XVII–XV вв. до н. э.) по комплексам с пряжками (табл. 3, 10, 12) свидетельствуют о том, что эти изделия переживают бабинскую культуру на 100–150 лет (см. работу в наст. сб.). Но ведь такие же молодые даты получены и по комплексам с классической бабинской погребальной обрядностью, о чем говорилось выше. Получается, что бабинскую культуру переживают не только пряжки, но и обряд, и что тогда является содержанием феномена Бабино, остается непонятным.

В свете всего вышесказанного единственно верным решением, на мой взгляд, является отказ от использования в дальнейшей работе младшей группы бабинских дат как некорректных. Появление этой серии может быть объяснено какой-то системной ошибкой, произошедшей при датировании⁹. С другой стороны, это не единственный пример, когда дефектные даты проявляют тенденции к сериации. Здесь можно упомянуть явно омоложенную группу дат раннекатакомбных захоронений Большого Ипатовского кургана (*Корневский, Белинский, Калмыков, 2007. Рис. 79; Корневский, 2007. С. 118*) или сильно удрежденную группу датировок Чистолеляжского и Хрипуновского могильников алакульской культуры (*Епимахов, 1997. С. 18*). Следует согласиться, что подобные группы дат «интересны сами по себе, уже как оригинальное явление в радиоуглеродном датировании» (*Корневский, 2007. С. 118*), но отношения к определению абсолютного возраста соответствующих культур они, видимо, не имеют.

(2005. Табл. IV) даты бабинского горизонта МП-I, мы получим при вероятности в 1σ интервал 1620–1410 BC.

⁹ По две даты имеют бабинские комплексы Мироновка, 2/1 и 7/1 с ранней, западной, ориентировкой скелетов (рис. 5, 1, 5; табл. 3, 5, 19, 11, 23). Одни из них попадают в группу ранних дат в пределах XXIII–XIX вв. до н. э. и, как мне кажется, являются корректными. Другие входят в группу молодых датировок (XVII–XV вв. до н. э.). Подобный разброс сложно объяснить. Первый раз бабинские комплексы из могильника Мироновка датировались в Киевской радиоуглеродной лаборатории по заказу В. И. Ключко (образцы в пределах № 582.). Из трех образцов два дали даты старшей группы, один попал в группу молодых датировок (табл. 3, 5, 6, 11). Второй раз бабинские погребения из Мироновки и еще трех могильников Среднего Поднепровья датировались там же по заказу С. Д. Лысенко (образцы в пределах № 621–622) (табл. 3, 10, 12–17, 19, 23). Все без исключения погребения дали довольно молодые даты (XVII–XV вв. до н. э.), в т. ч. и передатированные комплексы Мироновка, 2/1 и 7/1. Тот факт, что все молодые (некорректные) даты были получены одновременно, в ходе датирования одной серии, заставляет с осторожностью относиться к ее достоверности.

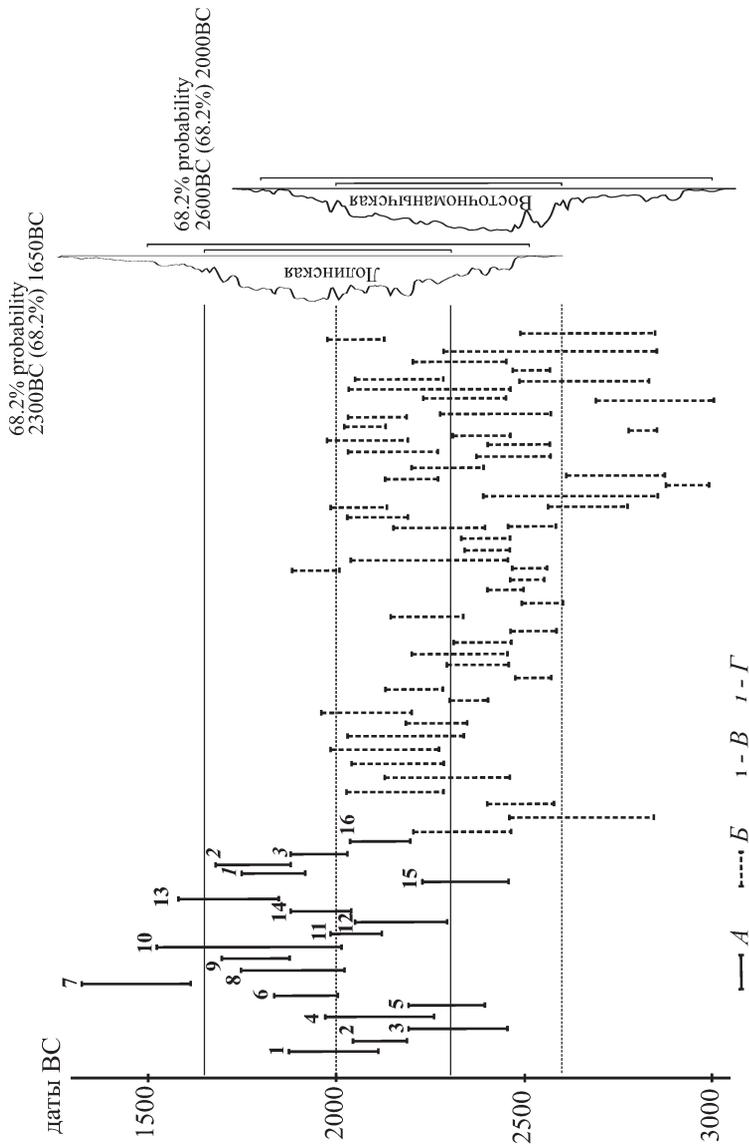

Рис. 7. Радиоуглеродные даты лолинской и восточноманьчской культур

A – радиоуглеродные даты предкавказских погребенных памятников, B – радиоуглеродные даты восточноманьчской катакомбной культуры, B – даты погребений лолинской культуры, Г – даты погребений кубанской группы

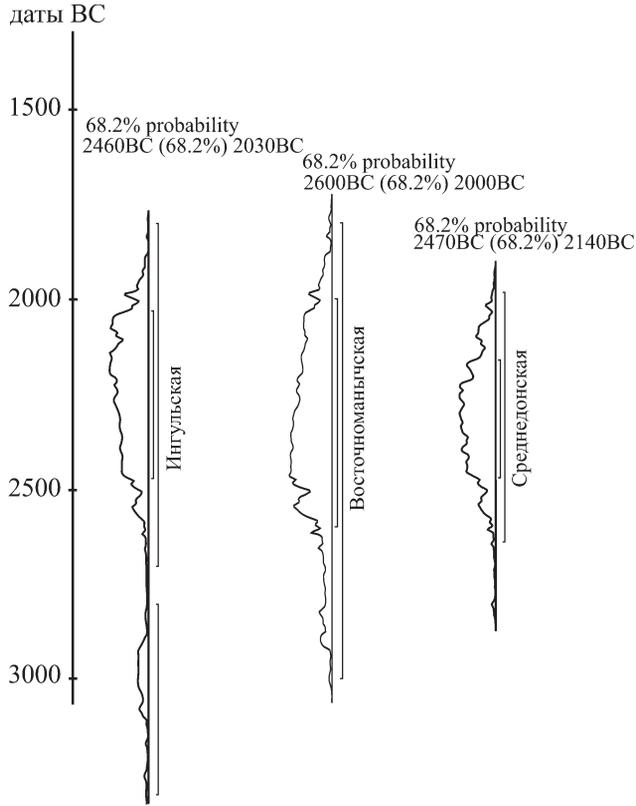

Рис. 8. Результаты суммирования радиоуглеродных данных культурных образований катакомбных культур

Имеющаяся на сегодняшний день серия ^{14}C дат посткатакомбного блока определяет общий калиброванный интервал его бытования в пределах XXIII–XVIII вв. (рис. 7). В этой связи становится актуальным вопрос, насколько предложенный диапазон вписывается в систему радиоуглеродной хронологии культур эпохи средней – поздней бронзы. Речь идет о предшествующих и последующих культурных образованиях, существовавших на той территории, которую в свое время занимали потскатакомбные памятники.

Из культур катакомбного круга хронологическим субстратом для бабинских культур выступают ингульская катакомбная культура, поздние катакомбные культуры Подонцовья и Подонья (среднедонская, памятники бахмутского типа и позднедневецкие). На данный момент серьезная серия радиоуглеродных определений есть только для ингульских памятников (не менее 47 дат). Сравнение калиброванных интервалов бабинских комплексов с ингульскими корректно еще и потому, что большинство дат Бабино происходит из погребений, исследованных к западу от Днепра (рис. 1), т. е. на той территории, где основным подстилающим горизонтом выступают именно ингульские древности. Сравнение данных, полученных в результате статистической обработки серий ингульских

и бабинских дат (рис. 10), показывает, что ингульский интервал в целом оказывается древнее бабинского. Он занимает отрезок XXV–XXI вв. до н. э., в то время как бабинские даты попадают в интервал XXIII–XVII вв. до н. э.

Естественно возникает вопрос: как интерпретировать отрезок взаимного наложения в пределах XXIII–XXI вв. до н. э.? К этому вопросу лучше вернуться ниже, при анализе подобных ситуаций с радиоуглеродными датами катакомбных и посткатакомбных культурных образований на других территориях. Так, близкую ситуацию демонстрируют представительные серии ^{14}C данных генетически связанных восточноманьчжской катакомбной и лолинской культур. Как и в предыдущем случае, интервал восточноманьчжских памятников в тенденции более древний (XXVI–XXI вв. до н. э.), чем лолинский (XXIII–XVII вв. до н. э.), а интервал наложения такой же (XXIII–XXI вв. до н. э.).

Подстилающим генетическим субстратом криволукской культурной группы Нижнего Поволжья являются памятники волго-донской и левобережного варианта среднедонской катакомбных культур. К сожалению, дат по катакомбным комплексам Волго-Донья очень мало и происходят они из одного могильника (Паницкое б). Для более полной иллюстрации картины распределения радиоуглеродных дат эпохи средней бронзы в Поволжье целесообразно привлечь многочисленные данные полтавкинских памятников¹⁰, тем более что до сих пор не окончена дискуссия об их верхней дате и о возможности стыка с горизонтом боевых колесниц. Распределение ^{14}C данных среднебронзовых культурных образований по шкале хронологии демонстрирует большую архаичность полтавkinской серии по сравнению с катакомбной и, соответственно, последней – по сравнению с криволукской (рис. 9). Интервал наложения катакомбных и посткатакомбных дат составил 150 лет (XXIII–XXII вв. до н. э.). Интересно, что почти такая же протяженность отрезка перекрытия наблюдается у полтавkinской и катакомбных серий (XXV–XXIV вв. до н. э.) (рис. 9).

Таким образом, во всех случаях, когда имеются серии дат последовательно сменяющихся культур, мы получаем отрезки перекрытия длиной от 150 до 300 лет. При желании такие же отрезки можно продемонстрировать, например, для хорошо датированных ямной и ингульской культур (*Nikolova*, 1999. Fig. 11; *Telegin, Pustovalov, Kovalyukh*, 2003. Fig. 5) или для раннекатакомбных и восточноманьчжских комплексов (*Шишлина*, 2007. С. 276, 278. Табл. 5, 8). Является

¹⁰ В работе не используется дата из п. 5 раскопа 2 могильника Калач в Саратовском Поволжье, опубликованная как полтавkinская (K1-12885): 3620 ± 80 (1 σ 2140–1880) (*Черных, Орловская*, 2004. Табл. 3; 4). Дело в том, что, судя по публикации (*Тихонов*, 1995. С. 43, 51, 52), в раскопе 2 данного могильника обнаружено только 3 погребения: два полтавkinских – п. 1 и 3 (*Тихонов*, 1995. Рис. 7, 1, 2; 8) и криволукское – п. 2 (*Тихонов*, 1995. Рис. 7, 3). Дата, приведенная в работе П. Ф. Кузнецова, имеет калиброванный интервал, очень молодой для Полтавки, и выбивается из ее общей серии (*Кузнецов*, 1996. С. 58; *Kouznetsov*, 1999. Shem. 1; *Черных, Орловская*, 2004. С. 18). С другой стороны, эта датировка органично вписывается в диапазон бытования криволукской культурной группы. Однако комплекса с маркировкой «погребение 5» нет в могильнике ни в публикационных, ни в отчетных материалах, и какое конкретно захоронение было подвергнуто радиоуглеродному датированию, остается непонятным.

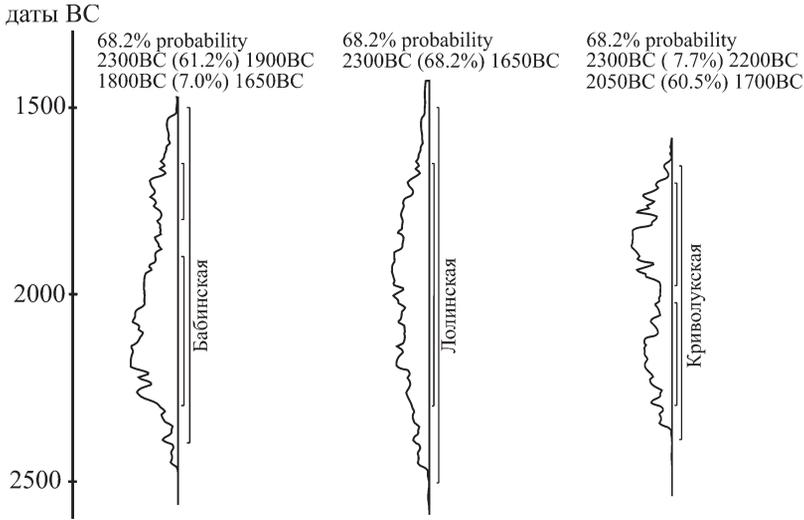

Рис. 9. Результаты суммирования радиоуглеродных данных культурных образований посткатакомбного блока

ли это основанием для частичной синхронизации данных культурных образований? По-видимому, нет. С уверенностью можно утверждать, что там, где сравниваются серии дат одновременных последовательно сменяющихся культур, мы всегда будем получать соответствующие отрезки перекрывания, а они будут равны ошибке метода. Если традиционные археологические методы однозначно свидетельствуют о одновременности культур, то в графическом выражении серий радиоуглеродных дат это будет подтверждать расположение интервалов *sum_probability* в виде ступенчатой структуры. Иными словами, наличие в графиках данных ^{14}C «эффекта лестницы» документирует последовательную смену культур. Этот «эффект» хорошо прослеживается при сравнении интервалов *sum_probability* катакомбных и посткатакомбных культур (рис. 9–10). Более точный радиоуглеродный рубеж в отрезке перекрывания должен, видимо, находиться в его центре. Тогда диапазон бытования посткатакомбного блока можно ограничить в пределах XXII–XVIII вв. до н. э. С другой стороны, при отсутствии «эффекта лестницы» или при перекрывании диапазона бытования культур более чем 300 лет мы можем говорить о синхронности культур. Это, например, хорошо иллюстрирует сравнение калиброванных интервалов бытования катакомбных культур – ингульской, восточноманычской, среднедонской левобережного варианта. На графике отсутствует выраженный «эффект лестницы», а основные диапазоны оказываются синхронны в рамках XXV–XXII вв. до н. э. В этот же интервал попадают и единичные радиоуглеродные даты позднедонских катакомбных комплексов бассейна Северского Донца (*Bratchenko*, 2003. Tab. 3).

«Эффект лестницы» совершенно не прослеживается и в распределении дат культурных образований посткатакомбного блока. Радиоуглеродные данные однозначно свидетельствуют об одновременном возникновении лолинских, кри-

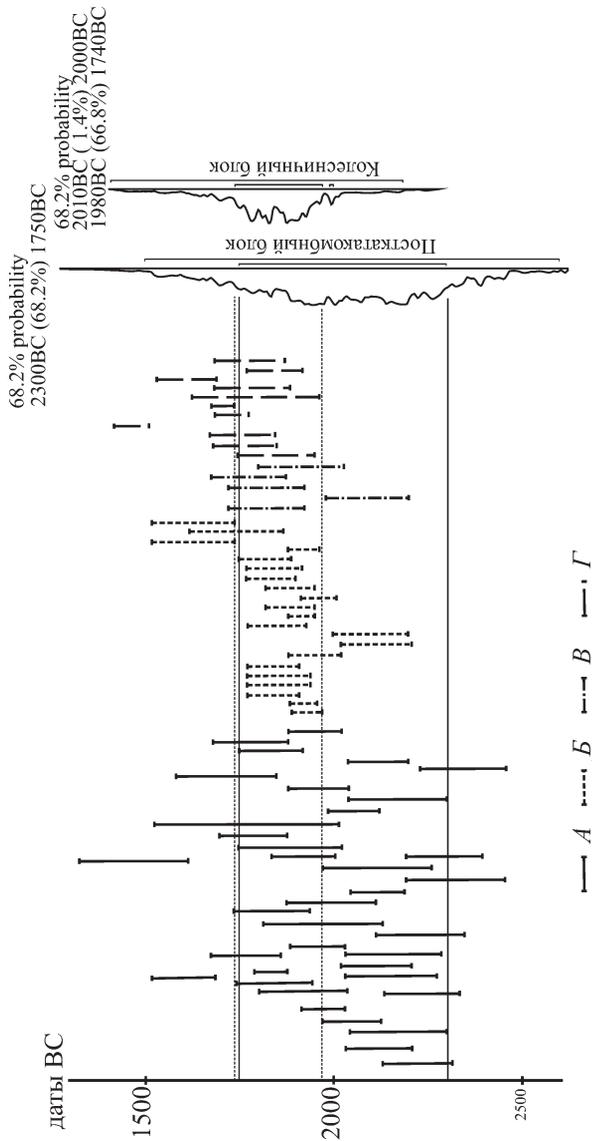

Рис. 10. Радиоуглеродные даты посткатакомбного и колесничного блоков

A – радиоуглеродные даты блока посткатакомбных культурных образований, *B* – радиоуглеродные даты памятников синташтинского типа, *B* – радиоуглеродные даты памятников погатовского типа, *G* – радиоуглеродные даты памятников покровского типа

волукских и бабинских памятников. Основные диапазоны их существования оказываются синхронными в интервале XXIII–XVII вв. до н. э. Исключение здесь составляет верхняя граница криволукской культурной группы, которая оказалась немного древнее бабинской и лолинской. На данный момент этот факт ввиду малочисленности криволукских дат следует рассматривать как не более чем случайный. Стоит лишь отметить, что криволукские древности исчезают в Нижнем Поволжье с появлением здесь памятников покровского типа, которым южнее синхронны комплексы позднелолинской культуры, которые, в свою очередь, одновременно завершающему этапу развития культурного круга Бабино (*Мимоход*, 2004; 2005. С. 72; *Калмыков, Мимоход*, 2005. С. 230). Иначе говоря, криволукская культурная группа, оказавшись в ядре формирования ППТ, прекращает существование раньше лолинской и бабинских культур. Остается только надеяться, что с накоплением данных ^{14}C по посткатакомбным комплексам и совершенствованием самого радиоуглеродного метода отмеченный уже сейчас в системе относительной периодизации факт несовпадения по верхней границе криволукской культурной группы, с одной стороны, и бабинских и лолинской культур – с другой, найдет дальнейшее подтверждение в радиоуглеродной хронологии.

Таким образом, радиоуглеродные данные подтверждают относительную периодизацию среднего бронзового века и идею В. С. Бочкарева о блоках культур и их последовательности. На юге Восточной Европы блок синхронных катакомбных культур сменяется сформировавшимся на его основе блоком посткатакомбных культурных образований. Очевидно, что процесс смены в каждом регионе имел свои особенности, в том числе и временные. Но то, что деструкция катакомбных традиций происходила достаточно быстро в пределах единого этапа, не вызывает сомнения, и радиоуглеродная хронология это хорошо иллюстрирует.

В свете этого особенно важным становится хронологическое соотношение посткатакомбного и колесничного блоков. Первый, по всей видимости, являлся отражением завершающей фазы функционирования северокавказского очага культурогенеза (*Кияшко*, 2002, С. 210) в рамках финала средней бронзы, появление второго маркирует начало деятельности волго-уральского очага культурогенеза и позднего бронзового века (*Бочкарев*, 1991. С. 24–29; 1995. С. 25, 26). На протяжении последних 20 лет неоднократно обращалось внимание на большую древность бабинской культуры по сравнению с памятниками покровского типа (С. Н. Братченко, В. С. Бочкарев, Э. С. Шарафутдинова, В. В. Отрощенко, Я. П. Гершкович, Р. А. Литвиненко и др.). Сейчас активно обсуждается точка зрения о хронологическом приоритете носителей синташтинско-потаповских традиций, чье движение на запад обусловило формирование раннебабинских памятников (*Отрощенко*, 1994. С. 40, 41; 2000. С. 69; 2001. С. 63, 72, 79, 88, 89, 109; 2003. С. 76, 88). Идеи о синхронности нижних рубежей средневожжских и зауральских колесничных памятников и бабинской культуры активно поддерживаются рядом исследователей (*Епимахов*, 1997. С. 16; *Григорьев*, 1999. С. 135, 137; *Кияшко*, 2002. С. 211. Рис. 128). Недостатки и противоречивость данных гипотез детально раскрыты и прокомментированы (*Литвиненко*, 1999а; 2003; 2004б; 2006б). Становится все более очевидной синхронность колесничного

блока поздним (конца II–III этапов) посткатакомбным культурным образованиям (Бочкарев, 2003. Рис. 1; Литвиненко, 2001. Табл. 1; 2006б. С. 99; Мимоход, 2007. Рис. 5).

Немаловажный вклад в окончание этой дискуссии может внести распределение интервалов радиоуглеродных дат посткатакомбного и колесничного блоков. Данные ^{14}C однозначно свидетельствуют о том, что посткатакомбные памятники имеют серии дат, значительно более древние, чем даты колесничных культурных образований. Особенно хорошо это видно на примере серии Лолы, где датированы комплексы всех этапов развития культуры. При сравнении дат погребений I и II этапов лолинской культуры с радиоуглеродными датировками Синташты, Потаповки и Покровска очевиден хронологический приоритет ранне- и среднелолинских серий, большинство дат которых располагаются в пределах XXIII–XIX вв. до н. э. (табл. 1, 1–5, 11, 12, 15, 16). Напротив, даты погребений позднелолинского времени (табл. 1, 13; 2, 1, 2) синхронны колесничной серии в пределах XX–XVII вв. до н. э. Бабинские и криволукские комплексы с радиоуглеродными определениями, ввиду отсутствия в них датирующих вещей, сложно привязать к какому-либо периоду трехэтапной периодизации Бабино-Лолы¹¹. Тем не менее их распределение проявляет те же тенденции, что и лолинская серия.

Важно отметить следующее обстоятельство. График распределения дат посткатакомбного и колесничного блоков не демонстрирует «эффекта лестницы», который свидетельствует о последовательном хронологическом существовании явлений. Он хорошо фиксировался для катакомбного и посткатакомбного горизонтов (рис. 9–10). С другой стороны, здесь не наблюдается соотношение интервалов *sum_probability*, характерное для синхронных культурных образований, как в случае с поздними катакомбными культурами или посткатакомбными группами. Посткатакомбные и колесничные серии совпадают по верхней границе и расходятся по нижней, причем более чем на 300 лет. Как представляется, именно такое соотношение интервалов может достоверно указывать на частичную синхронность явлений. Система радиоуглеродной хронологии здесь хорошо соотносится с относительной периодизацией – блок колесничных культурных образований синхронен только поздним посткатакомбным памятникам. На мой взгляд, столь четкое соответствие является результатом того, что подавляющее большинство радиоуглеродных дат для колесничных культур – это AMS даты, обладающие высокой точностью и узким доверительным интервалом. Таким образом, посткатакомбный блок оформился значительно раньше появления культурных образований начала поздней бронзы Синташта-Потаповка-Покровск. Его возникновение никак не связано с процессами культурогенеза на рубеже средней и поздней бронзы в Волго-Уралье.

¹¹ Исключение составляет криволукский комплекс Линево 6/6, в котором обнаружена пряжка II этапа развития культурного круга Бабино (рис. 4, 1). Однако его радиоуглеродная дата (табл. 4, 2) более соответствует, на мой взгляд, датировкам ранних этапов лолинской и бабинских культур.

Выводы

Имеющаяся на сегодняшний день радиоуглеродная база для посткатакомбного блока является недостаточной, и требуется дальнейшее ее накопление. Особенно остро это ощущается при анализе серий дат отдельно по каждому культурному образованию. Следует констатировать, что ни одна из серий не дотягивает до минимального порога статистической корректности для определения возраста культуры (*Черных, Черных, 2005. С. 37*). Только совокупность всех посткатакомбных дат позволяет более или менее достоверно установить диапазон бытования блока. Анализ стратиграфических и культурно-типологических данных убедительно свидетельствует о синхронности всех посткатакомбных групп в рамках единого хронологического этапа. В этой связи использование серии из 37 корректных дат для предварительного определения диапазона существования посткатакомбного блока представляется вполне оправданным. Сейчас его можно очертить (с учетом интервалов наложения) в пределах XXII–XVIII вв. до н. э.

Радиоуглеродные данные свидетельствуют о том, что посткатакомбные группы в хронологическом отношении следуют за катакомбными. Время существования катакомбного горизонта развитого и позднего периодов бытования катакомбных древностей, в который входят в целом синхронные ингульская, позднедонецкая, среднедонская, волго-донская, восточноманьчская, западноманьчская культуры, можно определить в пределах XXVI/XXV–XXIII/XXII вв. до н. э.

Сравнение серий данных ^{14}C посткатакомбного блока и блока колесничных культурных образований однозначно свидетельствует, что первый сформировался раньше второго. Времени горизонта боевых колесниц синхронны только поздние посткатакомбные памятники.

В заключение хочется отметить следующее. Радиоуглеродный метод продолжает активно развиваться. Количество поправок в отношении установления точных дат растет, и следует ожидать дальнейшего их увеличения. Как следствие, можно прогнозировать смещение установленных на сегодняшний день диапазонов существования культур эпохи бронзы вверх или вниз по хронологической шкале. В этой связи нужно ясно отдавать себе отчет, что на данном этапе развития изотопного датирования данные ^{14}C являются основанием для установления не абсолютной, а радиоуглеродной хронологии. Последняя является отдельной специфической системой с особой структурой построения и функционирования, основанной на принципах статистического анализа. Данные ^{14}C – это интервалы со сложной системой вероятностных значений. При их анализе можно получить как отрезки перекрытия у диахронных последовательных культур, так и расхождения границ у синхронных. Большое значение имеет определение допустимого порога таких погрешностей, о чем говорилось выше. Поэтому соотнесение систем радиоуглеродной и относительной хронологии не может осуществляться простым их совмещением. Это особая процедура, которая до сих пор находится в стадии разработки. И уж тем более, сейчас нельзя рассматривать даты ^{14}C в качестве инструмента корректировки относительных периодизаций, надежно установленных традиционными археологическими методами. Образно выражаясь, радиоуглеродная

хронология имеет такое же отношение к абсолютной, как археологический комплекс погребения – к реально осуществлявшемуся обряду. На относительность радиоуглеродной хронологии археологи не раз обращали внимание (Беседин, 1999. С. 191, 194, 195; Kouznetsov, 1999. P. 239). На данном этапе развития археологии и изотопного датирования неоспоримая ценность радиоуглеродной хронологии заключается в том, что она может выступать в качестве внешней независимой системы, с которой на принципах верификации может сопоставляться система относительной хронологии. Если при подобном сопоставлении мы получим соответствие по всем основным структурным звеньям, появятся новые естественнонаучные данные, не зависящие от традиционных аналитических археологических процедур, которые в первую очередь будут подтверждать правильность относительной периодизации. Если же подобного соответствия не обнаружится, а радиоуглеродная хронология культуры будет действительно являться системой, а не набором единичных дат, то и это будет не основанием, а только вектором возможного поиска корректировки относительной хронологии. Справедливости ради следует заметить, что там, где радиоуглеродные даты одного культурного контекста или хотя бы блока синхронных культур выстраиваются в систему, мы наблюдаем их общее структурное соответствие относительной хронологии. Одними из главных системообразующих признаков являются: представительные серии дат (не менее 25–30 для культуры или блока однозначно синхронных культур), датировка разных углеродосодержащих материалов в разных лабораториях, наличие связей дат из закрытых комплексов. На мой взгляд, данные ^{14}C блока посткатакомбных культурных образований уже сейчас образуют систему, которая в целом соответствует относительной периодизации заключительного этапа средней – начала поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

- Беседин В. И., 1999. О новых абсолютных датах предсрубного периода // Исторические записки: Науч. тр. историч. ф-та ВГУ. Воронеж. Вып. 4.
- Бочкарев В. С., 1991. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: Мат. методолог. семинара ИИМК АН СССР. СПб.
- Бочкарев В. С., 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: Мат. конф. СПб.
- Бочкарев В. С., 2003. Металлические топоры-тесла и долота эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона: Плановая тема, выполненная в Отделе Средней Азии и Кавказа ИИМК РАН. СПб.
- Гершкович Я. П., 1998. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-восточное Приазовье) // Археологический альманах. Донецк. № 7.
- Григорьев С. А., 1999. Древние индоевропейцы: Опыт исторической реконструкции. Челябинск.
- Дергачев В. А., 2006. Динамика развития домашнего стада неолита – бронзы юга Восточной Европы как возможный индикатор климатических изменений прошлого // Revista archeologică. Chişinăi. Vol. II.
- Епимахов А. В., 1997. Проблемы хронологии синташтинских памятников // Проблемы истории, филологии, культуры. Ч. 1: История. М.; Магнитогорск.

- Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К.*, 2005. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. № 4.
- Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.*, 2005. Курганы древних скотоводов междуречья Буга и Днестра. Одесса.
- Каверзнева Е. Д.*, 2003. Погребения с костяными поясными пряжками из Шагарского могильника // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М. Ч. I.
- Каверзнева Е. Д., Бобров А. А., Борисов А. В.*, 2006. Погребальный обряд Шагарского могильника и реконструкция заупокойной пищи // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры: Забелинские науч. чтения – 2005. М. (Тр. ГИМ. Вып. 158.)
- Калмыков А. А.*, 2005. Роговые фигурные пряжки Егорлык-Калаусского междуречья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Калмыков А. А., Мимоход Р. А.*, 2005. Роговые и костяные поясные пряжки и подвески долинской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 4.
- Каргалы. М., 2002. Т. II.
- Кияшко А. В.*, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Ковалюх Н. Н., Мимоход Р. А.*, 2007. Новые радиоуглеродные даты посткатакомбных погребений Нижнего Поволжья и степного Предкавказья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневожская археолог. конф. Волгоград.
- Корневский С. Н.*, 2007. Радиокарбонная хронология Большого Ипатовского кургана и схема Блитта-Сернандера // *Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа. М.
- Кузнецов П. Ф.*, 1996. Новые радиоуглеродные данные для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. СПб. Вып. 1.
- Литвиненко Р. А.*, 1999а. К проблеме хронологического соотношения памятников синташтинского круга и КМК // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н. э.: Региональные особенности в свете универсальных моделей: Мат. междунар. конф. (25 августа – 2 сентября 1999 г.). Челябинск; Аркаим.
- Литвиненко Р. А.*, 2001. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара.
- Литвиненко Р. А.*, 2002. Катакомбное наследие в бабинской культуре // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.
- Литвиненко Р. А.*, 2003. Южноуральский очаг культурогенеза и культура Бабино (КМК): проблема взаимосвязи // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат. междунар. науч. конф. Чебоксары.
- Литвиненко Р. О.*, 2004а. Західна периферія бабинського осередку культурогенезу // Проблеми історії та археології України: Мат. V междунар. науч. конф., посвящ. 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. Н. В. Карамзина (4–6 ноября 2004 г.). Харьков.
- Литвиненко Р. А.*, 2004б. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 2.
- Литвиненко Р. А.*, 2006а. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 5.

- Литвиненко Р. А.*, 2006б. Культурные области Бабино и Синташты: к проблеме хронологического соотношения // Урало-Поволжская лесостепь в эпоху бронзового века: Сб. ст., посвящ. 60-летию В. С. Горбунова. Уфа.
- Лисенко С. Д.*, 2004. Доповнення до археологічної карти Фастівського району (1999–2004 рр.) // Археологічні пам'ятки Фастівщини: Мат. до археолог. карти Київської області. Фастів.
- Лысенко С. Д.*, 2005. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // Проблемы эпохи бронзы Великой Степи. Луганск.
- Лысенко С. Д.*, 2006. Комплекс памятников эпохи поздней бронзы у с. Ходосовка (по результатам исследований 2003 г.) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 5.
- Малов Н. М.*, 2001. Культуры эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара.
- Мимоход Р. А.*, 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археолог. конф.: Тез. докл. Волгоград.
- Мимоход Р. А.*, 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы исследования памятников археологии Східної України. Луганськ.
- Мимоход Р. А.*, 2007. Лолинская культура финала средней бронзы Северо-западного Прикаспия // РА. № 4.
- Мимоход Р. А., Шишлина Н. И.*, 2004. Радиоуглеродные данные финальнокатакомбных погребений могильника Манджикины I и некоторые вопросы датирования памятников рубежа эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Прикаспия // Древний Кавказ: ретроспекция культур: Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова: Тез. докл. М. (XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа.)
- Николова А. В.*, 2001. Хронология ямной и катакомбной культур степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара.
- Отрощенко В. В.*, 1994. До уточнення хронології синташтинської культури // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: Тез. докл. Междунар. конф. (25–28 апреля 1994 г.). Днепропетровск.
- Отрощенко В. В.*, 2000. К вопросу о памятниках новокумакского типа // Проблемы энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск.
- Отрощенко В. В.*, 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.
- Отрощенко В. В.*, 2003. К истории племен срубной общности // Археология восточноевропейской лесостепи. Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж. Вып. 17.
- Рассамакин Ю. А.*, 2006. Курган біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 4.
- Савва Е. Н.*, 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Савва Е. Н.*, 2003. Культурно-хронологическое соотношение комплекса культур Ноуа-Сабатиновка с культурами Карпато-Подунавья // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. М. Ч. I.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М.*, 2004. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.
- Тихонов В. В.*, 1995. Грунтовый могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов.

- Трифонов В. А.*, 1996. К абсолютному датированию «микенского» орнамента эпохи развитой бронзы Евразии // Радиоуглерод и археология. Вып. 1.
- Трифонов В. А.*, 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара.
- Черных Е. Н., Орловская Л. Б.*, 2004. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общности (средний бронзовый век) // РА. № 2.
- Черных Е. Н., Черных Н. Б.*, 2005. Дендрохронология и радиоуглеродное датирование в современной археологии // Археология и естественнонаучные методы. М.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Тр. ГИМ. Вып. 165.
- Anthony D. W., Vinogradov N. B.*, 1995. Birth of the chariot // Archaeology: An Official Publication of the Archeological Institute of America. Vol. 48. № 2.
- Bratchenko S. N.*, 2003. Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age of the Middle Don. Svatove, Lugansk region // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)
- Chernykh L. A., Polin S. V., Otroshchenko V. V.*, 2003. Radiocarbon chronology of monuments of the Berezhnovka-Maevka srubnaya culture near the town of Ordzhonikidze // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)
- Górski J., Lysenko S., Makarowicz P.*, 2003. Radiocarbon chronology of the Trzcinec culture circle between the Vistula and Dnieper basins // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)
- Kaiser E.*, 1999. Radiocarbon dates from catacomb graves // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.)
- Klochko V. I.*, 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Mironovka Barrows // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.)
- Klochko V. I., Koško A., Szmyt M.*, 2003. A comparative chronology of the prehistory of the area between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)
- Kouznetsov P. F.*, 1999. Chronology of cultures in Bronze Age in Russia and New Dates according to ^{14}C // Archéologie et ^{14}C : Actes du 3è^me Congrès International (Lyon, 6–10 Avril 1998). (Revue d'Archéométrie Suppl.)
- Kuznetsov P. F.*, 2006. The emergence of Bronze Age chariots in eastern Europe // Antiquity. № 80.
- Nikolova A. V.*, 1999. Radiocarbon dating of graves of the Yamnaya and Catacomb cultures on the Dnieper right bank // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.)
- Szmyt M., Chernyakov I. T.*, 1999. Radiocarbon chronology of «Akkiembetski Kurgan»: A Preliminary Report // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 7.)
- Telegin D. Y., Pustovalov S. Z., Kovalyukh N. N.*, 2003. Relative and absolute chronology of yamnaya and catacomb monuments: the issue of so-existence // The Foundation of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)

А. В. Кияшко, Е. П. Сухорукова

О ВОЛГО-ДОНСКОМ ВАРИАНТЕ ПОЛТАВКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*A. V. Kiyashko, E. P. Sukhorukova. On the Volga-Don variant
of Poltavka culture*

Abstract. The paper deals with the problem of specific way of cultural and historical development of the Middle Bronze Age Catacomb culture tribes in the eastern part of their territory – in the Volga-Don steppes. The Volga-Don group is characterized in details (with special attention to the archaic features in the burial rite, original pottery with comb ornamentation related to Poltavka culture). The authors come to the conclusion that the Volga-Don population did not belong to the cultural circle of the coeval Catacomb tribes. The group differs also from the “classical” Poltavka antiquities of the trans-Volga region and should be considered a specific variant of Poltavka culture.

Ключевые слова: бронзовый век, Волго-Донское междуречье, степная зона, полтавкинская культура, катакомбная культурно-историческая общность, погребальный обряд, культурный вариант.

Для успешного решения вопросов культурогенеза эпохи бронзы Нижнего Поволжья и волго-донских степей необходима организация постоянно расширяющейся базы археологических источников в разнопорядковые пространственно-временные структуры: общности, культуры, варианты. Опыт такого, по возможности дробного, структурирования материалов Нижнего Поволжья в последние годы пополнился разработками посткатакомбных древностей финала средней бронзы, покровских памятников (*Мимоход*, 2004; *Латшин*, 2006).

Определенный прогресс в изучении культур катакомбной общности позволил в самом общем плане определить динамику культурно-исторического развития на востоке катакомбного мира, на территории волго-донских степей (*Кияшко*, 2002). Учет иерархии основных признаков археологической культуры – эпохального статуса металлургии, региональной специфики разновидностей погребального обряда, локального значения керамической традиции – помогает разобраться в сложной картине взаимодействия в эпоху средней бронзы на вышеназванной территории. Главным вектором этих процессов была, на наш взгляд, устремленность различных периферийных по отношению к Кавказу племен к этому центру культурных влияний в эпоху ранней и средней бронзы. Формирование полтавкинской культуры стало одним из проявлений этого движения.

В историографии существуют разные оценки культурной специфики и хронологии полтавкинских памятников. Это, с одной стороны, признание их в качестве особой археологической культуры и даже культурно-исторической общности (*Качалова*, 1965; 1983; 2001; *Васильев*, 1979а; 1979б; *Кузнецов*, 1989; 1991), с другой стороны – всяческое снижение статуса этих памятников. Уже

после основных работ названных апологетов полтавкинской культуры ее стремились ограничить *таксономически* (рассматривали лишь в качестве ступени или раннего этапа срубной культуры: *Синицын*, 1959; *Шилов*, 1975), *территориально* (исключали, например, Южное Приуралье из ареала культуры: *Шилов*, 1975; 1991; *Моргунова*, 1991), *хронологически* (относили к полтавкинским либо ранние, либо поздние материалы этого типа: *Мельник*, 1979; 1985; *Турецкий*, 1992).

Придерживаясь в целом первой точки зрения о существовании особой полтавкинской культуры в достаточно широких территориальных рамках (степные и полупустынные районы Среднего и Нижнего Поволжья, а также Волго-Донского междуречья), мы также настаиваем на ограничении ее материалами раннеполтавкинского (по Н. К. Качаловой) этапа. Этот тезис требует, по всей вероятности, специального обоснования. В данной работе достаточно указать, что ведущий, на наш взгляд, полтавкинский культуuroопределяющий признак – характерная бесшейная яйцевидная керамика, сплошь орнаментированная зубчатым штампом в стиле шагающей гребенки, – присущ только раннеполтавкинским памятникам. В соответствии с этим признаком можно утверждать, что полтавкинская культура отсутствует в степях Южного Приуралья, но распространена в Волго-Донском междуречье.

Истоки полтавкинской керамической традиции могут быть связаны с энеолитическими и раннебронзовыми памятниками степей и лесостепей Южного Урала и Зауралья, где, по крайней мере, известна орнаментация в стиле шагающей гребенки (*Крижевская*, 1977; *Матюшин*, 1982). Следует отметить, что определенную помощь в поисках этих истоков может оказать природно-географическое размещение полтавкинских памятников. Картография показывает, что они встречаются преимущественно в степной и полупустынной зонах волгодонского региона (рис. 1).

В то же время отсутствие ярко выраженных признаков пришлой полтавкинской культуры, за исключением особого керамического комплекса, дает основание для предположения об интеграции на раннекатакомбном этапе в среду позднейших племен Нижнего Поволжья новых групп населения. Они-то и стали ферментом сложения полтавкинской культуры, которая в обрядовом плане унаследовала ямные традиции.

Впервые в историографии вопрос о самостоятельной полтавкинской культуре был поднят в 1950-е гг. (*Кривцова-Гракова*, 1955. С. 10; *Смирнов*, 1959. С. 311). Ведущим исследователем этой проблематики к началу 1960-х гг. стала Н. К. Качалова. Сначала она ограничивала ареал полтавкинских памятников левобережьем Волги – от Самарской Луки на севере до бытовых памятников на дюнах в Астраханской области, отмечая наибольшее количество погребальных комплексов на промежутке от Саратова до Волгограда (*Качалова*, 1962). Как уже было отмечено, в более поздних работах Н. К. Качаловой, И. Б. Васильева и П. Ф. Кузнецова была сформулирована гипотеза полтавкинской культурно-исторической общности с делением на локальные варианты: нижневолжский, средневолжский, приуральский и прикаспийский.

Известные памятники подобного типа в междуречье Волги и Дона до 1980-х гг. были малочисленны и поначалу не оказывали влияния на разработки

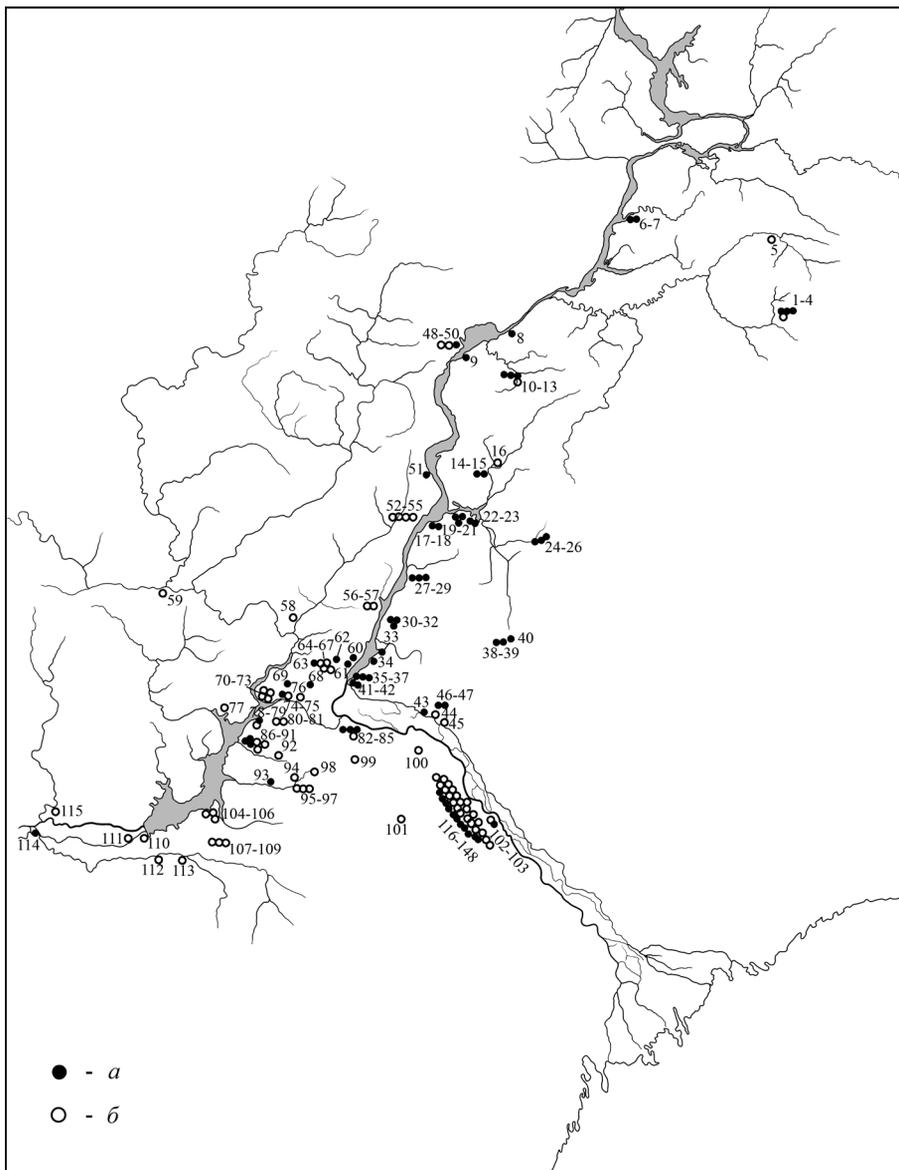

Рис. 1. Памятники полтавкинской культуры на территории Заволжья и Волго-Донского междуречья

a – погребения в ямах; *б* – погребения в подбоях

полтавкинской проблематики. Но по мере накопления археологического материала появились попытки (прежде всего со стороны волгоградских археологов) вовлечь полтавкинские памятники волго-донских степей в русло научных исследований. Впервые внимание на них обратил В. И. Мамонтов (1977), отмечая

наличие здесь полтавкинских погребений не только в ямах, но и в катакомбах. Автор считал этот признак свидетельством влияния катакомбной культуры. Писал об этом и Е. П. Мыськов (1987). Более подробно волго-донские полтавкинские памятники были охарактеризованы А. В. Кияшко (1998). Погребения в камерных сооружениях были определены как подбои – одна из периферийных форм реализации катакомбного обряда, весьма далекая от синхронных классических Т-видных и даже Н-видных конструкций.

Н. К. Качалова, продолжая в последние годы занятия полтавкинской проблематикой (2000, 2001), все же не успела определенно высказаться по волго-донским комплексам.

Раскопки последних лет все более пополняют выборку полтавкинских погребений степной и полупустынной части Волго-Донского междуречья, накапливаются такие захоронения и в центральных районах Нижнего Подонья¹.

На протяжении всего периода археологического изучения заволжских и волго-донских древностей сложность их культурного определения во многом заключалась в отсутствии четких признаков, позволяющих вычленивать их из общей массы комплексов раннего периода эпохи средней бронзы, хотя признаки именно ранних полтавкинских памятников были определены еще Н. К. Качаловой. К ним она отнесла: преимущественно ямное могильное устройство; положение на спине, скорченно, с завалом вправо или влево; ориентировка на восток, северо-восток; керамика яйцевидной формы с орнаментацией всей поверхности сосуда, включая дно; элементы «шагающей гребенки» в орнаментации. Но следует учесть, что этот набор признаков был определен Н. К. Качаловой именно для территории Заволжья. Однако исследования последних лет, особенно активно проводившиеся на территории волжского правобережья с углублением в западном направлении – в междуречье Волги и Дона, позволили несколько скорректировать признаки полтавкинской культуры, выявили локальные отличия в заволжских и междуреченских материалах.

Анализ полтавкинских материалов проводился по основным археологическим категориям: положение в кургане, конструкция могильного сооружения, ритуал захоронения, половозрастные характеристики умершего, состав и размещение погребального инвентаря.

Следует заметить, что определяющим признаком культурной принадлежности при компоновке анализируемой выборки выступал набор погребального инвентаря, прежде всего керамика характерной формы и орнаментации. Это связано с уже обозначенным выше принципом вычленения пласта полтавкинских комплексов ввиду сохранения у носителей полтавкинской, позднеямной (городцовской) и раннекатакомбной традиций на территории Нижнего Поволжья очень схожего, практически идентичного, ямного погребального обряда. В связи с этим за рамками культурного определения, а значит, и выборки полтавкинских комплексов осталась значительная часть безынвентарных погребений.

¹ В работе использовались материалы из раскопок разных лет Г. А. Федорова-Давыдова, В. В. Дворниченко, В. И. Мамонтова, Е. П. Мыськова, А. Н. Дьяченко, А. С. Скрипкина, И. В. Сергацкова, В. М. Клепикова, В. А. Лопатина. Авторы выражают благодарность коллегам за предоставленную возможность работы с материалами.

ний. Лишь отдельные из них удалось привлечь благодаря использованию данных курганной стратиграфии и планиграфии.

Выборка изучаемых памятников включает в себя 148 погребений, из которых 101 открыто на территории Волго-Донского междуречья (выборка заволжских материалов – 47 погребений – невелика по сравнению с тем количеством, которым оперировала Н. К. Качалова в своем исследовании). Нами были исключены погребения, относящиеся, скорее всего, к ямной общности, и позднеполтавкинские, объединенные в группу волго-донских памятников.

Итак, анализ показал, что в полтавкинских погребениях Волго-Донского междуречья ведущим типом могильного устройства выступает подбой. Подобная конструкция была прослежена в 70% (в Заволжье – 13%) от общего количества захоронений (рис. 1). По нашей классификации (*Кияшко*, 1999), полтавкинские подбои соответствуют двум типам могильного устройства:

- тип III¹ – двухчастное погребальное сооружение, в котором длинные оси входной ямы и камеры параллельны друг другу; вход в камеру устроен, как правило, вдоль всей длинной стенки; он может выглядеть как некоторый перепад между дном ямы и камеры (0,2–0,7 м), но часто никак не оформлен (*Кияшко*, 1999. С. 18); по своим очертаниям и пропорциям камера и входная яма зачастую сходны (45%);

- тип III² – погребальные сооружения в виде описанной выше конструкции, но отличающиеся от предыдущих наличием оформленного входа в камеру в виде одной или нескольких приступок – ступеней различной высоты, ширины и формы, количество которых может достигать трех и более; они могут повторять очертания стенки могилы или иметь иную – подтреугольную (Усть-Погожье I, 2/5), округлую (Тихоновка II, 2/4), подквадратную (Тихоновка II, 5/4) – форму во входе, у дна камеры (25%).

Входные ямы подбоев в большинстве случаев прямоугольной формы, с закругленными в разной степени углами, размеры варьируют от 1,5 до 3 м в длину и от 0,5 до 2,5 м в ширину. Но встречаются также овальные или округлые ямы, как правило, меньших размеров, редко превышающие в длину 2 м, а в ширину – 1,5 м; квадратные со стороной в пределах 2 м; трапециевидные – в длину 1,5–2,73 м, в ширину 0,8–1,9 м; подтреугольные в целом тех же пропорций. Глубина входной ямы различна – от 0,2 до 2,5 м. Форма камеры подбоя в основном повторяет форму входной ямы, но довольно часто встречается конструкция, где подбой неглубок и представляет собой нишу. В высоту подбоя достигают 0,3–1,5 м. Как правило, они устроены в северной и северо-восточной стенках могильной ямы. Ориентированы подбойные захоронения в большинстве случаев по линии З–В, т. е. преобладающей является широтная ориентировка.

В остальных погребениях Волго-Донского междуречья (30%) прослежено ямное могильное устройство (в Заволжье – 87%). Оно в большинстве своем соответствует типу I упомянутой выше классификации (20%). Как и в заволжских комплексах, ямы различны по форме и размерам. Их можно подразделить на несколько групп: ямы прямоугольной формы, как правило, с округлыми углами, ямы овальной или подовальной, а также трапециевидной форм, по размерам достаточно крупные: в длину до 2–3,5 м, в ширину 1,5–2 м, в глубину – 1,4–2,2 м.

Среди захоронений Волго-Донского междуречья с ямным устройством погребального сооружения выделяется также группа, соответствующая типу II, – погребения в заплечиковых ямах (10%), тех же форм и размеров, но с приступкой шириной 0,2–0,7 м по всему периметру могилы, которая устраивалась на различной глубине.

Специфичными выглядят и некоторые черты погребального обряда в рассматриваемой группе захоронений. Преобладающая поза умерших – положение скорченно на спине с некоторым разворотом туловища на левый бок (30%); также на спине без завала в какую-либо сторону; реже – на левом или правом боку. Но при этом в большинстве случаев умершие лежат лицом к задней стенке подбойной камеры, т. е. отвернуто от входа (50%). Устойчивым признаком выступает местоположение конечностей относительно туловища погребенного: ноги поджаты к телу, как правило, под прямым или тупым углом, обе руки или одна из них уложена вдоль тела, вторая, чуть согнутая в локте, положена на тазовых костях, животе или поверх другой руки (в том случае, если поза погребенного – на спине или на спине с небольшим разворотом вправо или влево). Если погребенный уложен на бок, положение ног сохраняется в прежнем виде, руки иногда вытянуты вперед или обе протянуты к коленям.

Преобладающими позами погребенных в ямных захоронениях являются положение на левом боку, часто с небольшим завалом на спину (44%), либо на спине, скорченно, с разворотом на левый бок (20%).

Ориентированы погребенные, как правило, на восток (42%) или на северо-восток (25%).

Столь же специфичным обрядовым признаком следует считать присутствие в могиле большого скопления костей мелкого рогатого скота – вероятно, туши барана (рис. 2). Такие скопления костей обнаружены в 57 захоронениях, причем в 68% случаев – в погребениях с подбойной конструкцией могильного устройства. По признаку внутримогильной локализации преобладающим местоположением их в подбоях является положение на дне входной ямы (59%). В 18% случаев скопления костей были отмечены в ямах.

По стратиграфии подбойные полтавкинские погребения в большинстве своем являлись основными в курганах (69%; в Заволжье – 5 из 6 погребений), захоронения в ямах, как правило, были впущены в уже существовавшие курганные насыпи (75%; в Заволжье – 81%).

Важным атрибутом, позволяющим идентифицировать погребения как полтавкинские, является керамика характерных форм и орнаментации. Преобладающее положение сосудов в погребениях не выявлено: процентное соотношение случаев расположения их у туловища, в головах, в ногах погребенного примерно одинаково.

При изучении керамики использовалась типология этой категории находок позднемного – раннекатакомбного времени Нижнего Подонья и волго-донских степей (*Кияшко*, 1999; 2002).

Из полтавкинских погребений Волго-Донского междуречья происходят 50 сосудов нашей выборки. В основном это сосуды с выделенным венчиком, которые относятся к отделу II (40%). Из них преобладающим типом выступают горшки стройных пропорций с уступчатым плечиком – тип 2 (22%), а также

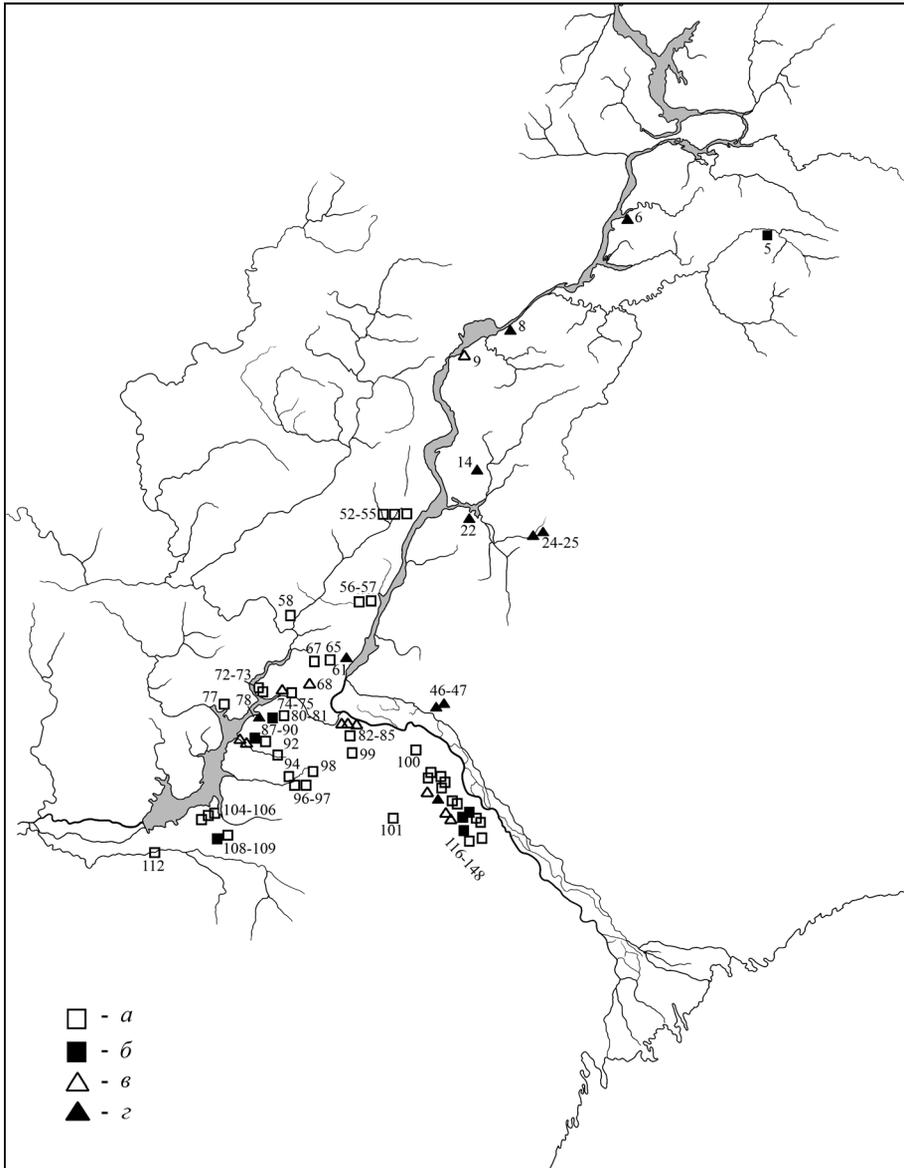

Рис. 2. Наличие костей барана в полтавкинских захоронениях Заволжья и междуречья Волги и Дона

a – наличие большого скопления костей (тушки) барана в подбоях; *b* – наличие отдельных костей барана в подбое; *v* – наличие большого скопления костей (тушки) барана в ямах; *z* – отдельные кости барана в ямах

высокие или стройные горшки с округлым плечиком – тип 1 (18%). Сосуды отдела I – с непрофилированной верхней частью – встречаются несколько реже (36%),

по форме представлены банками открытого или закрытого типа. Несколько сосудов могут быть отнесены к отделу III – короткошейные сосуды (20%) с округлой профилировкой плечика и плавно отогнутой или четко выделенной прямой шейкой. Редкой керамической формой, отсутствующей на территории Заволжья, являются высокошейные сосуды – отдел IV (4%), один из них относится к типу I – сосуд с плечиком, отделяющим верхнюю треть тулова сосуда (Тихоновка II, 2/4), и еще один – сосуд биконической формы с плечиком, приходящимся на середину тулова, – тип 2 (Веселый I, 6/2).

Большая часть сосудов имеет богатую орнаментацию всей поверхности (80%), нередко переходящую и на дно. Орнаментированы сосуды, как правило, отпечатками зубчатого штампа в технике шагающей гребенки, которая может покрывать всю поверхность сосуда (Котлубань I, 8/2) или составлять отдельные орнаментальные зоны в виде нескольких горизонтальных рядов в средней (Тихоновка II, 2/4) или придонной части сосудов (Дмитриевка, 9/11; Химкомбинат Б, 4/15; Ильевка, 1/5; Остров, 10/4). Нередко этот мотив может быть расположен по косой однонаправлено или образовывать треугольники, зигзаги или ломаные линии (Химкомбинат А, 3/5; Калиновский курган, п. 21; Усть-Погожье I, 1/8; Четыре Брата, 2/7; Первомайский, 6/7; Никольское, 6/1). В целом такой элемент в орнаментации, как оттиски зубчатого штампа в виде шагающей гребенки, прослежен на 32 сосудах (64%). Причем большинство из них происходят из погребений с подбойной могильной конструкцией (рис. 3). В Заволжье подобные орнаментальные мотивы отмечены лишь на 9 сосудах, причем 8 из них были обнаружены в ямных погребениях полтавкинского времени.

Отпечатки зубчатого штампа также могут быть уложены в виде круговых горизонтальных линий (Варламов, 1/9; Шелыган, 2б; Барановка I, 22/3), рядов вертикальных оттисков (Нагавский II, 1/9; Усть-Курдюм II, 2/8, тризна) или в елочный узор, покрывающий поверхность сосуда полностью (Усть-Курдюм I, 4/4; Гебель, Е 10/3; Аксай I, 15/21) или зонально (Кастырский VIII, 15/13; Никольское, 6/1; Барановка I, 22/3; Усть-Погожье I, 1/8; Тихоновка II, 2/4).

Те же орнаментальные мотивы зачастую выполнялись и в несколько иной технике – отпечатками однонаправленной веревки или, еще реже, тесьмы. В расположении веревочного орнамента на полтавкинской посуде есть определенная закономерность: если веревочные оттиски используются в сочетании с другими технологическими приемами, то располагаются они только в верхней части сосуда. Оттисками веревки могут быть образованы круговые, косые, вертикальные линии, треугольники (Дмитриевка, 9/11; Мариновка, 1/18; Химкомбинат Б, 4/16; Барановка I, 22/4; Тары, 4/6; Усть-Погожье I, 1/8; Котлубань VII, 1/7; Мариновка, 2/3; Ильевка, 1/5; Аксай I, 8/16; Аксай I, 15/21; Нагавский II, 1/6; Новый, 138/3; Барановка I, к. 20; Тамбовка II, 2/2; Карповка, 6/8; Химкомбинат А, 3/5). Нередким мотивом в орнаментации является сочетание веревочного и зубчатого штампов, когда веревочкой оттиснуты круговые горизонтальные линии, а зоны между ними заполнены короткими вертикальными или косыми зубчатыми отпечатками (Химкомбинат Б, 4/16; Мариновка, 2/3; Ильевка, 10/9). Иногда орнаментальная композиция может быть дополнена и такими мотивами, как веревочные прогибы, петли (Усть-Погожье I, 1/8; Гро мославка II, 2/7; Нагавский II, 1/6), овы (Остров, 10/4; Нагавский II, 1/7; Эвдык, 6/4).

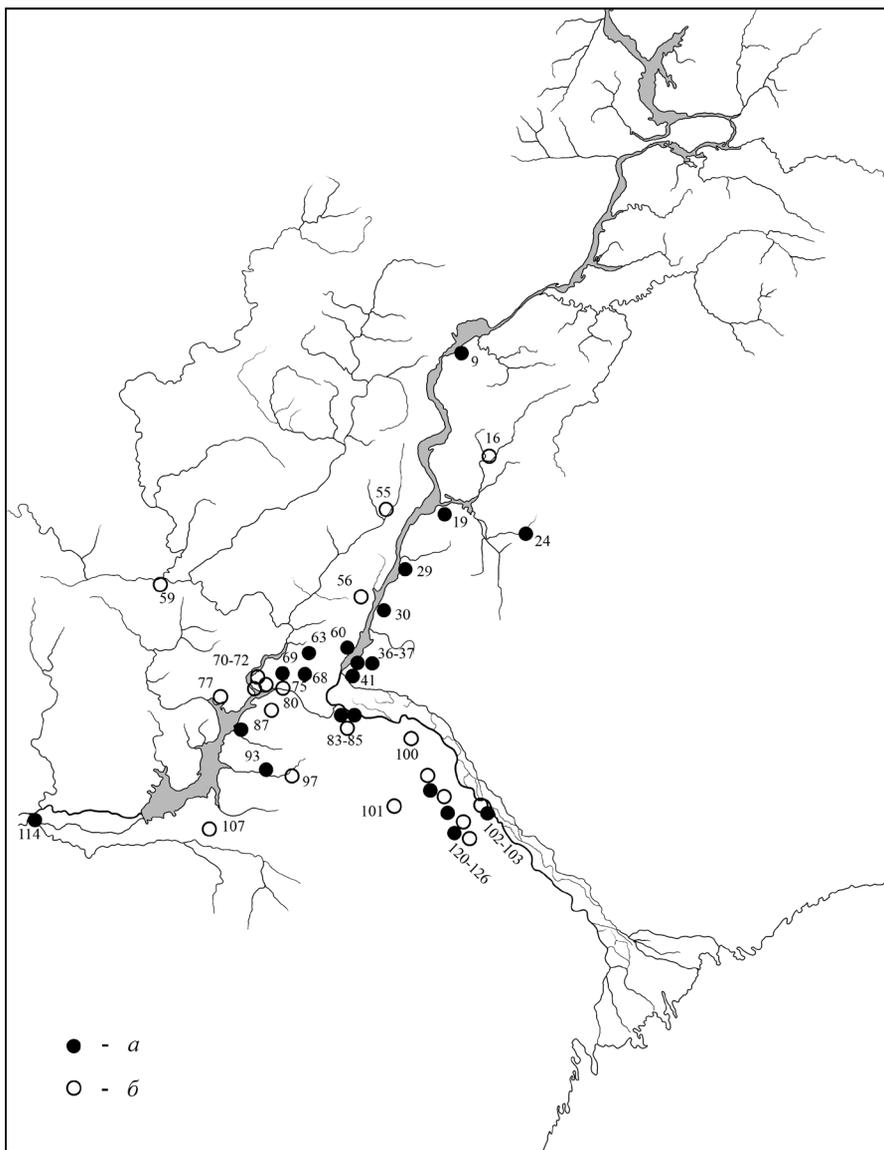

Рис. 3. Находки сосудов с мотивом шагающей гребенки в орнаментации
a – погребения в ямах; *б* – погребения в подбоях

В целом наличие веревочных орнаментальных мотивов было отмечено на 25 сосудах (50%).

В тесте, как правило, присутствует примесь мелко дробленной ракушки (58%) или шамота (24%). Анализ также показал наличие двух важных признаков в керамическом материале: скошенность венчика внутрь сосуда (44%) и вогнутость дна (20%).

Другой инвентарь, помимо керамики, немногочислен, но он, как правило, является маркирующим, поскольку позволяет сопоставить и датировать полтавкинские материалы. В основном это вещи, распространенные в более широком кругу культур эпохи бронзы степной зоны Предкавказья.

Костяные молоточковидные булавки из погребений Волго-Донского междуречья представлены булавками с веретенообразным стержнем и сложной геометрической композицией резного орнамента (Кривая Лука XI, 7/9, обнаружена в комплексе с костяными рубчатыми пронизьями и бусами; Кривая Лука XV, 3/7; Громославка II, 2/7, Мирный, 1/1 – также в комплексе с рубчатыми пронизьями, бусами и фрагментом тонкой сферической серебряной бляшки с выпуклинами по краю). Все булавки орнаментированы в верхней части стержня, до половины. Лишь одно изделие аналогичного типа не орнаментировано (Волжский, 2/19). Длина булавок варьирует от 12,5 до 19 см.

Из других костяных изделий следует упомянуть находки в двух погребениях наборов костяных колец (Кумыска II, 1/12; Аксай I, 9/9).

В состав инвентаря полтавкинских погребений входят также ножи и шилья. Все обнаруженные шилья – четырехгранные в сечении, с обоюдоострым концом (Гебель, Е 10/3, Калиновский курган, п. 21). Ножи – наиболее распространенная категория металлических изделий в полтавкинских погребениях, имеющая достаточно четкое морфологическое членение. Это ножи с лезвием пятиугольной формы с наибольшим расширением и заточкой в верхней трети (Кривая Лука XIV, 15/7; Гебель, Е 10/3; Первомайский VIII, 6/6), клинки с обоюдоострым ромбовидным лезвием и длинным черешком (Первомайский VIII, 6/7; Калиновский курган, п. 21), а также удлинено-листовидные (лавролистные), полностью заточенные ножи с коротким черешком (Ясырев I, 9/39). Этот комплекс орудий, характеризующий раннедонецкий период (*Кияшко*, 1999. С. 81–82; 2002. С. 25), свидетельствует о расцвете в это время полтавкинской погребальной обрядности.

В двух погребениях были найдены плоские бронзовые тесла, по пропорциям близкие привольненским, но в контексте других признаков обряда и инвентаря относимые к предшествующему, успенскому, этапу металлургии (Боаро, F 6/9; Советское, 2/11). Раннее распространение таких орудий на Северном Кавказе и в Предкавказье недавно было обосновано М. Б. Рысиным (2007. С. 185).

Одной из составляющих категории металлического инвентаря являются подвески различных форм и конфигураций: спиралевидные подвески в полтора оборота (Котлубань I, 8/2; Ильевка, 10/9; Аксай I, 8/16), подвески в виде перевитых стерженьков с шариком на одном конце и петелькой на другом (Кривая Лука XXXIV, 2/5; Кривая Лука VII, 19/19; Эвдык, 6/4) маркируют раннекатакомбное время; височные кольца с обратным разворотом (Веселый III, 3/9), стержневидные подвески с рельефной тесемчатой орнаментацией (Кривая Лука XVI, 1/24; 25), дисковидные подвески (Аксай I, 8/16) – свидетельство бытования памятников в раннедонецкое время.

Из каменных изделий в полтавкинских захоронениях встречены: топорик кабардино-пятигорского типа и пест (Советское, 2/11), шлифованный сверленный топор клиновидной формы (Дмитриевка, 9/11), полированная булава грушевидной формы из змеевика (Ильевка, 1/5). Топорик из погребения Советское, 2/11

датируется по нижнедонским и северокавказским аналогиям раннекатакомбным или раннедонецким временем (*Кияшко*, 1999. С. 80). Другие названные каменные предметы имеют еще более поздний облик, да и комплексы, их содержащие, по ряду признаков инвентаря датируются финальной стадией полтавкинского времени.

Характеристика особенностей погребального обряда и инвентаря волго-донских памятников полтавкинской культуры, произведенная в сопоставлении с материалами этой культуры с территории Заволжья, большинство которых хорошо известно в науке, дает основание для вывода об их специфике. Основные различия заволжских и волго-донских древностей затрагивают такие существенные стороны погребального обряда и инвентаря, как тип могильной конструкции, ритуальные детали, стилистика орнамента на керамике.

Единичные случаи захоронений полтавкинского времени в подбоях среди обычных ям в Заволжье, при трехкратном преобладании подбоев над могилами в ямах в Волго-Донском междуречье, свидетельствуют, на наш взгляд, о локальном различии на уровне варианта культуры. Объяснение такого соотношения типов могильных конструкций, очевидно, связано с большей территориальной близостью волго-донских степей, чем Заволжья, к очагу возникновения катакомбного обряда в Северо-Восточном Приазовье.

При этом, по нашему мнению, следует четко отличать подбой от катакомбы. У этих типов погребальных сооружений имеются четкие конструктивные отличия: камеры Т-видных, Н-видных и асимметричных катакомб отделены от колодца зауженным относительно его стенки входом, зачастую оформленным как ступенчатый или покатый дромос. Подбой, как отмечено выше, предполагает широкий или слегка зауженный вход, как правило, во всю длинную стенку входной ямы. Перепад между дном ямы и подбоя либо отсутствует, либо имеет вид крутой ступени (*Кияшко*, 1999. С. 18).

Также надо отметить, что классические Т-видные ранние катакомбы, синхронные этапу появления на территории Волго-Донского междуречья памятников полтавкинской культуры, массово распространены на восток лишь до нынешнего г. Волгодонска. Далее, вплоть до р. Донская Царица (южнее г. Калач-на-Дону), начинается зона их контактной, чересполосной встречаемости с полтавкинскими комплексами, прежде всего с подбоями (*Кияшко*, 2001. С. 94. Рис. 1).

Кроме того, катакомбы и подбои как типы погребальных сооружений не могут рассматриваться в отрыве от соответствующих им обрядовых стереотипов.

Умершие в ранних катакомбах располагаются, как правило, лицом к выходу из могильной камеры, за исключением особых случаев коллективных погребений. Характерной чертой ритуала катакомб является их последующая вскрываемость и доступность. Это не только подтверждается редкими примерами дополнительных подзахоронений в уже существующие могилы, с засыпкой или смещением первичного костяка, но гораздо более наглядно выражено в практически обязательном посмертном смещении черепа погребенного (декапитация, по В. И. Мельнику). Причем сохранение в ряде случаев *in situ* нижней челюсти и верхнего позвонка свидетельствует о достаточно длительном периоде, предшествовавшем вскрытию камеры катакомбы.

Для погребений в ранних катакомбах типично отсутствие сосудов как емкости пищи (за исключением детских погребений), что представляет собой еще позднейшую черту обряда. В то же время здесь практически обязательно наличие жаровни в качестве вместилища священного огня.

Важной и практически обязательной частью инвентаря ранних катакомб являются сложенные вместе, чаще всего за спиной погребенного, черепа и кости ног мелкого рогатого скота. По общепринятой в науке интерпретации, эта находка является не пищевым припасом для души умершего, а компактно свернутой шкурой барана, олицетворяющей животного в качестве помощника и проводника этой самой души.

Наконец, ранние катакомбы, как правило, являются впускными в курганы позднейшего времени. Правда, это более характерно для Приазовья, а в восточных районах Нижнего Подонья они чаще были основными в курганах.

По степени проявления перечисленных признаков обряда и инвентаря полтавкинские погребения в подбоях диаметрально противоположны синхронным ранним катакомбам либо доминантно проявляют те черты, которые не свойственны вовсе катакомбному обряду.

Подбой, как правило, основные в курганах и практически всегда ориентированы длинной осью в широтном направлении. Отмеченная выше традиция располагать умершего в подбое спиной к выходу свидетельствует о восприятии пространства вокруг скелета как ниши, «ямы, вдвинутой в стену», но никак не в качестве камеры катакомбы, которая конструктивно и, вероятно, семантически обособлена от входного колодца. Свидетельств последующего вскрытия подбойных погребений, устройства подзахоронений или каких-либо манипуляций с костями умершего не обнаружено.

Для инвентаря полтавкинских подбоев, где преимущественно похоронены взрослые люди, обязательным является наличие сосуда, который располагается «по ямному правилу» – вблизи костяка, а не по «катакомбному правилу» – по углам могильной камеры. При этом отмечено совершенно уникальное для раннекатакомбного времени явление – практически полное отсутствие жаровен. Последние есть лишь в единичных комплексах позднейшего периода полтавкинской культуры, четкая атрибуция которых затруднительна.

Столь же наглядной антитезой катакомбному обряду выглядит полное отсутствие в полтавкинских погребениях черепов и костей ног мелкого рогатого скота (шкур – символов животного). В то же время неизвестным для катакомбной общности ритуалом является приношение полной туши барана, иногда нескольких особей. Как отмечено выше, эти кости, обычно в виде бессистемного скопления, располагаются на дне входной ямы полтавкинского подбоя и представляют собой, по всей вероятности, остатки поминальной тризны. Здесь же следует подчеркнуть, что эта ритуальная деталь является специфическим признаком волго-донской группы памятников, который неизвестен в Заволжье.

Таким образом, по перечисленным критериям охарактеризованная группа волго-донских памятников не может быть включена в круг синхронных катакомбных древностей. Она имеет особые полтавкинские элементы, в частности архаичный обряд с ориентировкой костяков в восточный сектор, специфическую керамику с орнаментацией в стиле шагающей гребенки и т. д., но по ряду

признаков (подбой, остатки туш барана) отличается от классических заволжских памятников этой культуры и может рассматриваться как ее особый вариант (рис. 4).

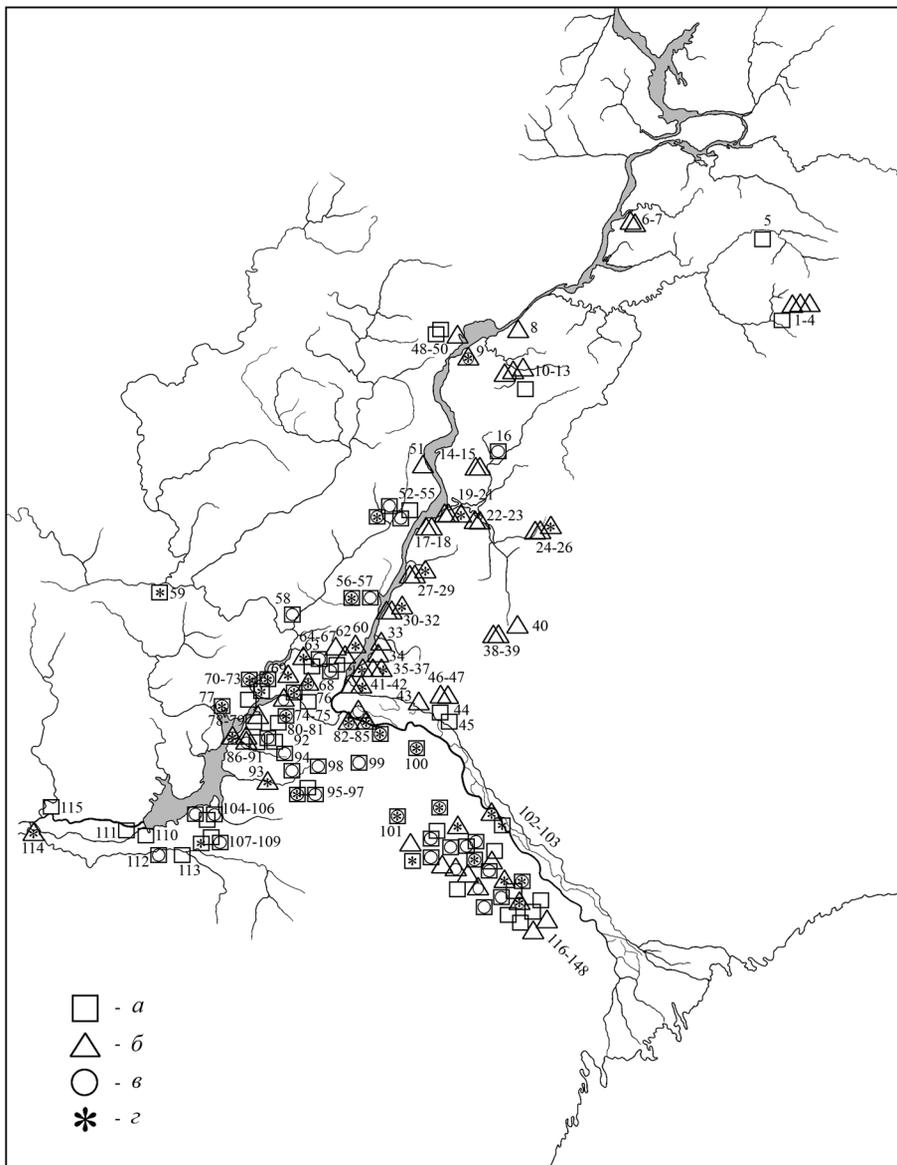

Рис. 4. Картография основных признаков волго-донского варианта полтавкинской культуры

a – погребения в подбоях; *b* – погребения в ямах; *v* – скопление костей барана в погребении; *z* – сосуды с мотивом шагающей гребенки в орнаментации

Детальный анализ погребального инвентаря выявил, что полтавкинские памятники волго-донских и заволжских степей обладают внутренней динамикой, отражающей эволюционные процессы развития под воздействием других культурных образований эпохи средней бронзы. Внутреннее хронологическое членение четко прослеживается по принципу: ранние памятники – древности основного, развитого этапа – финальные полтавкинские комплексы. Первые немногочисленные, равномерно распространены по степной и полупустынной зоне Заволжья и Волго-Донского междуречья от широты Саратова (Советское, 2/11; Мирный, 1/1) до Кривой Луки на юге и донского Левобережья на западе (Громославка II, 2/7). Их маркируют керамика с округлым, приостренным и уплощенным дном, находки костяных молоточковидных булавок с наборами других амулетов, плоские тесла успенского типа и т. д. По этим признакам начало распространения полтавкинских памятников датируется раннекатакомбным временем.

Древности развитого этапа – основной массив изучаемых материалов – распространены практически по всей вышеназванной территории, а также в единичных случаях встречаются на донском Правобережье (Калиновский курган, п. 21), в центральной части нижнедонского Левобережья (Новый, 138/3) и на территории Западного Казахстана (Кресты, 8/3). К этому времени относится большинство погребений в подбоях, а также комплексов, содержащих хорошо датируемые металлические изделия (ножи). В орнаментации керамики, наряду с характерным стилем «шагающей гребенки», распространяются новые шнуровые (петли, овы) и ранние тесемчатые элементы (т. н. однонаправленная тесьма). Эти изменения связаны с влиянием катакомбной общности на полтавкинскую культуру и маркируют новый, т. н. раннедонецкий, этап развития.

Финальные памятники полтавкинской культуры, как и древности раннего этапа, немногочисленны и встречаются, по-видимому, только на территории Волго-Донского междуречья – в основном в его западной части. По крайней мере, там, в бассейне левобережных притоков, сконцентрированы комплексы, материалы которых свидетельствуют, с одной стороны, о смешении полтавкинских и раннедонецких культурных традиций, а с другой – о том, что полтавкинская культура в своем волго-донском варианте становится базой для сложения волго-донской катакомбной культуры.

Идея, что судьба полтавкинской культуры эволюционна и связана с трансформацией ее на позднем этапе в волго-донскую культуру (позднедонецкое время), была высказана А. В. Кияшко, Н. М. Маловым и В. В. Филиппченко. В пользу более позднего возраста волго-донских материалов по сравнению с полтавкинскими свидетельствуют примеры прямой стратиграфии погребений этих двух культур (Антонов, 6/1; 6/5; Остров, 10/2; 10/4; Солодовка). В то же время ярким примером их тесной, по всей вероятности генетической, связи является комплекс Аксай I, 15/21, в котором, при сохранении полтавкинского обряда, в керамическом наборе присутствовали два сосуда, один из которых – с выраженными волго-донскими элементами. В целом не противоречат данному положению и некоторые элементы обряда (восточная ориентировка погребенных, наличие костей барана в могиле, практически полное отсутствие жаровен) и инвентаря (морфологически волго-донские сосуды – это уже в большей степени короткошейные горшки, в верхней части которых, однако, в качестве элемента декора

по-прежнему часто выступает фриз, выполненный веревочкой, орнаментированные елочным узором, в ряде случаев переходящим и на дно сосуда).

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И. Б.*, 1979а. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Васильев И. Б.*, 1979б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья: Науч. тр. Куйбышев. Т. 230.
- Качалова Н. К.*, 1962. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. Вып. 5.
- Качалова Н. К.*, 1965. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып. 112.
- Качалова Н. К.*, 1983. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып. 24.
- Качалова Н. К.*, 2001. Относительная хронология полтавкинских памятников // АСГЭ. Вып. 35.
- Качалова Н. К.*, 2000. Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого: К столетию со дня рождения Б. А. Латынина. СПб.
- Кияшко А. В.*, 1998. Полтавкинские подбойные погребения низовой Волги и Дона // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 1.
- Кияшко А. В.*, 1999. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград.
- Кияшко А. В.*, 2001. О восточных пределах распространения раннекатакомбного обряда на территории Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии волго-донских степей. Волгоград. Вып. 1.
- Кияшко А. В.*, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М.
- Крижевская Л. Я.*, 1977. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л.
- Кузнецов П. Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск; Куйбышев.
- Кузнецов П. Ф.*, 1991. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Латишин А. С.*, 2006. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона (по материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Мамонтов В. И.*, 1977. Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья: Науч. тр. Куйбышев. Т. 220.
- Матюшин Г. Н.*, 1982. Энеолит Южного Урала. М.
- Мельник В. И.*, 1979. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. Донецк.
- Мельник В. И.*, 1985. Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Мимоход Р. А.*, 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археологич. конф. (Волгоград, 1–5 ноября 2004 г.): Тез. докл. Волгоград.
- Моргунова Н. Л.*, 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. № 4.
- Мыськов Е. П.*, 1987. Новые полтавкинские памятники Нижнего Поволжья // СА. № 4.
- Рысин М. Б.*, 2007. Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации) // Археологические вести. М. Вып. 14.
- Синицын И. В.*, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. № 60.
- Смирнов К. Ф.*, 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.

Турецкий М. А., 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Шилов В. П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.

Шилов В. П., 1991. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА. № 4.

Е. И. Гак

ИНДИКАТОРЫ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР СТЕПНОЙ ЗОНЫ ПРЕДКАВКАЗЬЯ И ЮГА ДОНО-ВОЛЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

E. I. Gak. Indications of metal production of the Catacomb cultures in the steppe zone of the North Caucasus piedmont and the southern part of the Don-Volga interfluve

Abstracts. In the paper the problem of metal production and metalworking of the Middle Bronze Age Catacomb culture tribes is discussed. Special attention is paid to the burial associations containing artefacts related to copper casting and metalwork (casting moulds, hammers, anvils etc.). The author considers metal objects from the point of view of morphology, microwear and metallographic analyses. The technology used by the Catacomb craftsmen is similar to what is known about the Circumpontic metal production of the period in question, yet some specific modes of metalworking are revealed typical of the North Caucasus steppe region.

Ключевые слова: средний бронзовый век, степное Предкавказье, катакомбная культурно-историческая общность, металлообработка, инструментарий, структурный анализ, технико-технологическая характеристика.

Идентификация свидетельств металлопроизводственной деятельности пастушеских племен, населявших степное Предкавказье и прилегающие районы в среднем бронзовом веке (СБВ), сопряжена с известными трудностями методического плана. Опираясь материалами погребальных памятников, следует осознавать, что происхождение, назначение, реальные хозяйственно-бытовые функции, а также причины помещения вещей в могилу далеко не всегда могут быть однозначно установлены (Черных, 1996. С. 16–19; Санжаров и др., 2003. С. 153, 154). В ряде случаев функциональную принадлежность артефактов возможно определить только с привлечением специальных методов исследования. Кроме того, если занятие степного населения такими традиционно домашними промыслами, как деревообработка, кремнеобработка, костерезное дело, изготовление глиняной посуды, кажется вполне очевидным, то в отношении металлообрабатывающего производства с его особыми условиями организации необходим более взвешенный, комплексный подход.

В свое время решающим в вопросе существования металлообработки у пастушеских племен СБВ стало открытие погребений с плавильно-литейным инструментарием (Шилов, 1959; Шапошникова, 1971; Бочкарев, 1978; Березанская, 1980). Повсеместное выявление подобных комплексов, а также поселений со следами металлопроизводственной деятельности на территории Северного Причерноморья в дальнейшем способствовало утверждению положения о тотальном освоении методов обработки металла носителями местных культурных образований (Братченко, 1995. С. 89; Черных, 1997а. С. 117 и др.). Для степного Предкавказья и южной части Доно-Волжского междуречья модели развития металлообрабатывающего производства в СБВ начали обсуждаться совсем недавно (Кияшко А., 2002. С. 31–33; Гак, 2007. С. 102; Рысин, 2008. С. 222–225), в связи с чем приобрела актуальность задача вычленения, систематизации и оценки его конкретных показателей. Такими показателями являются найденные в закрытых (погребальных) комплексах предметы, связанные с процессом производства, и металл, обладающий признаками локальной специфики.

Находки, связанные с процессом производства, имеют особое значение для характеристики технико-технологической базы и уровня развития металлообработки. Сам факт их присутствия в составе погребального инвентаря дает веские основания считать металлические изделия, массово представленные в комплексах той же культурной принадлежности, продукцией местного изготовления, а не импортом¹.

На рассматриваемой территории известно два захоронения, сопровождавшихся комплектами металлопроизводственных инструментов. Первое открыто в могильнике Веселая Роща I (курган 3, погребение 3) на Ставрополье (Державин, Тихонов, 1981). Типичные черты обряда и инвентаря позволяют отнести этот комплекс к восточноманычской катакомбной культуре. Кроме обычных для нее предметов здесь находилось оборудование плавки, литья (тигель, две двустворчатые формы для отливки втульчатых топоров) и ковки (молотки, наковаленки) металла, а также правки и отделки готовых металлических изделий (абразивы).

Глиняный тигель обнаружен в обломках, другая информация о нем отсутствует.

¹ Исходя из этого, с местной металлообработкой правомерно связывать практически все найденные в степи орудия повседневно-бытового назначения и украшения, полученные с использованием традиционных технологических приемов. Сложнее обстоит дело с литыми декоративными изделиями южных типов (кавказских, переднеазиатских), которые иногда тракуются как импортные. Между тем критериев отделения импортов от их степных подражаний до сих пор не выработано. На мой взгляд, более или менее уверенно к импортам можно относить лишь единично представленные в погребениях степной зоны технически сложные и своеобразные по исполнению вещи неутилитарного (культового?) назначения, многочисленные аналогии которым концентрируются в одном или нескольких смежных районах за ее пределами. В качестве примера приведу характерные для памятников СБВ Центрального Кавказа, но крайне редко встречающиеся севернее литые полусферы с двумя отверстиями, покрытые пышным рельефным узором.

Возможность практического использования глиняных литейных форм у авторов публикации комплекса вызвала сомнение, мотивированное плохим качеством изготовления, отсутствием покрытия внутренних полостей каолином, неидентичностью негативов на парных створках одной из форм (*Державин, Тихонов*, 1981. С. 255). Между тем А. Л. Нечитайло зафиксировала у обеих форм в местах проуха топоров следы подправки в виде специальных налепов. Подобная подмазка практикуется и в современном литейном производстве перед каждой повторной заливкой металла в форму (*Нечитайло*, 1997. С. 22).

Литье в аналогичные найденным формы, по мнению авторов публикации, могло производиться в щель со стороны бруска. Однако, судя по рисункам, применение такого способа нельзя исключать лишь в отношении одной из форм (рис. 1, 1). Вторая форма (рис. 1, 2) явно имела иное устройство литниковой системы. У одной из ее створок отчетливо видна щель на спинке, аналогичная тем, что имеют литейные формы из синхронных, в том числе катакомбных, погребений Днепро-Донского междуречья (Покровка, 4/3, СХИ г. Луганска, 3/19, Суrowsикино) и Среднего Поволжья (Калиновка, 8/42). По наблюдениям С. Н. Корневского, со стороны спинки отлита большая часть топоров из закрытых комплексов и случайных находок, относимых к этому и последующему времени (*Корневский*, 1976. С. 27).

В составе каменного инвентаря, сопутствовавшего литейным инструментам, в данном погребении находились песты и бруски удлиненной, цилиндрической и усеченно-конусовидной форм со следами утилизации (рис. 1, 3). Использование этих орудий для механической обработки металла гипотетично и определяется только фактом их нахождения в комплексе с литейными приспособлениями.

Аналогичным образом трактуется принадлежность к металлообработке трех абразивных каменных плиток (рис. 1, 7–9) и песта (рис. 1, 10), найденных вместе с тремя глиняными соплами (рис. 1, 4–6) в захоронении раннекатакомбного времени у станции Жутово на юге Волгоградской области (*Шилов*, 1966). Следы копоты и нагара на основаниях и внутри цилиндрических отверстий сопел однозначно указывают на их практическое применение в качестве насадок на специальные воздуходувные устройства, использовавшиеся для увеличения температуры при плавке металла.

В ряде погребений степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья обнаружены отдельные инструменты, так или иначе связанные с металлопроизводством. Большинство их сделано из камня. Некоторые предметы внешне сопоставимы с каменным инвентарем вышеописанных комплексов «литейщиков». Но надо подчеркнуть, что в данном случае оценка сферы применения каждого изделия целиком исходит из результатов трасологического изучения.

Среди каменных предметов из погребений могильников Веселая Роща II и III специалистами-трасологами выделена серия инструментов поли- и монофункционального назначения (*Шаровская*, 1985. С. 226, 227).

К орудиям, совмещавшим как минимум две металлопроизводственные функции, отнесены доработанные сколами шлифованные камни вытянутых пропорций, цилиндрической и конусовидной форм, с характерными следами износа на торцевых поверхностях (рис. 2, 2, 3). Согласно трасологическому заключению, эти изделия использовались как при механической обработке руды, так и

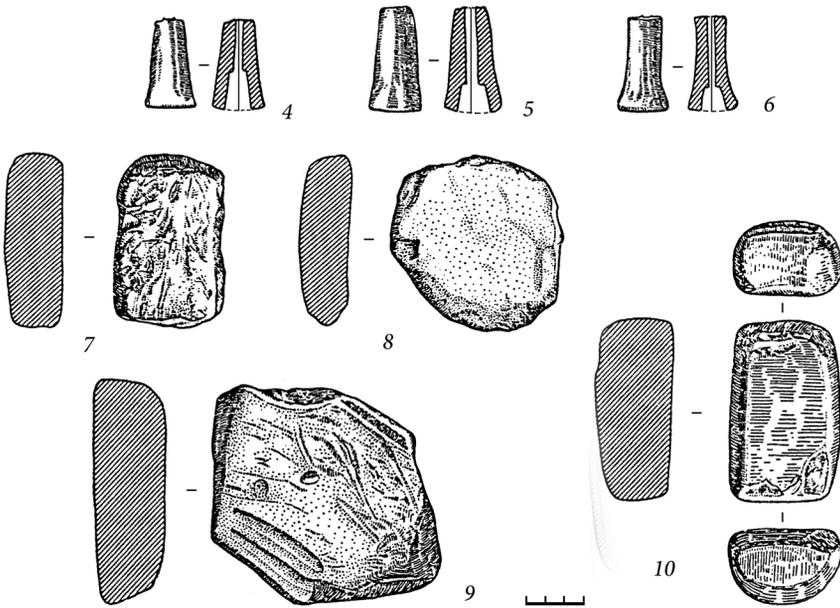
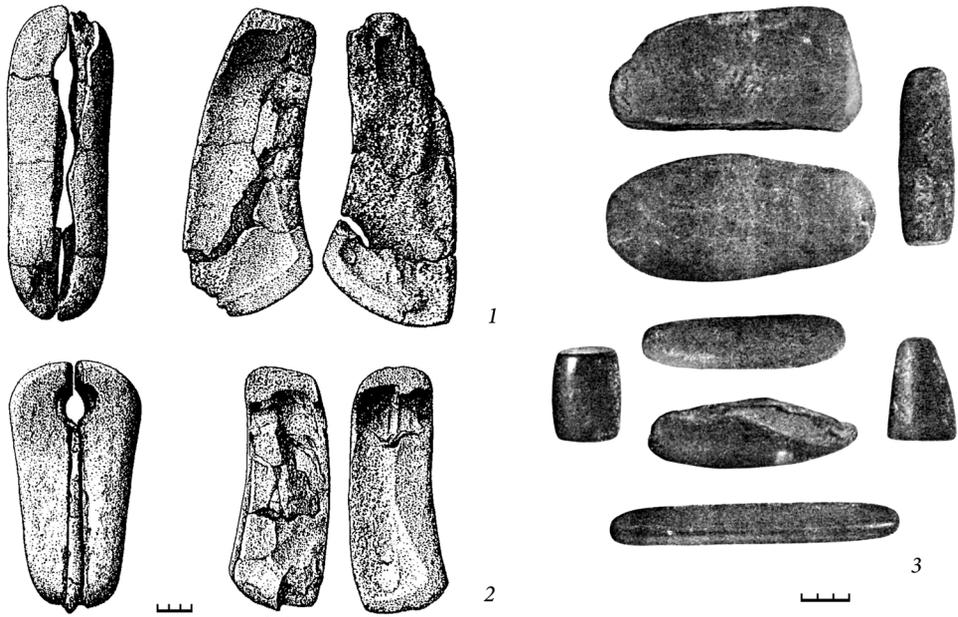

Рис. 1. Комплекты инструментов металлопроизводства из погребений СВВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья
1-3 – Веселая Роща, 1 3/3; 4-10 – Жутово, 21/3 (по: 1-3 – Державин, Тихонов, 1981; 4-10 – Шилов, 1966)

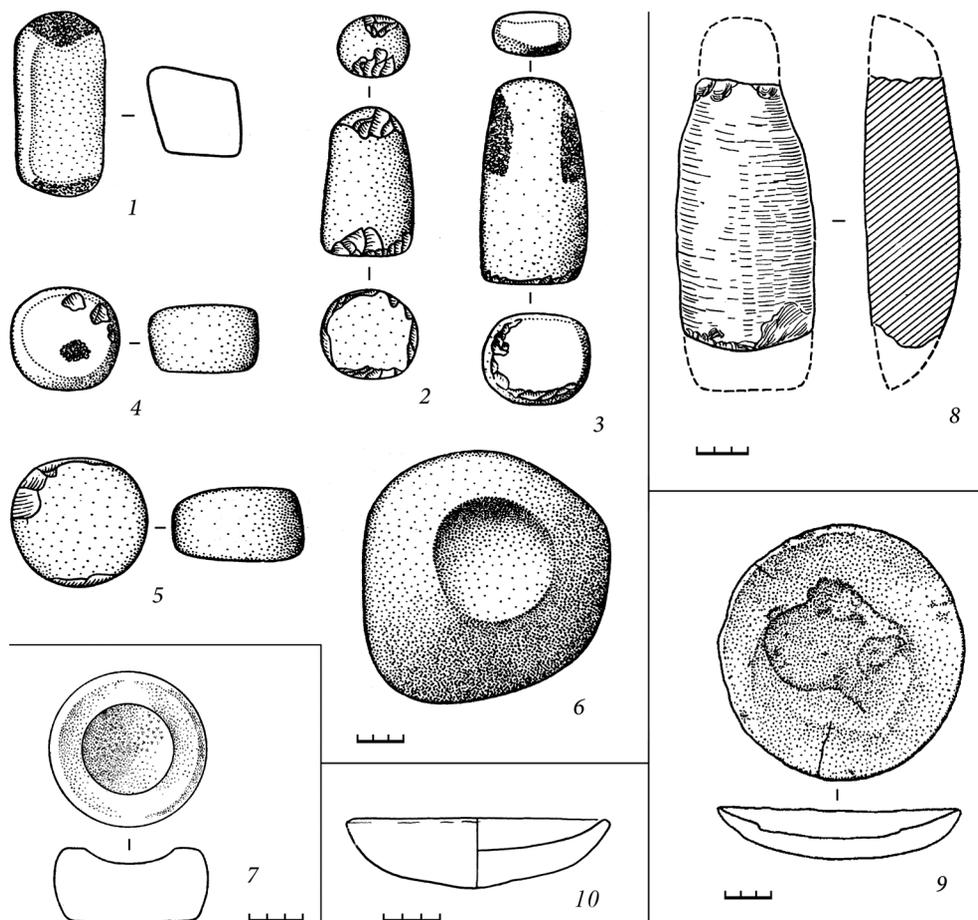

Рис. 2. Отдельные инструменты металлопроизводства

из погребений СБВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья

1–6 – Веселая Роща II и III, разные комплексы; 7 – Батурицкий I, 1/10; 8 – Верхне-Янченков, 11/14; 9 – Колдыри, 3/3; 10 – Балабинский III, 3/5 (по: 1–6 – Шаровская, 1985; 7 – Коробкова, Шаровская, 1983; 8 – Братченко, 1976; 9 – Санжаров и др., 2003; 10 – Каменецкий и др., 1975, отчет)

в качестве гладилок-выпрямителей для раскатки листового металла. Захоронения, в которых они найдены (Веселая Роща II, 2/8 и III, 1/2), относятся к восточноманычской катакомбной культуре. Иной тип полифункциональных орудий представляют подработанные камни усеченно-цилиндрической формы с двумя рабочими площадками, одна из которых служила наковаленкой, другая – подставкой для раскатки металлической фольги (рис. 2, 4, 5). Оба предмета происходят из погребения раннекатакомбной культуры (Веселая Роща II, 13/7).

Монофункциональные орудия Веселой Рощи связаны с катакомбными комплексами восточноманычской культурной атрибуции. Это брускообразный

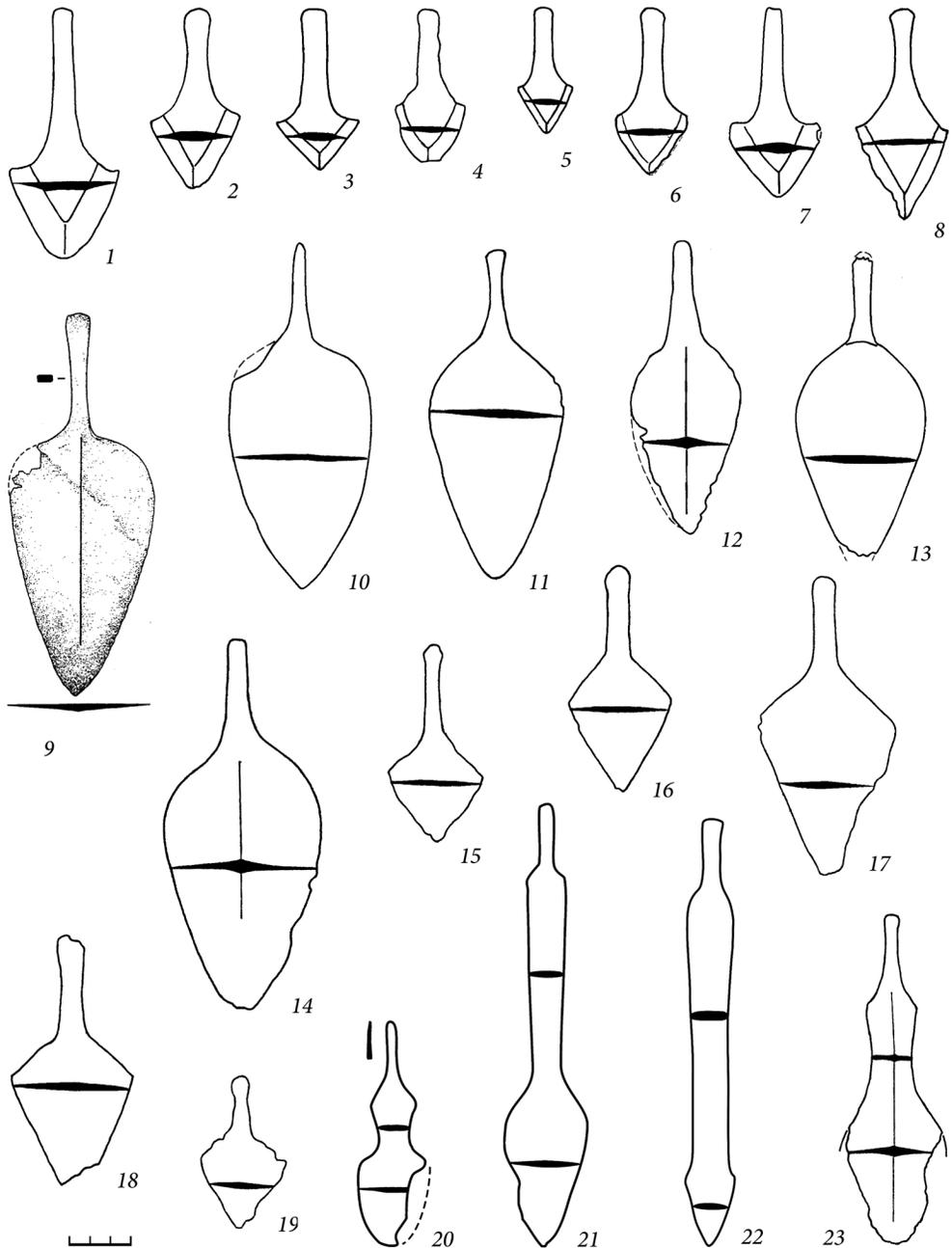

Рис. 3. Ножи своеобразных модификаций из манычских катакомбных погребений степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья

1 – Цаган-Усн IV, 1/5; 2 – Чограй V, 2/3; 3 – КВЧ-56, 2/2; 4 – Элиста, 13/4; 5 – КВЧ-37, 6/3; 6 – Веселая Роща III, 9/4; 7 – Манджикины 1, 15/1; 8 – Долгий, 5/6; 9 – Ипатово 3, 2/32; 10 – Островной, 3/27;

четырёхугольный в сечении пест, область применения которого, по определению Т. А. Шаровской, включала дробление и растирание руды (Веселая Роща III, 15/2; рис. 2, 1), и шлифованная крупная уплощенная галька поддисквидной формы миндалевидного сечения с круглым заполированным углублением на верхней плоскости (Веселая Роща III, 15/9; рис. 2, б). Последняя использовалась в качестве матрицы для изготовления из металлической фольги украшений полусферической формы. Сопоставимое изделие с идентичными признаками износа (рис. 1, 10) встречено в погребении батуринской катакомбной культуры степного Прикубанья (*Коробкова, Шаровская, 1983. С. 91, 92*).

В степной зоне Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья зафиксированы и другие находки средств металлопроизводства. Из катакомбных комплексов позднего этапа СБВ могильников Колдыри и Балабинский III приходят плавильные емкости (рис. 2, 9, 10) в виде тарелкообразных чаш с округлым днищем – тип 3, по Л. А. Черных (1997б. Табл.), внутри которых замечены прикипевшие капельки меди (*Нечитайло, 2005. С. 82, 83*). Функции привязного молота при дроблении руды и ковке металла выполнял массивный каменный пест (рис. 2, 8) из западноманычского погребения в кургане у хутора Верхне-Янченков, о чем свидетельствуют следы рудной крошки, выявленные с помощью химического анализа на сработанном крае орудия (*Братченко, 1976. С. 99*).

Уникальным для погребальных памятников предметом является кусок настилы, обнаруженный С.В. Ляховым в комплексе восточноманычской культуры Центрального Предкавказья (Дамба-Калаус 2, 1/2). То, что это побочный продукт плавки медесодержащего металла, подтверждено данными рентгено-флуоресцентного анализа, полученными Р. А. Митояном на геологическом факультете МГУ².

Обобщая приведенные выше свидетельства металлопроизводства, следует отметить их разбросанность по территории, при явном тяготении к манычским катакомбным памятникам позднего этапа СБВ. Если же оценивать собранный материал совокупно, то окажется, что в нем документально отражены все основные стадии металлопроизводственного процесса – от подготовки сырья к плавке до операций по отделке готовых изделий. Интересно, что из пятнадцати трасологических определений каменного инвентаря памятников СБВ степного Предкавказья восемь указывают на использование орудий в металлопроизводстве. Такой их высокий удельный вес как бы намекает на связь значительной (если не большей) части морфологически сходных, но трасологически не изученных, каменных предметов с металлопроизводственной деятельностью населения,

11 – Элиста, 2/8; 12 – ВМЛБ II, 5/8; 13 – Зунда-Толга 3, 1/3; 14 – Веселая Роща III, 23/2; 15 – Тузлуков, 3/5; 16 – Северный II, 2/5; 17 – Элиста, 8/11; 18 – ВМЛБ II, 18/2; 19 – ВМЛБ II, 43/4; 20 – Веселая Роща II, 2/4; 21 – Туркменский, 1/4; 22 – Овата V, 1/5; 23 – Ергени, 3/4 (по: 1, 3–5, 11 – фонды Калмыцкого республиканского краеведческого музея; 2, 6, 14, 20, 21 – *Державин, 1991*; 7, 10, 12, 13, 17–19, 23 – фонды ГИМ; 8 – *Илюков, 1984, отчет*; 9 – *Корневский, Белинский, Калмыков, 2007*; 15 – *Беспалый, 1979, отчет*; 16 – *Горбенко и др., 1973, отчет*; 22 – *Арапов, 1992, отчет*)

² Благодарю С. В. Ляхова и А. А. Калмыкова за информацию о комплексе, Р. А. Митояна – за выполнение анализа.

в захоронениях которого они встречены. При этом не исключено и полифункциональное (межотраслевое) применение этих предметов, что этнографически фиксируется у многих культур первобытности (Тэйлор, 1939. С. 103).

Признаки морфологической специфики металлокомплекса. В существовании развитого металлопроизводства у племен СБВ степного Предкавказья и юга Дно-Волжского междуречья убеждают достижения местных мастеров в области формотворчества. Показатели этих достижений находятся в составе металлокомплекса, который кроме изделий широкораспространенных форм включает модификации, иллюстрирующие специфику развития местной металлообработки.

В категории двулезвийных клинковых орудий выделю несколько модификаций сравнительно узкого территориально-хронологического диапазона. Первая представлена дротиковидными ножами небольших размеров (6–13 см) с длинным черенком и клинком в виде равностороннего треугольника, у которого режущие кромки расположены по всей длине сходящихся сторон и подчеркиваются коваными фасками (рис. 3, 1–8). Большинство ножей данного типа (учтено более 20) найдено в восточноманычских катакомбных комплексах, концентрирующихся в центре степного Предкавказья. Отдельные орудия встречены в памятниках манычского типа донского левобережья и равнинной зоны Северо-Восточного Кавказа. Прототипами дротиковидных ножей могли стать треугольные клинки, известные в поздних ямных и новоторовских комплексах степного Предкавказья (Днепровская I, 3/1, Верхний, 3/6).

Второй тип ножей (учтено более 30 экз.) включает орудия преимущественно крупных размеров (16–23 см) с широколистовидным клинком и сравнительно узким черенком (рис. 3, 9–14). Большинство их происходит из комплексов восточноманычской культуры. Подобные орудия, названные С. Н. Братченко «карасиками» (Братченко, 1976. С. 95), найдены и в западноманычских погребениях Нижнего Подонья. Также известны они по материалам культур СБВ Кавказа (Джапаридзе, 1998. Рис. 6, 14; Корневский, 1984. Рис. 8, 6, 7; Каменский, 1990. Рис. 3, КТР 42, 43). Но в отличие от многих степных клинков (рис. 2, 9, 12, 14) кавказские менее массивны и не имеют продольной нервюры.

Ножи третьего типа (рис. 3, 15–19) представляют собой орудия средних размеров (9–14 см) с широким треугольным клинком, резко сужающимся под тупым углом к черенку. Практически все их находки (учтено более 20) приурочены к комплексам манычских культур Предкавказья. Эти орудия следует отличать от конфигуративно близких им изделий, имеющих более стройные, вытянутые пропорции и широко известных по материалам памятников разных культурных образований СБВ степной зоны и Северного Кавказа.

Весьма вероятно происхождение в среде предкавказских степных племен ряда модификаций ножей с перехватом и рельефно расширенным по отношению к нему лезвием (ножи катакомбного типа, по С. Н. Корневскому: 1978. С. 36–40). Именно из погребений Предкавказья происходит самая большая и разнообразная коллекция таких клинков, среди которых есть настолько изошренные (рис. 3, 20–23), что трудно представить возможность долгого и эффективного использования их на практике.

Специфика металлопроизводства культур СБВ рассматриваемой территории проявляется также в распространении здесь наконечников стрел характерной

стреловидной формы. От обычных стержней-шильев их отличает ограниченное, рельефно выделенное и короткое в сравнении с длиной насада рабочее жальце, кончик которого иногда притуплен. Самые ранние наконечники данного типа известны в позднейших ямных, новотиторовских (рис. 4, 1, 2) и синхронных им раннекатакомбных (рис. 4, 3) памятниках. На позднем (манычском) этапе СБВ они заметно укрупняются и модифицируются (рис. 4, 4–7). За пределами степного Предкавказья находки стреловидных наконечников составляют редкое исключение.

Выраженным морфологическим своеобразием характеризуются втульчатые топоры (рис. 4, 8, 9), найденные в двух предкавказских комплексах начала СБВ, сопоставимых по некоторым деталям обряда и с позднейшими, и с раннекатакомбными памятниками. Ввиду отсутствия прямых параллелей эти орудия справедливо выделены в самостоятельный тип и отнесены к продукции местной металлообработки (Калмыков, Корневский, 2001). Примечательно, что близкие топорам контуры имеют негативы литейных форм из Веселой Роши (рис. 1, 3). Последнее, с учетом синкретичного облика погребений с топорами, позволяет предполагать преемственность их производства в катакомбной культурной среде. Косвенно об этом свидетельствуют факты обнаружения сопоставимых по обряду захоронений, совершенных не в ямах, как в случае с топорами, а в катакомбах³.

Еще одним примером местного формотворчества являются двузубые втульчатые крюки, которые обнаружены в комплексах восточноманычской культуры Центрального Предкавказья (рис. 4, 10, 11). Отличаясь друг от друга в деталях, эти орудия по ряду морфологических признаков (длина, характер оформления втулки и зубьев, их пропорциональное соотношение) и технологии получения (ковка) больше сопоставимы с катакомбными однозубыми крюками Калмыкии и Ставрополя, чем с цельнолитыми майкопскими вилками или однозубыми крюками дольменных памятников Западного Кавказа.

Творчество местных мастеров угадывается в деталях форм некоторых степных украшений и аксессуаров костюма, выполненных в северокавказском стиле: посоховидных булавок с аморфным навершием (рис. 5, 1–3), дуговидных булавок с раздвоенным стержнем (рис. 5, 5) и с петельчатым навершием (рис. 5, 4), ложковидных подвесок с украшенным овальным черпачком (рис. 5, 6–8), неорнаментированных подвесок-колокольчиков (рис. 5, 10) и подвесок-колпачков (рис. 5, 9). Не случайной представляется связь упомянутых изделий с предманычскими и раннеманычскими катакомбными памятниками, соответствующими периоду смены декоративных и культовых стандартов в степной зоне и на Северном Кавказе. К этому же периоду относятся не имеющие аналогов за пределами рассматриваемой территории оригинальные подвески-амулеты в виде стилизованных бычьих голов (букрании). Серия таких подвесок

³ Наиболее показателен факт обнаружения в кургане 1 могильника Темрта V на Средних Ергенях двух аналогичных по обряду и близких по времени захоронений, различающихся между собой лишь конструкцией могил. Согласно стратиграфическим наблюдениям, основное погребение кургана было совершено в катакомбе, а впускное (как и погребения с топорами) – в подпрямоугольной яме. Благодарю Н. И. Шишину за предоставленную возможность сослаться на неопубликованные материалы ее раскопок.

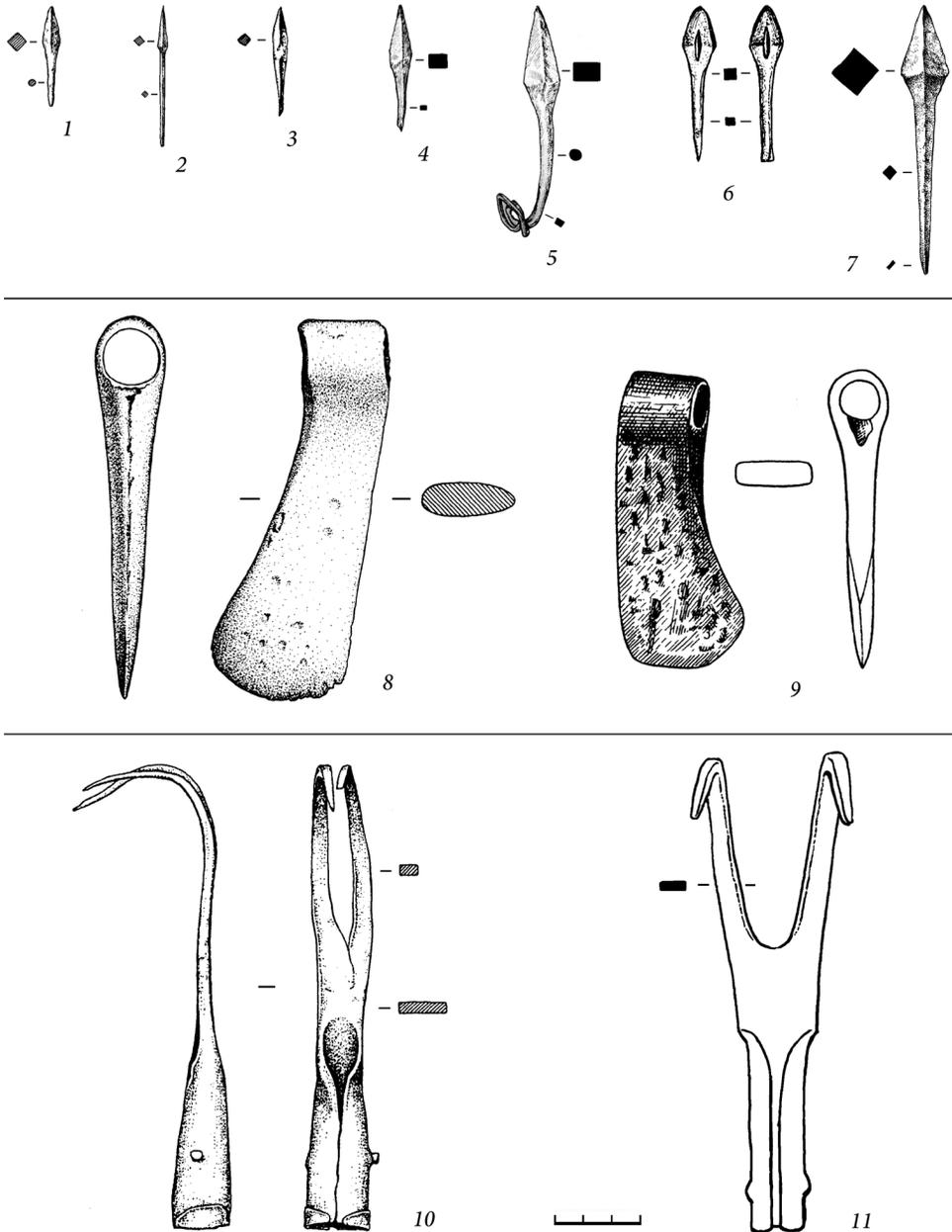

Рис. 4. Стреловидные наконечники стрел (1–7), втульчатые топоры (8, 9) и двузубые крюки (10–11) из погребений СБВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья

1 – Птичьё 1, 1/3; 2 – Расшеватский 1, 10/8; 3 – Ипатово 3, 2/168; 4, 5 – Ореховка, 2/1; 6 – Расшеватский 1, 21/4; 7 – Золотаревка 6, 17/1; 8 – Ильинский 1, 1/5; 9 – Бичкин-Булак, 6/2; 10 – Ипатово 3, 2/32; 11 – Элиста, 8/6 (по: 1, 2, 6, 7 – Гак, Калмыков, 2009; 3, 10 – Кореневский, Белинский, Калмыков, 2007; 4, 5 – Андреева, 1985, отчет; 8, 9 – Калмыков, Кореневский, 2001; 11 – фонды ГИМ)

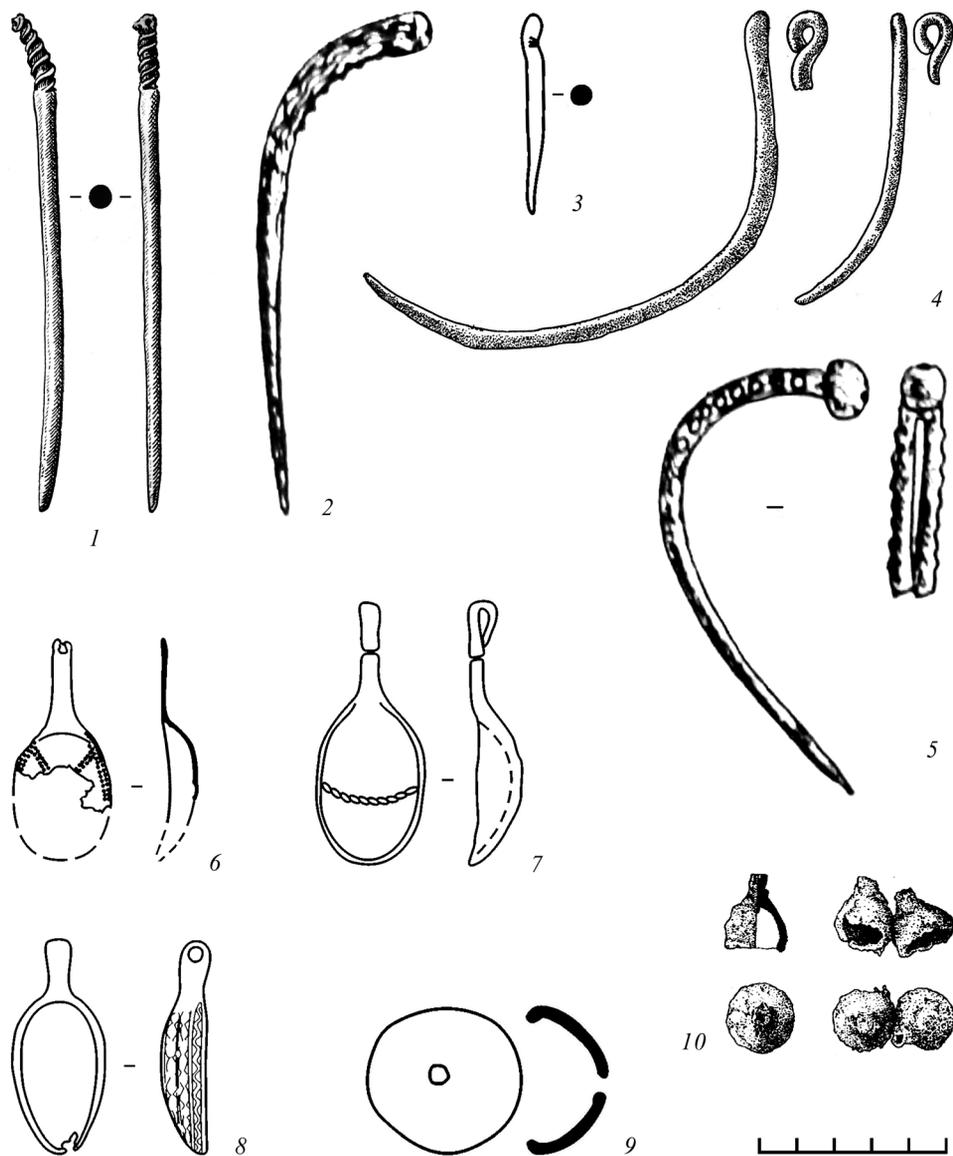

Рис. 5. Степные модификации украшений северокавказского стиля

1 – Веселая Роща II, 11/4; 2 – Веселая Роща III, 17/1; 3 – ВМЛБ III, 4/13; 4 – ВМЛБ III, 2/10; 5 – Новый Маяк, 1/6; 6 – Три Брата, 17/3; 7 – ВМЛБ II, 13/11; 8 – Веселая Роща II, 2/3; 9 – Каракашев, 5/1; 10 – Зунда-Толга 1, к. 8 (по: 1, 2, 5, 8 – Державин, 1991; 3, 7 – фонды ГИМ; 4 – Шишлина, 2007; 6 – фонды Саратовского областного краеведческого музея; 9 – Кияшко В., 1994; 10 – Шишлина, 2002)

происходит из раннекатакомбных и хронологически следующих за ними раннеманьчских захоронений левобережья Нижнего Подонья (рис. 6, 1, 3), южной Калмыкии (рис. 6, 2) и средней Кубани (рис. 6, 4) (Кияшко, 1994). Несмотря на различия в изображении бычьих морд и технико-технологические особенности изготовления, букрании представляют собой совершенно новый тип зооморфных подвесок, выработанный на рубеже раннего и позднего этапов СБВ непосредственно в степной скотоводческой среде.

Признаки специфики производственных материалов. Особенности химического состава металла памятников СБВ Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья дают основание говорить о самостоятельных опытах местных мастеров при эксплуатации ими сырья, поступавшего в виде руды, слитков или готовых изделий с территории Кавказа⁴.

Статистический анализ определений металла разных культурных групп рассматриваемой территории⁵ показывает, что мастера устойчиво следовали основным принципам отбора и использования производственных материалов. Прежде всего это наблюдение касается абсолютно доминировавших в местной металлообработке искусственных медно-мышьяковых сплавов, которые подбирались с ориентиром по содержанию мышьяка (определяющего их литейные и кузнечные качества) на функцию и способ изготовления будущего изделия. При наличии многих объединяющих признаков мышьяковые бронзы Предкавказья имеют и различия, которые проявляются в рамках материалов микрорегионов или даже отдельных памятников. Эти различия выражаются, как в случае с металлом могильника Ергени в Калмыкии и Шахаевских курганов на Западном Маныче, в присутствии больших концентраций цинка (почти в каждом исследованном предмете) или заметной примеси сурьмы, как в случае с металлом юга Калмыкии (почти в каждом пятом исследованном предмете). Вместе с тем в предкавказской аналитической выборке практически отсутствует чистая медь, преобладающая среди металла волго-уральских погребений СБВ (Chernykh, 1992. Р. 141; Дегтярева, 2006. С. 34, 35). Нет в ней оловянных бронз и других, в том числе многокомпонентных, сплавов, составляющих значительную серию в материалах синхронных памятников Северного Кавказа (Chernykh, 1992. Р. 170, 171, 174, 175, 180, 181, 186, 187).

Отмеченные черты локального и даже узколокального своеобразия позволяют предполагать использование предкавказскими мастерами металла из руд строго определенных месторождений, что подразумевает существование системы взаимосвязей степных группировок с конкретными центрами металлургического сырья на Кавказе.

⁴ Кавказское происхождение металла в культурах РБВ – СБВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья, где нет своих источников меднорудного сырья, наиболее вероятно, хотя и не является пока строго доказанным.

⁵ Привлекается выборка из 399 определений, полученных методами эмиссионно-спектрального и рентгено-флуоресцентного анализов в лабораториях Москвы (Е. Н. Черных, С. Н. Корневский, Р. А. Митоян) и Санкт-Петербурга (В. А. Галибин, А. Н. Егорьков).

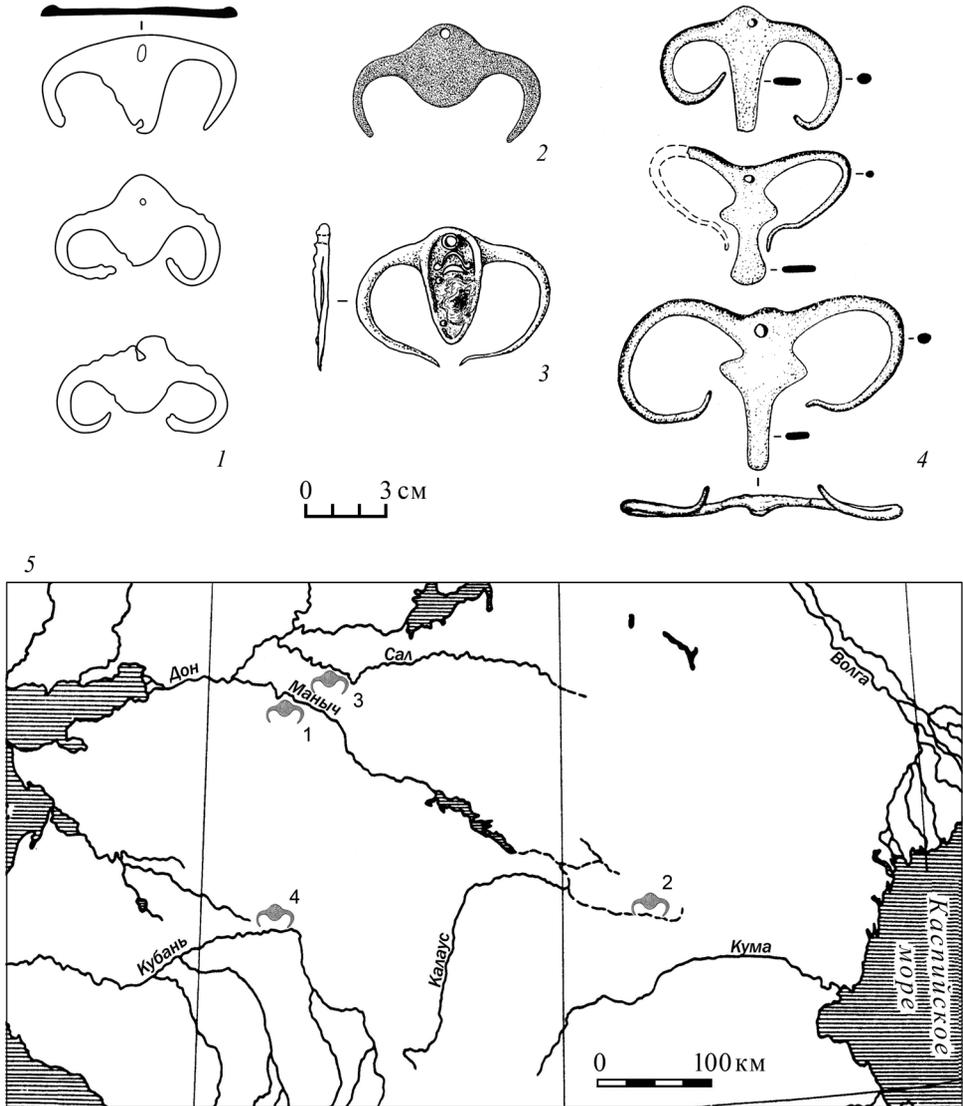

Рис. 6. Букрании

1 – Каракашев, 5/1; 2 – ВМЛБ II, 13/11; 3 – Комаров I, 1/18; 4 – Хоперская, 8/3 (по: *Кияшко*, 1994);
5 – карта находок букраниев

В данном аспекте показателен точечный характер распространения в предкавказских степях медно-цинковых сплавов, в том числе так называемых ранних латуней. Ближайшие параллели этот металл находит в раннекурганых культурах Закавказья (*Кореневский*, 1984. С. 271; *Chernykh*, 1992. Р. 171), что заставляет предполагать его продвижение именно с этой территории через Северный Кавказ в степные районы (*Гак*, 2006. С. 141). Вместе с тем латуни Предкавказья

имеют свою специфику. Они представлены исключительно бинарными (CuZn) и трехкомпонентными (CuAsZn) составами, тогда как латуни Закавказья – преимущественно сложными комплексными сплавами. Такое несоответствие можно объяснить тем, что выплавка металлов, из которых затем изготовлялись разного рода предметы металлического инвентаря, осуществлялась непосредственно в степных мастерских, причем, вероятно, с применением каких-то местных технологических приемов.

Технико-технологические особенности обработки металла. Многие приемы и способы получения предкавказских изделий из металла, выявленные при его детальном изучении⁶, не оригинальны и соотносятся с теми, что практиковались в СБВ на всем циркумпонтийском пространстве. Пока различимы лишь отдельные черты технико-технологического своеобразия местной металлообработки, особенно ярко проявляющиеся у клинковых орудий.

Одной из таких черт является регулярное и разнообразное применение сварки, примеры которой единичны в других районах степного ареала и абсолютно отсутствуют на Северном Кавказе. Сваркой полосового металла и его обрезков получена целая серия исследованных ножей, несколько височных колец и заклепок, связанных преимущественно с памятниками манычского круга. Сварочные операции в предкавказской металлообработке имели как формообразующую, так и косметическую направленность. Последнюю иллюстрируют случаи привара кусочков металла к уже откованному полотну ножа (Архаринский II, 19/4; к. 31).

У некоторых манычских ножей черенок получен весьма своеобразным способом – расковкой торцевых краев в пластину с последующим их загибом и сваркой (рис. 7, 1–4). Истоки этого редкого способа моделировки черенка, вероятно, следует связывать с местной металлообработкой РБВ, на что указывает соответствующий образец, найденный в одном из ранних погребений новотиторской культуры (Гей, 2000. С. 99–106) (рис. 7, 5).

К числу технических приемов, маркирующих металлообработку племен СБВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья, относится кузнечная подправка противоположащих торцевых граней черенков ножей. Применение этого приема приводило к появлению на продольных краях черенка своеобразных утолщений-валиков. Такие валикообразные утолщения фиксируются у значительного числа катакомбных ножей из погребений манычского типа (рис. 7, 6–12) и крайне редко присутствуют на орудиях других культурных образований.

Еще одной особенностью манычской металлообработки является использование литейных форм для получения ножей с нервюрой на клинке. Подобные формы реконструированы для трех орудий, типично манычских в морфологическом отношении (рис. 7, 13–15).

⁶ Изучение технико-технологических особенностей изготовления 78 предметов предкавказского металлического инвентаря проводилось по комплексной методике, включавшей визуальный осмотр, металлографический анализ, систематизацию данных на основе выделенных технологических схем. Более 1000 предметов исследовано с использованием бинокулярного микроскопа или лупы.

В дополнение к оценке специфики металла СБВ рассматриваемой территории отмечу сравнительно частое его нахождение в погребениях ряда местных культур и культурных групп. Малочисленность орудий при этом компенсирована обилием украшений, что особенно характерно для раннекатакомбных и степных северокавказских памятников предманычского горизонта Центрального Предкавказья. Обратная ситуация наблюдается в культурах манычского круга, комплексы которых чаще содержат металлические предметы орудийного инвентаря. Вместе с тем для некоторых регионов и локальных групп памятников СБВ металл вообще является скорее исключением, чем правилом. К таковым, например, относятся позднеямные и раннекатакомбные памятники Ергенинской возвышенности, памятники батуринской позднекатакомбной культуры степного Прикубанья.

Представляется, что помещение или непомещение в могилу металлических предметов было продиктовано не только нормами обрядности, но и другими причинами, среди которых, очевидно, не последнюю роль играли производственные возможности. Неравнозначность этих возможностей, определявшаяся положением конкретных групп населения в общей системе культурно-исторических связей, обусловила локально-хронологические особенности протекания процессов становления и развития предкавказской металлообработки в СБВ.

Этап появления ранних катакомб в Предкавказье и южной части Доно-Волжского междуречья характеризуется постепенным распространением здесь северокавказских (постновосвободненских) стандартов производства при сохранении ямно-новотиторских стереотипов поздней фазы РБВ. Главным показателем этого в металлокомплексе местных памятников начала СБВ является сочетание изделий архаичных форм, полученных с использованием традиционных технологических приемов (кованых блях, височных спиралей, пронизок и бус из полосового металла), с литыми мелкими подвесками (капельвидными, клиновидными) и сложноорнаментированными амулетами (молоточковидными булавками), имеющими прямые параллели на Северном Кавказе.

Дальнейшее усиление связей с представителями северокавказских традиций в последующий (предманычский) период оказало позитивное влияние на развитие степного металлопроизводства. Статистически фиксируемый рост частоты встречаемости предметов из металла позволяет предполагать более широкий, чем прежде, доступ к нему местного населения ряда районов рассматриваемой территории (Егорлык-Калаусское междуречье, район Восточного Маныча). В производстве украшений и аксессуаров костюма современные для того периода методы литья (по утрачиваемой модели, в формы со вставным стержнем, «навывплеск») вытесняют кузнечные схемы. Создаются первые модификации северокавказских типов и вырабатываются самобытные степные формы металла (букрании). Стереотипы ямно-новотиторской металлообработки сохраняют свое значение главным образом в сфере производства орудийного инвентаря.

Качественный скачок в развитии металлопроизводства в центре и на востоке Предкавказья, а также в южной части Доно-Волжского междуречья связан с утверждением здесь манычских культурных традиций. Материалы манычских памятников отражают повсеместность распространения металла, освоение местными мастерами приемов получения медно-мышьяковых сплавов разного

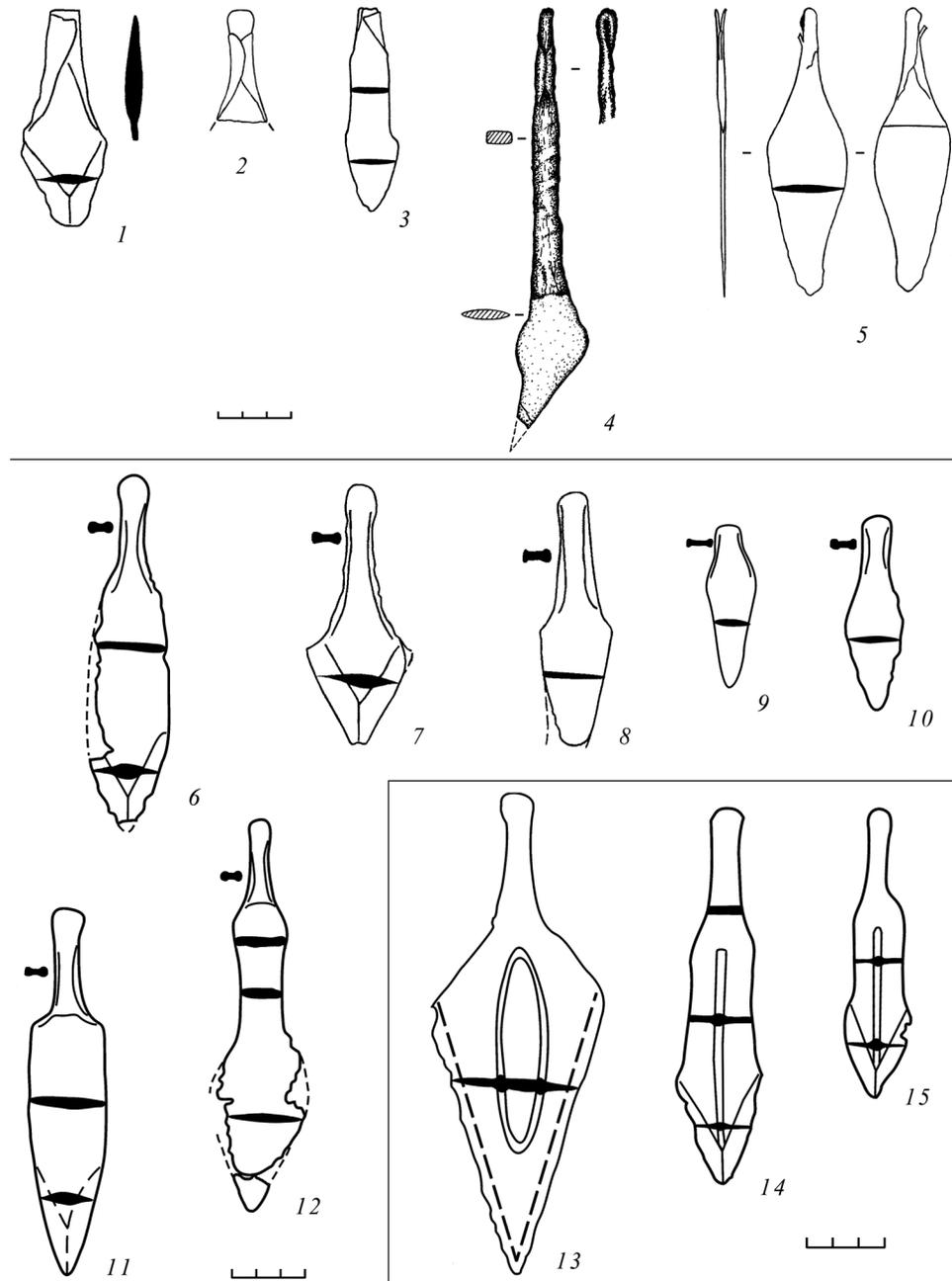

Рис. 7. Ножи со специфичной моделировкой черенка (1–5), с валикообразными утолщениями на торцах черенка (6–12), с литой нервюрой (13–15)

1 – ВМЛБ III, 8/6; 2 – ВМПБ, 15/2; 3 – Мал. Мартыновка, 2/14; 4 – Цаган-Усн VIII, 1/3; 5 – Брюховецкая I, 5/9; 6 – Зунда-Толга 1, 10/2; 7 – ВМЛБ III, 16/9; 8 – Ергени, 2/1; 9 – Эвдык I, 6/13;

состава и использование адекватных технологий их обработки. Наблюдается резкое увеличение доли крупных орудий в металлическом инвентаре, а его типологический состав становится многообразным в связи с включением целого ряда модифицированных форм.

Некоторыми локальными особенностями отличается прикубанская степная металлообработка СБВ. На начальном этапе ее развитие во многом определялось преобладанием местных новотиторских традиций (Гей, 2000. С. 210–214), что хорошо видно по материалам раннекатакомбной (восточноприазовской) культуры, в которых новотиторское влияние вполне ощутимо. Однако в сменяющей восточноприазовскую батуринской культуре это влияние уже почти не улавливается. В целом батуринский металлокомплекс, представленный главным образом мелкой декоративной пластикой северокавказского облика, демонстрирует упадок местного металлопроизводства в Прикубанье к финалу СБВ.

Формы организации металлопроизводственной деятельности в среде пастушеских племен СБВ степного Предкавказья и прилегающих с севера районов можно представить лишь в самом общем виде, опираясь на косвенные данные. Отсутствие каких-либо следов стационарных мастерских и регулярная встречаемость в погребениях каменных орудий, аналогичных инструментам, использование которых в металлообработке установлено трасологическими методами, заставляют предполагать, что изготовление металлопродукции здесь не было сосредоточено в крупных центрах, а осуществлялось в рамках многих скотоводческих коллективов для удовлетворения их внутренних потребностей. Скорее всего, такое производство имело общинный, индивидуально-семейный характер. Судя по набору приспособлений для металлообработки из погребения в могильнике Веселая Роща I, предкавказские мастера были универсалами, владевшими и литейными, и кузнечными навыками. О знакомстве их с выплавкой металла из руд говорят остатки рудной крошки на каменных орудиях. Структуру и характер взаимодействия мастеров разных родоплеменных групп, вероятно, определяли подвижный образ жизни, пастушеский тип хозяйства и степень культурно-исторической близости.

Предложенную модель можно соотнести с организацией производства кузнечных и ювелирных изделий у кочевых и полукочевых народов Нового времени⁷. Например, у киргизов-кочевников XIX в. основная масса мастеров-металлистов сочетала занятие ремеслом с ведением скотоводческого хозяйства. Несколько раз в год меняя вместе с общиной места стоянок, мастера выполняли заказы ее членов, причем заказчики обеспечивали их жильем, а работали они обычно в жилом помещении. Все технологические процедуры (и литейные, и кузнечные) они осуществляли сами. Свою профессию мастера-металлисты передавали по наследству (Сулайманов, 1982. С. 64–68).

10 – Бага-Бурул, 1/2; 11 – Зунда-Толга 3, 1/2; 12 – Зунда-Толга 5, 1/6; 13 – ВМПБ, 11/31; 14 – Донской, 3/10; 15 – Кермен-Толга, 44/2 (по: 1, 2, 4, 6–8, 10–13, 15 – фонды ГИМ; 3 – Кияшко, 1983, отчет; 5 – архив лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ; 9 – фонды Калмыцкого республиканского краеведческого музея; 14 – Ильюков, 1991, отчет)

⁷ Выражаю признательность С. В. Демиденко за помощь в поиске этнографических параллелей.

Представляется, что имеющиеся на сегодняшний день данные по металлопроизводству культур СБВ степного Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья вполне оправдывают такую параллель.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В.*, 1985. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. Архив ИА РАН р. 1 № 13580.
- Арапов С. В.*, 1992. Отчет об археологических исследованиях у пос. Овата Целинского района Республики Калмыкия в 1992 г. Архив ИА РАН р. 1 №17070.
- Березанская С. С.*, 1980. Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология: Поиски и находки. Киев.
- Беспалый Е. И.*, 1979. Отчет о работе в совхозе «Орошаемый» Багаевского района Ростовской области в 1979 г. Архив ИА РАН р. 1 № 8087.
- Бочкарев В. С.*, 1978. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Л.
- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С. Н.*, 1995. Соотношение каменной и бронзовой индустрий в энеолите и бронзовом веке // Донские древности. Азов. Вып. 4.
- Гак Е. И.*, 2006. К проблеме происхождения медно-цинковых сплавов в бронзовом веке Северного Кавказа и степного Предкавказья // Первая Абхазская международная археологическая конференция: Мат. Сухум.
- Гак Е. И.*, 2007. Общее и особенное в металлопроизводстве катакомбных культур Подонцовья, Нижнего Подонья и Предкавказья // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 7.
- Гак Е. И., Калмыков А. А.*, 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.
- Горбенко А. А., Фомичев Н. М., Максименко В. Е., Коренько В. А.*, 1973. Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 г. Архив ИА РАН р. 1 № 5422.
- Дегтярева А. Д.*, 2006. Технология металлопроизводства ямной культуры // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург.
- Державин В. Л., Тихонов Б. Г.*, 1981. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. № 3.
- Державин В. Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Джапаридзе О.*, 1998. К этнокультурной истории Грузии в III тысячелетии до новой эры (раннекурганная культура). Тбилиси. (На груз. яз.)
- Илюков Л. С.*, 1984. Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье р. Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 г. Архив ИА РАН р. 1 № 11857.
- Илюков Л. С.*, 1991. Отчет об исследовании курганных могильников в Мартыновском и Семикаракорском районах Ростовской области в 1991 г. Архив ИА РАН р. 1 №16773, 16774.
- Калмыков А. А., Корневский С. Н.*, 2001. Новое погребение с бронзовым топором эпохи средней бронзы из степного Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. II.
- Каменецкий И. С., Державин В. Л., Смирнов Ю. А.*, 1975. Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 г. Архив ИА РАН р. 1 № 6031, 6032.
- Каменский А. Г.*, 1990. Металлообрабатывающее производство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. М.

- Кияшко А. В.*, 1983. Отчет об исследовании курганного могильника у х. Малая Мартыновка Мартыновского района Ростовской области в 1983 г. Архив ИА РАН р. 1 №10581.
- Кияшко А. В.*, 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград.
- Кияшко В. Я.*, 1994. Два погребения с букраниями эпохи средней бронзы // *Донские древности*. Азов. Вып. 2.
- Корневский С. Н.*, 1976. О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // *СА*. № 4.
- Корневский С. Н.*, 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // *СА*. № 2.
- Корневский С. Н.*, 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.* Нальчик. Т. 1.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.
- Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А.*, 1983. Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской // *Древние культуры евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках)*. Л.
- Нечитайло А. Л.*, 1997. Средства и приемы металлообработки эпохи средней бронзы (по материалам Украины и Северного Кавказа) // *Историко-археологический альманах*. Армавир. Вып. 3.
- Нечитайло А. Л.*, 2005. Об одном из горно-металлургических центров катакомбной культурно-исторической общности // *Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации)*. Воронеж.
- Рысин М. Б.*, 2008. Успенский этап кавказской металлообработки среднего бронзового века // *Археологические вести*. Вып. 15.
- Санжаров С. Н., Литвиненко Р. А., Черных Е. А., Прынь А. В.*, 2003. Неординарные курганы и погребения Шахтерского могильника и их место в системе древностей юга Восточной Европы // *Материалы и исследования по археологии Восточной Украины*. Луганск. № 1.
- Сулайманов Э.*, 1982. Традиции обработки металлов у киргизов. Фрунзе.
- Тэйлор Э.*, 1939. Первобытная культура. М.
- Черных Л. А.*, 1996. О некоторых аспектах социальной интерпретации погребений с производственным инвентарем // *Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии*: Тез. докл. конф. Тамбов.
- Черных Л. А.*, 1997а. Проблемы изучения первобытного ремесла в археологии (социально-исторический аспект): Дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Черных Л. А.*, 1997б. К проблеме функциональной интерпретации сопел и плавильных емкостей из комплексов степных АК позднего энеолита – средней бронзы // *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 3-го Украинско-Российского полевого семинара*. Киев; Перевальск; Воронеж.
- Шапошникова О. Г.*, 1971. До питания про металлообработку у племен донецкой катакомбной культуры // *Археология*. Вып. 1.
- Шаровская Т. А.*, 1985. О функциональном назначении каменных орудий из могильника Веселая Роща // *СА*. № 2.
- Шилов В. П.*, 1959. Два погребения литейщиков-металлургов // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Л. № 16.
- Шилов В. П.*, 1966. Погребение литейщика катакомбной культуры в Нижнем Поволжье // *КСИА*. Вып. 106.
- Шишлина Н. И.*, 2002. О северокавказско-катакомбных погребениях Калмыкии // *Вопросы археологии Поволжья*. Самара. Вып. 2.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М. (Тр. ГИМ. Вып. 165.)
- Chernykh E. N.*, 1992. *Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age*. Cambridge.

А. А. Клещенко

БРОНЗОВЫЕ НОЖИ И ШИЛЬЯ РАННЕГО ЭТАПА ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ЗАКУБАНЬЯ

*A. A. Kleshchenko. Bronze knives and awls of the early stage
of the Middle Bronze Age in the Kuban basin*

Abstract. The article is devoted to the analysis of metal objects from the graves of the trans-Kuban area of the North Caucasus Middle Bronze Age culture. The publication is the first one on this point. Metal finds from the Kuban basin are compared to the synchronous materials from the steppe North Caucasus piedmonts, some quantitative and qualitative differences are revealed. Most significant groups are bronze knives and awls (rods). Early and late groups of knives are singled out. Cultural traditions typical of the local group of the North Caucasus culture and those of their steppe neighbours show essential similarity, yet relationships between them look rather limited. The said is evident from late introduction of knives of type 1, most characteristic of the steppe zone in the trans-Kuban area. On the next chronological stage knives of types 1 and 3 were widely spread, which points out much more intensive contacts between the local trans-Kuban tribes and the steppe population.

Ключевые слова: Предкавказье, Закубанье, средняя бронза, северокавказская культура, бронзовые орудия, культурные связи.

Современная источниковая база по изучению раннего этапа эпохи средней бронзы в Закубанье, представленного в основном погребениями северокавказской культуры (далее СКК), составляет не менее 370 комплексов (Клещенко, 2007). В числе прочих особенностей изучаемая серия памятников СКК отличается от синхронных культур и культурных групп Прикубанья, Калмыкии, Ставрополя и предгорной зоны Северного Кавказа количественным и качественным составом металлического погребального инвентаря. Он представлен орудиями труда (в основном ножи и шилья), культовыми предметами (бронзовые молоточковидные и посоховидные булавки, кованые и литые бляхи), а также украшениями (простейшие – бусы, пронизи, жгутиковые перевитые и каплевидные подвески, височные кольца, орнаментированные литые украшения т. н. «северокавказского стиля»).

Перечисленные виды металлического инвентаря в той или иной степени встречаются в комплексах раннего этапа среднебронзового века по всему Предкавказью. К памятникам указанного времени относятся: группы погребений ямной культуры (далее ЯК) и СКК Калмыкии, группы СКК и ЯК Степного (Северного и Центрального) Ставрополя, группы СКК и ЯК Южного Ставрополя и Верхнего Прикубанья, кабардинская группа СКК; раннекатакомбные комплексы Калмыкии и Степного (Северного и Центрального) Ставрополя, новотиторовской и восточноприазовской раннекатакомбной культур Прикубанья. Сравнительным фоном для изучения металлического инвентаря погребений СКК в Закубанье стали более 3500 комплексов, относящихся к перечисленным выше

одиннадцати культурам и культурным группам эпохи средней бронзы Предкавказья. Все они синхронны памятникам СКК Закубанья и имеют широкий хронологический период существования: начало – вторая треть III тыс. до н. э. (в калиброванных датах).

Данные по комплексам перечисленных культур и культурных групп взяты как из монографий и публикаций (*Нечитайло*, 1978; Археологические исследования... 1984; *Корневский*, 1990; *Державин*, 1991; *Марковин*, 1994; 1999; *Гей*, 2000; *Шишлина*, 2007; *Корневский*, *Белинский*, *Калмыков*, 2007; и др.), так и из неопубликованных полевых отчетов (*Алексеев*, 1988; 1989; *Беглова*, 2004; *Галанина*, 1981; 1982; 1983; 1984; *Гей*, *Ульянова*, 1982; *Днепровский*, 1989; *Жупанин*, 1990; *Каминская*, 1983; *Каминский*, 1985; 1986; 1990; *Лесков*, 1983; *Лесков*, *Габуев*, *Днепровский*, 1985; *Лесков*, *Днепровский*, 1984; *Лимберис*, *Марченко*, 1984; *Навротский*, 1978; *Нехаев*, 1982; *Пьянков*, 1988; *Тарабанов*, 1978).

Для всех указанных групп был проведен подсчет погребений, содержащих металлический инвентарь, и отдельно – количества комплексов, в которых обнаружены бронзовые ножи, шилья (стержни) и их сочетания. При этом в первом случае учитывались только погребения с яркими металлическими находками – ножами и шильями, бронзовыми булавками, наборами металлических украшений. Результаты статистического анализа серии погребений различных культур и культурных групп раннего этапа среднебронзового века Предкавказья приведены в табл. 1.

Таблица 1. Соотношение комплексов с металлическим инвентарем и сочетанием шило/нож

Культура / культурная группа	Общее количество комплексов	Комплексы с металлом, %	Комплексы с набором шило/нож, %	Комплексы с набором шило/нож
Группа СКК Закубанья	368	24,5	16,0	59
Группа СКК Кабардино-Балкарии	146	32,9	15,1	22
Группа СКК и ЯК Северного Ставрополя	73	15,1	12,3	9
Раннекатакомбные комплексы Северного Ставрополя	69	10,1	7,3	5
Группа СКК Калмыкии	149	10,7	5,4	8
Группа СКК и ЯК Южного Ставрополя и Верхнего Прикубанья	434	21,9	4,4	19
Группа СКК и ЯК Центрального Ставрополя	225	10,2	4,0	9
Группа ЯК Калмыкии	733	3,8	2,3	17
Новотиторская культура	877	3,8	2,5	22
Раннекатакомбные комплексы Центрального Ставрополя	83	19,3	2,4	2
Раннекатакомбные комплексы Калмыкии	288	4,9	1,0	3
Восточноприазовская катакомбная культура	508	3,4	0,4	2

Наиболее обеспеченными металлическим инвентарем, как видим, являются погребения кабардинской и закубанской групп СКК и групп СКК и ЯК Южного Ставрополя и Верхнего Прикубанья (21,9–32,9%). Менее насыщенными металлом оказались группы погребений СКК, ЯК и раннекатакомбные комплексы Северного и Центрального Ставрополя, а также группы СКК Калмыкии (10,1–19,3%). Наконец, наименьшее количество комплексов с металлом встречено в Прикубанье (новотиторговская и восточноприазовская катакомбная культуры) и Калмыкии (группа ЯК и раннекатакомбная группа) – 3,4–4,9%. Надо отметить, что серия погребений ЯК Калмыкии пока хронологически не дифференцирована (*Шишлина*, 2007), поэтому нельзя говорить об абсолютной корректности представленных здесь подсчетов, однако общая слабая насыщенность металлом этой группы очевидна.

В общем можно констатировать уменьшение количества металлосодержащих комплексов от предгорной зоны к степи, что вполне логично, учитывая тот факт, что центром металлургии и металлопроизводства в эпоху средней бронзы продолжает оставаться Северный Кавказ.

Отдельно необходимо отметить значительную разницу в содержании металла в погребениях синхронных соседних культур Прикубанья и Закубанья (3,4–3,5% против 24,5%), что еще раз свидетельствует о том, что Кубань в эпоху средней бронзы была реальной границей двух параллельно развивающихся культурных традиций (новотиторговской и северокавказской).

Среди закубанских материалов обращает на себя внимание значительная серия комплексов, содержащих металлические ножи, шилья (стержни) и их сочетания. Она является крупнейшей среди культур и культурных групп на территории Предкавказья (см. табл. 1), в количественном отношении составляя около трети всей представленной выборки комплексов с ножами и шильями, относящихся к раннему этапу средней бронзы. Прежде эта серия вообще не попадала в поле зрения исследователей в связи с практически полным отсутствием публикаций закубанских материалов.

Прежде чем перейти к характеристике указанных категорий инвентаря из погребений СКК Закубанья, необходимо сделать несколько замечаний. Период существования СКК в Закубанье длится не менее пятисот лет (начало – третья четверть III тыс. до н. э., в калиброванных датах), однако погребальный обряд СКК в Закубанье за это время практически не претерпел изменений (*Клещенко*, 2007). До последнего времени эволюцию погребальной обрядности СКК можно было проследить по наиболее диагностичным и относительно массовым для эпохи средней бронзы категориям инвентаря: наборам украшений, роговым и металлическим булавам. Эволюция же предметов производственного назначения (назовем их здесь «производственными наборами») рассматривалась ранее либо в эпохальных масштабах (*Корневский*, 1978), либо в рамках одной культурной традиции (см., напр.: *Гей*, 2000. С. 151–153). Накопление значительного источникового материала лишь в последнее время позволило исследователям обратиться к большим сериям комплексов с «производственными наборами» (*Гак*, *Калмыков*, 2009).

Металлические ножи и шилья являются самой массовой находкой в погребениях раннего этапа эпохи средней бронзы в Закубанье. Они встречены в 59 по-

гребенях (в 43% инвентарных погребений). Сочетание в инвентарном наборе ножа и шила характерно для многих культур эпохи ранней и средней бронзы Северного Причерноморья и Предкавказья. В Закубанье оно встречено в 26 случаях, в 16 погребениях присутствовали только ножи, в 17 – только шилья.

Серия ножей представлена 46 экземплярами. Для типологического анализа ножей были взяты 39 более или менее сохранившихся форм. Практически все экземпляры имеют плоское лезвие. Три ножа отличаются наличием ребра жесткости. Все экземпляры имеют черенок, часто со скругленным концом, прямоугольной, реже подтреугольной, формы. По общему абрису и основным метрическим показателям в рассматриваемой серии можно выделить четыре типа.

Тип 1 (21 экз.; рис. 1, 1–19) – обоюдоострые ножи длиной до 16 см, отличаются длинным клиновидным лезвием шириной до 4 см, четко выделенным черенком, составляющим 1/5–1/4 всей длины ножа, форма черенка вытянуто прямоугольная, расширяющаяся к лезвийной части. Эта форма ножей встречается в основном в вытянутых погребениях (в 70% случаев). Закубанские ножи типа 1 составляют основное содержание группы 4 классификации С. Н. Корневского (1978) и вариантов 1, 3 и 4 группы 1 Е. И. Гака и А. А. Калмыкова (2009).

Внутри серии ножей типа 1 есть различия.

Подтип 1-1 (10 экз.; рис. 1, 1–8): имеют наибольшее расширение в основании лезвийной части, довольно резкий переход от лезвия к черенку и относительно узкое вытянутое лезвие. Аналогии им известны в погребениях ямно-новотиторского типа и I этапа новотиторской культуры в Прикубанье (рис. 1, 40, 41) (Гей, 2000), ямных погребениях Нижнего Дона (рис. 1, 43) (Братченко, 2001), а также северокавказских комплексах в Калмыкии (рис. 1, 44) (Шишлина, 2007) и на Ставрополье (например, Расшеватский I, 21/8).

Подтип 1-2 (4 экз.; рис. 1, 9–12): отличаются округлым абрисом лезвия. Подобные формы встречены в преддонецких (раннедонецких: Братченко, 2001) памятниках (рис. 1, 45), а также раннекатакомбных комплексах Южного Ставрополья (рис. 1, 46, 47) (Андреева, Петренко, 1998). В Закубанье они встречены в погребениях «новотиторского» и «ямного облика».

Подтип 1-3 (7 экз.; рис. 1, 13–19): схож с подтипом 1-1, отличаясь меньшими общими размерами и укороченной лезвийной частью. Подобные ножи встречены как в ямных погребениях Калмыкии (рис. 1, 48, 50) (Шишлина, 2007), так и в комплексах СКК Южного Ставрополья (рис. 1, 49) (Корневский, 1990).

Последние два подтипа в Закубанье встречены при вытянутых погребениях.

Тип 2 (11 экз.; рис. 2, 20–30) – ножи небольшого размера, отличающиеся подчеркнуто ромбовидной (в двух случаях – треугольной) формой лезвия. Длина колеблется от 5 до 12 см. Они обнаружены в равной степени как при вытянутых, так и при скорченных погребениях. В классификации Е. И. Гака и А. А. Калмыкова (2009) такие ножи соответствуют варианту 2 группы 1.

Тип 2 также дифференцируем на 3 подтипа.

Подтип 2-1 (4 экз.; рис. 2, 20–23): треугольный или ромбический абрис лезвия и резко профилированный переход к рабочему краю.

Подтип 2-2 (2 экз.; рис. 2, 24, 25): при таком же, как и в подтипе 2-1, подтреугольно-ромбическом абрисе лезвия имеют более плавные контуры переходов от черешка к лезвийной части и рабочему краю.

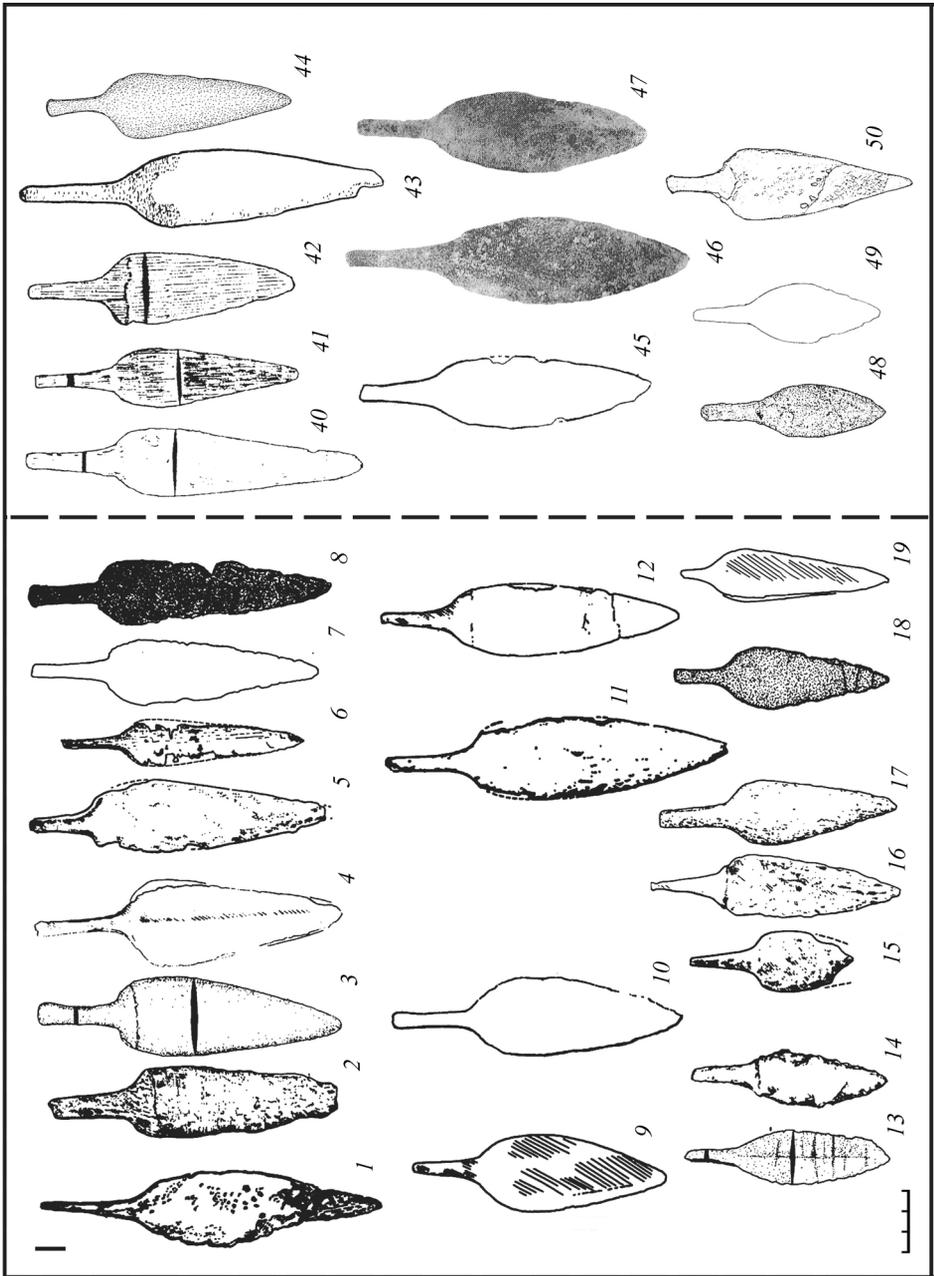

Рис. 1. Типология ножей закубанской группы СКК

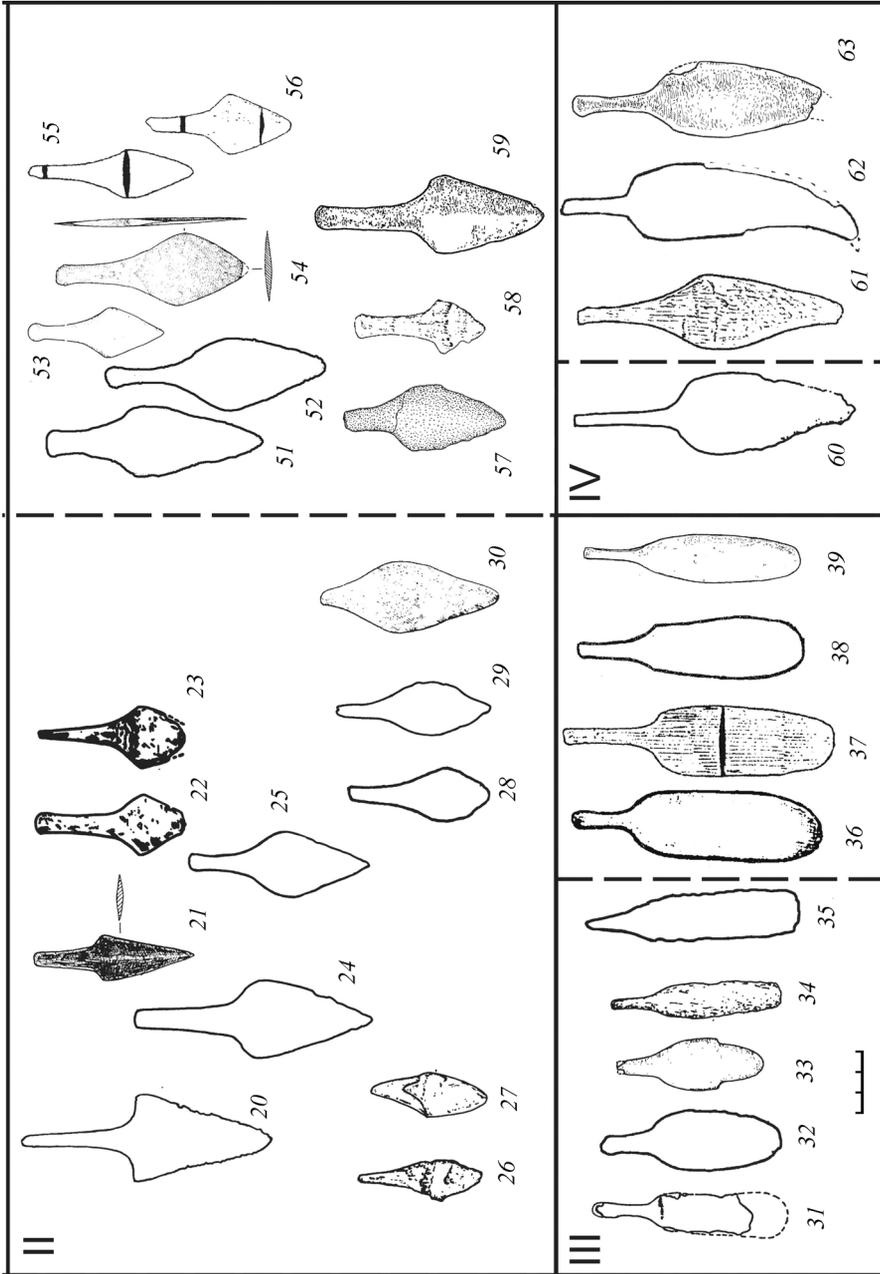

Рис. 2. Типология ножей закубанской группы СКК
(описание рис. 1 и 2 см. на с. 94)

Подтип 2-3 (5 экз.; рис. 2, 26–30): отличаются ромбическим абрисом лезвия, небольшими размерами и очень плавными контурами переходов.

На соседней территории Прикубанья такие формы характерны для финальной стадии развития новотиторовской культуры (рис. 2, 55, 56, 58) (Гей, 2000), преддонецких (раннедонецких по: Братченко, 2001) комплексов (рис. 2, 59), раннекатакомбной группы Калмыкии (рис. 2, 57) (Шишлина, 2007), СКК комплексов Южного Ставрополя (рис. 2, 51, 53) (Нечитайло, 1978; Корневский, 1990). В предгорьях эта форма доживает вплоть до развитого катакомбного времени (рис. 2, 52) (Нечитайло, 1978), а в степи – даже до финала эпохи средней бронзы (рис. 2, 54) (Корневский, Белинский, Калмыков, 2007).

Тип 3 (5 экз.; рис. 2, 31–35): небольшие ножи с овальным и подпрямоугольным лезвием (группа 1 по: Корневский, 1978; вариант 4 группы 1 по: Гак, Калмыков, 2009). В Закубанье они встречены при вытянутых погребениях. Ближайшие аналогии им представлены в позднейших и преддонецких (раннедонецких по: Братченко, 2001) погребениях (рис. 2, 38, 39), новотиторовских памятниках II этапа (рис. 2, 37) (Гей, 2000), несколько подобных экземпляров, отличающихся большими размерами, обнаружены в северокавказских погребениях Центрального Ставрополя (рис. 2, 36) (Державин, 1991).

Тип 4 (в Закубанье пока известен 1 экз.; рис. 2, 60): нож имеет асимметричный (изогнутый) абрис лезвия. Такие ножи обнаружены в комплексах I этапа новотиторовской культуры (рис. 2, 61) (Гей, 2000), ямных и раннедонецких комплексах Подонья (рис. 2, 62, 63) (Братченко, 2001). В Закубанье единственный экземпляр встречен в погребении «новотиторовского облика» – скорченном на правом боку. Несмотря на малочисленность находок однолезвийных ножей в комплексах раннего этапа среднебронзового века, функционально они выделяются в отдельный тип: появляясь в Предкавказье в финале ранней бронзы, эта форма практически исчезает на раннем этапе среднебронзового века, вновь появляясь в металлокомплексе манычской катакомбной культуры (Гак, Калмыков, 2009).

1 – Большой Петропавловский, 1/2; 2 – Садовый, 1/33; 3 – Владимирский, 9/45; 4 – Келермесский, 4/2; 5 – Дорошенко, 2/1; 6 – Большой Петропавловский, 4/2; 7 – Келермесский, 4/5; 8 – Михайловский, 11/9; 9 – Келермесский, 6/2; 10 – Дальний, 2/8; 11 – Уляп, 10-9; 12 – Келермесский, 3/5; 13 – Циплиевский Кут, 8/3; 14 – Ипподромный, 5/11; 15 – Серегинский, 1/48; 16 – Чернышевский I, 5/10; 17 – Курганинский, 1/71; 18 – Большетегинский, 4/7; 19 – Келермесский, 20/3; 20 – Большой Петропавловский, 9/9; 21 – совхоз им. Кирова, 7/1; 22 – Дукмасовский, 2/4; 23 – Мокрый Назаров, 5/4; 24 – Дальний, 2/14; 25 – Геймановский, 6/11; 26 – Большой Петропавловский, 6/7; 27 – Чернышевский I, 5/17; 28 – Дальний, 2/16; 29 – Келермесский, 12/5; 30 – Серегинский, 1/39; 31 – Келермесский, 32/2; 32 – Чернышевский I, 4/9; 33 – Владимирский, 5/5; 34 – Курганинский, 1/71; 35 – Чернышевский I, 4/2; 36 – Веселая Роща I, 27/4; 37 – Батуриная II, 3/11; 38 – Жданов, Виноградники, 1/7; 39 – Красная Зоря, 2/9; 40 – Степной, 4/14; 41 – Тимашевск, 1/31; 42 – Брюховецкая II, 4-5; 43 – Веселый I, 3/13; 44 – Чограй IX, 1/1; 45 – Северск, 1/2; 46 – Красное Знамя, 1/6; 47 – Красное Знамя, 1/7; 48 – Восточноманчский, левый берег III (1966), 22/5; 49 – Нежинский I, 1-14; 50 – Манджикины I, 3/2; 51 – Усть-Джегутинский, 32/7; 52 – Суворовский, 2/1; 53 – Константиновское Плато, 2/2; 54 – Большой Ипатовский курган, п. 13; 55 – Батуриная I, 15/5; 56 – Тимашевск, 1/20; 57 – Восточный Маныч, левый берег I, 1965, 45/2; 58 – Днепровская I, 3/1; 59 – Александровск, 3/6; 60 – Дальний, 2/5; 61 – Брюховецкая I, 5-9 (Прикубанье, НТ-I, по А. Н. Гею); 62 – Сватово, 12/1; 63 – Зимогорье, 2/9

На основе данных курганной стратиграфии, погребальной обрядности (поза погребенного, детали обряда) и сочетания в комплексах с предметами, являющимися четкими хронологическими маркерами (в основном это архаичные роговые и бронзовые булавки), можно сделать ряд выводов о времени появления и эволюции различных типов ножей в Закубанье.

Наиболее ранним в Закубанье является тип 2. Орудия этого типа встречены преимущественно вместе с роговыми булавками с архаичным орнаментом в виде горизонтальных и косых насечек (в четырех погребениях) при скорченных на боку погребениях «новотиторовского облика», что также свидетельствует о раннем характере этих комплексов (рис. 2, 20, 22, 23, 28). В кургане 2 могильника Дальний два комплекса (погребения 5 и 14) являлись синхронными. При этом в погребении 5 обнаружена архаичная булавка в сочетании с ножом типа 2, поэтому нож из погребения 14 также можно считать ранним (рис. 2, 24). Еще два экземпляра типа 2 (рис. 2, 25, 26) встречены в погребениях с канавками по периметру дна ямы, что является наиболее ранним в погребениях закубанской группы СКК. Таким образом, 7 из 11 ножей типа 2 достоверно относятся к наиболее раннему этапу существования СКК в Закубанье. При этом надо отметить, что в остальных четырех хронологически неопределенных погребениях с ножами типа 2 не встречено вещей и деталей обряда, свидетельствующих о позднем характере этих комплексов.

К раннему этапу СКК Закубанья относится также единственный экземпляр ножа типа 4 (рис. 2, 60), обнаруженный в наборе с архаичной костяной булавкой.

Таким образом, из 10 комплексов с бронзовыми ножами, безусловно относящихся, по указанным выше признакам, к раннему этапу СКК в Закубанье, лишь два ножа относятся к типу 1. На следующем же этапе СКК эта форма становится доминирующей. Орудия этого типа встречены в 8 из 12 хронологически определяемых комплексов (рис. 1, 6, 7, 10, 12, 14, 16). На данном этапе развития СКК в погребальных комплексах появляются бронзовые молоточковидные булавки, пришедшие на смену архаичным роговым, и украшения «северокавказского стиля».

К этому же этапу относится и нож типа 3 из погребения Владимирский, 5/5 (рис. 2, 33), встреченный в сочетании с бронзовой молоточковидной булавкой. С учетом того, что три из четырех ножей обнаружены при вытянутых на спине погребениях (доминирующая форма обряда в СКК) и не обнаружены в погребениях с архаичным инвентарем, можно сделать вывод о том, что ножи этого типа появляются в Закубанье на развитом этапе СКК.

Итак, проведенный анализ комплексов с ножами закубанской группы СКК позволяет выделить ранние (2 и 4) и поздние (1 и 3) их типы. Тем не менее, как показывают приведенные в данной статье аналогии и последние аналитические исследования (Гак, Калмыков, 2009), хронологическая атрибуция такой категории вещей, как ножи, для среднебронзовой эпохи Предкавказья в известной степени условна. Большая часть из известных форм ножей, появившись однажды, продолжает бытовать в среде носителей степных культур, претерпевая определенную эволюцию, вплоть до конца развитого этапа эпохи средней бронзы и даже до ее финала. Несмотря на это, сравнительный анализ проведенной

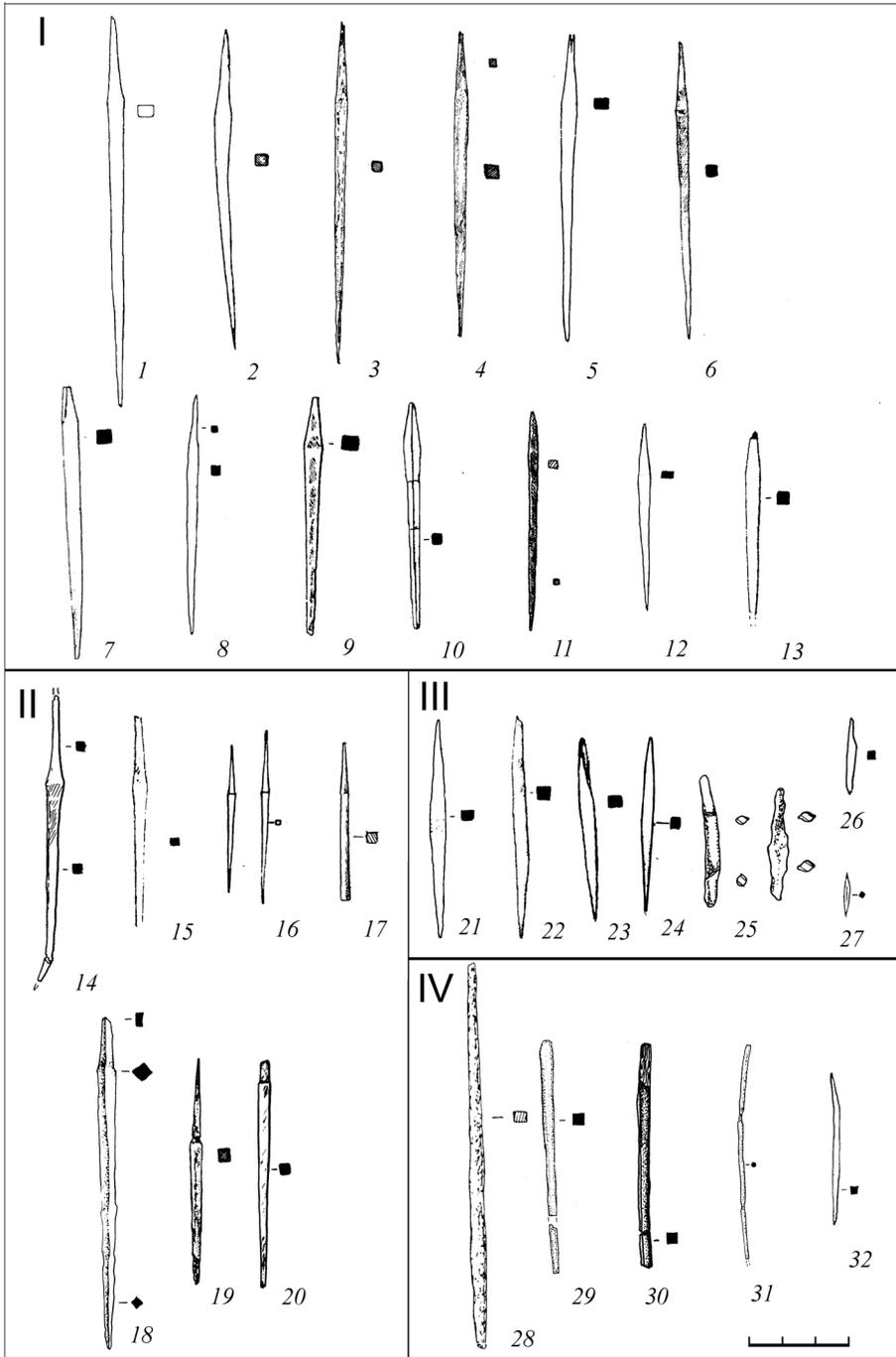

Рис. 3. Типология шильев (стержней) закубанской группы СКК

в данной работе типологии и хронологии появления различных форм ножей на территории Закубанья и соседних территорий позволяет сделать следующие выводы.

Ножи типа 2 – для Закубанья однозначно наиболее архаичная форма – на соседних территориях появляются гораздо позже: на III этапе новотиторовской культуры в Прикубанье, в преддонецком горизонте (на раннедонецком этапе, по С. Н. Братченко) в Подонье, в раннекатакомбных комплексах Калмыкии и на развитом этапе СКК в Южном Ставрополье. В ареале новотиторовской культуры (I этап) в это время бытуют ножи типов 1 и 3, в свою очередь, появляющиеся в Закубанье на развитом этапе, синхронном новотиторовским II–III этапам. На основании чего можно предположить, что именно с территории Закубанья форма ножей типа 2 попадает в соседние степные и предгорные районы.

Бронзовые шилья (стержни) являются еще одной многочисленной категорией производственных орудий (встречены в 43 погребениях). По общим метрическим показателям их можно разделить на четыре типа.

Тип 1 – самый многочисленный – представлен длинными и средних размеров (от 11 до 6 см) шильями, квадратными в сечении, с выделенным черенком, составляющим от 1/6 до 1/4 общей длины (рис. 3, 1–13).

Тип 2 – серия шильев разных размеров, квадратных в сечении, у которых черенок отделен от рабочей части резким подчеркнутым переходом (рис. 3, 14–17) либо уступом (рис. 3, 18–20). Последние по функциональному назначению можно отнести к наконечникам стрекал (ср.: Гак, Калмыков, 2009. С. 110. Рис. 2, 8–17).

Тип 3 – шилья средних размеров и маленькие стерженьки, в сечении квадратные, переход к черенку находится ближе к средней части (рис. 3, 21–27).

Тип 4 – стержни с квадратным (рис. 3, 28–30, 32) и круглым (рис. 3, 31) сечением, не имеющие выделенного черенка.

Представленные типы бронзовых шильев (стержней) являются довольно распространенными на территории Предкавказья. Хронологической динамики в развитии форм бронзовых шильев на раннем этапе эпохи средней бронзы в Закубанье пока не прослеживается. В то же время обращает на себя внимание почти полное отсутствие среди закубанских орудий узкофункциональных предметов (зубильца, наконечники стрекал, буравчики и др.), обнаруженных в соседних районах Предкавказья (Гак, Калмыков, 2009).

1 – Большой Петропавловский, 4/2; 2 – Большой Петропавловский, 9/9; 3 – Большой Петропавловский, 6/9; 4 – Большой Петропавловский, 1/2; 5 – Геймановский, 3/3; 6 – Келермесский, 3/5; 7 – Чернышевский I, 5/17; 8 – Келермесский, 4-5; 9 – Дорошенко, 2/1; 10 – Чернышевский, 5/37; 11 – Большой Петропавловский, 5/3; 12 – Дальний, 2/13; 13 – Чернышевский, 1/6; 14 – Келермесский, 6/2; 15 – Чернышевский I, 1/23; 16 – Родина, 1/3; 17 – Новокубанский, 1/4 и 5; 18 – Ипподромный, 1/2; 19 – Большой Петропавловский, 6/7; 20 – Дукмасовский, 2/4; 21 – Дальний, 2/5; 22 – Геймановский, 6/10; 23 – Чернышевский I, 4/9; 24 – Дальний, 2/16; 25 – Спокойная, 1/10; 26 – Келермесский, 20/3; 27 – Келермесский, 12/3; 28 – Курганинский, 1/71; 29 – Владимирский, 5/5; 30 – Ипподромный, 5/11; 31 – Циплиевский Кут, 8/3; 32 – Дальний, 2/14

Приведенные в данной работе результаты исследования серии ножей и шильев позволяют отметить своеобразие металлокомплекса раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья. На начальном этапе среднебронзового века рассматриваемый регион, безусловно, являлся одним из ведущих центров металлопроизводства, на что указывают данные, приведенные в табл. 1. Несмотря на близость культурных традиций местной группы северокавказского населения и их степных соседей, контакты между ними были довольно ограниченными. Об этом свидетельствует как запаздывание в появлении в Закубанье наиболее характерных для степной зоны форм орудий (ножи типа 1), так и ряд других особенностей погребальной обрядности, анализ которых выходит за рамки настоящей работы. В то же время распространение на следующем хронологическом этапе в Закубанье ножей типов 1 и 3 указывает на то, что связи населения Закубанья со степными культурными группами становятся более тесными.

В целом же следует отметить, что серия ножей и шильев из Закубанья – крупнейшая по сравнению с инвентарным комплексом соседних районов и может рассматриваться как ключевая в определении хронологического развития форм данных категорий погребального инвентаря раннего этапа эпохи средней бронзы по всему Предкавказью.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Ю.*, 1988. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1988 г. // Архив ИА. Р-1. № 13064.
- Алексеев А. Ю.*, 1989. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1989 г. // Архив ИА. Р-1. № 14764.
- Андреева М. В., Петренко В. Г.*, 1998. Комплексы эпохи бронзы из кургана у хутора «Красное Знамя» // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. 2.
- Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Беглова Е. А.*, 2004. Отчет об исследовании курганного могильника Садовый в 2004 году // Архив ИА. Б/н.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Гак Е. И., Калмыков А. А.*, 2009. Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкавказья // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург.
- Галанина Л. К.*, 1981. Государственный Эрмитаж. Отчет о раскопках курганов у ст. Келермесской Краснодарского края в 1981 г. // Архив ИА. Р-1. № 8758.
- Галанина Л. К.*, 1982. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1982 г. // Архив ИА. Р-1. № 9103.
- Галанина Л. К.*, 1983. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 10405.
- Галанина Л. К.*, 1984. Отчет о работе Келермесской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 10406.
- Гей А. Н.*, 2000. Новотиторовская культура. М.
- Гей А. Н., Ульянова О. А.*, 1982. Отчет о работе Курганинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 9856.

- Державин В. Л.*, 1991. Степное Ставрополье в эпоху ранней и средней бронзы. М.
- Днепровский К. А.*, 1989. Отчет о работе на могильниках Дукмасов и Мокрый Назаров в Шовгеновском районе Адыгейской АО в 1989 году // Архив ИА. Р-1. № 14086.
- Жупанин О. Ф.*, 1990. Научный отчет о проведении археологических исследований пяти курганов в зоне строительства Краснодарской ГРЭС на южной окраине поселка Мостовского, Мостовского района Краснодарского края в 1990 году // Архив ИА. Р-1. № 17281.
- Каминская И. В.*, 1983. Отчет о раскопках курганов в ст. Отрадной Отраденского района Краснодарского края в 1983 году // Архив ИА. Р-1. № 9245.
- Каминский В. Н.*, 1985. Отчет о раскопках курганов в ст. Михайловской Курганинского района Краснодарского края в 1985 году // Архив ИА. Р-1. № 10116.
- Каминский В. Н.*, 1986. Отчет о раскопках кургана-могильника в г. Курганинске в 1986 году // Архив ИА. Р-1. № 11415.
- Каминский В. Н.*, 1990. Отчет о раскопках Владимирской курганной группы в Лабинском районе Краснодарского края в 1990 г. // Архив ИА. Р-1. № 15029.
- Клещенко А. А.*, 2007. Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья // РА. № 4.
- Корневский С. Н.*, 1978. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2.
- Корневский С. Н.*, 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М.
- Корневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.*, 2007. Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.
- Лесков А. М.*, 1983. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 9855.
- Лесков А. М., Габуев Т. А., Днепровский К. А.*, 1985. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1985 г. // Архив ИА. Р-1. № 10973.
- Лесков А. М., Днепровский К. А.*, 1984. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1984 г. // Архив ИА. Р-1. № 10482-83.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.*, 1984. Отчет о работе Краснодарской археологической экспедиции за 1984 год // Архив ИА. Р-1. № 10316.
- Лопатин А. П.*, 1995. Курган у станицы Спокойной // Историко-археологический альманах. Армавир.
- Марковин В. И.*, 1994. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М. (Археология.)
- Марковин В. И.*, 1999. Константиновская группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М.
- Навротский Н. И.*, 1978. Отчет об охранных раскопках аварийного кургана, разрушенного земляными работами, на территории карьера цеха № 1 Новокубанского завода стройматериалов Краснодарского края (Старая станица) // Архив ИА. Р-1. № 5898.
- Нехаев А. А.*, 1982. Отчет о раскопках экспедиции Государственного историко-археологического музея-заповедника в Красногвардейском районе Адыгейской АО в 1982 году // Архив ИА. Р-1. № 9417.
- Нечитайло А. Л.*, 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Пьянков А. В.*, 1988. Отчет о раскопках курганов в урочище Циплиевский кут в Абинском районе Краснодарского края в 1988 году // Архив ИА. Р-1. № 13448-53.
- Тарабанов В. А.*, 1978. Отчет о раскопках восьми курганов в колхозе им. Кирова Белореченского района Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА. Р-1. № 7086.
- Шишлина Н. И.*, 2007. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.). М.

А. Е. Кислый

ДЕМОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАСЕЛЕНИЯ КАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУР С УЧЕТОМ НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ

A. E. Kisly. Demographic and economic analysis of Catacomb population with regard to the model of historic development

Abstract. The paper discusses some problems of historic demography in the North Pontic zone. Special stress is made on investigation of evolution in population number, structure, density, changing models of population growth, and the role demographic factor played in the historical process. New ideas in the field of demographic economy are applied to the investigation of producing economy in the steppe zone of Eurasia. The author points to significant disproportions in sex and age structure of the groups during the transition to this type of economy in arid zones, which in the Eneolithic and Bronze Age often resulted in formation of early nomadic economic models.

Ключевые слова: средний бронзовый век, катакомбная культура, демографический анализ, палеоэкономика, закономерность, историческое развитие.

Палеодемоэкономические исследования последних десятилетий позволяют уточнить многие важные моменты древнейшей истории Северного Причерноморья, базирующейся на археологических источниках. Такие исследования дают возможность выйти из узкой схемы восприятия исторической демографии, когда основной задачей науки виделось изучение численности, состава, плотности древнейшего или средневекового населения. При этом увеличение численности населения и средней продолжительности предстоящей жизни прямо связывали с переходом к каждому новому прогрессивному этапу развития. Еще в 1980-е гг. признанный специалист в области исторической демографии, историк и демограф Д. К. Шелестов, видел три направления исследований в этой дисциплине: изучение исторической эволюции численности населения, его состава, плотности; смены исторических типов воспроизводства населения; исторической обусловленности демографического развития и роли демографического фактора в истории (*Шелестов*, 1986. С. 234).

Безусловно, подход, наиболее четко выраженный в первом из перечисленных пунктов, во многом был связан с определенным и важным для своего времени видением задач демографической науки в целом. В дискурсе наиболее насущных проблем современной демографии все более отчетливо выступают проблемы не количественных показателей населения, а его качества. Причем заметим сразу же для историков, что речь должна идти не о таких качествах, как сравнительные показатели рождаемости-смертности, обеспеченность финансированием здравоохранения в той или иной стране и т. п., о чем наиболее часто говорят специалисты соответствующих профилей, а об исторически необходимом качестве населения. Палеодемоэкономические исследования в этом плане позво-

лили не только наметить общую схему качественных исторических изменений в населении, показать диалектические изменения в качестве народонаселения, но и выработать понимание *демоэкономики как отрасли знаний, изучающей отношения, возникающие в обществе по поводу воспроизводства жизни в целом, учитывая также отношения природа – общество* (Кислий, 2005). Немаловажно подчеркнуть, что таким образом на современном этапе познания фактически завершилась длительная дискуссия о роли/самостоятельности демографического фактора в истории, в которую наибольший вклад внесли именно историки разных направлений, включая этнологов и археологов. Соответственно, сегодня археологи на более высоком уровне могут вносить свой вклад в понимание исторических закономерностей трансформации природы и общества.

Насколько важно историкам-археологам воспринимать новые демоэкономические разработки, покажем на некоторых примерах исследования процессов становления и развития производящего хозяйства в степной зоне Евразии. Обращение по этому поводу к теории катастроф, стимулировавших, к удивлению С. В. Ивановой, развитие (Иванова, 2003–2004. С. 87), с одной стороны, а с другой – высказанные представления о внедрении/привнесении производящего хозяйства в степь на уровне абсолютного прогрессизма (Манзура, 2003–2004. С. 64, сл.), говорят об отсутствии системы в понимании развития природы, человека, общества и об активных поисках такой системы. Поскольку в этих публикациях археологи свободно оперируют любой информацией, включая пример падения Тунгусского метеорита, позволим себе следующее демоэкономическое объяснение с учетом данных из недалекого прошлого. Во второй половине XX в. распадается гигантская демоэкономическая система «стран социалистического лагеря». Происходит ряд производственных катастроф, среди них наиболее яркая – Чернобыльская, разрушаются промышленные и сельскохозяйственные предприятия, целые города теряют свой прежний облик, падает средняя продолжительность жизни населения в Украине, России и других странах, до катастрофических уровней увеличивается разница в продолжительности жизни мужского и женского населения и т. д. Разве эти явления были связаны с глобальными переменами в климате, падением метеоритов и др.? Очевидно, что нельзя, как в этом случае, так и для древности, отрицать ни идеологических факторов (о которых С. В. Иванова говорит для периода энеолита – раннего бронзового века), ни влияния более развитых областей ойкумены (по И. В. Манзуре). Но с точки зрения демоэкономики первой и основной причиной деструкции будет неспособность системы ответить на вызовы времени, и конкретно – несоответствие качества населения возникшим новым потребностям (Кислий, 2005. С. 222, 296, сл.; 2006. С. 293–300). Историческая схема, согласно которой каждый новый этап развития общества (например, введение производящего хозяйства) воспринимается как непременно прогрессивное достижение, неоспоримо устарела и не дает ответов на актуальные вопросы современной науки. С. В. Иванова приводит исключительно любопытное наблюдение, ссылаясь на Ю. Я. Рассамакина: быстрое распространение «нового мировоззрения» в среде ямной культурно-исторической общности сопровождалось деградацией материальной культуры по сравнению с энеолитическим временем (Иванова, 2003–2004. С. 87).

На этом фоне мы проанализируем, как развивалось общество степей Северного Причерноморья в конце III – первой половине II тыс. до н. э. с учетом представлений о необходимом развитии качества населения того времени, уделив особое внимание катакомбной культуре. Как бы ни казались далее излишними некоторые теоретические выкладки, без них невозможно исследование.

Со времени кризиса мезолитического хозяйства в условиях обеднения экологических ниш существования человеческих коллективов становление новой системы хозяйствования потребовало увеличения трудовых ресурсов, причем ресурсов определенного качества. Экономика присваивающего хозяйства в период своего расцвета не требовала ни такого значительного количества (уплотнения) населения (Козлов, 1982. С. 30), ни такого напряжения сил для воспроизведения жизни. Представление о том, что с переходом к производящему хозяйству появилась возможность прироста населения, – это очень упрощенная схема. Прежде всего появляется системная необходимость/потребность прироста населения. Отсюда увеличение в населении количества детей раннего возраста и соответственно, как статистическая закономерность, – падение средней продолжительности жизни, зафиксированное повсеместно (Восточное Средиземноморье, Юго-Восточная Европа, Северная Африка, Япония, Северное Причерноморье, Север России, Средняя Азия, Кавказ и т. д.) разными исследователями при переходе к экономике производящего хозяйства (Кислый, 2005. С. 116, 117). Стимуляция рождаемости – что было экономической потребностью – приводила к ранней женской сверхсмертности, т. е. большей, чем мужская в ранних возрастах. В результате продолжительность жизни женщин была меньше мужской, и это соответствовало потребности в большем количестве мужчин в населении в связи с трудностями перехода к производящему хозяйству. Демоэкономическая потребность в населении определенного, подчеркнем, качества приводит к появлению значительного по численности половозрастного класса молодых мужчин, которые имели сравнительно невысокую продолжительность жизни (17–25 лет), как правило, не имели семьи, обслуживали потребности социума в целом. В зонах раннего развития производящего хозяйства (а также в сельскохозяйственных районах) этот этап половозрастных, и в целом экономических, деструкций заканчивался по времени достаточно рано. В областях, где становление производящего хозяйства задерживалось, в аридных, степных зонах формирования протокочевнических форм хозяйствования, половозрастные деструкции могли проследиваться вплоть до средневековья. Аналогично могли развиваться некоторые территории, которые осваивались с трудом (Кислый, 1990. С. 119–131).

Поскольку половозрастные диспропорции специально не регулировались, они могли достигать значительных величин. Так, в степях Северного Причерноморья численность мужчин могла превышать численность женщин в два раза, при общей невысокой продолжительности жизни. При этом дальние походы выделявшегося класса воинов (основную его массу и составляли те, кто лишен был возможности участвовать в воспроизведении непосредственной жизни, иметь семью) сглаживали деструкции хозяйствования: приносили добычу, женщины – соответственно частично ликвидировались половые и иные экономические диспропорции. В закрытых же коллективах диспропорции (маскулинизация) могли достигать значительных размеров (тремякратное превышение численности муж-

чин), и тогда социум не мог справиться с задачей воспроизведения непосредственной жизни.

Благодаря многочисленным палеоантропологическим данным у нас есть возможность рассчитать, как быстро накапливался критический уровень диспропорций в условиях обширных степей Северного Причерноморья в эпоху энеолита – бронзы. Как правило, каждые 250–300 лет следовал пик таких диспропорций, далее шел более или менее продолжительный период их сглаживания. Если взять, к примеру, средний возраст смерти взрослого населения катакомбной культуры (не среднюю продолжительность предстоящей жизни, заметим¹) для мужчин 39,9 и для женщин 35,4 лет (*Круц*, 1984. С. 88, сл.), то можно рассчитать количество умерших на 1000 взрослого населения за год ($1000 : 39,9$ и $1000 : 35,4$, соответственно – 25,1 и 28,2). Что могло бы случиться, если бы, предположим, катакомбная культура была более закрытым сообществом?

Приведем сначала достаточно далекую, но весьма наглядную для понимания процесса демоэкономическую аналогию. Н. Н. Миклухо-Маклай проследил нарастание половых диспропорций на о. Рапа-Нуи (о. Пасхи) в небольшой по численности общине, которая не могла изменить свой экстенсивный тип хозяйствования, теряла население, а притока его извне не могло быть. Поэтому за очень короткий промежуток времени, в пределах жизни нескольких поколений, маскулинизация достигала значительных масштабов (на 500 жителей 100 женщин, а затем на 230 – 30), хотя ранее наблюдалось численное превосходство женщин. Н. Н. Миклухо-Маклай верно описывает развитие кризиса: жены умирают рано, отношение к ним скверное, нарастает потребность ранних родов, кандидатов на каждую подрастающую девочку много (*Миклухо-Маклай*, 1941. С. 144).

Существовавшие в степной зоне Причерноморья социумы, оставившие известные археологические культуры, периодически оказывались перед задачей преодоления негативных последствий экстенсивного развития. Кризис разрешался через частичное оседание на землю, смешение с иными племенами, особенно земледельческими, но чаще всего через организацию дальних походов за добычей, причем в качестве таковой особенно ценились женщины. В матери-

¹ В фундаментальном издании (*Давня історія України*, 1997. С. 538) С. И. Круц повторяет свою многолетнюю ошибку (см.: *Круц*, 1984. С. 87–90), называя 42,4 года средней продолжительностью жизни населения культуры многоваликовой керамики и др. При этом совершенно понятно, что способ, каким получен ею такой показатель в первой половине 1980-х гг., никакого отношения к любому из возможных методов расчета этого показателя не имеет, что в исходных данных (выборке) отражено не все население, а только его взрослая часть, т. е. примерно 40–50% от необходимого, что именно учет населения ранних возрастов и дал бы решающее понижение показателя продолжительности жизни. Жаль, что подобные «фундаментальные» выводы дискредитируют перед демографами, социологами и др. возможности археологии в современном познании. Сравним: по данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» средняя продолжительность предстоящей жизни населения Украины составляла 36 лет (*Птуха*, 1971. С. 349), по данными первой Всесоюзной переписи 1926 г. – 45,66 лет; показатель 41–45 лет сегодня характерен для таких стран, как Намибия, Ангола, Танзания, Кения и др. (*Доклад о развитии... 2003*. С. 264, 265; см. также: *Кислый*, 1995. С. 112–122).

альной культуре это проявлялось в виде появления новых влияний, изменений в самом характере культуры, возникновении ранее неярких черт или повторении черт, имевших место в минувший исторический период.

В начале развития катакомбных традиций в этой зоне не отмечается усиленного оседания на землю племен; очевидно, что такой возможности и не было после долгих столетий развития здесь экстенсивного скотоводства, малопродуктивного земледелия, приводившего к аридизации растительности и истощению почв. Само относительное однообразие ямной культуры на пространствах от Урала до Балкан свидетельствует о нарастающей экстенсификации демоэкономии. О кризисе «ямной» демоэкономии на заключительных этапах ее существования свидетельствуют немногочисленные попытки оседания на землю, перехода к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйствованию. Главная причина такого перехода – вовсе не «результат расселения древнеямных племен в пограничье с раннеземледельческими центрами» (Энеолит СССР, 1982. С. 328). Наблюдаемое расселение – само по себе следствие экстенсивности степного хозяйства.

Соответственно, если бы с последних столетий III тыс. до н. э. и далее продолжалось постепенное развитие «ямных» традиций, то палеоантропологические материалы дали бы еще большую, чем в ямной культуре, половую диспропорцию. Однако был реализован иной путь. Время бытования катакомбных культур всегда представлялось исследователям таким, что свидетельствовало о более далеких контактах части их носителей, чем только зона традиционных культур степи, отчасти лесостепи. Исключая возможность обширного перехода местных племен к комплексному хозяйствованию, мы должны заключить, что правы те исследователи, которые для раннего этапа развития катакомбных культур реконструируют определенные и нетрадиционные подвижки населения (*Братченко, Шапошникова*, 1985). Вполне возможно, что в конце III – начале II тыс. до н. э. в результате достаточно дальних походов части мужского населения, отделенного от непосредственного воспроизводства жизни, в Северном Причерноморье появляются черты неместных традиций. В итоге смешения населения несколько улучшается демографическая ситуация. Если для ямной культуры этой зоны коэффициент маскулинизации, по антропологическим материалам, составлял 2,1, то для местных катакомбных культур – 1,8. Заметим, для срубной культуры – 2,2. Причем для какого-то этапа развития катакомбных культур это соотношение было достаточно характерным. Так, по материалам раскопок восьми курганных могильников в Арзгирском районе Ставропольского края, представленным Г. П. Романовой, соотношение между количеством мужских и женских катакомбных погребений (при общем их подсчете, без искусственного разделения по разным обрядовым группам, к чему прибегает автор) также составляет 1,83 (*Романова*, 1988. С. 141). Критика такого разделения дана в литературе (*Кислый*, 1997. С. 57–66), здесь заметим, что диспропорции есть свидетельство определенного состояния общества и выравнивать их искусственно означало бы лишаться важной исторической, экономической информации.

Наиболее вероятно предположить, что первоначально крайне незначительное количество чуждых «ямной» культуре населения и традиций начинает проникать в среду лишь некоторых местных племен. Возможно, первоначально это

было в Приазовье. Но в социуме с жесткой половозрастной дифференциацией важен первоначальный импульс, который приводит к развитию производительных сил, к новым формам эксплуатации, что было подобно в какой-то мере тому, как в эпоху ранних викингов проблемные северные территории Европы «выбрасывали» пусть небольшие, но эффективные для экономик и своей страны, и страны-реципиента отряды. Выводы специалистов об антропологической гомогенности раннекатакомбного населения несколько противоречивы. С. И. Круц, хотя и говорит о значительной вариабельности состава разных племен (микро-групп), вплоть до выделения узколокальных групп, все же далее делает заключение о преимущественной однородности катакомбных племен до начала второго этапа их развития (Давня історія України, 1997. С. 529, 530).

С течением времени в среде населения катакомбных культур половые диспропорции должны были снова увеличиться. Снова появляется потребность оседания на землю и/или дальних походов, что снимало бы напряжение. Однако катакомбное население, в отличие от относительно более гомогенного «ямного» общества Северного Причерноморья, было готово к разнообразным ответам на вызов. Одним из таких ответов стала дальнейшая культурная дифференциация (усиленное включение в среду катакомбной культуры разнообразных элементов, что повлекло создание самобытных отдельных катакомбных культур), оседание на землю в поймах и устьях рек (появление агломерации поселений в долинах Южного Буга, Днепра, Дона), появление новых путей, ведущих из Северного Причерноморья на Восток. Любопытно, что все попытки выделить особую крымскую катакомбную культуру не увенчались заметным успехом, несмотря на особое отличие территории. Во-первых, северная и северо-западная часть полуострова оказалась и географически, и культурно тесно связанной с ингульской и днепро-азовской катакомбными культурами. На остальной части полуострова катакомбное население было достаточно немногочисленным для формирования устойчивых местных культурных традиций. Во-вторых, в восточной части полуострова, где почти нет катакомбных памятников, в первой половине II тыс. до н. э. сформировалась своеобразная каменная археологическая культура. Ее образование подчеркивает усиление на втором этапе бытования катакомбной культуры потребностей в устранении нараставших экономических диспропорций. Одной из характерных черт каменной культуры было размещение поселений у дорог, которые вели к древним переправам через Керченский пролив на Кавказ и далее на Восток. О том, что такой путь был привычным для населения катакомбной культуры в периодически усложнявшихся условиях развития, говорит ситуация, возникшая еще на раннем этапе сложения культуры, когда путь передвижений населения с особыми антропологическими признаками лежал не через Приазовье, а именно через Крым (Давня історія України, 1997. С. 539).

Близкий культурный аналог каменским памятникам – Ливенцовская и Каратаевские крепости в устье Дона. Возникшие немного позднее памятников каменной культуры, они, очевидно, выполняли подобную роль, находясь у древних дорог, ведущих на Кавказ.

Сделанные палеодемоэкономические реконструкции согласуются с выводами антропологов. Как раз на второй этап бытования катакомбных культур приходится обширная волна перемещения населения из района Северного Кавказа

на запад. В результате на территории Запорожья, Криворожья, Самаро-Орельского и Буго-Ингулецкого междуречья происходит значительная смена местного населения северокавказским (Давня історія України, 1997. С. 533), что, конечно же, улучшало демоэкономическую ситуацию.

Далее можно привести пример социума, хорошо охарактеризованного демостатистическими данными, где формирование половых диспропорций достигало пика к возрасту 10–15 лет, но затем, в результате того, что общины не были абсолютно закрыты, маскулинизация немного уменьшалась. Речь идет о некоторых районах Кавказа по данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» 1897 г., в данном случае о Джеванширском уезде (без учета городского населения) Елисаветпольской губернии (Первая всеобщая перепись... 1897. Табл. III, б. С. 57):

Возраст	0–4	5–9	10–14	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Мужчины	7283	7246	4182	4005	2955	3327	3123	2265	2167	1062
Женщины	6055	4873	1870	3040	2973	3241	2625	1609	1545	796

Заметим, что показатели возраста 0–4 года даны обобщенно, поэтому и здесь заметна диспропорция. Действительно, многочисленные этнографические материалы свидетельствуют, что уже с раннего детского возраста в социумах с гиперболизированной демоэкономической потребностью в маскулинизации смертность девочек была значительно выше смертности мальчиков. Реализовалась ранняя женская сверхсмертность чаще всего за счет простого пренебрежения ухода за девочками.

Во время смены населения катакомбных культур бабинским идет дальнейшая дифференциация мужского населения, особенно той его части, которая была отделена от непосредственного воспроизводства жизни. Так называемое патриархальное рабство в своей основе имело демоэкономическую потребность семей в определенном количестве таких мужчин, которые по своему статусу не претендовали на брачную пару/семью. Без них социум этого этапа развития не мог существовать (Кислый, 1989. С. 91, 92; 2003–2004. С. 121, 122). Для катакомбной культуры в определенные периоды ее развития такая потребность была более жесткой, часть населения занята была в походах. Отсюда возможность для особой, пусть небольшой, прослойки мужского населения получать для брака женщин во время разбоев, походов, межплеменного обмена и т. п., что порождало права собственности². Это действительно так и подтверждается исследованием коллективных захоронений ямной, катакомбной и срубной культур. Если в ямной и срубной культурах прослежено соот-

² Если несколько упростить схему и убрать детализацию объяснений, то можно вкратце заметить, что частная собственность является не столько следствием возникшей в результате перехода к производящему хозяйству возможности получения прибавочного продукта (такая возможность, в принципе, была в очень многих социумах еще на стадии присваивающего хозяйства, но не было потребности в прибавочном продукте), а есть следствие возникновения экономической потребности в каком-то продукте (благе) и недостатка такого продукта для большинства.

ветственно 8,1% и 1,5% коллективных захоронений, то в катакомбной – 19,4%. Совместных погребений нескольких взрослых в катакомбной культуре 9,2%, в ямной – 3,5%, в срубной – 1%. О том, что сам тип могильного сооружения (речь идет о возможности подзахоронения) не сыграл решающей роли в колебании показателей, свидетельствует практически стабильное число погребений с детьми в каждой из трех культур (Рычков, 1982. С. 92, 93, 95, 96). Это в какой-то мере может также свидетельствовать о том, что количество детей в семьях и детская смертность были примерно одинаковыми для населения этих культур, а значит, «катакомбное» население было в большей мере дифференцировано за счет притока человеческих ресурсов извне. Ни в одной из трех культур не зафиксированы на имеющемся материале парные женские захоронения, тогда как парные захоронения мужчин зафиксированы, правда, в очень незначительном для каких-то выводов количестве.

Так общество подходит к этапу возможности и потребности выделения конституированной прослойки подвижных скотоводов-воинов, вероятно, часть населения готова была передвигаться за ними достаточно постоянно. Это был поиск новых путей разрешения внутреннего демоэкономического кризиса, который точно описан в Ветхом Завете. Согласно этим описаниям, развитие протокочевнической экономики у кочевников-ибри на определенном этапе завершается успешным походом Иисуса Навина. Причем вся библейская история этих племен для нас интересна как раз свидетельствами о постоянных перекочевках, попытках оседания на землю, контактах с земледельческим населением и/или о захватах части средств к существованию этого населения, далее – о красочных манипуляциях с женским и мужским потомством и т. п. Отсюда закономерно предположение, что известный поход скифов в Переднюю Азию был лишь поздним эпизодом подобной подвижности протокочевников Северного Причерноморья.

Значительное своеобразие материальной культуры бабинских племен, а также их демографического статуса может свидетельствовать, как уже неоднократно отмечалось (Отрощенко, 1998. С. 113–117; Кислый, 2003–2004. С. 122), об углублении описываемых процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Братченко С. Н., Шапошникова О. Г., 1985. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 1.
- Давня історія України. Київ, 1997. Т. 1.
- Доклад о развитии человеческого потенциала за 2003 год. Минск, 2003.
- Иванова С. В., 2003–2004. Ранний бронзовый век и трансформация культуры // *Stratum plus*. № 2.
- Кислый А. Е., 1989. Некоторые предпосылки социального неравенства и демографические процессы у племен степной полосы Украины в эпоху бронзы // Проблемы історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. доп. Київ.
- Кислый А. Е., 1990. Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции // Демографические исследования. Киев. Вып. 14.
- Кислый А. Е., 1995. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // РА. № 2.

- Кислый А. Е., 1997. Вопросы палеодемографии на страницах «Российской археологии» // Археология Крыма. № 1.
- Кислый А. Е., 2003–2004. Население и памятники каменной культуры Восточного Крыма // *Stratum plus*. № 2.
- Кислий О. Є., 2005. Демографічний вимір історії. Київ.
- Кислий О. Є., 2006. Сучасна стадія демоекономічного розвитку України та завдання демографічної політики // Формування ринкової економіки: Зб. наук. праць. Київ. Т. 2.
- Козлов В. И., 1982. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
- Круц С. И., 1984. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья. Киев.
- Манзура И. В., 2003–2004. Северное Причерноморье в энеолите и в начале бронзового века: ступени колонизации // *Stratum plus*. № 2.
- Миклухо-Маклай Н. Н., 1941. Путешествия. М.; Л. Т. II.
- Отроценко В. В., 1998. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности и культурно-исторической общности многоваликовой керамики. Запорожье.
- Первая всеобщая перепись населения Российской Империи. 1897 год. СПб, 1897. Т. XIII.
- Птуха М. В., 1971. Вибрані праці. Київ.
- Романова Г. П., 1988. Проблемы демографического анализа палеоантропологических материалов // Познание исторического процесса в археологии. М.
- Рычков Н. А., 1982. Опыт статистической характеристики коллективных погребений степных племен эпохи бронзы // Методологические и методические вопросы археологии. Киев.
- Шелестов Д. К., 1986. История и демография // Историческая наука: Вопросы методологии. М.
- Энеолит СССР. М., 1982.

Р. А. Литвиненко

КУЛЬТУРНЫЙ КРУГ БАБИНО: НАЗВАНИЕ, ТАКСОНОМИЯ И СТРУКТУРА

R. A. Litvinenko. Babino cultural circle: Name, taxonomy, and structure

Abstract. The author singles out archaeological phenomenon of Babino cultural circle. The term “ribbed pottery culture” first used to denote the corresponding sites is considered incorrect, since the culture is not homogeneous and comprises a number of local variants. Now the cultural unity named after the eponymous settlement Babino III is considered a three-level structure, its top level corresponds to the term *cultural circle*, the middle level is termed as *archaeological culture*, and the bottom one – as *local cultural variant*. The Babino cultural circle is subdivided into at least two archaeological cultures – the Dnieper-Don Babino culture, and the Dnieper-Prut Babino culture (the latter included three local variants). Generally, Babino cultural entity represents western part of the post-Catacomb cultural block in Eastern Europe.

Ключевые слова: бронзовый век, культура многоваликовой керамики, культурный круг, археологическая культура, культурный вариант.

Уже к концу 1970-х гг. все более очевидной становилась внутренняя неоднородность того археологического явления, которое обозначалось дефиницией *культура многоваликовой керамики (КМК)*, что и вынудило поставить вопрос о выделении в ней локальных вариантов (*Березанская*, 1979; 1986). Приблизительно в то же время проявились первые симптомы еще одной проблемы, крившейся в некорректном по содержанию и неудачном по своей сути названии культуры, в основу которого положен способ орнаментации керамики. Один из ее аспектов озвучили воронежские археологи, решительно выступив против отнесения к КМК памятников среднедонской катакомбной культуры с многоваликовой орнаментацией посуды (*Матвеев*, 1980). Через два десятилетия эта проблема вылилась в противоположную крайность – попытку включить КМК в состав харьковско-воронежской (среднедонской) катакомбной культуры в качестве ее заключительного этапа, поскольку керамические серии названных групп имели значительное сходство (*Санжаров*, 2000; и др. работы). И, пожалуй, финальным аккордом, окончательно вскрывшим несостоятельность положенного в основу названия и выделения культуры критерия, явилась попытка «ликвидировать сверху» саму КМК, объявив многоваликовую орнаментацию посуды всего лишь эпохальной керамической модой (*Березанская*, 1998).

Именно тогда с особой остротой вновь встал вопрос о корректности и целесообразности наиболее употребляемого варианта названия культуры – *многоваликовая керамика*, и исследователи в очередной раз обратились, и, стоит надеяться, на сей раз осознали и адекватно оценили его смысл, к предложенному С. Н. Братченко еще в середине 1970-х гг. альтернативному варианту – *бабинская культура (культура Бабино)*, по эпониму базового памятника, раскопками которого, по сути, было положено начало выделению и изучению интересующего нас археологического феномена (*Братченко*, 1977). Будучи инициатором процесса реанимации и реабилитации бабинской культуры (*Литвиненко*, 2001; и др. работы), смею утверждать, что нынешнее его течение свидетельствует о целесообразности предпринятого шага, ибо возвращение к бабинской номенклатуре является не столько сменой таблички, сколько качественно иным осмыслением культурного/археологического явления. Это новое качество, кроме всего прочего, коснулось таксономии той совокупности памятников, которая на протяжении почти четырех десятилетий рассматривалась в качестве одной археологической культуры. Впрочем, история ее исследований во многом повторяет тенденции в изучении культур классической городцовской триады: выделенные небольшие культуры в дальнейшем разрастались до огромных размеров и начинали делиться на локальные варианты, а затем трансформировались в культурно-исторические общности, состоящие из ряда самостоятельных археологических культур (*Черняков*, 1996. С. 61). Таксоны надкультурного уровня стали активно примеряться к памятникам «с многоваликовой керамикой» со второй половины 1990-х гг., хотя первая проба такого рода имела место десятилетием ранее (*Черняков, Тощев*, 1985. С. 28). В результате появились новые дефиниции: «общность культур многоваликовой керамики» (*Черняков, Тощев*, 1985; *Черняков*, 1996; *Берестнев*, 2001а. С. 60–74), «историческая общность культур многоваликовой керамики» (*Берестнев*, 2001б) или «культурно-исто-

рическая общность многоваликовой керамики» (Проблемы изучения... 1998; Колотухин, Тоцев, 2000; Тоцев, 2005), – однако ни один из названных вариантов не сопровождался маломальским обоснованием, оставаясь обычной декларацией.

Наряду с этим был предложен альтернативный подход, учитывающий всю доступную ныне источниковую базу по памятникам типа Бабино III (более 3700 погребений и 500 поселений) и основанный на детальном сравнительном анализе различных территориальных групп и комплексной их оценке (Литвиненко, 2003). В соответствии с ним имеющаяся совокупность памятников более всего соответствует *культурному кругу* или *кругу культур*, под которым понимают «сумму генетически связанных археологических культур, характеризующихся одними и теми же семействами типов» или «группу археологических культур, связанных изоморфностью структуры, типологическими рядами и сходством ряда типов в такой мере, что это позволяет предполагать родство этих культур (связь по происхождению или общность их происхождения или наличие общего вклада)» (Классификация в археологии... 1990. С. 63, 93).

В основу внутреннего деления памятников круга Бабино положен сопоставительный анализ погребальных памятников, поскольку поселения в настоящее время изучены слабо и не поддаются межрегиональной и хронологической дифференциации. Поэтому выделение бабинских локальных групп осуществлялось путем картографирования имеющихся комплексов типов, а их таксономическая интерпретация давалась на основании оценки степени единства/различия между этими ассоциациями. Исходя из проведенного анализа, внутреннюю структуру культурного круга Бабино в настоящее время можно представить в виде как минимум двух больших культур, включающих локальные варианты, и нескольких периферийных культурных групп. Таксономический статус и ранг этих структурных подразделений в процессе дальнейших исследований может быть уточнен и даже изменен. В основу наименований положен территориально-географический принцип, который, в случае наличия подходящих базовых эпонимов, может быть скорректирован.

Днепро-Донская бабинская культура

Восточная половина культурной области Бабино была занята Днепро-Донской бабинской культурой (Литвиненко, 2006). Основной массив ее памятников сосредоточен в степной зоне от Днепровского Правобережья на западе до Доно-Донецкого междуречья на востоке. Впрочем, имеются убедительные свидетельства инфильтрации бабинского населения значительно дальше этих пределов, соответственно в Северо-Западное Причерноморье и Доно-Волжское степное междуречье. Южная граница определяется побережьем Азовского моря и левобережьем Нижнего Подонья. Северные рубежи очертить сложнее, но предварительно можно провести по верховьям Ворсклы, Псла и левобережных притоков Северского Донца (рис. 1). Источниковая база по культуре включает около 280 поселений, до 1150 погребений и несколько кладов предположительно бабинской атрибуции.

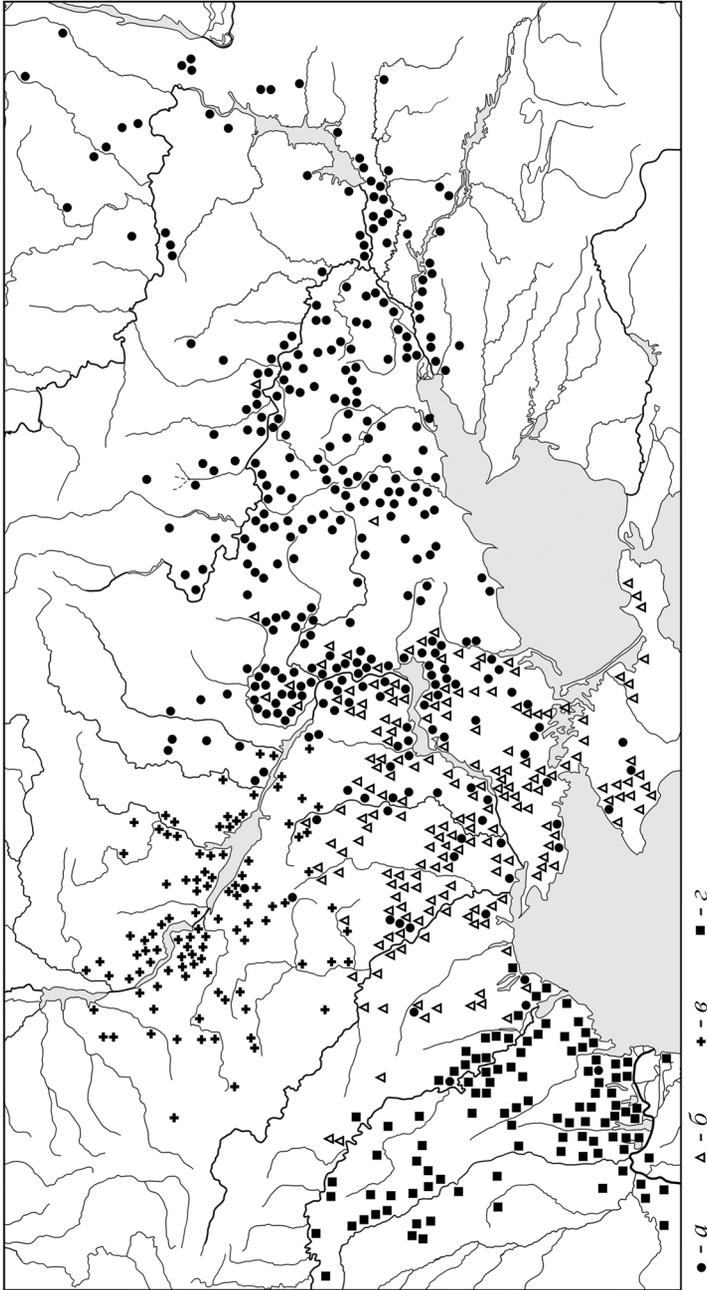

Рис. 1. Культурная область Бабино (основной ареал)

a – Днепро-Донская бабинская культура; Днепро-Прутская бабинская культура; *б* – Днепро-Днестровский вариант; *в* – Днепро-Бугский вариант; *г* – Днестровско-Прутский вариант

Поселения изучены довольно слабо, подавляющее их большинство известно лишь по данным разведок, приблизительно на 50 проводились разномасштабные раскопки. Среди памятников, давших сравнительно представительные коллекции, следует назвать Бабино III на Днепре, Ильичевку, Казачью Пристань и Капитаново I – в бассейне Северского Донца, Раздольное на Кальмиусе, Ливенцовку I в дельте Дона.

Намного лучше исследованы погребальные памятники. С Днепро-Донской бабинской культурой связан качественно новый этап курганного строительства в Причерноморье и прилегающих регионах Подонья. В сравнении с предыдущими эпохами он характеризуется освоением и застройкой курганами глубоких водораздельных плато, значительным увеличением масштабов и внедрением новых форм курганной архитектуры. С памятниками Днепро-Донской бабинской культуры связано 83% курганных насыпей и досыпок, известных в пределах всей области Бабино. При этом индивидуальными курганными насыпями и досыпками сопровождалось 79% бабинских захоронений, на раннем этапе этот показатель достигает почти 90%. Качественной новацией в курганной архитектуре стало сооружение длинных курганов путем пристраивания многократных (до 6) односторонних или двусторонних, а также соединительных досыпок (рис. 2, 1). В каменистых регионах Донецкого кряжа, реже в Приазовье и Днепровском Надпорожье, распространяются разнообразные типы каменных курганных конструкций – насыпи-заклады, кромлехи, крепиды, панцири.

Могильные сооружения представлены несколькими типами (рис. 2, 2–13): грунтовыми ямами (69%), ямами с деревянными рамами (26%), каменными ящиками (4%), подбоями-катакомбами (1%). Последний тип является заимствованным и встречен на периферии ареала – в Нижнем Подонье.

Основным способом погребения была ингумация, изредка практиковались вторичные перезахоронения, которые фиксируются в форме так называемых «пакетов» (1,2%), и крайне редко – кенотафы (0,2%). Подавляющее большинство захоронений – индивидуальные, и только 3,3% могил содержали остатки двух-трех покойников. Типичным являлось положение умершего скорченно на левом (80,6%) или правом (19,4%) боку. Ориентация головой демонстрирует достаточно четкую динамику во времени, обобщив которую, можно утверждать, что для раннего периода характерны широтные сектора с преобладанием западного, для среднего – западный, дополненный обоими долготными направлениями, а для позднего – восточный, дополненный южным. Примечательной особенностью Днепро-Донской бабинской культуры было соблюдение принципа бинарной оппозиции при захоронении разнополюх покойников, наиболее наглядно воплощенного на раннем этапе: мужчины укладывались на левом боку с западной ориентацией, а женщины – на правом боку с восточной ориентацией, что обеспечивало для тех и других обращенность лицом в северный сектор.

Инвентарь присутствует лишь в половине захоронений (52,3%), количественно довольно ограничен. Керамическая посуда (рис. 3, 25–40) приходится в среднем на каждое пятое погребение (19%), деревянная – на каждое тридцатое (3,6%). Крайне редко встречаются деревянные шкатулки для мелких вещей, в частности украшений, а также пеналы для инструментов. Орудия труда

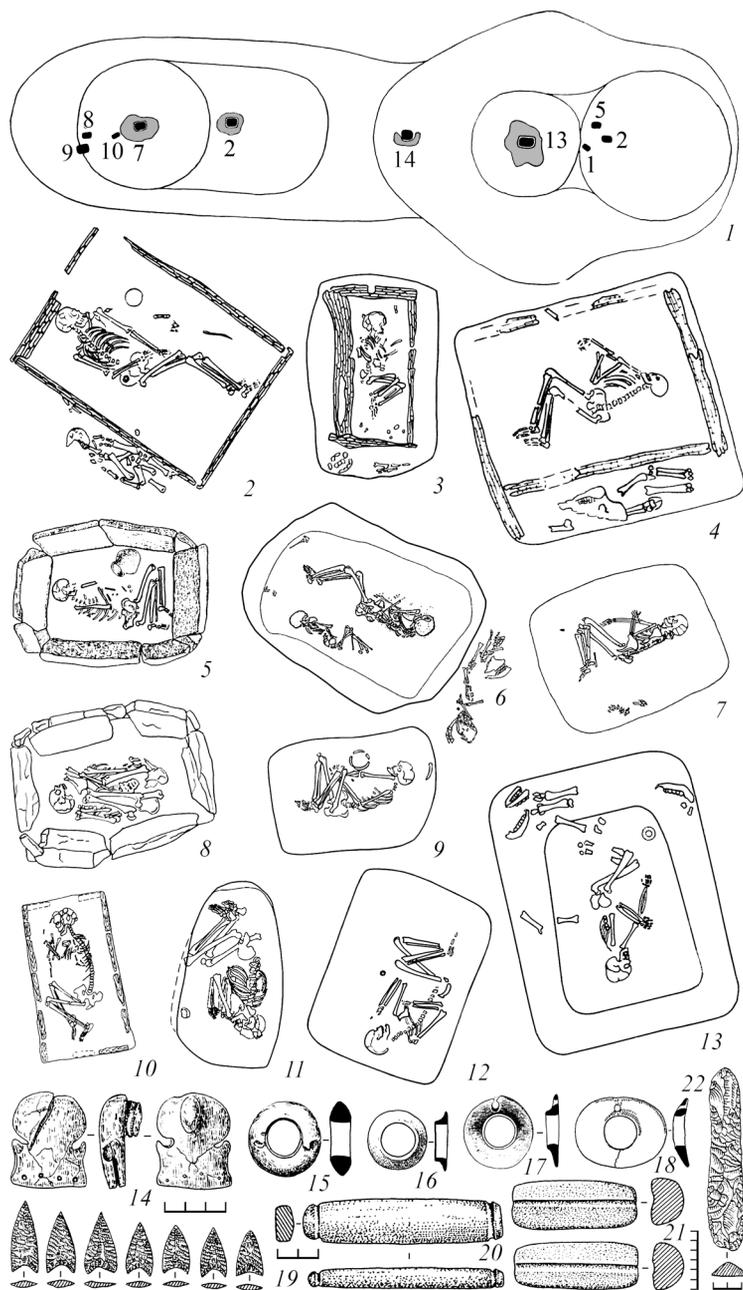

Рис. 2. Погребальный обряд и материальный комплекс Днепро-Донской бабинской культуры

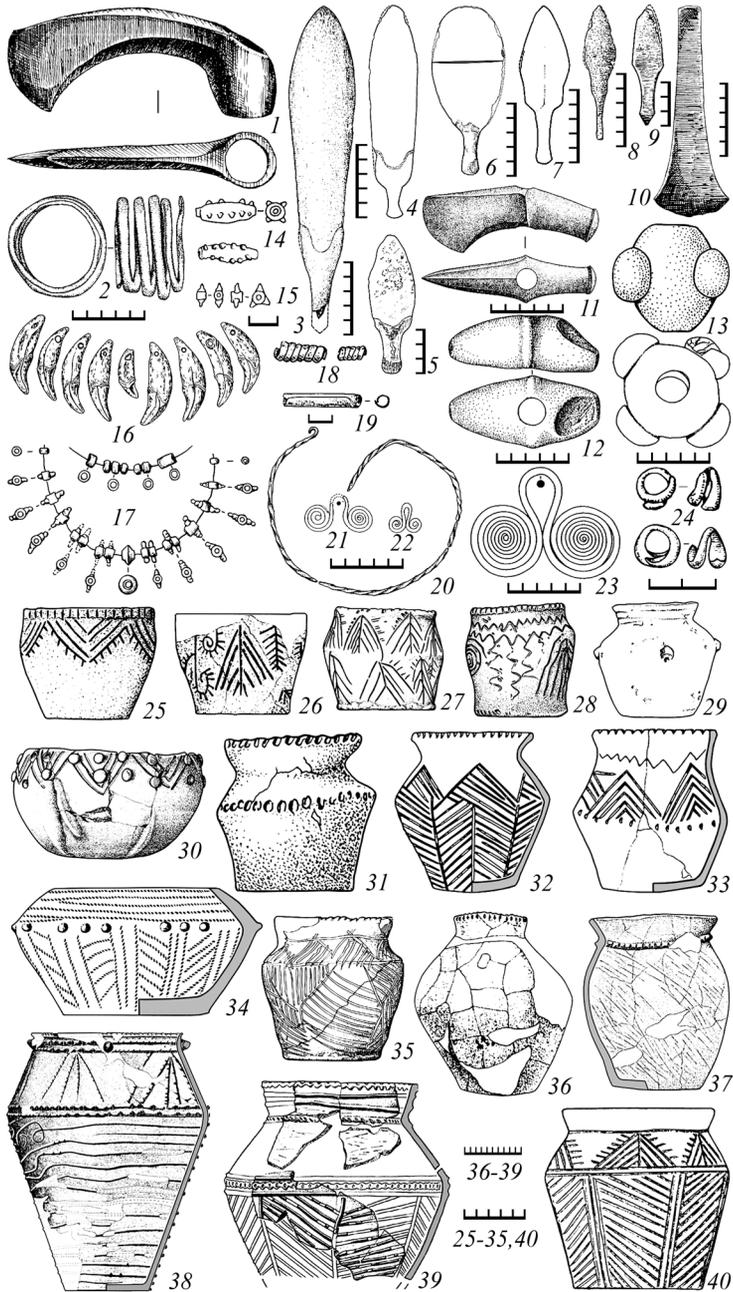

Рис. 3. Материальный комплекс Днепро-Донской бабинской культуры

в инвентаре погребений представлены изделиями из камня, кремня, кости и рога, металла (рис. 2, 20–22; 3, 1–10). Выделяются производственные наборы инструментов, среди которых наиболее надежно диагностируются комплекты для изготовления стрел (12 случаев), в меньшей мере – для деревообработки (3) и металлопроизводства (1). Изделия из бронзы встречены в каждом пятнадцатом погребении (6,6%). К категории оружия можно надежно отнести лишь кремневые наконечники стрел (в т. ч. колчаные наборы по 4–12 экз.) и копий/дротики, происходящие из трех десятков могил (рис. 2, 19). Редкие находки каменных наконечников булавы и топоров-молотков (0,9% могил), сопровождавшие исключительно захоронения лиц мужского пола, могли выполнять функцию оружия и/или инсигний власти (рис. 3, 11–13). О военных столкновениях свидетельствуют случаи смертельных ранений стрелами.

Украшения и детали костюма мужчин характеризуют поясные пряжки из кости/рога, металлические височные подвески и шейные гривны, а женский гарнитур – нагрудные ожерелья из фаянсовых бус, клыков хищника, бронзовых пронизей и очковидных подвесок, а также наручные браслеты из бусин (рис. 2, 14–18; 3, 2, 14–24). В каждом двадцатом погребении, обычно мужском, встречаются астрагалы, изредка в сочетании с каменной плиткой-доской и костяной фишкой-конусом. Очевидно, такие комплекты представляли собой игральные или гадальные наборы. Каждое десятое погребение сопровождалось шкурой животного (бык, овца/коза, реже конь).

Днепровско-Прутская бабинская культура

Западная половина культурной области Бабино была занята Днепровско-Прутской бабинской культурой, ареал которой простирался от Днепровского Левобережья на востоке до Правобережного Попрутья и низовий Дуная на западе. Южной границей выступает побережье Черного моря, а северные пределы культуры теряются в глубинной лесостепи или даже Припятском полесье, слабая исследованность которых пока не позволяет выяснить степень освоенности этого региона бабинским населением. Общая источниковая база по культуре включает около 170 поселений и до 2500 погребений.

Материалы могильников позволяют выделять в пределах Днепровско-Прутской бабинской культуры три локальных варианта, характеризующихся особенностями на уровне ритуальной практики и обрядово-инвентарных признаков, но сохраняющих при этом определенное культурное единство.

Днепр-Днестровский степной вариант. Территориально ограничен на востоке Левобережьем Днепра и Молочной, на западе – Поднестровьем, на севере – Орелью, верховьями Ингула, Ингульца, низовьями Синюхи, на юге охватывает степной Крым (рис. 1). Включает массив до 1250 погребений, происходящих из 399 курганных и 1 грунтового могильника.

Курганное строительство в этой территориальной группе Бабино было развито достаточно слабо, поскольку насыпями и досыпками сопровождалось лишь 3,7% захоронений (9,2% от четко стратифицированных комплексов). Отдельные курганы включали до 10–15 впускных бабинских погребений, которые

образовывали в южном секторе насыпи небольшие некрополи с линейным, радиальным или скученным взаиморасположением могил (рис. 4, 1).

Погребальные сооружения представлены несколькими типами (рис. 4, 2–16): подбоями-катакомбами (67,8%), которые можно считать визитной карточкой данной культурной группы, реже – ямами (30,1%), крайне редко – комбинированными ямно-подбойными камерами (1,2%) и могилами с деревянными ящичными конструкциями внутри (1,6%).

Основным способом погребения была скорченная ингумация на левом (73,3%) или правом (26,3%) боку с несколькими вариантами положения рук. Заимствованным исключением можно считать вытянутую на спине или на боку позу покойника (0,4%). Абсолютно преобладают одинарные захоронения, и только 1,6% могил содержали парные или тройные захоронения. Ориентировка головой достаточно неустойчива, что в немалой степени обусловлено ее зависимостью от местоположения погребения в кургане. Вместе с тем преобладающими были ориентировки в восточный сектор с акцентом на юго-восток (62,3%), а также к югу (17,4%).

Инвентарь сопровождал менее чем половину погребений (46,3%). Каждая четвертая могила содержала керамическую посуду (25%), чаще сопровождающую захоронения женщин, нежели мужчин (рис. 4, 29–43). Очень редко (1,1%), главным образом в мужских захоронениях, встречаются деревянные сосудики. Каждая пятая могила, а в Крыму – каждая десятая, сопровождалась еще одним преимущественно мужским атрибутом – костяной пряжкой-медальоном (рис. 4, 17–23). Другие категории изделий в погребальном приданом единичны или составляют небольшие серии. Орудия труда представлены каменными абразивами, грузилом; кремневыми ножами, пластинами, отщепами; костяными проколками, кольшками, пряслом; керамическим металлургическим соплом, металлическим шилом. К оружию можно отнести лишь одиночные кремневые наконечники стрел (11 комплексов), треть которых контекстуально связана со смертью покойника (рис. 4, 24–27). Дважды в погребениях найдены каменные топоры-молотки в разбитом виде. Редкие украшения, присущие в большей степени гарнитуру женщин, представлены единичными изделиями из бронзы – кольцо на палец, височная подвеска, трубчатая пронизь; подвесками из створок раковины; фаянсовыми бусами для шейных ожерелий и, возможно, отделки одежды. Металлические изделия в погребениях Днепро-Днестровской группы встречаются крайне редко (0,7% комплексов), причем представлены они в основном мелкими украшениями и орудиями. Незначительная часть преимущественно мужских погребений (1,4%) содержала астрагалы. Выделяется также группа захоронений взрослых мужчин (5), сопровождавшихся деревянными прутиками – возможным атрибутом жрецов. Характерным элементом погребального ритуала Днепро-Прутской бабинской культуры являлись особые по составу и форме наборы мясной напутственной пищи, которыми снабжались преимущественно мужчины (3,8%): вырезки грудинки, хребта, крестца и конечности рогатого скота.

Днепр-Бугский лесостепной вариант. Занимал ареал от Среднего Поднепровья на востоке до Среднего Побужья на западе, от Нижнего Подесенья и Тетерева на севере до верховьев Ингула, Ингульца, низовий Синюхи – на юге

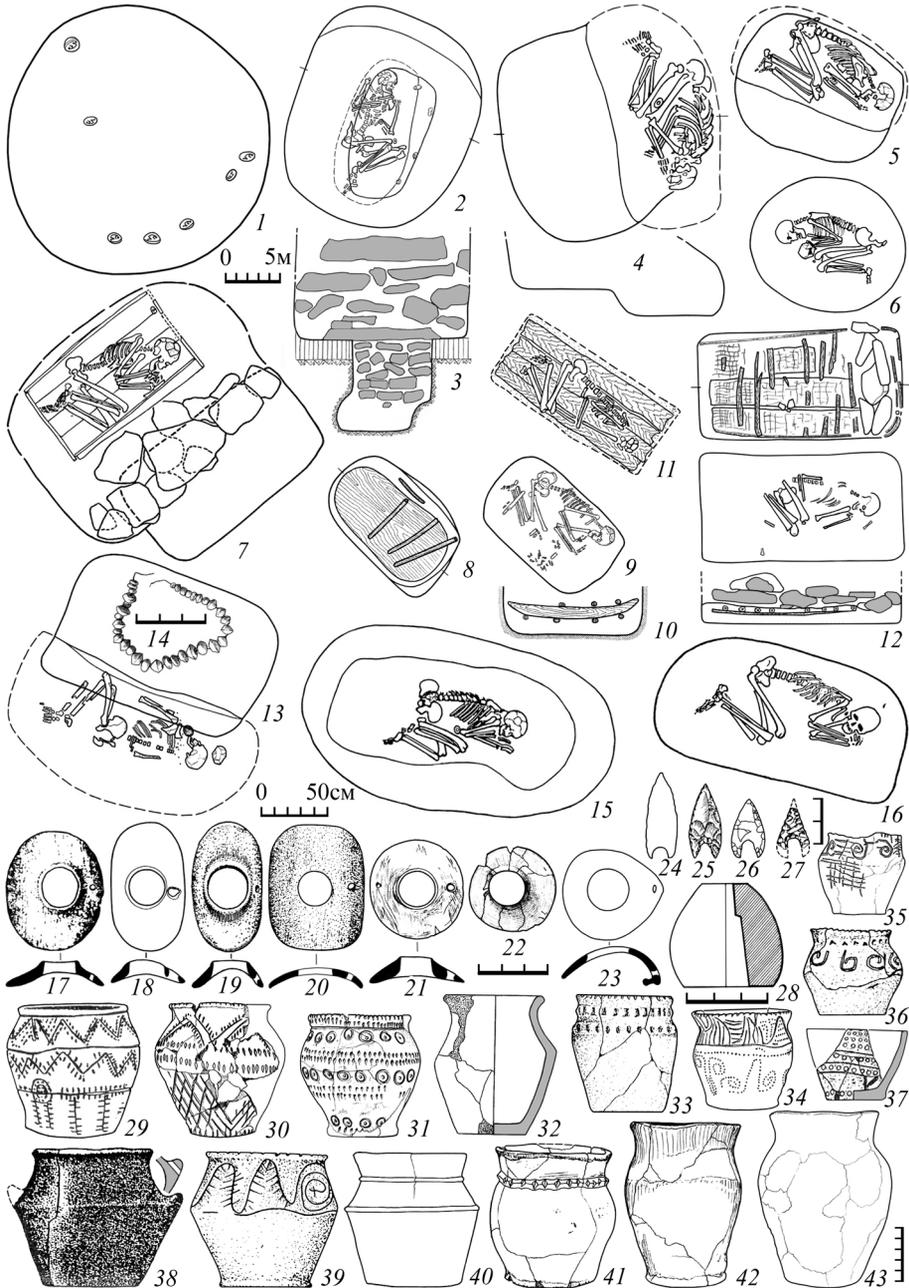

Рис. 4. Днепро-Днестровский вариант Днепро-Прутской бабинской культуры

(рис. 1). Включает массив из 304 погребений, исследованных в 177 курганных и 3 грунтовых могильниках.

Курганное строительство в этом лесостепном варианте было развито несколько лучше, чем в степной зоне. Индивидуальными насыпями и досыпками сопровождалось 15,3% захоронений (45,5% от четко стратифицированных комплексов). Особенностью местной курганной архитектуры было нередкое оформление подкурганной площадки кольцевым или овально-прямоугольным ровиком (рис. 5, 1). Известны единичные случаи сооружения удлинительных и объединительных досыпок. Типичным можно считать расположение впускных захоронений в южной поле насыпи.

Погребальные сооружения в большинстве своем представлены удлиненными ямами с продольным деревянным перекрытием (рис. 5, 2–12). Визитной карточкой Днепро-Бугского варианта Бабино являются гробовища-колоды с крышкой, выдолбленные или/и выжженные из цельного ствола дерева (8,9% могил), связанные главным образом с захоронениями взрослых мужчин. Умерших укладывали в скорченном положении на левом (81%) или правом (19%) боку. Ориентация головой неустойчива, однако преобладают широтные направления: восточные (62%) и реже западные (26%).

Лишь около трети погребений содержали инвентарь (35,7%). Наиболее массовой его категорией были костяные пряжки-медальоны, которыми сопровождалось каждое четвертое захоронение (рис. 5, 13–19). Достаточно редко в погребения Днепро-Бугского варианта помещали керамическую посуду (10%), еще реже – деревянную (1%). Другие предметы единичны и представлены обсидиановым наконечником копья, кремневыми наконечниками стрел, двумя бронзовыми ножами и височной подвеской, фаянсовыми бусами. Вдвое чаще, чем в степном локальном варианте (9,1%), здесь встречается мясная папутьственная пища в аналогичных наборах и формах.

Погребальные памятники из-за крайней ограниченности инвентаря не могут дать удовлетворительного представления о материальной культуре, в т. ч. керамическом комплексе, данной бабинской группы. Этот дефицит в определенной мере компенсируется материалами поселений Днепро-Бугской лесостепи, давших выразительные керамические коллекции (рис. 5, 26–37).

Днестровско-Прутский вариант. Занимал область Днестровско-Прутского междуречья с выходом на правобережье Прута и в низовья Дуная, в пределы Румынской Молдовы и Северной Добруджи (рис. 1). Представлен он приблизительно 900 погребениями, происходящими из 180 курганных и 6 грунтовых могильников (Савва, 1992).

Обряд погребения в этом регионе удивительным образом сочетал признаки соседних с востока локальных групп Бабино с местными особенностями, что определенным образом осложняет четкое разграничение их ареалов и оценку самого археологического явления. Курганное строительство было развито слабо, поскольку насыпями и досыпками сопровождалось лишь 5% захоронений (8,2% с четко установленной стратиграфией). Заслуживают внимания единичные случаи сооружения на подкурганной площадке кольцевых ровиков и каменных аллей-оград (рис. 6, 1). Именно в этом регионе чаще всего встречаются коллективные бабинские могильники, включавшие до полутора десятков

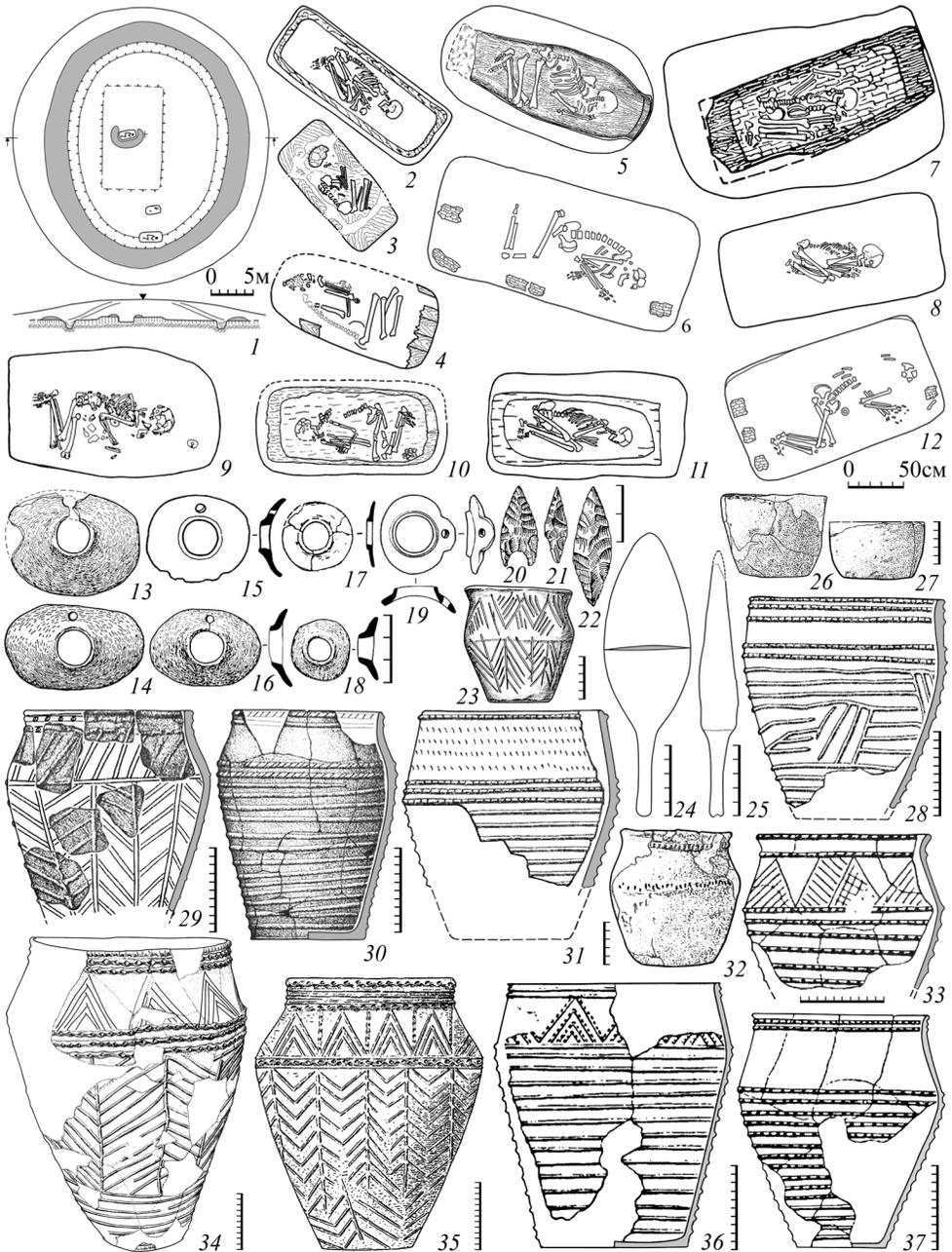

Рис. 5. Днепро-Бугский вариант Днепровско-Прутской бабинской культуры

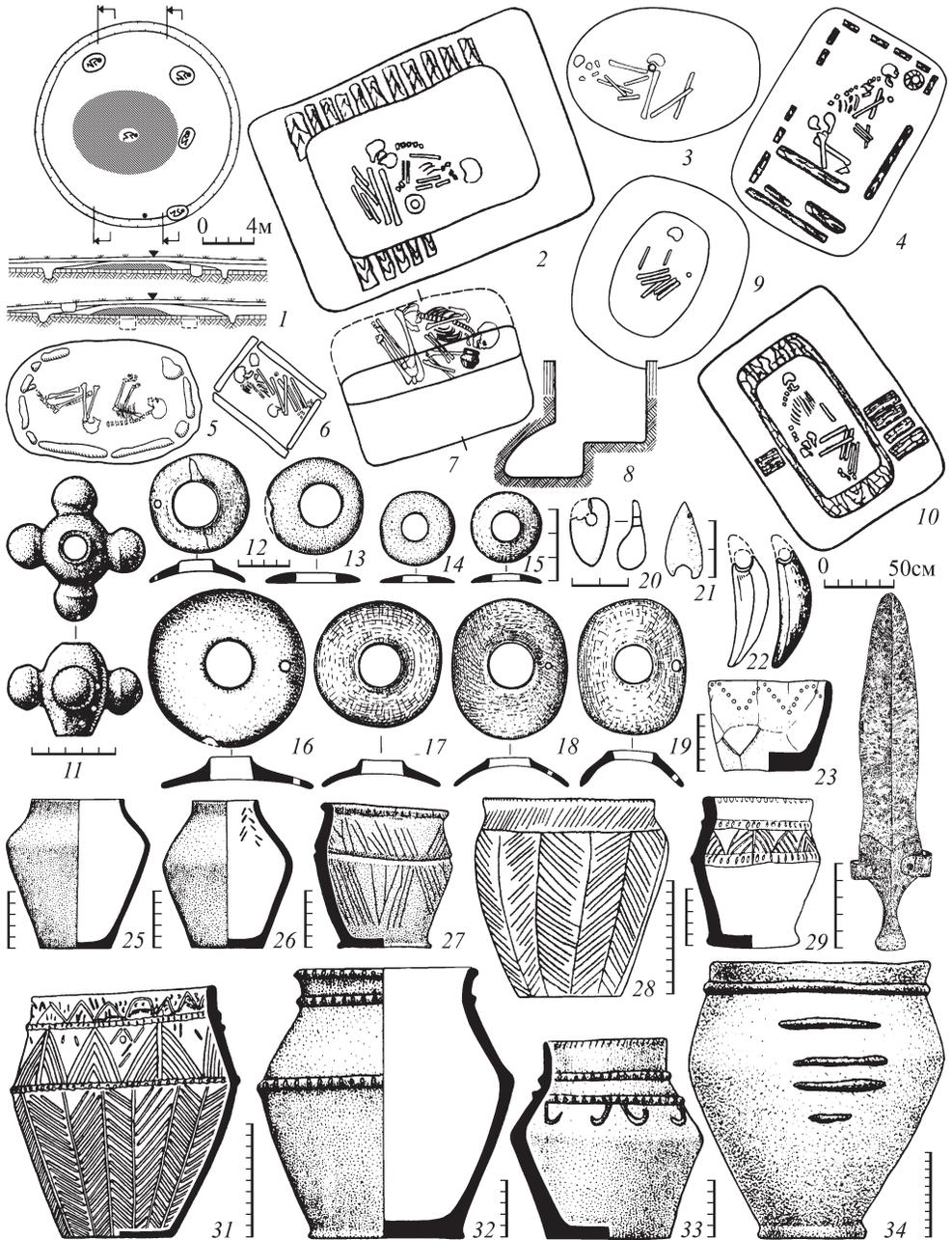

Рис. 6. Днестровско-Прутский вариант Днепровско-Прутской бабинской культуры

захоронений и устраивавшиеся в южной половине древних курганов, нередко с четким соблюдением планировки по дуге или параллельными рядами.

Могильные сооружения представлены несколькими типами (рис. 6, 2–10): грунтовыми ямами (83,5%), иногда с уступами-заплечиками (7,1%); подбоями (16,5%); каменными ящиками (3%); ямами с гробовищами-колодами (4,5%) или с деревянными рамами (1,9%).

Способом захоронения была ингумация в скорченном положении на левом (76%) или правом (24%) боку. В ориентации умерших головой фиксируются практически все направления, но среди них явно преобладает восточный сектор (72,5%), тогда как другие векторы представлены слабо (от 3,3 до 4,1%).

Инвентарь присутствует в половине погребений (52,5%). Наиболее массовой его категорией является керамическая посуда (рис. 6, 23–34), встречающаяся в каждом третьем комплексе (36,6%), т. е. чаще, чем в других бабинских группах. Крайне редко в могилу помещали деревянную посуду (0,3%), в частности блюдо для мяса. Характерным приданным традиционно выступают пряжки-медальоны из кости и мраморизованного известняка (16%) (рис. 6, 12–19). Другой инвентарь редок и в большинстве своем не образует устойчивых серий: каменные абразивы, плитка, пест, галька; кремневые скребки, пластины, отщепы, отбойник; костяные проколки, спицы, колышки, игла, прясла. Оружие и инсигнии власти представлены металлическим кинжалом, кремневыми наконечниками стрел (часть – среди костей скелета), каменными топорами-молотками, булавой (рис. 6, 11, 21). Украшения также немногочисленны: бронзовые колечки, оковки и скобы от деревянных изделий; костяные пуговицы, подвески из просверленных створок раковины, зубов и камней. Металлические изделия встречены в единичных случаях (1,3%). Незначительная часть захоронений (1,6%) содержала в составе инвентаря астрагалы. Почти каждое десятое погребение сопровождалось мясной напутственной пищей, представленной теми же формами, что и в других локальных группах Днепровско-Прутской бабинской культуры: грудинка, хребет, крестец, ноги.

Таким образом, локальные группы Бабино, занимавшие область между Днестром и Прутом, демонстрируют достаточно выраженный комплекс общих черт в погребальной обрядности и материальной культуре, что позволяет рассматривать их в рамках некоего единства, в частности одной археологической культуры. Наряду с этим каждая из выделенных территориальных групп обладает и весьма специфическими особенностями в погребальной практике. Оценка этих групп по принципу «общее – особенное» дает возможность рассматривать их в качестве локальных вариантов одной археологической культуры – Днепровско-Прутской бабинской. В процессе дальнейших исследований таксономический ранг может быть изменен, и эти локальные группы, или некоторые из них, вполне могут преобразоваться в отдельные археологические культуры. Для более однородной и единой Днепро-Донской бабинской культуры перспектива «распада» менее вероятна, хотя локальные, или, точнее, локально-хронологические, группы в ней уже намечаются.

Кроме охарактеризованных культур и их локальных вариантов, в пределах культурной области Бабино выделяется несколько периферийных территориальных групп – евпаторийская и каменско-ливенцовская (каменская) культурные

группы Крыма и Восточного Приазовья, Деснинско-Сейминская и Днепровско-Припятская, Подольско-Волынская локальные группы (Тоцев, 1993; Братченко, 1985а; 1985б; Кислий, 2006; Кривальцевич, 2005; Бандрівський, 2006). Из них первая представлена исключительно погребениями, а остальные – поселениями, что, при общей ограниченности источников, пока затрудняет оценку этих групп памятников. Впрочем, достаточно уверенно можно утверждать, что бабинские проявления в периферийных районах Полесья и Подольско-Волынской лесостепи являются результатом инфильтрации населения из основного культурного ареала.

Такой, в общих чертах, видится ныне структурная и культурно-таксономическая оценка памятников круга Бабино, представляющих собой западную зону блока посткатакомбных культурных образований Восточной Европы (Мимоход, 2005).

ЛИТЕРАТУРА

- Бандрівський М. С.*, 2006. Північно-західна периферія культурного кола Бабине: спостереження за хронологією та поховальним обрядом // Історія релігій в Україні. Львів. Кн. 1.
- Беззанская С. С.*, 1979. Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк.
- Беззанская С. С.*, 1986. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Беззанская С. С.*, 1998. КМК – культура или керамический стиль // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Берестнев С. И.*, 2001а. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков.
- Берестнев С. И.*, 2001б. К вопросу о памятниках многоваликовой общности в лесостепи Восточной Украины // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Братченко С. Н.*, 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
- Братченко С. Н.*, 1985а. Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР: В 3-х т. Киев. Т. 1.
- Братченко С. Н.*, 1985б. Культура многоваликовой керамики // Там же.
- Кислий О. Є.*, 2006. Основні риси кам'яньської культури // Археологія. № 3.
- Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
- Колотухин В. А., Тоцев Г. Н.*, 2000. Курганные древности Крыма. III: По материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983–1986 гг. Сакский район Крымской области. Запорожье.
- Кривальцевич Н. Н.*, 2005. Многоваликовая керамика на территории Беларуси // На пошану Софії Станіславівни Беззанської. Київ.
- Литвиненко Р. А.*, 2001. Культура Бабино (многоваликовой керамики) и ее место в системе бронзового века юга Восточной Европы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара.
- Литвиненко Р. О.*, 2003. Культурно-таксономічний статус пам'яток типу Бабине III // Історичні і політологічні дослідження. Донецьк. № 3/4 (15/16).
- Литвиненко Р. А.*, 2006. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 5.

- Матвеев Ю. П., 1980. Культурно-хронологическая оценка памятников с многоваликовой керамикой // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Мимоход Р. А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы та дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье, 1998.
- Савва Е. Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев.
- Санжаров С. Н., 2000. О проблемах финальнокатакомбной культуры, культурогенезе КМК и покровских памятниках Северского Донца // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Тоцев Г. Н., 1993. Погребения КМК с вытянутыми костяками в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье. Т. IV.
- Тоцев Г. Н., 2005. Период КИОМК Крыма // На пошану Софії Станіславівни Березанської. Київ.
- Черняков И. Т., 1996. Культура многоваликовой керамики – восточный ареал балкано-дунайского очага культурогенеза // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): В 2-х ч. Донецк. Ч. 1.
- Черняков И. Т., Тоцев Г. Н., 1985. Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

С. Д. Лысенко

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЯНЫХ «ПРЯЖЕК» В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

*S. D. Lysenko. Concerning cultural, chronological, and functional attribution
of bone “belt-plates” in the Middle Dnieper area*

Abstract. The article deals with a specific category of finds known as bone belt-plates typical of the terminal period of the Late Bronze Age. The finds are related to a wide circle of archaeological sites characterized by use of horse, battle chariots and cheek-pieces. Over 40 finds are known from the Middle Dnieper area. The author publishes their detailed morphological analyses and classification. He comes to the conclusion that in the Middle Dnieper zone the considered plates functioned in Trzciniec cultural circle and were used not as details of military equipment, but as amulets-ornaments.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Среднее Поднепровье, поясные пряжки, морфология, классификация, культурная атрибуция.

Среднее Поднепровье находится в северо-западной части Восточно-Европейской равнины, между 49 и 51,5° с. ш. и 28 и 33° в. д. Регион расположен в двух природно-климатических зонах: лесостепной и смешанных лесов, гра-

ница между которыми делит регион на две приблизительно одинаковые части. В центре исследуемой территории находится Киевское плато. С севера регион ограничен болотами бассейна Припяти; с запада и юго-запада – водоразделом Приднепровской возвышенности. Восточная граница проходит по левому берегу долины Днепра (водораздел малых левых притоков Днепра и бассейна Сулы), занимаемая северо-восточный склон Украинского кристаллического щита. Очерченная территория протянулась с северо-запада на юго-восток, вдоль среднего течения Днепра и низовьев Припяти, приблизительно на 360 км и с юго-запада на северо-восток, от истоков Тетерева до северо-восточного берега Киевского водохранилища, – на 240 км; в Черкасском Поднепровье регион сужается до 120 км. Административно регион охватывает Киевскую, восточную часть Черкасской и Житомирской областей Украины.

Ландшафтная специфика Среднего Поднепровья состоит в том, что граница между Полесьем и лесостепью, прямая и резкая в западной части Украины, здесь становится извилистой – по языкам ледниковых отложений дерново-подзолистые почвы вклиниваются в лесостепь, а лесостепные почвы по лессовым островам проникают глубоко в Полесье, резко выделяясь на фоне полесских низменных ландшафтов (Природа Украинской ССР... 1986. С. 32, 33). Частое чередование ландшафтов делало неизбежным контакты коллективов, осваивающих различные экологические ниши.

Гидрографическую систему региона составляют бассейны малых притоков Днепра в его среднем течении – от впадения Припяти на севере до Тясмина и г. Кременчуга на юге. Принадлежность памятников к определенной речной системе накладывала на них определенные микрорегиональные особенности, т. е. отражала направления межрегиональных связей. Большинство крупных правобережных притоков Днепра второго (Припять, Тетерев, Ирпень, Стугна, Красная, Рось), третьего (Уж, Ирша, Здвиг, Унава, Росава, Каменка, Роставица), четвертого (Норин, Жерев) порядков протекает в широтном направлении. Напротив, левобережные реки (Трубуж, Недра, Супой, Золотоношка, Сула) текут в меридиональном направлении, практически параллельно руслу Днепра, на участке от Припяти до Роси (т. е. на большей части исследуемой территории).

Будучи средоточием водных артерий, регион, в силу географического положения и ландшафтных особенностей, издревле являлся еще и местом пересечений магистральных сухопутных путей, в т. ч. трансевропейского лесостепного пути эпохи бронзы (Отрощенко, 1995. С. 18, 19; Отрощенко, Вовк, 1998. С. 12; Лысенко, 2002а. С. 104–111; 2005а. С. 114–119). Значение коммуникаций неизбежно усиливалось в переходные периоды истории, когда, в силу разных причин, происходило перемещение значительных людских коллективов. Одним из таких был период, переходный от средней к поздней бронзе, который часто называют «героической эпохой» или «эпохой боевых колесниц» (Отрощенко, 2001. С. 43, 44).

Появление боевой колесницы во многом повлияло на дальнейшее развитие Старого Света, кардинально изменив его облик. В орбиту глобальных исторических изменений были втянуты не только население Великой Евразийской Степи и дряхлеющие государства Древнего Востока, но и прилегающие к степи тер-

ритории, в частности украинская правобережная лесостепь и южное Полесье, представлявшие собой юго-восточную периферию круга культур шнуровой керамики и формирующегося на его основе тшинецкого культурного круга (далее ТКК). Отголосок тех событий евразийского масштаба – появление в Среднем Поднепровье костяных пряжек.

По мнению В.В. Отрощенко, костяные пряжки представляли собой детали парадного и боевого оснащения воинов-колесничих, будучи морфологически и комплексно связанными с дисковидными псалиями (Отрощенко, 1998. С. 113–117). Подобного мнения придерживается и А. И. Василенко (Василенко, Супрун, 1998. С. 35; Василенко, 2001. С. 66). В Восточной Европе известно около 500 костяных изделий, интерпретируемых обычно как пряжки (Отрощенко, 1998. С. 113). А. М. Усачук провел трасологический анализ 87 подобных изделий, происходящих с территории от Молдавии до Поволжья; зафиксировано, что большинство их использовалось именно в качестве пряжек, однако некоторые вещи являлись украшениями-подвесками (Усачук, 1998. С. 125–135).

В Среднем Поднепровье нами учтены 44 пряжки. Все находки связаны с лесостепными ландшафтами. 37 пряжек происходят из 36 погребений (10% от учтенных ингумаций эпохи поздней бронзы). Шесть пряжек, найденных вне закрытых комплексов (в культурном слое или на поверхности), очевидно, также следует связывать с разрушенными погребениями. Большинство пунктов с пряжками расположено недалеко от долины Днепра; 24 – на правом, 19 – на левом его берегу (рис. 1).

Основными признаками пряжек из Среднего Поднепровья являются форма – круглая (К) или овальная (О); количество отверстий – одно (1) или два (2); наличие бортика (Б) или его отсутствие вокруг большого отверстия; выгнутость (В), наличие бокового выступа/планки.

По совокупности этих признаков предлагаем классифицировать пряжки Среднего Поднепровья, придерживаясь «принципа конструктора». Например: пряжка типа К1 – круглая плоская пряжка с одним отверстием; пряжка типа К2.Б – круглая плоская пряжка с двумя отверстиями и бортиком вокруг большого отверстия; О2.Б.В – овальная с двумя отверстиями, бортиком, выгнутая. Предлагаемая маркировка при классификации пряжек, во-первых, наглядна, что облегчает сравнение пряжек между собой; во-вторых – является открытой системой, т. е. может быть дополнена (рис. 2).

Пряжки типа К1 (6 экз.):

К1 – 4 экз.: Бучак, ур. Бабина Гора (рис. 3, 3; Бондарь, Максимов, 1971. С. 61–62; Березанская, 1982. С. 30. Рис. 4, 11; 1986. С. 19. Рис. 5, 4); Веселиновка, 1-75/1 (рис. 3, 2; Круц, Погорельский, 1975); Лазорцы (б. Каневский у. б. Киевской губ.; «половина костяного плоского поясного кольца»; Каталог выставки XII АС, 1899. С. 13, из коллекции у-та св. Владимира, № 330); Червоная Слобода, 1-90/4 (рис. 3, 1; Сиволап, Сиволап, 1990).

К1.Б – 2 экз.: Бучак, ур. Бабина Гора (рис. 3, 4; Бондарь, Максимов, 1971. С. 79; Березанская, 1982. С. 30, Рис. 4, 11; 1986. С. 19. Рис. 5, 4); Вознесенское (ст. Пальмира), 2/3 (рис. 3, 5; Григорьев, Сиволап, 1988).

Пряжки типа К2 (13 экз.):

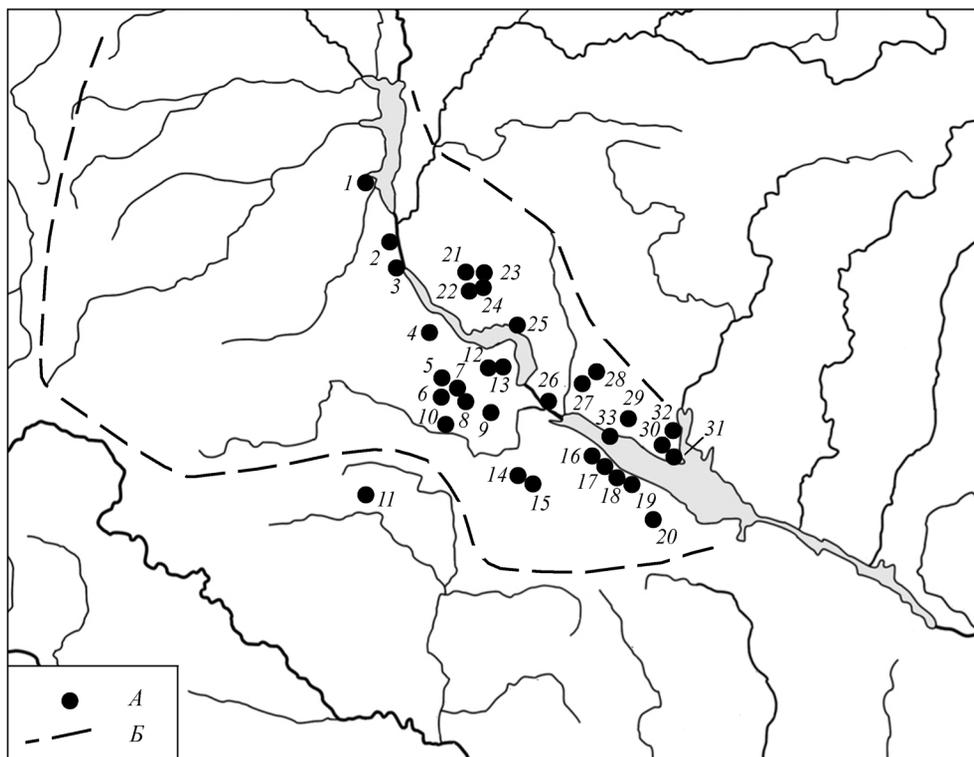

Рис. 1. Населенные пункты Среднего Поднепровья, у которых обнаружены костяные пряжки

А – костяные пряжки

Б – среднее Поднепровье

1 – Козаровичи; 2 – Киев; 3 – Чапаевка; 4 – Черняхов; 5 – Липовец; 6 – Росава; 7 – Поток; 8 – Емчиха; 9 – Беркозовка; 10 – Богуслав; 11 – Баштечки; 12 – Лазорцы; 13 – Бучак; 14 – Городище; 15 – Ксаверово; 16 – Черкасы; 17 – Червоня Слобода; 18 – Леськи; 19 – Худяки; 20 – Новоселица; 21 – Любарцы; 22 – Мирное; 23 – Веселиновка; 24 – Тарасовка; 25 – Переяслав-Хмельницкий; 26 – Бубновая Слобода; 27 – Подольское; 28 – Вознесенское; 29 – Великие Каневцы; 30 – Тимченки; 31 – Клещинцы; 32 – Лящевка; 33 – Чапаевка

К2.Б – 6 экз.: Бубновая Слобода, 9/1, 2, 3 (рис. 4, 7, 5, 6 соответственно; *Беляев и др.*, 1983); Емчиха, к. 373 (рис. 4, 10; *Качалова*, 1974. С. 16, Табл. 4, 8); Липовец, 264/3 (рис. 4, 8; Там же. С. 14. Табл. 1, б); Лящевка, 1/2 (рис. 4, 2; *Григорьев, Шемиур, Демартино*, 1990. Рис. 15).

К2.Б.В – 5 экз.: Клещинцы, 3/1 (рис. 4, 1; *Григорьев, Демартино, Деткин*, 1991); Лящевка, 1/1 (рис. 4, 4; *Григорьев, Шемиур, Демартино*, 1990. Рис. 14); Подольское, 8/1 (рис. 4, 3; *Григорьев, Баитовой*, 1989. Рис. 54, 4); Поток, 398/5 (рис. 4, 9; *Качалова*, 1974. С. 17. Табл. 5, 5) и находка на поле (рис. 4, 11; Там же. С. 21. Табл. 16, 1).

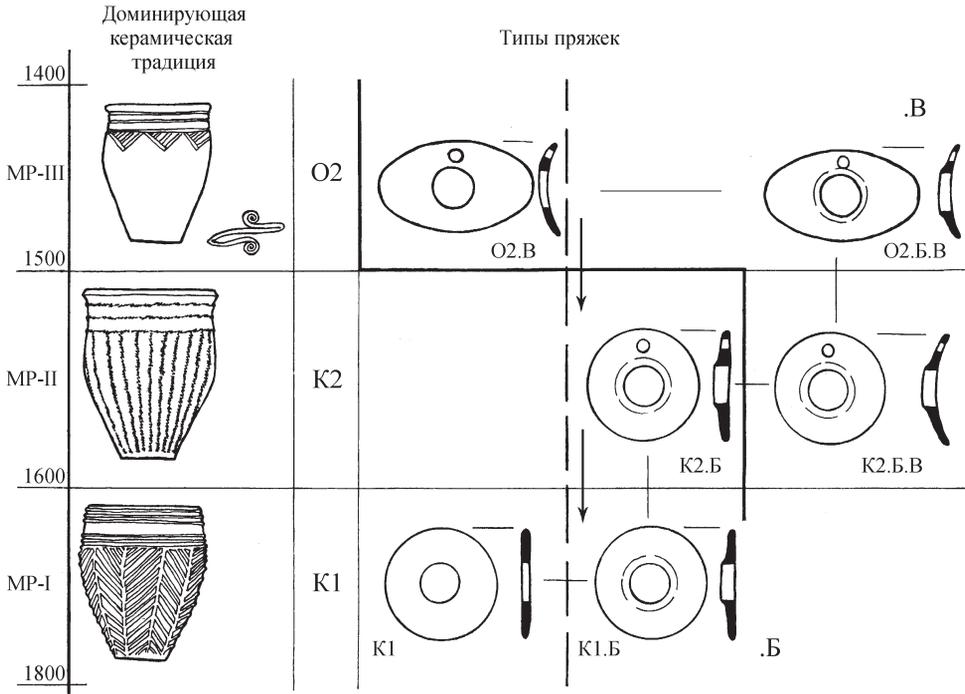

Рис. 2. Типология костяных пряжек Среднего Поднепровья

Особенностью случайной находки из Потока является то, что край сектора с маленьким отверстием уплощен и выделен боковыми надрезами в подобие трапецевидной планки.

Изображения двух пряжек, по описанию отнесенных к типу K2, нам найти не удалось: Новоселица, ур. Молюхов Бугор, погребение («круглая костяная пряжка с двумя дырочками разного диаметра обычного срубного типа»: Даниленко, 1955. С. 43); Черняхов, погребение («поясная пряжка – плоский костяной кружок с двумя отверстиями для ремня»: Каталог выставки XII АС, 1899. С. 7, из коллекции ун-та св. Владимира, № 102–103).

Пряжки типа O2 (19 экз.):

O2.Б.В. – 14 экз.: Беркозовка, к. 381 (рис. 6, 2; Качалова, 1974. С. 17. Табл. 5, 4); Городище, 1/1 (рис. 6, 5; Савко, Назаров, 1995. Рис. 14, 1); Ксаверово, 1/2 (рис. 6, 10; Ковпаненко и др., 1984. Рис. 37, 38); Леськи, 1/8 (рис. 6, 6; Сиволап, Сиволап, 1990); Любарцы, 5/2 (рис. 6, 9; Березанская, Круц, Ковалева, 1974; Березанская, 1986. Рис. 5, 1); Мирное 1, 2/1 – 2 экз. (рис. 6, 7, 8; Березанская, Круц, Ковалева, 1974; Березанская, 1986. Рис. 5, 2); Переяслав-Хмельницкий, «Хрест» (рис. 5, 6; Савчук, 1966); Подольское, 9/1 (рис. 5, 1; Григорьев, Баитовой, 1989. Рис. 59); Росава, 8/2 (рис. 6, 3; Клочко, Воронцов, Салий, 1984; Klochko, 1999. P. 185. Fig. 15, 1); Тимченки, 2/1 (рис. 5, 5; Сиволап, 1989); Худяки, 1/9 (рис. 5, 3; раскопки М. П. Сиволапа 1994 г.; информация Д. П. Куштана); Чапаевка 7, п. 1 (рис. 5, 2; Куштан, 1999); Черкассы, 7/2 (рис. 5, 4; Сиволап, Сиволап, 1991).

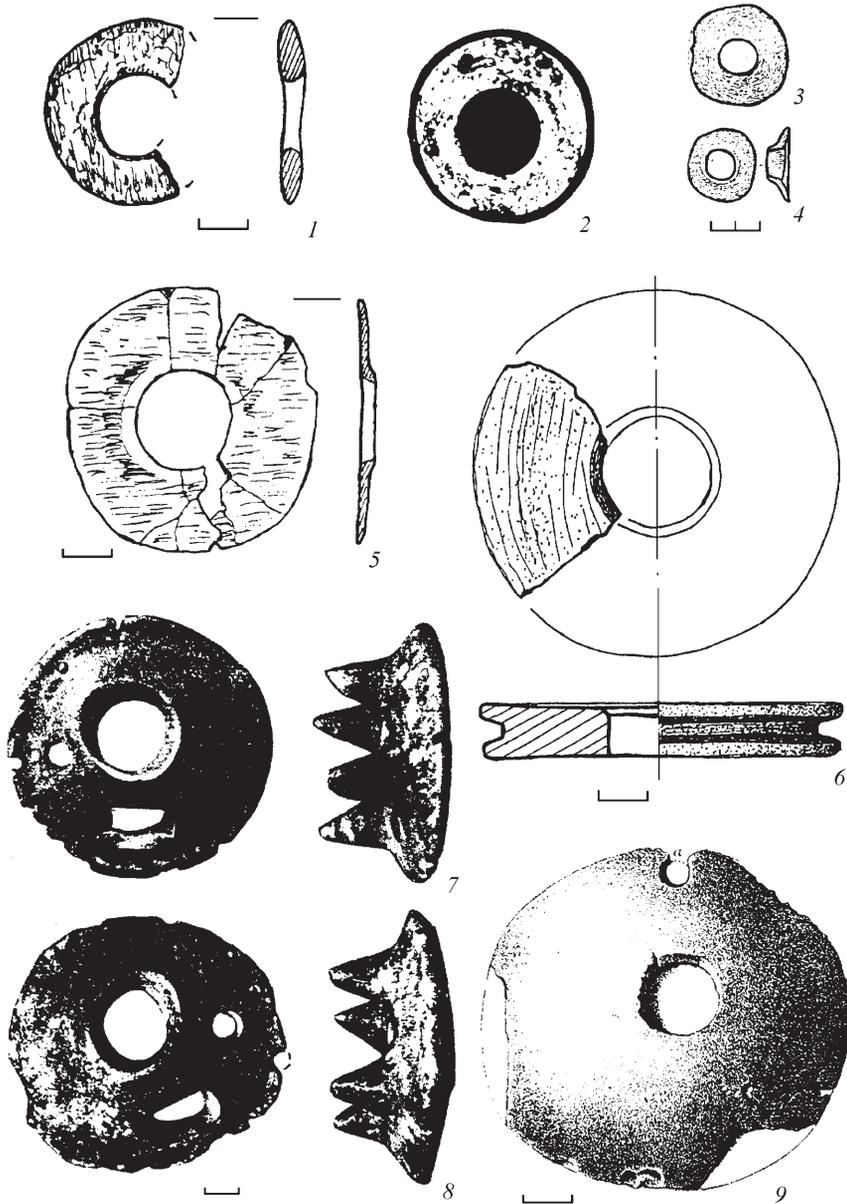

Рис. 3. Круглые костяные пряжки с одним отверстием из Среднего Поднепровья (1–5), керамический диск с Малополовецкого могильника (6), роговые псалы из Трахтемирова (7, 8) и янтарный медальон подкарпатской культуры шнуrowой керамики из Хоросткова в Поднепровье (9)

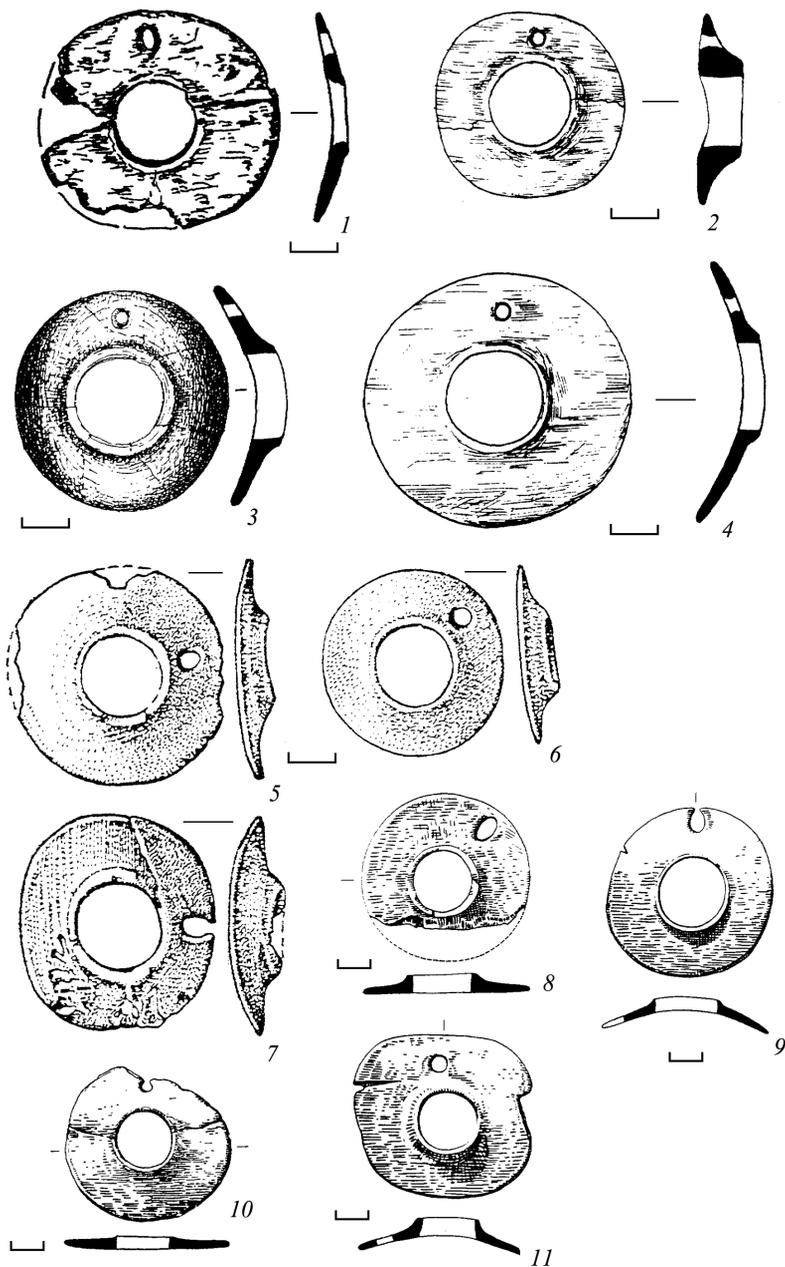

Рис. 4. Круглые пряжки с двумя отверстиями из Среднего Поднепровья

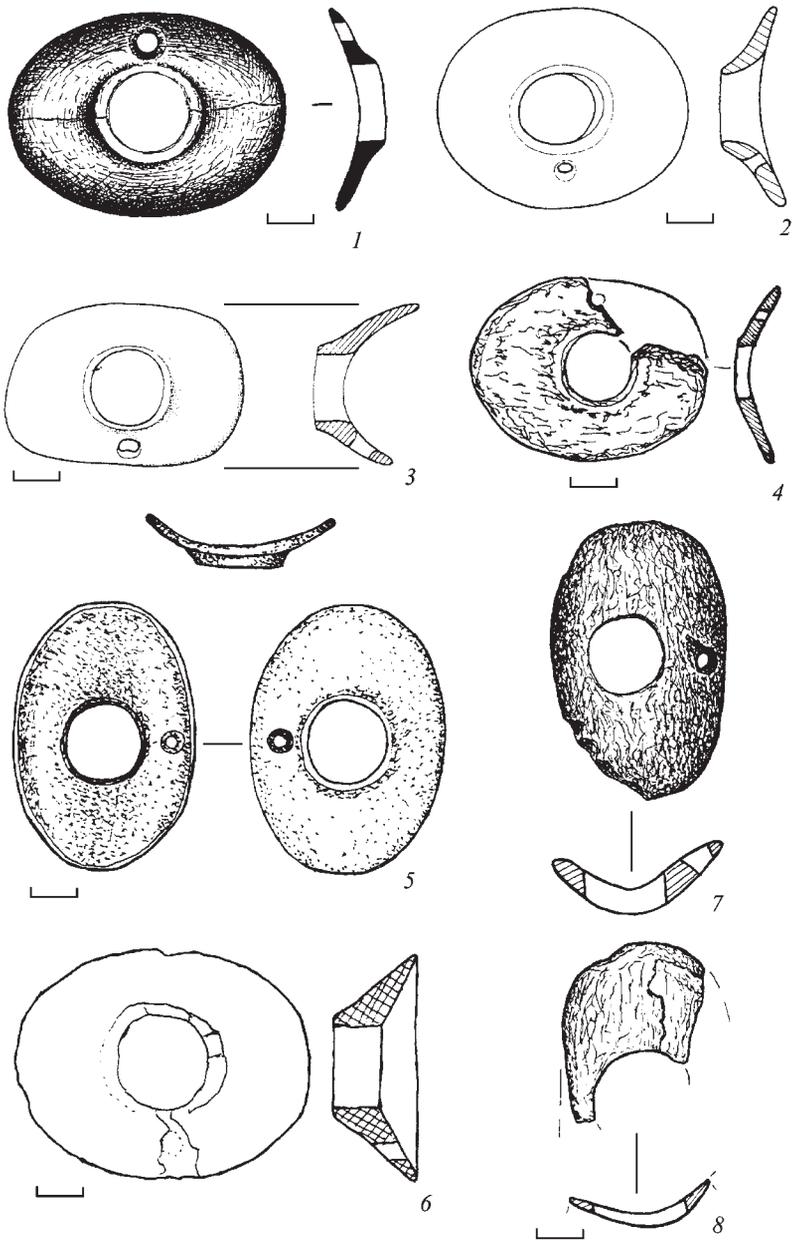

Рис. 5. Овальные пряжки с двумя отверстиями из Среднего Поднепровья

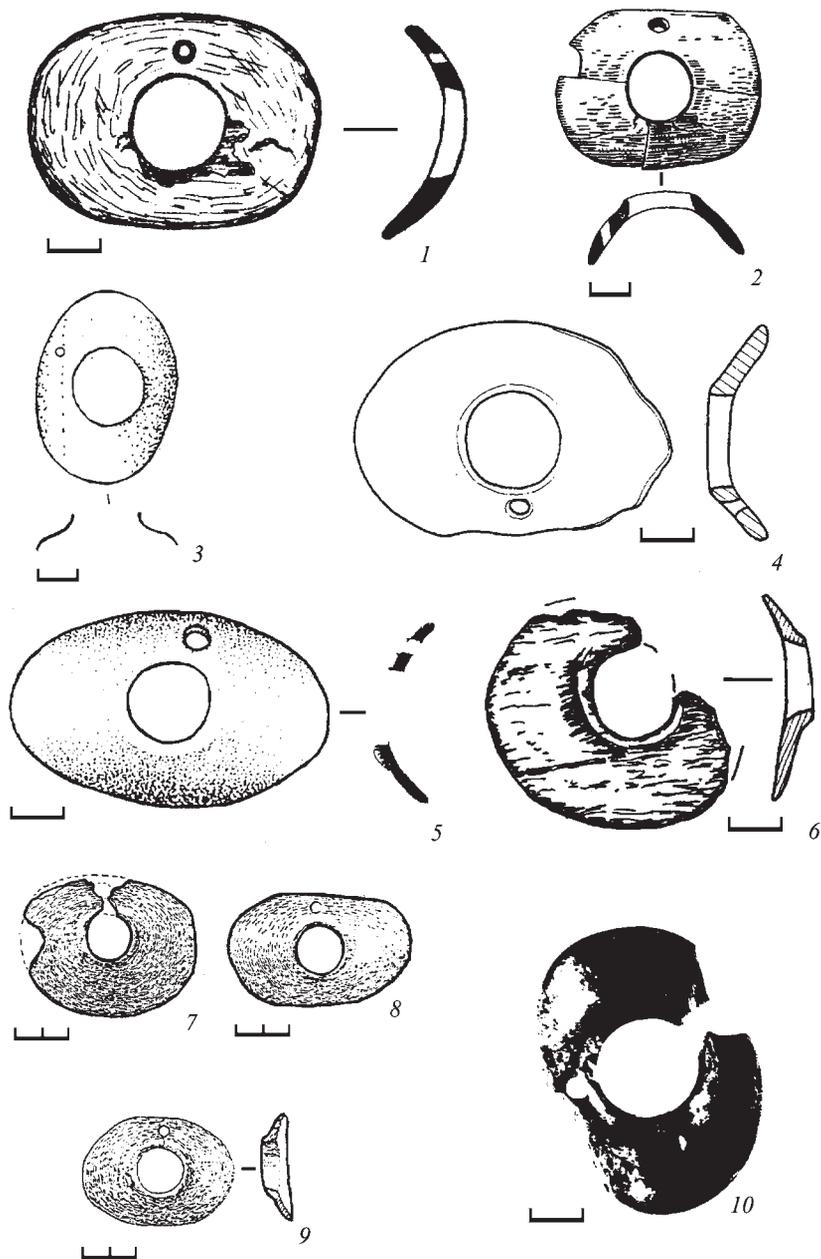

Рис. 6. Овальные пряжки с двумя отверстиями из Среднего Поднепровья

О2.В – 5 экз.: Козаровичи, ур. Буславка (2 экз., одна пряжка сильно фрагментирована, к типу отнесена условно, по аналогии с целой) (рис. 5, 7, 8; *Куриленко, Отрощенко*, 1998. С. 241; *Лысенко*, 1999. С. 70, Рис. 5, 1, 2); Лящевка-остров 1, п. 1 (рис. 6, 4; *Куштан*, 1999); Тарасовка, 1/2 (*Березанская, Круц, Ковалева*, 1974); Червоная Слобода, 4/8 (рис. 6, 1; *Сиволап, Сиволап*, 1990).

Изображений пяти пряжек, упоминаемых в литературе без дополнительных признаков, нам найти не удалось: Баштетки (2 пряжки в двух погребениях из раскопок 1979 г.; *Артеменко, Левченко*, 1980. С. 247, 248); Великие Каневцы, к. 5 (*Черненко*, 1980. С. 351); Киев, близ Десятинной церкви («костяная продолговатая продержжка или пряжка»; Каталог выставки XII АС, 1899. С. 139, из коллекции В. Б. Антоновича, № 61); Чапаевка Киевской обл. (*Березанская*, 1986. С. 22).

Особняком от основного массива находок стоит изделие из Богуслава: «Поясная пряжка – плоский кружок, выпиленный из оленьего рога; по краю ряд сквозных отверстий, посередине с обеих сторон вырезан прямолинейный орнамент» (Каталог выставки XII АС, 1899. С. 140, из коллекции В. Б. Антоновича, № 109).

Ориентация скелета известна для 27 погребений с пряжками. Головой в восточный сектор ориентировано 17 погребенных, в западный – 6, в северный – 4, в южный – 1. Видно, что весомо преобладает ориентация на восток, на втором месте идет западная ориентация, что в целом согласуется с распределением ориентаций всего массива погребений эпохи поздней бронзы Среднего Поднепровья.

Поза учтена для 20 погребений с пряжками. Все скорченные погребения с пряжками совершены на левом боку. Сильно скорченная поза (Ск. I) встречена в 5 погребениях (25%; 5,6% от всех Ск. I), средне скорченная (Ск. II) – в 9 (45%; 20% от всех Ск. II), слабо скорченная (Ск. III) – в 4 (20%; 50% от всех Ск. III). Ни одно погребение в позе Ск. IV (очень слабо скорченная) не содержало пряжек. Вытянуто на спине лежал скелет только в одном погребении – Чапаевка 7 (при этом следует отметить, что погребение сильно пострадало в результате размывов и поза реконструируется приблизительно). Вытянутое на спине погребение с Бабиной Горы под Бучаком, среди инвентаря которого С.С. Березанской опубликованы 2 пряжки, на самом деле *пряжек не содержало*; обе они происходят из слоя и найдены далеко от погребения (*Бондарь, Максимов*, 1971. С. 61, 79, 97, 99; *Лысенко*, 2003а. С. 174–178; 2003б. С. 60–66).

Позиция рук определена для 19 скорченных на боку погребений с пряжками. В позе «адорации» (кисти перед лицом) руки зафиксированы в 14 погребениях. Одна рука, сильно согнутая в локте, кистью перед лицом, а вторая – в другой позиции, зафиксированы в 5 случаях: в трех из них вторая рука была согнута под прямым углом (К2.Б – Липовец, 264/3; О2.Б.В – Росава, 8/2; Леськи, 1/8), в одном – вытянута вдоль корпуса (К2.Б.В – Лящевка, 1/1), в одном – вывернута локтем от корпуса, кистью в сторону колен (К2.Б – Бубновая Слободка, 9/3). Определенной взаимосвязи между позой и ориентацией погребенных и типом пряжек не наблюдается, за исключением тенденции к преобладанию круглых пряжек в погребениях с «нестандартным» для региона расположением рук.

Основными в курганах были 11 погребений с пряжками: К1.Б – 1 (Вознесенское-Пальмира, 2/3), К2.Б – 1 (Липовец, 264/3), К2.Б.В – 3 (Бубновая Слободка, 9/2; Клещинцы, 3/1; Подольское, 8/1), О2.Б.В – 6 (Беркозовка, к. 381; Червоная Слободка, 7/2; Любарцы, 5/2; Мирное, 2/1; Переяслав-Хрест; Тимченки, 2/1). Преобладают погребения с овальными пряжками – позднего типа.

Деревянные перекрытия зафиксированы в 13 погребениях с пряжками: К1 – 1 (Червоная Слободка, 1/4), К1.Б – 1 (Вознесенское-Пальмира, 2/3), К2.Б – 2 (Емчиха, к. 372; Лящевка, 1/2); К2.Б.В – 3 (Бубновая Слободка, 9/1, 9/2; Клещинцы, 3/1), О2.Б.В – 4 (Росава, 8/2; Леськи, 1/8; Переяслав-Хрест; Тимченки, 2/1); О2.В – 2 (Тарасовка, 1/2; Червоная Слободка, 4/8). В колоде лежали 2 погребенных: К2.Б.В. (Подольское, 8/1), О2.Б.В. (Подольское, 9/1). Четкой взаимосвязи между типом пряжки и наличием деревянных сооружений не наблюдается.

В отчетах и публикациях встречены следующие обозначения позиций расположения пряжек относительно скелета: «у локтя», «у таза», «в поясной области», «у колен», «у бедра», «у грудной клетки», «за спиной». Генерализируя эти позиции, можно прийти к выводу, что пряжки преимущественно находили с той или с другой стороны скелета в районе корпуса. В районе черепа зафиксирована только одна из двух пряжек в Мирном 1, 1/1 – единственном комплексе в регионе, содержащем сразу 2 пряжки (погребение с Бабиной Горы под Каневом, как было указано выше, пряжек не содержало).

Только с тремя погребениями, содержащими костяные пряжки, связаны фрагменты керамики бабинского типа («многоваликовой керамики»). В Пальмире, 2/3 и Бубновой Слободке, 9/1 фрагменты керамики зафиксированы непосредственно в погребальной яме, в Червоной Слободке, 1-90/4 – в насыпи. Все указанные погребения содержали пряжки круглой формы: в Червоной Слободке и Пальмире – К1, в Бубновой Слободке – К2.Б.В.

По сведениям С. С. Березанской, у с. Чапаевка Киевской обл. костяная пряжка была найдена в кургане вместе с тюльпановидным сосудом, украшенным характерным орнаментом из прочерченных линий под венчиком (*Березанская*, 1986. С. 22) (к сожалению, в отчетах В. А. Круца, на раскопки которого ссылается С. С. Березанская, сведений о подобной находке нам найти не удалось). Две костяные пряжки были найдены в слое Козаровичского могильника киево-черкасской группы ТКК; многоваликовая керамика бабинского типа в раскопе не отмечена (*Лысенко*, 1999).

Появление костяных пряжек в Среднем Поднепровье безусловно связано с проникновением в регион на рубеже средней – поздней бронзы носителей бабинской культуры (многоваликовой керамики), на памятниках которой эти изделия наиболее распространены (*Отрощенко*, 1978. С. 34, 35). Однако культурно-хронологический диапазон таких изделий значительно шире ареала культурного круга Бабино. Костяные пряжки найдены также на памятниках стжижовской (*Свешников*, 1974. С. 128), доно-волжской абашевской, синташтинской, покровской срубной, сабашиновской, монтеору, ноуа культур (*Савва*, 1992. С. 120; *Отрощенко*, 1998. С. 113). Невозможность ограничения датировки костяных пряжек периодом существования керамики бабинского типа была прослежена И. Н. Шарафутдиновой на примере сабашиновских памятников Нижнего Поднепровья и Побужья (*Шарафутдинова*, 1982. С. 48).

В последние годы для ряда памятников Среднего Поднепровья, относимых к культурному кругу Бабино, получена серия радиоуглеродных дат (табл. 1) (*Kovalyukh, Skripkin, Klochko, Lysenko*, 1998. Р. 130–140; *Klochko*, 1999. Р. 163–195; *Górski, Lysenko, Makarowicz*, 2003. Р. 291–298; *Лысенко*, 2005б. С. 42, 43. Табл. IV). Датировка методом ^{14}C позволяет (с определенными оговорками) уточнить культурно-хронологическую позицию конкретных памятников, относимых в регионе к культурному кругу Бабино («КМК»).

Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования памятников Среднего Поднепровья, относимых к культурному кругу Бабино

№	Памятник, объект	Пряжка	Лаб. №	Материал	^{14}C BP	^{14}C cal BC 1δ	^{14}C cal BC 2δ
1	Росава, 7/1	–	Ki 5827	кость человека	3610±30	2018–2008 1976–1912 1906–1902	2032–1992 1988–1884
2	Великая Бугаевка, п.109-2001 г.	–	Ki 9555	кость человека	3450±70	1879–1841 1829–1793 1783–1685	1939–1927 1923–1603 1561–1533
3	Малополовецкое 3, 6/2 (п.25-1997 г.)	–	Ki 6213	кость человека	3430±35	1862–1850 1758–1678	1874–1838 1816–1802 1782–1620
4	Росава, к.8/п.5	–	Ki 5829	кость человека	3325±50	1670–1660 1632–1524	1738–1716 1692–1510 1476–1460
5	Ксаверово, 2/5	–	Ki 6225	кость человека	3290±35	1608–1556 1534–1518	1630–1508 1476–1460
6	Бубновая Слободка, 9/2	K2.Б	Ki 6223	кость человека	3275±40	1610–1548 1538–1510 1476–1460	1630–1438
7	Боровица, 1/2	–	Ki 6222	кость человека	3250±35	1590–1580 1526–1442	1612–1546 1540–1424
8	Росава, 8/7	–	Ki 6218	кость человека	3240±30	1588–1582 1526–1428	1618–1410
9	Росава, 8/2	O2.Б.В	Ki 6217	кость человека	3210±30	1510–1474 1464–1438	1518–1422
10	Росава, 4/2	–	Ki 6215	кость человека	3200±30	1508–1478 1460–1428	1514–1416
11	Росава, 7/1	–	Ki 6216	кость человека	3190±30	1508–1482 1456–1429	1514–1412
12	Росава, 2/1	–	Ki 6214	кость человека	3180±40	1508–1480 1456–1410	1518–1392
13	Журавлиха, 3/6	–	Ki 6224	кость человека	3170±35	1504–1484 1452–1404	1514–1392

Без сомнения к бабинскому горизонту (МП-I), не только по радиоуглеродным датам, но и по особенностям погребального обряда, относятся погребения 25 могильника Малополовецкое 3 (Киевская обл., Фастовский р-н) (3430±35 BP) и 109 могильника Великая Бугаевка (Киевская обл., Васильков-

ский р-н) (3450±70 ВР). В погребении 25 Малополовецкого 3 могильника женщина 35–40 лет лежала в продольном подбое, в очень слабо скорченной позе (Ск.ІV) на правом боку, головой на запад, руки вытянуты вдоль корпуса (*Лысенко, Лысенко, 1998. С. 29*). Скелет в погребении 109 Великой Бугаевки (женщина 45–50 лет) лежал в средне скорченной позе (Ск.ІІ) на правом боку головой на ЮЮВ, правая рука вытянута к колену, левая согнута в локте перпендикулярно корпусу; неподалеку от погребения найден небольшой горшок бабинского типа с желобчатым венчиком (*Бабенко, Лысенко, 2002. С. 86–88. Рис. 1, 2, 3, 8*).

Погребальному обряду культурного круга Бабино соответствует также впускное погребение 2/5 у с. Ксаверово (Черкасская обл., Городищенский р-н), имеющее дату 3290 ± 35 ВР. Погребение совершено в яме с заплечиками и перекрыто поперечным деревянным накатом. Скелет лежал в сильно скорченной позе (Ск.І) на левом боку, головой на юго-запад, руки в позиции адорации. В ногах найден фрагмент сосуда, по описанию – бабинского типа, и угольки; под скелетом зафиксирован бурый тлен (*Ковпаненко и др., 1984*). Скелет в погребении 1/2 того же могильника, в котором найдена пряжка типа О2.Б.В, имел аналогичную позу и ориентацию.

Погребение 9/2 у с. Бубновая Слободка Золотоношского р-на Черкасской обл., содержащее пряжку типа К2.Б, имеет дату 3275 ± 40 ВР. Аналогичные пряжки происходят также из погребений 1 и 3 этого кургана. Следует отметить, что погребение 2 было основным в кургане, а в погребении 1, с которым связана насыпь III, кроме пряжки был найден большой фрагмент сосуда бабинского типа (*Беляев и др., 1983*). Таким образом, датированное погребение 9/2 Бубновой Слободки – одно из немногих в регионе погребений с пряжкой, которое увязывается с керамикой бабинского типа. При этом, видимо, оно очерчивает также верхнюю границу керамики бабинского типа в регионе, т. к. датировка погребения накладывается на ранние даты горизонта МП-ІІ (малополовецкого) (*Лысенко, 2005б. Табл. ІV*).

Анализируя погребения Мироновского могильника (Росава), В. И. Ключко датирует «культуру многоваликовой керамики» в Среднем Поднепровье периодом 3600–3300 ВР (1950–1600 ВС) (*Klochko, 1999. P. 195. Tab. 1, 2*). На наш взгляд, к бабинскому горизонту (МП-І) может быть более или менее уверенно отнесено только безынвентарное погребение 8/5, совершенное в прямоугольной яме с деревянными перекрытиями (*Ibid. Fig. 14*). Дата этого погребения 3325±50 ВР. Остальные «многоваликовые» погребения Росавы, равно как и Ксаверово, Журавлихи, Боровицы, мы не можем уверенно отнести к многоваликовому горизонту. Радиоуглеродные даты этих погребений (табл. 1) соответствуют горизонтам МП-ІІ и МП-ІІІ киево-черкасской группы ТКК (одна из дат погребения 7/1 представляется заниженной; вторая дата погребения, которое по особенностям погребального обряда аналогично погребениям 2/1, 4/2, 8/2, 8/7, вполне вписывается в ряд дат этих погребений). Погребения Малополовецкого могильника горизонтов МП-ІІ и МП-ІІІ содержат уже керамику тшинцево-комаровских и срубных типов, а также бронзовые украшения комаровского типа. Инвентарь в большинстве упомянутых датированных погребений «КМК» отсутствует, а поза и ориентация аналогичны безынвентарным скорченным погребениям отмеченных горизонтов Малополовецкого могильника. Одно из погребений Ро-

савы (8/2) содержало пряжку типа О2.Б.В. Дата этого погребения 3210 ± 30 BP (28 1518–1422 cal. BC).

Видимо, рассматриваемые погребения связаны с пережитками бабинских традиций на более поздних этапах, когда керамика бабинского типа в регионе уже сменяется иными керамическими традициями (малополовецкой, тшинецкой, срубной) (рис. 2). По крайней мере в Поросье, для комплексов которого получено большинство ^{14}C дат, поздние типы пряжек (О.2) переживают керамику бабинского типа как минимум на 100–150 лет и существуют тут уже на фоне иных доминирующих керамических традиций, в иной социокультурной среде. В изменившихся условиях костяные пряжки, видимо, продолжали функционировать в качестве этнографического реликта, пережив подобные типы в степных регионах.

Для понимания культурно-исторических процессов в Среднем Поднепровье на рубеже средней и поздней бронзы, на наш взгляд, следует остановиться на ряде событий, часть которых имела общевразийское значение.

Прежде всего следует отметить, что территория Киево-Черкасской лесостепи, где концентрируются пункты с пряжками, на момент проникновения в регион носителей культуры Бабино была достаточно плотно заселена каневской группой среднеднепровской культуры шнуровой керамики. При этом последняя сама была продуктом взаимодействия круга культур шнуровой керамики и катакомбного, что находит отражение в керамическом комплексе поселений каневской группы типа Исковщина (*Бондарь*, 1974. С. 151–156; *Молодцов, Сердюкова*, 1994. С. 27). В юго-восточной части региона, на Черкашине и в бассейне Роси, известны также погребения катакомбной культуры. В. И. Ключко относит катакомбные и среднеднепровские погребения Мироновского могильника (Росава) к одному стратиграфическому горизонту (*Klochko*, 1999. P. 195. Tab. 2). Существование позднекатакомбных и шнуровых традиций зафиксировано также на Малополовецком могильнике и ряде других памятников северной лесостепи (*Лысенко*, 2001. С. 62–70).

На рубеже III–II тыс. до н. э. отмечается максимум суббореальной аридизации степи (*Иванов*, 1985. С. 27–31; *Демкин*, 1996. С. 83–85; *Герасименко*, 1997. С. 31–35, 54–56; *Демкин, Демкина, Борисова*, 2002. С. 20–22). Согласно некоторым реконструкциям, открытая степь становится в этот период непригодной для ведения подвижного скотоводства и носители ингульской катакомбной культуры на позднем этапе своего существования начинают весной-летом выгонять скот не в открытую степь, а отгонять на север, в Среднее Поднепровье, возвращаясь на зимовку в Нижнее Поднепровье (*Пустовалов*, 1998. С. 64, 65). Аридизация климата и вероятный военный разгром приводят к дезинтеграции катакомбного общества Северного Причерноморья (*Пустовалов*, 2002. С. 104); видимо, усиливается отток носителей катакомбной культуры на периферию Степи.

Аридизация климата на рубеже средней и поздней бронзы косвенно фиксируется и в Среднем Поднепровье. На поселении Ходосовка-Диброва (Киево-Святошинский р-н Киевской обл.) керамика среднеднепровской культуры и бабинского типа найдена лишь в самой низменной части, на краю поймы, и полностью отсутствует на песчаных возвышениях, занятых поселением классической фазы тшинецкого культурного круга. Почвы последнего, согласно исследовани-

ям Ж. Н. Матвишиной, формировались уже во влажном климате (*Готун и др.*, 2007). Представляет интерес наблюдение А. Л. Александровского, касающееся высокого залегания карбонатного горизонта в нижней почве Могилы Лядвига (Малополовецкое 5). Согласно его выводу, такие карбонатные горизонты, залегающие достаточно высоко, не характерны для лесных почв, однако присущи почвам степным (*Лысенко, Матвишина, Александровский и др.* В печати). Согласно наблюдению Ж. Н. Матвишиной, нижняя почва, перекрытая насыпью I, лесная или лугово-лесная и соответствует наиболее влажному режиму (*Лысенко, Матвишина, Пархоменко и др.*, 2007). С насыпью связаны находки фрагментов керамики малополовецкого типа, комплексы с которой на могильнике Малополовецкое 3 датируются периодом 1600–1500 cal. BC (*Kovalyukh, Skripkin, Klochko, Lysenko*, 1998. P. 130–140). По самой же погребенной почве в Киевской радиоуглеродной лаборатории получена дата ^{14}C (Ки-13478) 3380 ± 140 BP, 1σ 1780–1520 BC, 2σ 2035–1385 BC. Таким образом, исходя из наблюдения А. Л. Александровского, можем предполагать, что времени возведения кургана в начале климатического оптимума суббореала предшествовала длительная аридизация среднебронзового времени.

Климатические изменения привели к перемещению больших масс населения в степной и прилегающих к ней зонах Евразии на рубеже средней и поздней бронзы. Видимо, именно они стали первопричиной проникновения части катакомбного населения Нижнего Поволжья и носителей абашевской культуры Среднего Поволжья в Южное Приуралье. Здесь в первой четверти II тыс. до н. э. складывается синташтинская культура, формируется Южноуральский очаг культурогенеза (*Отрощенко*, 1996. С. 29–31). Выдающимся достижением рассматриваемого периода, переходного от средней к поздней бронзе, было широкое применение двуконной боевой колесницы на колесах со спицами (*Отрощенко*, 2001. С. 43–45), обеспечившей доминирование в Евразийской степи пассионарных представителей зарождавшихся харизматических кланов (*Отрощенко*, 2002а. С. 169, 170). Согласно В. В. Отрощенко, синташтинцы, продвигаясь на запад и увлекая за собой абашевское население Приуралья, вытесняют носителей среднедонской катакомбной культуры в бассейн Северского Донца. Одним из результатов отмеченных перемещений стало формирование в Днепро-Донецком северо-степном регионе культуры многоваликовой керамики (бабинской) (*Отрощенко*, 2002б. С. 14). Изменившаяся политическая ситуация в степи, видимо, привела к оттоку в Среднее Поднепровье части позднейших катакомбников из Нижнего Поднепровья по наработанным ранее маршрутам и окончательному смешению их с местным среднеднепровским населением.

К XVII–XVI вв. до н. э. В. В. Отрощенко относит экспансию из Поволжья на запад и юг носителей покровской срубной культуры (ПСК), генетически связанной с синташтинской. На юго-западе значительные группы покровцев выходят на Левобережье Северского Донца, отодвигая носителей культуры многоваликовой керамики (КМК) далее на запад (Там же. С. 17). Вероятно, именно в этот период происходит массовая инфильтрация бабинского населения и в Среднее Поднепровье. О последнем свидетельствует распространение керамики бабинского типа, охватывающее практически весь регион, за исключение Житомирского Полесья.

Сразу бросается в глаза, что ареал керамики бабинского типа в регионе значительно шире зоны распространения пряжек (с которой совпадает и ареал погребений, относимых к культурному кругу Бабино). Роговые же псалии в регионе происходят только из одного пункта. В фондах Национального музея истории Украины хранятся два псалия, изготовленные из рога благородного оленя; в каталоге В.В. Хвойки они записаны как «две костяные пряжки, найденные при Трахтемирове Каневского уезда Киевской области» (*Лесков*, 1964. С. 299–303) (рис. 3, 7, 8). Оба псалия – дисковидные монолитные неорнаментированные, что говорит об их ранней типологической (и хронологической?) позиции (*Василенко*, 2002. С. 38). Не исключено, что оба изделия происходят из разрушенного кургана, располагавшегося неподалеку от древней переправы (*Максимов*, 1988. С. 141). Однако вглубь региона войны-колесничие не проникают. В ландшафтах правобережной лесостепи, с глубокими залесенными балками, широкими заболоченными поймами, тактика колесничного боя малоэффективна. Потеря преимуществ, которые давала массивная атака боевых колесниц на равнинах, не позволила закрепиться в регионе представителям «харизматических кланов» воинов колесничих.

По наблюдению Р. А. Литвиненко, западная левобережная группа памятников культурного круга Бабино является более поздней, нежели восточная, между Пслем и Северским Донцом, отнесенная исследователем к первичному очагу формирования бабинской культуры (*Литвиненко*, 1999. С. 9,10; 2006. С. 164). Это дает основания частично синхронизировать бабинский горизонт в Среднем Поднепровье (МП-I) с ранним периодом покровской срубной культуры (*Литвиненко*, 2001. Табл. 1). Однако наблюдение Р. А. Литвиненко, сделанное на основании анализа погребальных памятников, верно лишь отчасти. Анализ керамики бабинского типа с поселений Среднего Поднепровья не вызывает сомнений в непосредственных контактах Правобережья Среднего Поднепровья с первоначальным очагом бабинской культуры на ее раннем этапе (*Лысенко*, 2006. С. 233–236), хотя интенсивными эти контакты назвать трудно.

Ранняя керамика бабинского типа трехчастного профиля в регионе встречена в незначительном количестве и преимущественно вдоль долины Днепра. Среди керамики бабинского типа преобладают слабопрофилированные сосуды. Одной из причин исчезновения характерного для КМК трехчастного профиля, видимо, была интенсивная ассимиляция изгоев с юга местным населением, попавшим к этому времени в орбиту формирующегося тшинецкого культурного круга, ведущей керамической формой которого являются слабопрофилированные – «тюльпановидные» – сосуды. Дальнейшая трансформация керамики бабинского типа в регионе в керамику малополовецкого типа (*Лысенко*, 1998а. С. 91–97; *Куштан*, 2001. С. 14–16) – локальное проявление керамики тшинецкого типа – позволяет предполагать, что изгои из степи (по крайней мере, их женщины) органически вошли в местную культурную среду в качестве компонента формирующейся киево-черкасской группы ТКК.

Существенно, что характерная керамика бабинского типа распространяется не только в лесостепи, но проникает глубоко в зону смешанных лесов, вплоть до Припяти (на наш взгляд, это не является свидетельством «экспансии КМК» на северо-запад, а скорее говорит о беспорядочном бегстве ее носителей, когда

последние не занимали привычные им ландшафты, а растворялись в местной среде, оседая в неестественном для них природно-климатическом окружении). В Полесье бабинская керамическая традиция не находит продолжения (за исключением единственного гибридного сосуда из Борисовщины на юге Белоруссии: *Кривальцэвіч*, 1998. С. 353. Мал. 10, 8). Видимо, ландшафтные особенности лесной зоны не дали возможности носителям бабинской культуры, представляющей совершенно иной хозяйственно-культурный тип, существенно повлиять на тшинецкую (лесную) линию развития ТКК (*Лысенко*, 2002б. С. 128–130).

Как уже было отмечено выше, подосновой, на которой формировался тшинецкий культурный круг, был круг культур шнуровой керамики (*Свешников*, 1990. С. 78). Для киево-черкасской группы ТКК Среднего Поднепровья такой подосновой стали памятники каневской группы среднеднепровской культуры шнуровой керамики (типа Исковщины) (*Бондарь*, 1974. С. 151–156); для комаровской группы в Поднестровье – подкарпатская культура шнуровой керамики (*Свешников*, 1976. Рис. 1–4). Связи среднеднепровской культуры шнуровой керамики с подкарпатской фиксируются на основании находок в Среднем Поднепровье характерных сверленных клиновидных топоров, кремневых шлифованных топоров, прямоугольных в сечении (Полтавський археологічний збірник, 1995. С. 166, п. 4; *Лысенко*, 2001. С. 62–70), керамики (*Молодцов*, 1993. С. 96, 97).

Рассматривая пряжки, распространенные в ареале ТКК, на наш взгляд, следует обратить внимание на морфологически подобные изделия из янтаря, встречающиеся на памятниках круга культур шнуровой керамики. В погребении 1 среднеднепровской культуры шнуровой керамики в ур. Стрелица найдена почти целая янтарная подвеска в форме диска диаметром 57 мм, с большим (18 мм) отверстием в центре (*Артеменко*, 1976. С. 70, 95, Рис. 1, 4) (погребение отнесено И. И. Артеменко к первой фазе третьего периода СКШК). В погребениях подкарпатской культуры шнуровой керамики Поднестровья (Дусанив, Хоростков) обнаружены янтарные диски с большим центральным и малым боковым отверстиями (*Свешников*, 1974. С. 61, 66, Рис. 13, 2; 15, 14). Диск из Хоросткова имел диаметр 70–75 мм, при диаметре центрального отверстия 15 мм (*Ossowski*, 1890. S. 42. Tab. I, 8) (рис. 3, 9). Янтарные медальоны находят прямые аналогии на памятниках второй половины III – первой половины II тыс. до н. э. Латвии, Литвы, Финляндии и на памятниках культуры шаровидных амфор (*Свешников*, 1974. С. 61; *Артеменко*, 1976. С. 95). Диаметры дисков и больших отверстий соизмеримы с параметрами костяных пряжек, однако хрупкость янтаря исключает использование изделий из него в качестве пряжек.

В Среднем Поднепровье, расположенном несколько в стороне от основных залежей янтаря на Украине, диски-амулеты могли изготавливать из других материалов. На Малополовецком могильнике в комплексе 2 (горизонт МП-II, 1600–1500 cal. BC) найден фрагмент керамического изделия, представлявшего собой диск с большим центральным отверстием и желобком вдоль торца (рис. 3, 6) (*Лысенко*, 1998б. Рис. 17, 1). Диаметр диска около 72 мм, отверстия – 21 мм, высота изделия 11 мм; желобок прорезан очень тщательно и не несет следов функционального износа. По внешнему диаметру и диаметру центрального отверстия диск соизмерим с янтарным диском из Хоросткова.

А. Н. Усачук на основании трасологического анализа пришел к выводу, что некоторые из исследованных им «пряжек» использовались в качестве украшений-подвесок (Усачук, 1998. С. 135), в частности – некоторые пряжки-заготовки (Усачук, 2002. С. 164). Использование «пряжек» в качестве подвесок-медальонов предполагают также В. В. Рогудеев (2001. С. 107–109), Р. А. Литвиненко (2004. С. 284). Не исключено, что в Среднем Поднепровье произошло преломление двух разнокультурных традиций, приведшее к функциональному изменению использования костяных «пряжек». Потеряв статус элемента боевого пояса колесничего, часть рассматриваемых костяных изделий вполне могла использоваться в регионе в качестве украшений-амулетов.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемченко И. И., 1976. Могильник среднеднепровской культуры в урочище Стрелица // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Артемченко И. И., Левченко Б. М., 1980. Раскопки курганов в Черкасской области // АО 1979 г.
- Бабенко Р. В., Лысенко С. Д., 2002. Могильник эпохи бронзы Великая Бугаевка (материалы из раскопок 2001 г.) // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ.
- Беляев А. С., Симоненко А. В., Полин С. В., Загребельный А. Н., 1983. Отчет Песчанского отряда Черкасской экспедиции о раскопках курганов в зоне строительства Прохоровской оросительной системы (с. Бубновая Слободка, Золотоношского р-на, Черкасской обл.) в 1983 г. // НА ИА НАНУ. № 1983/25.
- Березанская С. С., 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
- Березанская С. С., 1986. Культура многоваликовой керамики // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Березанская С. С., Круц В. А., Ковалева Л. Г., 1974. Отчет о работе Бортничской экспедиции в 1974 г. // НА ИА НАНУ. № 1974/14; Ф. эксп. № 7206–7209.
- Бондарь Н. Н., 1974. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев.
- Бондарь Н. Н., Максимов Е. В., 1971. Отчет о работе Каневской археологической экспедиции в 1971 г. (поселение эпохи бронзы и зарубинецкое поселение) // НА ИА НАНУ. № 1971/14-а. Дневник, Ф. эксп. № 7046.
- Василенко А. І., 2001. Про роль кінних колісниць у війнах II тис. до н. е. // Вісник Східноукраїнського університету. Луганськ. № 4.
- Василенко А. І., 2002. Некоторые особенности использования древнейших псалиев // Исторична наука: проблеми розвитку: Мат. міжнарод. наук. конф. Секція «Археологія». Луганськ.
- Василенко А. І., Супрун А. В., 1998. К вопросу о происхождении костяных поясных пряжек // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону.
- Герасименко Н. П., 1997. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в поздне-ледниковье и голоцене (по материалам палеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк. № 6.
- Готун І. А., Бондар К. М., Лисенко С. Д., Матвійшина Ж. М., Пархоменко О. Г., Петраускас О. В., 2007. Ходосівка-Діброва – унікальна пам'ятка бронзової доби // Археологічні відкриття в Україні 2004–2005 рр.
- Григорьев В. П., Баитовой А. Н., 1989. Отчет о раскопках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной археологической экспедиции в 1989 г. // НА ИА НАНУ. № 1989/134.
- Григорьев В. П., Демартино А. П., Деткин А. В., 1991. Отчет о раскопках Черкасской Лесостепной археологической экспедиции Научно-производственного кооператива «Археолог» в 1991 г. // НА ИА НАНУ. № 1991/132.

- Григорьев В. П., Сиволап М. П., 1988. Отчет о раскопках и разведках Черкасской Лесостепной археологической экспедиции в 1988 г. // НА ИА НАНУ. № 1988/53.
- Григорьев В. П., Шемшур А. Н., Демартино А. П., 1990. Отчет о раскопках и разведках Левобережного отряда Черкасской Лесостепной археологической экспедиции Научно-производственного кооператива «Археолог» в 1990 г. // НА ИА НАНУ. № 1990/135.
- Даниленко В. Н., 1955. Отчет об археологических исследованиях южнобугского отряда за 1955 г. // НА ИА НАНУ. № 1955/8.
- Демкин В. А., 1996. Природные условия волго-уральских степей III–II тыс. до н. э // Северо-восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Мат. междунар. конф. Донецк. Т. II.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисова М. А., 2002. Динамика природной среды восточноевропейских степей за последние 6000 лет и ее роль в жизни древнего населения // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н. э. – V в. н. э.: Мат. III Междунар. конф. (Тирасполь, 2002 г.). Тирасполь.
- Иванов И. В., 1985. Изменение климата южной Украины в голоцене // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Каталог выставки XII Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899.
- Качалова Н. К., 1974. Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга // САИ. Вып. ВУ-12.
- Клочко В. И., Воронцов Д. О., Салий Н. Г., 1984. Отчет о работе Мироновской экспедиции в 1984 г. // НА ИА НАНУ. № 1984/44.
- Ковпаненко Г. Т., Скорый С. А., Бессонова С. С., Рычков Н. А., Батуревич Е. Ю., 1984. Отчет о работе Лесостепной экспедиции ИА АН УССР // НА ИА НАНУ. № 1984/24.
- Круц В. А., Погорельый В. Н., 1975. Отчет о работе Бортничской экспедиции в 1975 г. (в районе сел Велелиновка, Подолье, Ерквцы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл.) // НА ИА НАНУ. № 1975/9.
- Крывальцэвіч М. М., 1998. Да праблемы узнікнення «Тшцінца» а пoudні Беларусі // «Trzciniac» – system kulturowy czy interkulturowy proces. Poznan.
- Куриленко В. С., Отроценко В. В., 1998. Сосницька культура Подесення та її зв'язки із східними сусідами // «Trzciniac» – system kulturowy czy interkulturowy proces. Poznan.
- Куштан Д. П., 1998. Звіт про археологічні розкопки та розвідки у Черкаській області за 1998 р. // НА ИА НАНУ. № 1998/74.
- Куштан Д. П., 1999. Черкаська Подніпров'я в епоху пізньої бронзи: Дипломна робота студента VI курсу історичного факультету Київського університету ім. Т. Г. Шевченка (кафедра археології та музеєзнавства).
- Куштан Д. П., 2001. Пам'ятки з керамікою малополовецького типу на Черкащині // Етнокультурні процеси у Середньому Подніпров'ї за матеріалами археологічних досліджень. Київ.
- Лесков А. М., 1964. Древнейшие роговые псалии из Трахтемирова // СА. № 1.
- Литвиненко Р. А., 1999. К оценке культуры многоваликовой керамики левобережной украинской лесостепи // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. Харьков.
- Литвиненко Р. А., 2001. Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация // К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы: Мат. междунар. науч. конф. Самара.
- Литвиненко Р. А., 2004. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 2.
- Литвиненко Р. А., 2006. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 5.
- Лысенко С. Д., 1998а. К вопросу о памятниках с керамикой малополовецкого типа // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Лысенко С. Д., 1998б. Результаты исследования могильника Малополовецкое 3 на Киевщине в 1993–1997 годах // «Trzciniac» – system kulturowy czy interkulturowy proces. Poznan.

- Лысенко С. Д.*, 1999. Козаровичський могильник доби пізньої бронзи // *Vita Antiqua*. Київ. № 2.
- Лысенко С. Д.*, 2001. Новые памятники шнуровой керамики на Киевщине // Гістарычна археалагічны зборнік. Минск. № 16.
- Лысенко С. Д.*, 2002а. К вопросу о локализации коммуникаций эпохи поздней бронзы в Правобережной лесостепи // *Исторична наука: проблеми розвитку*. Луганськ.
- Лысенко С. Д.*, 2002б. К вопросу о пространственно-временной структуре тшинецкого культурного круга // *Сучасні проблеми археології*. Київ.
- Лысенко С. Д.*, 2003а. Погребение эпохи бронзы на Бабиной Горе под Каневом // *Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в Государственном Историческом музее*. М. Ч. 1.
- Лысенко С. Д.*, 2003б. Могильник эпохи бронзы в урочищах Бабина Гора – Дедов Шпиль у с. Бучак под Каневом // *Vita Antiqua*. Київ. № 5–6.
- Лысенко С. Д.*, 2005а. Киево-Фастовский участок северной ветки трансевропейского лесостепного пути // *Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею*. Київ; Фастів.
- Лысенко С. Д.*, 2005б. Абсолютная хронология восточного массива тшинецкого культурного круга // *Проблеми эпохи бронзы Великой Степи*. Луганск.
- Лысенко С. Д.*, 2006. Комплекс памятников эпохи поздней бронзы у с. Ходосовка (по результатам исследований 2003 г.). // *Матеріали та дослідження з археології Східної України*. Луганськ. Вип. 5.
- Лысенко С. Д., Лысенко С. С.*, 1998. Исследования на могильнике Малополовецкое 3 в 1997 г. // *Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр*. Київ.
- Лысенко С. Д., Матвишина Ж. Н., Пархоменко А. Г., Бондарь К. М., Тимофеева Ж. Б., Балко А. И.*, 2007. Предварительные исследования Могилы Лядвига // *Археологічні відкриття в Україні 2004–2005 рр*.
- Лысенко С. Д., Матвишина Ж. Н., Александровский А. Л., Пархоменко А. Г., Балко А. И., Кириленко А. С.* Исследования Могилы Лядвига в 2006 г. В печати.
- Максимов Е. В.*, 1988. Структурно-семантический анализ названия летописного города Заруб // *Максимов Е. В., Петрашенко В. А.* Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев.
- Молодцов Б. А.*, 1993. Дослідження в Бородянському районі Київської області // *Археологічні відкриття на Україні 1992 року*. Київ.
- Молодцов Б., Сердюкова І.*, 1994. Особливості культурогенезу в Середній Наддніпрянщині за доби середньої бронзи // *Переяславська земля та її місце в розвитку української нації, державності й культури: Тези всеукраїнської наук. конф. Переяслав-Хмельницький*.
- Отроценко В. В.*, 1978. О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // *Археологические исследования на Украине в 1976–1977 гг.: Тез. докл. XVII конф. ИА АН УССР*. Ужгород.
- Отроценко В. В.*, 1995. Пути обмена – пути миграций // *Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона*. Луганск.
- Отроценко В. В.*, 1996. Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // *Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи*. Воронеж. Ч. 2.
- Отроценко В. В.*, 1998. Феномен кістяних пряжок // *Проблеми изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК)*. Запорожье.
- Отроценко В. В.*, 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ.
- Отроценко В. В.*, 2002а. До генези харизматичних кланів // *Сучасні проблеми археології*. Київ.
- Отроценко В. В.*, 2002б. Історія племен зрубної спільності: Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ.

- Отрощенко В., Вовк Т.*, 1998. Київщина у давній історії України // Екзиль. № 2. Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1995. № 3.
- Природа Украинской ССР. Почвы. Киев, 1986.
- Пустовалов С. Ж.*, 1998. Динаміка змін клімату та господарська діяльність катакомбного суспільства Північного Причорномор'я // Україна: Людина, суспільство, природа. Київ.
- Пустовалов С. Ж.*, 2002. Развитие скотоводческой экономики в Северном Причерноморье в эпоху неолита – поздней бронзы // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь.
- Рогудеев В. В.*, 2001. Новые находки костяных медальонов (пряжек) // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург.
- Савва Е. Н.*, 1992. Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья. Кишинев.
- Савко О. Т., Назаров О. В.*, 1995. Звіт про розкопки курганів в м. Городищі та с. Старосілля Городищенського району Черкаської області // НА ІА НАНУ. № 1995/23.
- Савчук А. П.*, 1966. Звіт про розкопки кургану «Вибла Могила» (Хрест) на території Переяслав-Хмельницького етнографічного музею в 1966 р. // НА ІА НАНУ. № 1966/84.
- Свешніков І. К.*, 1974. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III – на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ.
- Свешніков І. К.*, 1976. Проблема происхождения комаровской культуры // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Свешніков І. К.*, 1990. Средний период бронзового века Прикарпатья и Волыни. Тшинецко-комаровская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев.
- Сиволап М. П.*, 1989. Звіт про розкопки та розвідки Придніпровського загону Черкаської Лісостепої археологічної експедиції в 1989 році // НА ІА НАНУ. № 1989/177.
- Сиволап М. П., Сиволап Л. Г.*, 1990. Звіт про розкопки та розвідки Придніпровського загону Черкаської Лісостепої археологічної експедиції в 1990 році // НА ІА НАНУ. № 1990/142.
- Сиволап М. П., Сиволап Л. Г.*, 1991. Звіт про розкопки та розвідки Придніпровського загону Черкаської Лісостепої археологічної експедиції в 1991 році // НА ІА НАНУ. № 1991/75.
- Усачук А. Н.*, 1998. Результаты трасологического изучения костяных пряжек культуры многоваликовой керамики // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье.
- Усачук А. Н.*, 2002. О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь.
- Черненко Е. В.*, 1980. Раскопки курганов в междуречье Сулы и Супоя // АО 1979 г.
- Шарафутдинова И. Н.*, 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.
- Górski J., Lysenko S., Makarowicz P.*, 2003. Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC. Poznan. (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12.)
- Klochko V. I.*, 1999. Radiocarbon chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper region. The Mironivka barrows // Baltic-Pontic Studies. Poznan. Vol. 7.
- Kovalyukh N., Skripkin V., Klochko V., Lysenko S.*, 1998. Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern Trzciniec culture in the Dnieper basin (the Malopolovetske burial site) // Baltic-Pontic Studies. Poznan. Vol. 6.
- Ossowski G.*, 1890. Sprawozdanie z wycieczki paleoetnologicznej po Galicyi w r. 1889 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Krakow. T. XIV.

А. В. Борисов, Р. А. Мимоход, В. А. Демкин

ПАЛЕОПОЧВЫ И ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ В ПОСТКАТАКОМБНОЕ ВРЕМЯ

A. V. Borisov, R. A. Mimokhod, V. A. Demkin. Palaeosoils and environmental conditions in the steppes of South Russia in the post-Catacomb time

Abstract. In the paper a new approach to the palaeoclimatic investigations is presented. It concerns complex studies based on modelling environmental conditions within relatively short periods of time established according to the period of existence of certain archaeological cultures. The presented research concerns the sites dating to the terminal period of the Middle Bronze Age and attributed to a series of post-Catacomb archaeological cultures known from the North-western Caspian zone, the Kuban River basin, the Lower Volga region, the Dnieper-Don region, and the Dnieper-Prut area. The investigated palaeosoils attributed to different geographical zones have specific feature in common – high level of salinization and carbonates content.

Ключевые слова: степная зона, юг России, комплексные исследования, посткатакомбные культуры, палеопочвы, климатические реконструкции, аридизация.

Специалисты естественнонаучных дисциплин с самого начала исследований в области ретроспективного анализа палеоэкологической ситуации стремились охватить максимально широкий временной интервал и построить модели развития природной среды на протяжении возможно более длительных периодов. На первых этапах это было оправданно. В результате возникли генеральные модели развития природной среды на протяжении голоцена и более масштабных хроноинтервалов. Но недостаточная обеспеченность подобных моделей фактическим материалом привела к тому, что крупные исторические периоды оказались необоснованно однородными в плане палеоэкологической ситуации. В таких условиях появляющиеся новые сведения о климате и природной среде прошлого не всегда соответствуют уже имеющимся схемам.

Назрела необходимость изменения подхода к вопросам палеоэкологических реконструкций – углубленного исследования относительно коротких хроноинтервалов. При этом представляется оправданным хронологические границы выбирать на основе не природной периодизации, а исторической – по времени существования определенной культуры. В том случае, если внутренняя хронология культуры хорошо проработана, а база палеоэкологических сведений для периода ее существования достаточно широка, становится возможным определить, в каких условиях природной среды данная культура формировалась, развивалась и исчезала.

Финал средней бронзы на юге Восточной Европы ознаменовался серьезными культурными изменениями. Они выразились в деструкции катакомбных культур и в формировании на их основе блока посткатакомбных культурных образований (*Мимоход, 2005. С. 70–74*). На сегодняшний день его составляющими являются лолинская культура в Северо-Западном Прикаспии, кубанская

группа финала средней бронзы, близкая долининской, в бассейне р. Кубань (*Мимоход*, 2006. С. 249–253), криволукская культурная группа в Нижнем Поволжье (*Мимоход*, 2004. С. 108–114), днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры (*Литвиненко*, 2003. С. 41; 2006. С. 157–183). Эти культурные образования сформировались достаточно быстро и появились фактически синхронно. Все причины масштабной культурной трансформации, произошедшей в XXIII–XXII вв. до н. э. на значительной территории степной и лесостепной зон от Дуная до Волги, еще предстоит выяснить. Сейчас следует отметить, что на рубеже катакомбного и посткатакомбного периодов отсутствуют археологически выраженные признаки скоротечных масштабных миграций, а посткатакомбные культурные образования на своих территориях оказываются генетически связанными с предшествующим местным катакомбным субстратом. Все это позволяет предполагать, что резкая смена культурного контекста на большой территории могла быть обусловлена причинами не столько социального, сколько природного характера.

Настоящая работа представляет собой попытку рассмотреть природные условия относительно короткого исторического периода (XXIII–XVIII вв. до н. э.) – времени существования посткатакомбных культурных формирований – с позиций накопленных палеопочвенных данных.

Объекты исследований. К настоящему времени имеются данные по шести разрезам палеопочв посткатакомбного времени¹: криволукская культурная группа – Линево 1, курган 6 (раскопки И. В. Сергацкова) (рис. 1; 2, 1); долининская культура – Перегрузное 1, к. 7 (раскопки В. М. Клепикова) (рис. 1; 2, 2); Аксай 1, к. 6 (раскопки А. Н. Дьяченко) (рис. 1; 2, 3), Кевюды 1, к. 3 (раскопки А. Д. Матюхина) (рис. 1; 2, 4), Манджикины 1, к. 10 (раскопки Н. И. Шишлиной) (рис. 1; 2, 5); кубанская группа – Каскадный 2, к. 1 (раскопки А. Д. Матюхина) (рис. 1; 2, 5). В географическом плане объекты исследования относятся к степной, сухостепной и пустынно-степной зонам Приволжской, Ергенинской и Ставропольской возвышенностей и охватывают ряд почвенно-географических зон – от степей с темно-каштановыми почвами и слитыми черноземами до полупустынь со светло-каштановыми солонцеватыми почвами (рис. 1). Подробная информация о современных и погребенных почвах данных могильников опубликована (*Демкин и др.*, 2002. С. 343–352; *Демкина и др.*, 2003. С. 655–669; *Демкин и др.*, 2006. С. 351–363; *Борисов и др.*, 2006. С. 95–136; *Борисов и др.* В печати.)

Палеопочвы посткатакомбного времени

Криволукская культурная группа. Наиболее северная из исследованных палеопочв посткатакомбного времени – это погребенная почва кургана 6 могильника Линево 1 (разрез Д-579). По своим свойствам она во многом соответствует современной почве, но, в отличие от современной темно-каштановой почвы,

¹ Авторы выражают искреннюю признательность А. Н. Дьяченко, А. Д. Матюхину, И. В. Сергацкову, Н. И. Шишлиной за возможность опубликовать комплексы посткатакомбного времени, по которым проведены палеопочвенные исследования.

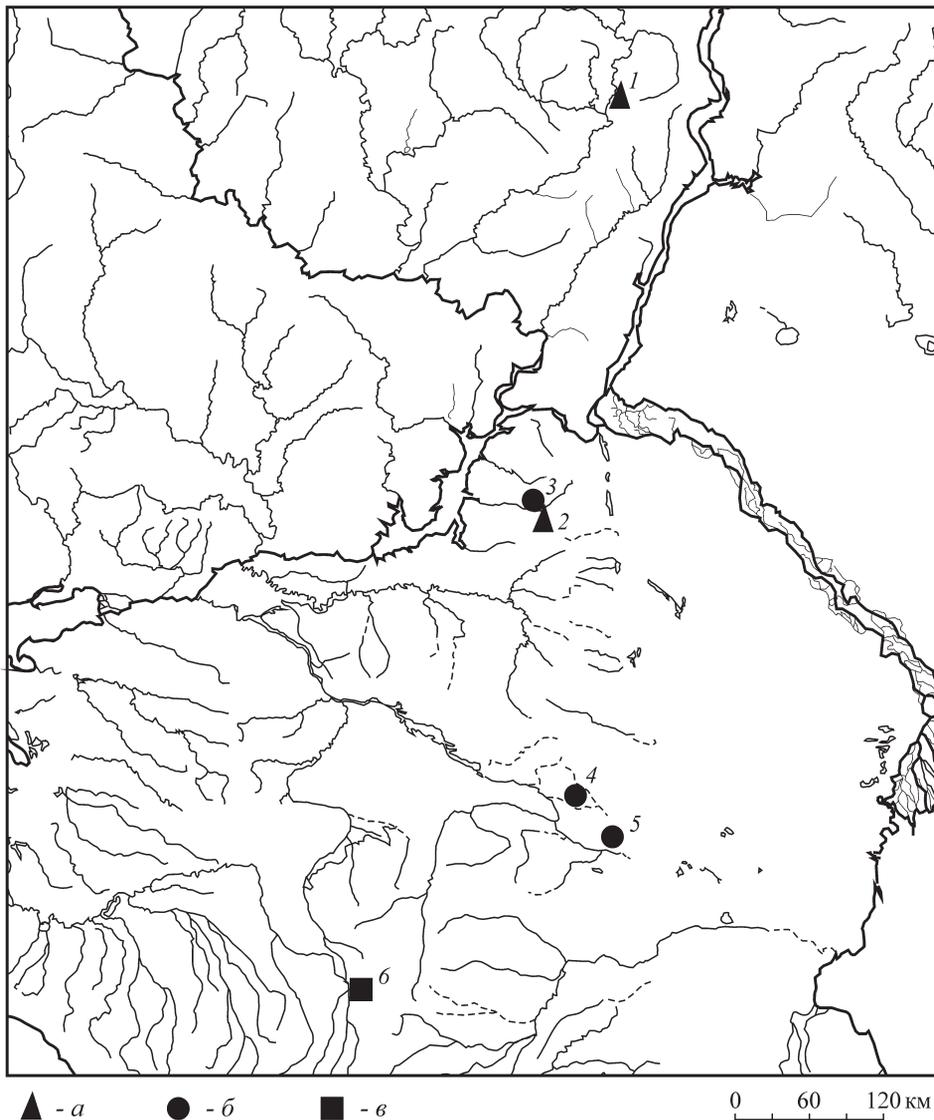

Рис. 1. Расположение объектов исследования

1 – Линево, к. 6; 2 – Аксай I, к. 6; 3 – Перегрузное-1, к. 7; 4 – Кевюды-1, к. 3; 5 – Манджикины-1, к. 10; 6 – Каскадный-2, к. 1

a – криволукская культурная группа; *б* – лолинская культура; *в* – кубанская группа

данная палеопочва является каштановой и характеризуются значительно большей карбонатностью, большим содержанием гипса и легкорастворимых солей в нижней части профиля. В верхних же горизонтах палеопочвы легкорастворимые соли выщелочены и характерно формирование железисто-марганцевых пленок и примазок аналогично современным почвам. Подобного рода свойства почв

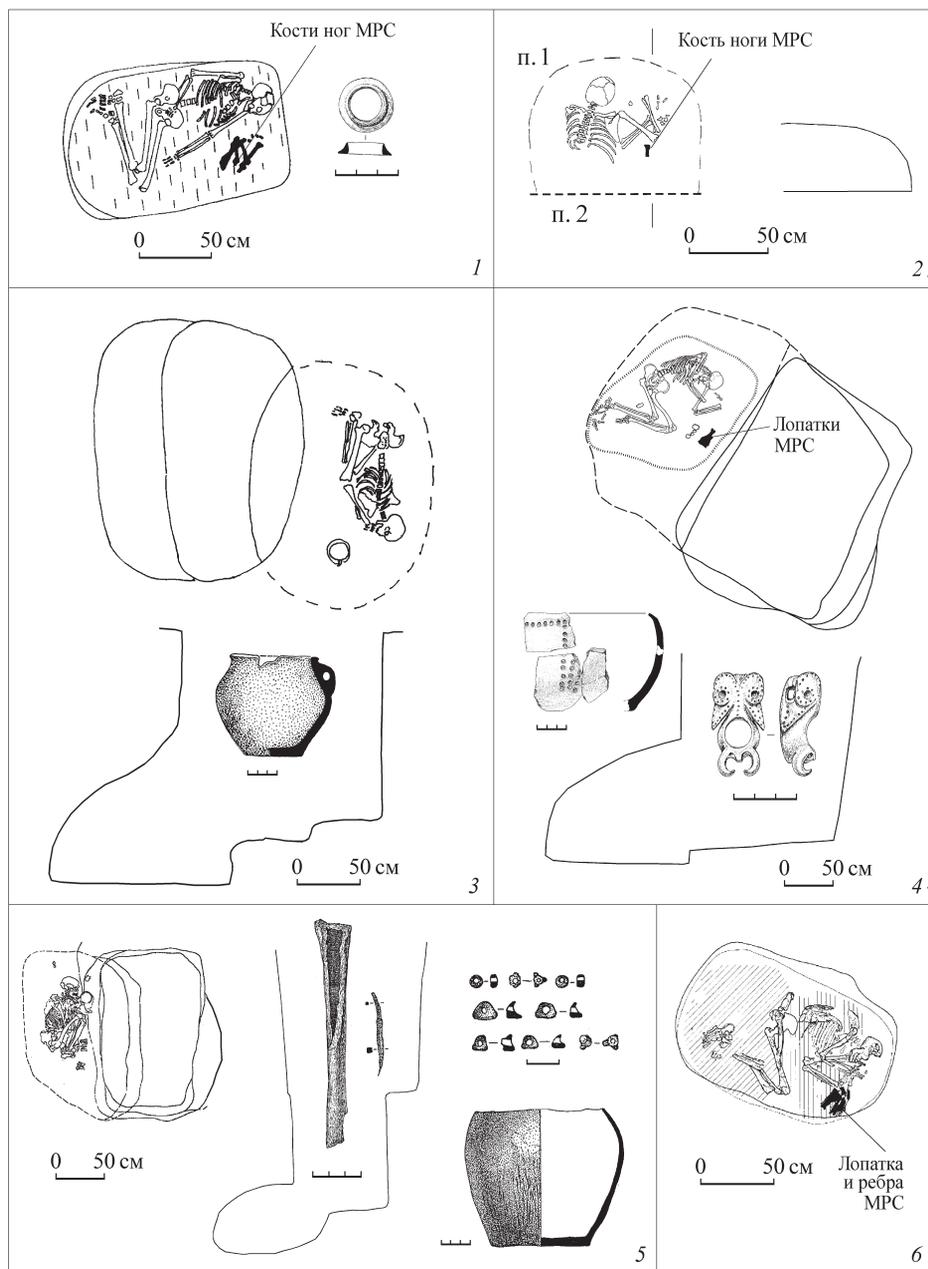

Рис. 2. Погребальные комплексы посткатакомбных курганов, имеющих палеопочвенные определения

1 – криволукская культурная группа; 2–5 – лолинская культура; 6 – кубанская группа 1 – Линево б\б; 2 – Перегрузное-1 7\1; 3 – Аксай I 6\3; 4 – Кевюды-1 3\5; 5 – Манджикины-110\2; 6 – Каскадный-2 1\3

свидетельствуют о наступлении периода с большей атмосферной увлажненностью после довольно длительной аридизации, вызвавшей восходящую миграцию водорастворимых соединений и аккумуляцию их в верхней части почвенного профиля. Наступивший после этого период гумидных условий был, вероятно, непродолжительным, в результате чего наиболее мобильные почвенные компоненты (легкорастворимые соли) оказались вымыты из верхних горизонтов, в то время как более консервативные (карбонаты, гипс) не успели среагировать на изменившиеся условия. Иными словами, свойства этой погребенной почвы отражают смену аридных условий почвообразования более гумидными.

Лолинская культура. Иные условия отражают погребенные почвы кургана 7 могильника Перегрузное 1². В первую очередь обращает на себя внимание недифференцированность профиля, отсутствие выраженных границ между почвенными горизонтами, отсутствие признаков солонцового процесса. Среди химических свойств следует отметить чрезвычайно высокую засоленность почвенного профиля, значительные запасы гипса в верхних горизонтах, вскипание с поверхности. Палеопочва диагностирована как каштановидная карбонатная несолонцеватая солончаковатая (разрез Д-521). Профиль палеопочвы монотонный, с постепенными переходами из одного горизонта в другой, текстурная дифференциация отсутствует. Гумусовый горизонт маломощный, реакция по профилю сильнощелочная. Карбонатный горизонт морфологически не выражен, карбонаты представлены преимущественно дисперсными формами и равномерно распределены в профиле. Прожилки солей встречаются уже с глубины 25 см, в то время как в современных почвах соли вымыты из верхнего метрового слоя почвы.

Такого рода признаки свидетельствуют о крайне засушливых условиях почвообразования на водораздельных пространствах северных Ергеней в этот период. Столь интенсивная миграция водорастворимых компонентов к поверхности почвы и их аккумуляция в верхней части профиля возможны при отношении выпадающих осадков к испаряемости на уровне 0,3, что в настоящее время наблюдается в пустынной зоне.

Аналогичные природные условия отражает и погребенная почва кургана 6 могильника Аксай I (разрез Д-474), расположенного на первой надпойменной террасе р. Аксай. По комплексу свойств это лугово-каштановая солончаковатая несолонцеватая почва, и ее характерными особенностями также являются слабая текстурная дифференцированность профиля, отсутствие солонцеватости, невыраженность карбонатного профиля с отсутствием макроформ новообразо-

² Основное погребение 1 кургана 7 могильника Перегрузное 1 (рис. 2, 1), который находится на границе криволукского и лолинского ареалов, в обрядовом комплексе демонстрирует характерные черты обоих культурных образований. Яркой чертой криволукской обрядности в данном захоронении является нахождение в могиле кости конечности МРС (*Шарафутдинова*, 2001. С. 146; *Кияшко*, 2003. С. 235; *Мимоход*, 2004. С. 109; 2005. С. 72). Однако адоративная позиция костяка и подбойная конструкция могилы, являющиеся диагностирующими признаками лолинских погребений, позволяют рассматривать данный комплекс в контексте именно лолинской посткатакомбной традиции.

ваний. И в данном случае вскипание отмечается с поверхности. Легкорастворимые соли залегают с глубины 50 см. Весьма значительны запасы гипса, причем верхняя граница слоя гипсовой аккумуляции находится на уровне 60–63 см, максимум гипса в слое 60–100 см. По всей видимости, данная палеопочва формировалась в условиях более высокого уровня минерализованных грунтовых вод и весьма засушливого климата.

На южных Ергенях состояние почв в посткатакомбное время было аналогичным. Палеопочва кургана 10 могильника Манджикины 1 также определена как каштановидная карбонатная несолонцеватая солончаковая (разрез Д-530). Как мы наблюдали в более северных регионах, профиль данной палеопочвы характеризуется отсутствием признаков солонцеватости в горизонте В1, монотонностью окраски, расплывчатыми границами между горизонтами, малой гумусированностью. Палеопочва отличается повышенной щелочностью, вскипает с поверхности. Карбонатный горизонт без сегрегационных форм новообразований, запасы карбонатов очень значительны (более 16%). Палеопочва сильно засолена; прожилки легкорастворимых солей и гипса встречаются уже с глубины 25 см.

Таким образом, свойства палеопочвы посткатакомбного времени в этом могильнике весьма близки свойствам палеопочвы могильника Перегрузное 1, что может свидетельствовать об однотипности природных явлений на севере и юге Ергеней в посткатакомбное время и о соизмеримых масштабах этих явлений.

Этот вывод подтверждают свойства палеопочвы кургана 3 могильника Кевуды 1 (разрез Б-11), также территориально приуроченной к югу Ергеней. Они практически аналогичны рассмотренным выше свойствам палеопочвы могильника Манджикины 1. Как и в описанных выше случаях, для данной палеопочвы характерны отсутствие выраженных границ генетических горизонтов, монотонность окраски профиля, значительные запасы карбонатов, без обособления последних от почвенной массы, близкое к поверхности расположение верхней границы зоны аккумуляции легкорастворимых солей и гипса. Поэтому и в данном случае мы вправе сделать вывод о крайне засушливых условиях, имевших место на момент сооружения кургана.

Кубанская группа. В Центральном Предкавказье в этот период также сложились весьма неблагоприятные природные условия. Свойства палеопочвы кургана 1 могильника Каскадный 2 свидетельствуют о весьма засушливом климате посткатакомбного времени этого региона. В то время как фоновые почвы ключевого участка представлены литоземами черноземовидными, палеопочва посткатакомбного времени, по наличию текстурной дифференциации, характерной призматической структуры, представляет собой солонец каштанового типа (разрез Б-64). Почвы с подобными свойствами распространены сейчас на севере Ергеней, в сухостепной зоне.

Можно с уверенностью говорить, что развитие почв в исследуемом регионе в этот период протекало в условиях более аридного, по сравнению с современным, климата. Подтверждением тому являются большая засоленность почв, вскипание с глубины 23–32 см, более высокое расположение зоны аккумуляции гипса, – все эти факторы указывают на резкое преобладание восходящей миграции водорастворимых компонентов.

Обсуждение

Общими для всех исследованных палеопочв, расположенных в различных природных зонах и геоморфологических позициях, являются их высокие засоленность и карбонатность. Соле- и карбонатакопление – естественный результат усиления аридизации и связанного с ним перераспределения солей в профиле почвы при активизации восходящей миграции водорастворимых соединений и оловом переносе солей с акватории соленых морей и озер. Аридные условия второй половины III тыс. до н. э. реконструированы на основе палеопочвенных данных для Приволжской возвышенности и северной части Ергеней (*Борисов и др.*, 2006. С. 91–94; *Демкин и др.*, 2004. С. 41–43; *Демкина и др.*, 2003. С. 655–669), южной части Ергеней (*Демкин и др.*, 2002. С. 343–352), Центрального Предкавказья (*Александровский*, 1997. С. 22–29; *Александровский и др.*, 2001. С. 131–143) и ряда других природных районов (*Демкин и др.*, 1998. С. 148–157; 2001. С. 533–543; *Иванов, Васильев*, 1995. С. 190; *Александровский, Александровская*, 2005. С. 175–187). Для времени существования катакомбной культуры показан постепенный характер возрастания засушливости климата на протяжении середины и второй половины III тыс. до н. э. (*Борисов и др.*, 2005. С. 140–148). Максимум аридизации приходится на конец III тыс. до н. э. и совпадает с формированием блока посткатакомбных культурных образований.

Этот же период в сухостепной зоне Северного Кавказа характеризовался наступлением пустынно-степных и даже пустынных условий почвообразования. И лишь в предгорьях, на границе лес-степь, изменения климата на рубеже III–II тыс. до н. э. проявились не столь заметно; аридный период здесь продолжался до середины II тыс. до н. э. (*Александровский, Александровская*, 2005. С. 122, 123). В Северном Прикаспии в период с 4000 по 3700 л. н. резко активизировались оловые процессы (*Лаврушин и др.*, 1998. С. 55–62).

Аридизация этого периода подтверждается и палинологическими данными. К. В. Кременецким проведена реконструкция природной обстановки северной части Ергеней (*Кременецкий*, 1997. С. 31–35) на основе спорово-пыльцевого анализа отложений болота Харабулук. Согласно заключениям автора, наименее благоприятные условия существовали здесь между 4200 и 3500 л. н. В это время резко возросла степень континентальности климата, более чем на 50 мм сократилось количество осадков. Этим данным соответствуют и наблюдения других авторов (*Болховская*, 1990. С. 35). Следует отметить, что динамика развития климата, показанная К. В. Кременецким, в силу специфики источника (разрез болота) характеризует только наиболее крупные блоки климатических изменений. Пик аридизации климата, выявленный по палеопочвам посткатакомбных курганов данного региона, попадает в отрезок неблагоприятной климатической ситуации, реконструируемой по палинологическим данным, и занимает его позднейшую часть (3800–3600 л. н.). Близкая ситуация характерна и для Подонья (*Кременецкий*, 1997. С. 38, 39). Период максимальной аридизации в данном регионе по данным палинологии приходится на 3900–3800 л. н. (*Спиридонова*, 1991. С. 145–177). Конец данного интервала соответствует началу посткатакомбного времени, т. е. времени наиболее аридных палеопочв раннеолонинских курганов (Акса́й I, к. 6, Перегрузное 1, к. 7, Манджикины 1, к. 10, Кевюды 1, к. 3).

В Приазовье и южных районах Донбасса максимум засушливости климата отмечается также в посткатакомбное время, около 3700 л. н. (*Герасименко, 1997. С. 55*).

В целом же, судя по интенсивности трансформации почвенных свойств, максимально аридные условия почвообразования сложились именно на территории современной пустынно-степной зоны. В зонах черноземов и темно-каштановых почв Приволжской возвышенности и Центрального Предкавказья масштабы изменений почвенных свойств оказались заметно меньше, но и в этих регионах отмечается резкое усиление засушливости климата в посткатакомбное время. Так, палеопочва посткатакомбного времени кургана 1 могильника Каскадный 2 представляет собой солонец каштановый с хорошо дифференцированным профилем, маломощным верхним горизонтом, признаками сильного засоления и окарбоначивания верхней части профиля. Почвы подобного типа в настоящее время развиваются в условиях сухих – пустынных степей с нормой осадков на уровне 300–350 мм/год. На основании этого можно заключить, что в Центральном Предкавказье природные условия в посткатакомбное время были такими же, как в настоящее время на Ергенях. Иными словами, норма атмосферных осадков не превышала 300–350 мм/год, при современной норме осадков на уровне 500–550 мм/год. Следует отметить, что на сегодняшний день это единственный пример обнаружения аналогов почв посткатакомбного времени в современном почвенном покрове – пример, позволяющий с известной долей условности судить о масштабах природных изменений на рубеже III–II тыс. до н. э.

На севере сухостепной зоны интенсивность проявления аридизации климата в это время была, вероятно, меньше. Так, палеопочва кургана 6 могильника Линево 1 в целом соответствует современным аналогам. Однако значительные запасы карбонатов и гипса в профиле этой палеопочвы свидетельствуют о том, что в ее развитии имел место аридный период, сменившийся более гумидными условиями почвообразования незадолго до ее погребения. В этом отношении показательна относительная датировка линевского комплекса. Погребенный сопровождался пряжкой, которая характерна для второго этапа развития бабинских культур (рис. 2, 1). Комплексы этого времени непосредственно предшествуют времени памятников покровского типа, которое характеризуется гумидными условиями, наступившими после резко аридного периода (*Демкин и др., 2001*). Таким образом, поздняя датировка палеопочвы кургана 6 могильника Линево 1 вполне согласуется с рубежным состоянием окончания аридизации – начала гумидизации климата, имевшим место в финале существования посткатакомбных памятников³. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем ни одного палеопочвенного определения для курганов бабинских культур. И если посткатакомбные палеопочвы Нижнего Поволжья и степного Предкавказья однозначно демонстрируют пик аридности, названный даже «самым масштабным палеоэкологическим кризисом за последние 6000 лет» (*Борисов и др., 2006*).

³ Но здесь следует признать, что достоверность такого рода заключений не может быть высокой в силу большей консервативности и недостаточно изученной сенсорности почв тяжелого гранулометрического состава, сформированных на выходах коренных пород.

С. 194), то о соответствующих изменениях климата на бабинском посткатакомбном пространстве мы можем судить лишь по косвенным данным. По мнению украинских коллег, резкую аридизацию климата в Северо-Восточном Приазовье иллюстрирует система расселения носителей бабинской культуры. В это время более засушливая Приазовская низменность оказывается фактически незаселенной, а бабинские памятники сосредоточены на Приазовской возвышенности (Литвиненко, 1994. С. 29; 1999. С. 21; Горбов, 2000. С. 55, 59). До и после посткатакомбного времени Приазовская низменность являлась хорошо освоенной носителями ингульской и срубной культур (Литвиненко, 1999. Рис. 1; Санжаров, 2001. Рис. 1. С. 71, 72). И еще раз напомним о немаловажном факте, установленном по почвенным разрезам на памятниках Северо-Восточного Приазовья. Слой, демонстрирующий наиболее аридный климат в эпоху средней бронзы (Герасименко, Горбов, 1996. С. 47; Герасименко, 1997. С. 31, 55), был датирован методом ^{14}C . Полученная дата – 3720 ± 90 – четко соответствует радиоуглеродным данным начальной фазы бытования посткатакомбных памятников (см. ст. Р. А. Мимохода в наст. сборнике).

Заключение

До выделения посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье и степном Предкавказье как самостоятельных культурных образований (Мимоход, 2004. С. 108–114; 2005. С. 70–74; 2006. С. 249–253) они рассматривались в рамках катакомбной и позднекатакомбной культурных традиций, реже срубной. Обособление комплексов финала средней бронзы в пределах узкого культурно-хронологического горизонта позволило по-новому взглянуть не только на культурную ситуацию рубежа среднего и позднего периодов эпохи бронзы юга Восточной Европы, но и на проблему историко-культурной хронологической позиции суббореальной аридизации. К настоящему времени исследовано шесть палеопочв в Нижнем Поволжье и Степном Предкавказье, датированных посткатакомбным временем. Все они отражают крайне засушливые природные условия. Имеются косвенные и прямые свидетельства аналогичных климатических изменений и для восточной части территории днепро-донской бабинской культуры. В этой связи весьма характерен тот факт, что ни в предыдущий, ни в последующий периоды в почвенном покрове исследованных регионов нами не встречены почвы, развитие которых происходило бы в столь засушливых условиях. Катакомбная эпоха в целом, и особенно ее поздний этап, характеризовалась весьма аридными условиями, хорошо доказанными для многих природных районов (Александровский и др., 2001. С. 139; Александровский, Александровская, 2005. С. 124; Борисов и др., 2005. С. 146, 147; 2006. С. 153; Герасименко, 1997. С. 60; Демкин, 1997. С. 152; Демкин и др., 2002. С. 343–352; Иванов, Васильев, 1995. С. 147–153; Кременецкий, 1997. С. 43, 44; Лаврушин и др., 1998. С. 49–64; Спиридонова, 1991. С. 145–177). Однако все исследованные палеопочвы катакомбного времени, несмотря на явные признаки аридизации, все же отражают менее засушливые условия по сравнению с таковыми в посткатакомбное время. В свою очередь, многочисленные примеры палеопочв следующего культурного пласта – покров-

ского времени – несут в себе реликтовые признаки, свидетельствующие о том, что незадолго до их погребения произошла смена аридных условий почвообразования более гумидными (Демкин и др., 1998. С. 155, 156; 2001. С. 540–543; 2004. С. 41–47; Александровский, Александровская, 2005. С. 124).

Отсюда мы вправе сделать вывод, что прогрессирующая аридизация климата во второй половине III тыс. до н. э. совпала с периодом существования катакомбной общности. Исчезновение катакомбной культурной традиции и появление блока посткатакомбных культурных образований приходится на период экстрааридных условий. Финал посткатакомбного мира соответствует началу гумидизации климата, совпадающему с появлением памятников покровского типа (горизонт колесничных культурных образований). Столь прочную на данный момент корреляцию между экстрааридным климатом и появлением посткатакомбных памятников можно рассматривать в рамках причинно-следственной связи. Авторы отдают себе отчет в том, что имеющихся на сегодняшний день сведений о состоянии палеопочв в посткатакомбное время не достаточно для окончательных выводов, и поэтому предлагают рассматривать изложенные соображения как перспективный вектор научного поиска и дальнейшей интеграции археологии и почвоведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., 1997. Степи Северного Кавказа в голоцене по данным палеопочвенных исследований // Степь и Кавказ: Тр. ГИМ. Вып. 97.
- Александровский А. Л., Александровская Е. И., 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.
- Александровский А. Л., Белинский А. Б., Калмыков А. А., Корневский С. Н., Ван дер Плихт Й., 2001. Погребенные почвы Большого Ипатовского кургана и их значение для реконструкции палеоклимата // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М. Вып. 2.
- Болиховская Н. С., 1990. Палеоиндикация изменений ландшафтов Нижнего Поволжья в последние 10 тысяч лет // Каспийское море: Вопросы геологии и геоморфологии. М.
- Борисов А. В., Демкина Т. С., Демкин В. А., 2006. Палеопочвы и климат Ергеней в эпоху бронзы (IV–II тыс. до н. э.). М.
- Борисов А. В., Ельцов М. В., Шишлина Н. И., Демкина Т. С., Демкин В. А., 2005. Палеопочвенные исследования курганов катакомбной культуры (вторая половина III тыс. до н. э.) в Калмыкии // Почвоведение. № 2.
- Борисов А. В., Ковда И. В., Белинский А. Б., Ляхов С. В., Демкин В. А. Слитые почвы Центрального Предкавказья в третьем тысячелетии до н. э. // Почвоведение. В печати.
- Герасименко Н. П., 1997. Природная среда обитания человека на юго-востоке Украины в позднеледниковье и голоцене (по материалам палеогеографического изучения археологических памятников) // Археологический альманах. Донецк. № 6.
- Герасименко Н. П., Горбов В. Н., 1996. Хроностратиграфия и палеоэкология эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): Мат. междунар. конф. Донецк. Ч. 2.
- Горбов В. Н., 2000. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. Донецк.
- Демкин В. А., 1997. Почвоведение и археология // Пушино: ОНТИ НЦБИ АН СССР.

- Демкин В. А., Алексеева Т. В., Демкина Т. С., Алексеев А. О.*, 2001. Палеопочвенные исследования загадочного памятника древней истории в излучине Дона // Почвоведение. № 5.
- Демкина Т. С., Борисов А. В., Демкин В. А.*, 2003. Палеопочвы и природная среда Северных Ергеней в эпоху энеолита и бронзы (IV–II тыс. до н. э.) // Почвоведение. № 6.
- Демкин В. А., Демкина Т. С., Борисова М. А., Шишлина Н. И.*, 2002. Палеопочвы и природная среда Южных Ергеней в конце IV – III тыс. до н. э. // Почвоведение. № 6.
- Демкин В. А., Дергачева М. И., Борисов А. В., Рысков Я. Г., Олейник С. А.*, 1998. Эволюция почв и изменение климата восточноевропейской полупустыни в позднем голоцене // Почвоведение. № 2.
- Демкин В. А., Ельцов М. В., Якимов А. С., Борисов А. В., Демкина Т. С.*, 2006. Природные условия в верховьях бассейна Медведицы в эпохи бронзы и средневековья (по материалам палеопочвенных исследований курганного могильника Линево в Волгоградской области) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград. Вып. 3.
- Демкин В. А., Сергацков И. В., Демкина Т. С., Борисов А. В.*, 2004. Динамика природных условий и древнее население восточноевропейских степей с эпохи бронзы до средневековья // Изв. АН. Сер. геогр. № 3.
- Иванов И. В., Васильев И. В.*, 1995. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.
- Кияшко А. В.*, 2003. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 6.
- Кременецкий К. В.*, 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.
- Кременецкий К. В.*, 1997. Природная обстановка голоцена на Нижнем Дону и в Калмыкии // Степь и Кавказ: Тр. ГИМ. Вып. 97.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д.*, 1998. Геолого-палеоэкологические события севера аридной зоны в последние 10 тысяч лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Литвиненко Р. А.*, 1994. О раннем горизонте погребений срубной культуры северо-восточного Приазовья // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: Тез. докл. междунар. конф. Днепропетровск.
- Литвиненко Р. А.*, 1999. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк
- Литвиненко Р. О.*, 2003. Культурно-таксономічний статус пам'яток типу Бабіне III // Історичні і політологічні дослідження. № 3/4.
- Литвиненко Р. А.*, 2006. Днепо-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. № 5.
- Мимоход Р. А.*, 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археолог. конф.: Тез. докл. Волгоград.
- Мимоход Р. А.*, 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы та дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ.
- Мимоход Р. А.*, 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Древние культуры Кавказского Причерноморья: Первая абхазская междунар. археолог. конф.: Мат. Сухум.
- Санжаров С. Н.*, 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Спиридонова Е. А.*, 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.
- Шарафутдинова Э. С.*, 2001. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат. междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» (23–28 апреля 2001 г.). Самара.

Д. Н. Селиверстов, Ю. А. Чекменев

РАЗВИТИЕ РЕЦЕПТУРЫ КЕРАМИЧЕСКИХ МАСС
В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КАТАКОМБНОЙ, АБАШЕВСКОЙ,
ВОРОНЕЖСКОЙ И СРУБНЫХ КУЛЬТУР
ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ)

D. N. Seliverstov, Yu. A. Chekmenev. Development of pottery paste recipes in the Middle and Late Bronze Ages (on the materials of Catacomb, Abashevo, Voronezh, and Timber-grave cultures in the Don forest-steppe)

Abstract. The paper is devoted to the analytical investigation of the Bronze Age cultures' pottery from the forest-steppe area of the Don basin. The results of three analytical methods (microscopic visual, X-ray structural, and chemical) are presented. Totally over 50 vessels from stratified burial associations and settlements have been analysed. They belong to the Middle Don Catacomb culture, the Don-Volga Abashevo culture, Voronezh culture, and the Don Timber-grave cultures. The late Catacomb, Abashevo, Voronezh, and Timber-grave potters used for making paste pure plastic clay with grog admixture. It is shown that by the period of formation of the Late Bronze Age Timber-grave culture on the Middle Don specific technology of pottery-making had been worked out by the craftsmen of the Middle Don Catacomb culture.

Ключевые слова: керамическое производство, формовочная масса, средний бронзовый век, поздний бронзовый век, Средний Дон, микроскопический анализ, химический анализ, рентгено-структурный анализ, производственная традиция.

На изучение керамики эпохи бронзы Донской лесостепи значительное влияние оказало развитие представлений о хронологической последовательности археологических культур.

Анализ материалов эпохи бронзы Лесостепного Подонья с позиции стадильности позволил Г. В. Подгаецкому рассматривать катакомбную и срубную культуры как два хронологических этапа (стадии) развития единого населения (*Подгаецкий*, 1937. С. 160).

В начале 1960-х гг. П. Д. Либеров с позиции поиска местных корней сложения культур раннего железного века анализирует материалы бронзового века Среднего Дона. Отдельные элементы погребального обряда скифского времени он выводит из среднедонской катакомбной культуры, что приводит автора к заключению о доживании последней до раннего железного века и синхронизации трех культур – катакомбной, абашевской и срубной (*Либеров*, 1964).

Со второй половины 1960-х гг. оппонентом П. Д. Либерова выступает А. Д. Пряхин. Исходя из стратиграфических наблюдений над распределением материалов на поселениях Масловском, у Вогресовской дамбы, Боровском и Чижовском 4, а также в курганных могильниках Сады, Средняя Опочка, Владимировка, Частые Курганы, он расположил катакомбную, абашевскую и сруб-

ную культуры в хронологической последовательности (Пряхин, 1971. С. 186, 187, 189).

Уже при выделении памятников воронежской культуры А. Д. Пряхин отмечал катакомбное и абашевское влияние на ее материалы, что привело к определению ее хронологической позиции между среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской археологическими культурами (Пряхин, 1982. С. 136, 137). Позднее А. Д. Пряхин и Ю. П. Матвеев синхронизируют ее существование с финальным этапом среднедонской катакомбной и раннеабашевским доно-волжской абашевской археологических культур (Пряхин, Матвеев, 1988. С. 143).

А. Д. Пряхин выделяет группу синкретических абашево-срубных комплексов (Пряхин, 1977. С. 119). Эта концепция, разработанная А. Д. Пряхиным и Ю. П. Матвеевым, обосновывает эволюционное развитие доно-волжской абашевской культуры в донскую лесостепную срубную. Переходные материалы в зависимости от степени культурного влияния названы абашево-срубными и срубно-абашевскими (Пряхин, Матвеев, 1988. С. 134).

В свете этой концепции были проведены исследования керамических материалов доно-волжской абашевской и срубной археологических культур (Пряхин, Беседин, 1990; Львович, Беседин, 1991; Беседин, 1991; 1994). Особое внимание уделяется анализу формовочных масс, которые были выдвинуты как основной критерий культурного определения материала. Для срубно-абашевской керамики отмечается сосуществование двух технологических традиций добавления непластичных примесей – толченой раковины и шамота. Авторы указывают, что традиция добавления раковины восходит к репинской археологической культуре и является диагностирующим признаком абашевской керамики (Львович, Беседин, 1991. С. 52).

В своих публикациях, посвященных катакомбно-абашевскому и абашево-срубному взаимовлиянию, Ю. П. Матвеев указывает на заимствование абашевским населением катакомбной рецептуры формовочных масс с добавлением шамота (Матвеев, 1988; 1999). Автор признает синхронность катакомбной и абашевской культур в Донской лесостепи, но между позднекатакомбными и раннесрубными комплексами предполагает хронологический разрыв.

Иную позицию последовательно отстаивает А. Т. Синюк. Он синхронизирует памятники доно-волжской абашевской культуры с памятниками среднедонской катакомбной культуры на всех этапах существования. Воронежская культура, рассматриваемая как развитие иванобугорских памятников, также синхронна катакомбной и абашевской культурам (Синюк, 1996). Следовательно, традиции этих трех культур лежат в основе формирования срубной (Синюк, Погорелов, 1985; Синюк, 1991; 1996).

В данном исследовании мы постарались объединить результаты трех методов анализа керамики: микроскопического (визуального), рентгеноструктурного и химического. Проанализировано более пятидесяти сосудов из стратифицированных погребальных комплексов и поселений среднедонской катакомбной, доно-волжской абашевской, воронежской и донской срубной археологических культур.

Ряд исследователей отмечает, что исходное сырье для изготовления гончарных изделий имеет местную географическую привязку. Наличие большого

количества выходов глинистых образований по всей территории расселения людей эпохи бронзы, рецептура формовочных масс и способ производства не предполагали доставку этого сырья из других мест. Характеризуя формовочную массу, исследователи отмечают, что посуда всегда изготовлена из глины с примесью большого количества песка, отчего она становится плотной и тяжелой (Березанская, 1982).

Таблица 1. Состав формовочных масс и типов глин керамических материалов по данным бинокулярного анализа

Культура	Тип глины	Состав формовочной массы
Среднедонская катакомбная	тощие, жирные	гл+П; гл+Ш; гл+Ш+М; гл+Др
Доно-волжская абашевская	жирные; тощие (миниатюрные сосуды)	гл+Р; гл+П
Воронежская	жирные	гл+Ш+Нж
Донская срубная	жирные	гл+Ш+Нж

Микроскопический анализ дал нам следующие результаты.

1. Отбор исходного сырья:

а) по цвету глин, обожженных в окисленной среде, все исследуемые образцы имеют с внешней стороны бурый цвет, что позволяет отнести их к железненным глинам;

б) по концентрации естественных примесей песка исследуемые образцы относятся к запесоченным (на 2–3 части глины – 1 часть песка).

2. Составление формовочных масс:

а) простые рецепты – гл+Ш; гл+П; гл+Р; гл+М; гл+Др;

б) сложные рецепты – гл+Ш+Нж; гл+П+Нж; гл+Ш+М¹.

Таблица 2. Состав формовочных масс керамических материалов по данным химического анализа

Культура	Хронологические этапы	Наименование памятника	Химический анализ состава		
			Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	%П.П.
Катакомбная	Ранний (павловский)	Замятино пос.	15,7	5,6	7,8
		Замятино пос.	16,9	7,1	4,5
	Развитый (валиковый)	Усманка 2 пос.	22,9	7,1	13,2
		Мостище пос.	12,8	5,7	3,5
		Каменка Садовка, к.15, п. 2	14,94	2,25	8,18
	Поздний	Балахнинское пос.	18,8	6	8,5
Балахнинское пос.		18,9	5,6	4,6	

¹ Условные обозначения: гл – глина; Ш – шамот; П – песок; Р – ракушка; М – мел; Др – дресва; Нж – навоз, органическая примесь растительного происхождения.

Таблица 2 (окончание)

Абашевская	Ранний	Мостище пос.	12,24	5,3	15
Срубная	Ранний	Каменка Садовка, к. 18, п. 2	13,2	6,45	6,4
		Дубовка пос.	13,5	5,2	8,8
		Балахнинское пос.	13,9	6,7	7,1
		Каменка Садовка, к. 18, п. 1	17,7	5,15	8,5

Химическим анализом выявлено высокое содержание в исследуемых образцах оксида алюминия. Все образцы изготовлены из сырья, относящегося к полуокислым глинам с высоким содержанием оксида железа, окрашивающего черепок в бордовый цвет. Исследуемая керамика характеризуется высокой потерей при прокаливании, что не характерно для обожженной керамики. Это свидетельствует о большом количестве органики в керамическом материале.

Некоторые образцы изготовлены из суглинков. При добавлении органических примесей гончары добивались пластичности формовочной массы. Такие формовочные массы использовались при изготовлении сосудов малых форм и в обмзках. Подобная формовочная масса оптимально функциональна. Данное явление подтверждено экспериментально.

По нашему мнению, использование разных отошителей является индикатором разных гончарных традиций, присущих определенным археологическим культурам.

Для характеристики сырья формовочных масс керамики эпохи бронзы производился забор глинистых масс в овражных срезах близ археологических памятников. Рентгеноструктурный анализ образцов глин дал нам следующие результаты: в образцах, взятых с поверхности, преобладает монтмориллонит, количество которого увеличивается снизу вверх, что делает невозможным использование их в гончарстве. Образцы из выработок (с глубин от 0,5 м) по своему химическому составу аналогичны образцам керамики – гидрослюдисто-коаллинито-монтмориллонитовые.

Отличительной особенностью позднекатакомбных, абашевских, воронежских и срубных гончарных комплексов является использование в качестве сырья чистой, жирной, пластичной (более качественной) глины, по своим характеристикам приближающейся к тугоплавким. Эти глины являются четвертично-неогеновыми отложениями, широко представленными в осадочном чехле (*Савко, Холмовой, Шаршов, 2005. С. 282*). Их добыча возможна с глубины от 1,5 м, что свидетельствует об усложнении процесса добычи сырья. Эти глины при формовке подвергаются значительной усадке и требуют более высокой температуры обжига (до 900°C). Введение в формовочную массу шамота в пропорции 1:2 снижает степень усадки и температуру обжига. Это дает основание предположить, что исследуемая керамика относится к археогончарным производствам, где глина выполняет функцию основного пластического сырья (*Бобринский, 1999. С. 76*).

Использование этих глин и шамота в керамике среднедонской катакомбной и доно-волжской абашевской археологических культур на территории Донской

Лесостепи позволяет предположить появление новой технологии в гончарном производстве, что происходит на втором (валиковом) этапе ее бытования.

Это же явление прослеживается и на материалах воронежской культуры, которая хронологически совпадает со вторым и третьим этапами развития местной катакомбной культуры (Пряхин, 1982. С. 136; Беседин, 1984. С. 74).

Следовательно, к моменту формирования срубных древностей на Среднем Дону мы фиксируем новую технологию гончарного производства, появившуюся на развитом и позднем этапах среднедонской катакомбной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Березанская С. С.*, 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.
- Беседин В. И.*, 1984. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточно-Европейской Лесостепи. Воронеж.
- Беседин В. И.*, 1991. Некоторые технологические особенности позднеабашевской керамики лесостепного Подонья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Беседин В. И.*, 1994. Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуры лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область: Мат. III Рыковских чтений. Саратов.
- Бобринский А. А.*, 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара.
- Либеров П. Д.*, 1964. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.
- Львович Е. А., Беседин В. И.*, 1991. Формовочные массы керамики абашевских и срубных памятников лесостепного Подонья // Мосоловское поселение в системе памятников степи и лесостепи. Воронеж.
- Матвеев Ю. П.*, 1998. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж.
- Матвеев Ю. П.*, 1999. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Евразийская лесостепь в эпоху металла: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Подгаецкий Г. В.*, 1937. Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936. М.
- Пряхин А. Д.*, 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А. Д.*, 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А. Д.*, 1982. Поселения катакомбного времени Лесостепного Подонья. Воронеж.
- Пряхин А. Д., Беседин В. И.*, 1990. Развитие традиций керамического производства населения срубной культурно-исторической общности (по данным Мосоловского поселения) // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Луганск.
- Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.*, 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж.
- Савко А. Д., Холмовой Г. В., Шаршов С. А.*, 2005. Некоторые закономерности размещения неметаллических полезных ископаемых в новейших континентальных формациях // Нерудные полезные ископаемые Черноземья: Тр. Науч.-исслед. ин-та геологии ВГУ. Воронеж. Вып. 31.
- Синюк А. Т.*, 1991. К проблеме хронологического соотношения абашевской, катакомбной и срубной культур в бассейне Дона // Древние общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Киев.
- Синюк А. Т.*, 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.
- Синюк А. Т., Погорелов В. И.*, 1985. Периодизация срубной культуры Среднего Дона // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

ЭПОХА БРОНЗЫ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

Р. М. Мунчаев, Ш. Н. Амиров

СИРИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН: ИЗ ИТОГОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЕЛЛЬ ХАЗНЫ I

R. M. Munchaev, Sh. N. Amirov. Syrian expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (on the results of investigations at Tell Hazna I)

Abstract. The paper is devoted to the researches carried on in the North-Eastern Syria, mostly concentrated at stratified urban settlement Tell Hazna I. The site's stratigraphic sequence includes cultural deposits of the Ubaid and Uruk epochs, and the Early Dynastic I. Economic and social development in the second part of the 4th mill. BC was accelerated by favourable climatic conditions. The obtained materials reflect early stages of formation of state-like structures in the Habur steppe that was finally shaped in the second part of the 3rd mill. BC. The existence of social elite is evidenced by the monumental administrative and religious complex built at the turn of the 4th and 3rd mill. BC. But the process of social development was stopped by serious aridization of climate that had undermined material welfare of the population, and, finally, caused the site abandonment in the late ED I (around 2700 BC). For some time the territory of the settlement was still used as a burial place.

Ключевые слова: Северо-восточная Сирия, многослойный археологический памятник, городское поселение, убейдский период, урукский период, раннединастический период, административно-храмовый комплекс, климатические изменения

В 1987–2009 гг., после многолетних (1969–1985 гг.) раскопок в Ираке, экспедиция ИА РАН провела ширококомасштабные полевые работы на смежной территории Северо-Восточной Сирии, в провинции Хассаке САР, близ населенных пунктов Аляви и Хазна. Основным объектом исследований экспедиции в течение отмеченного периода являлось многослойное поселение Телль Хазна I, расположенное в нижней части русла вади Ханзир – правого притока Джаг-джага, впадающего в Хабур – основной приток Евфрата (рис. 1; 2). Телль Хазна I – это довольно большой округлый холм диаметром в среднем 200 м при высоте 17 м. Толщина его культурного слоя достигает 16–16,5 м. Нижняя часть отложений, мощностью до 4 м, относится к убейдской и урукской культурам, а остальная, вышележащая, принадлежит первому раннединастическому периоду, РД I (конец IV – первая треть III тыс. до н. э.). Кроме того, экспедиция исследовала в течение нескольких сезонов поселение Телль Хазна II, расположенное в 1 км южнее Хазны I, и провела разведки вдоль нижнего течения вади Ханзир.

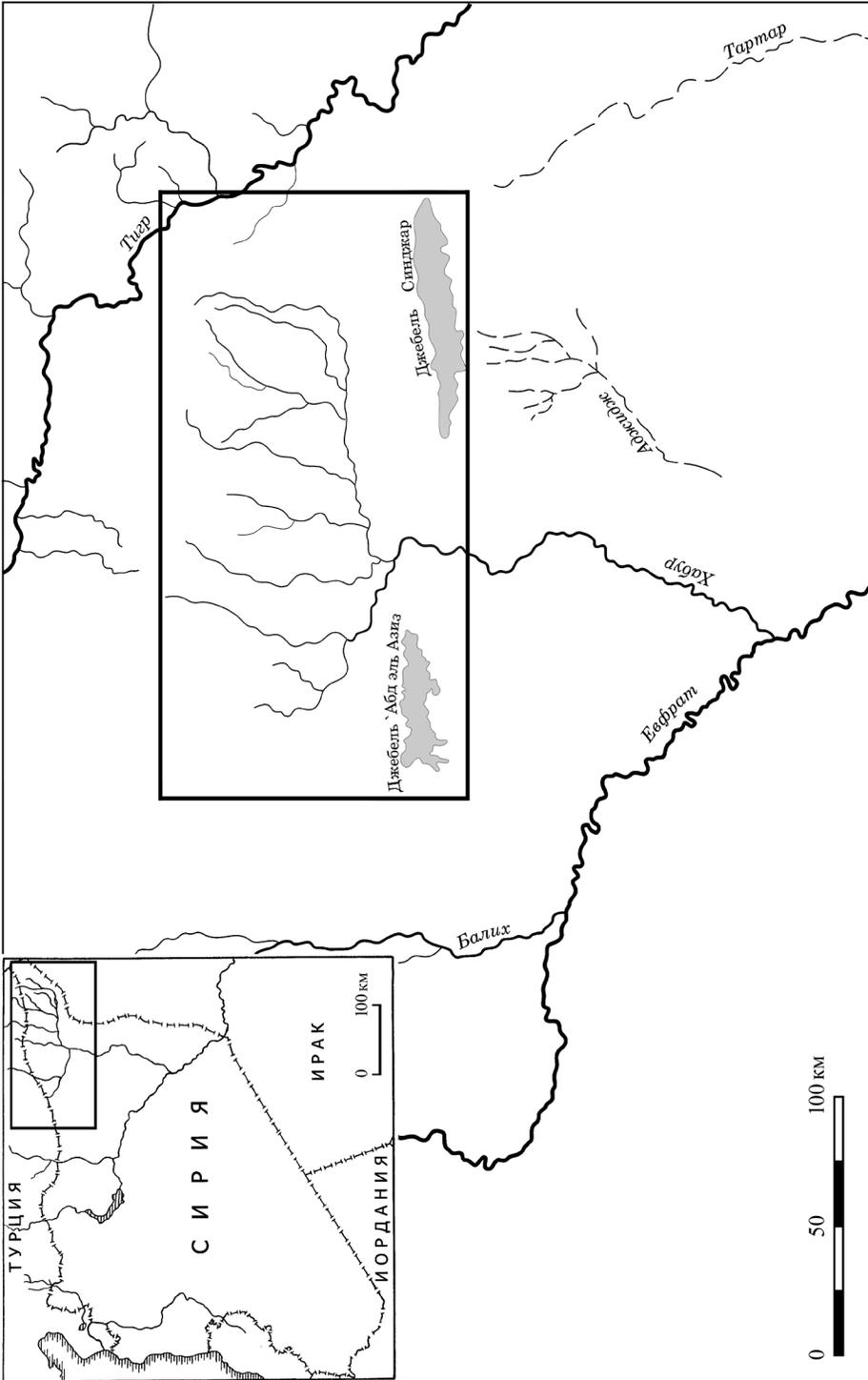

Рис. 1. Хабурская степь Северной Месопотамии

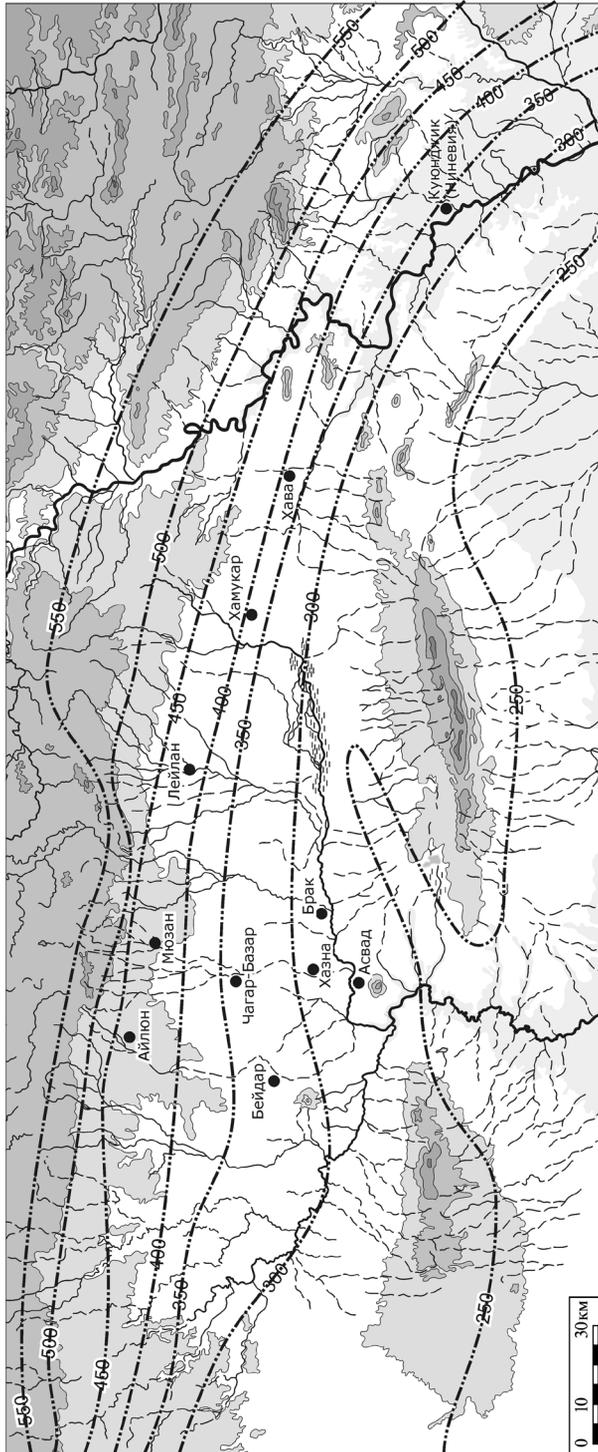

Рис. 2. Восточная Дажыра. Распределение годовых осадков

По распределению осадков и системы вегетации степи Северной Месопотамии и района «хабурского треугольника» в настоящее время могут быть разделены на две зоны. Северная часть наиболее благоприятна для занятий земледелием. Здесь выпадает в среднем от 350 до 500 мм годовых осадков – это зона устойчивого неполивного земледелия, где ежегодно гарантировано получение высокого урожая зерновых. Южная часть «хабурского треугольника», где выпадает 350–250 мм годовых осадков, является маргинальной даже в современных условиях развития сельскохозяйственных технологий. В районе Телль Хазны I в настоящее время фиксируется в среднем 289 мм годовых осадков, это зона рискованного неполивного земледелия (рис. 2).

Исследования палеоклимата свидетельствуют о едином ритме колебаний увлажненности и аридизации в обширной полосе субтропической и тропической зон Северного полушария в эпоху голоцена. Наиболее чувствительно колебания климата отражаются на судьбе сельскохозяйственных памятников, расположенных в аридной зоне, маргинальной для неполивной культивации растений. Район нижнего течения вади Ханзир, где расположено поселение Телль Хазна I, находится в середине этой 50-километровой зоны, поэтому характер распределения разновременных памятников в исследуемом районе должен наиболее объективно отражать имевшие место климатические сдвиги (*Амиров*, 2000а. С. 5–17).

Помимо раскопок поселений Хазна I и II, экспедиция провела разведки вдоль русла вади Ханзир, от места его слияния с Джаг-джагом на юге до поселения Чагар Базар на севере (*Амиров*, 2000б. С. 30–46). На Телль Хазне II выявлен раннехассунский слой конца VII–VI тыс. до н. э., мощностью до 3 м, что указывает на стационарный, сельскохозяйственный характер поселения. Он перекрыт слоем халафской культуры, датированным концом VI – началом V тыс. до н. э. Мощность халафского слоя менее 1 м, что резко отличает его от стандартных халафских поселков с многометровым культурным слоем и позволяет интерпретировать его как стоянку, выдвинутую в сухую степь и связанную с сезонными откочевками скота. Южная граница распространения сельскохозяйственных поселков халафской культуры, как и современная граница гарантированного урожая в условиях неполивного земледелия, находится в зоне, где в настоящее время выпадает не меньше 320–350 мм годовых осадков, в 20 км севернее Телль Хазны, на широте поселения Чагар Базар. Севернее Чагар Базара халафские поселения многочисленны.

В нижнем течении вади Ханзир позднеубейдские материалы имеются в основании культурного слоя Телль Хазны I. В то же время отмечено 11 памятников с урукским слоем. В верхнем течении вади Ханзир, в северной части Хабурской степи, отмечено 15 убейдских и 8 урукских памятников.

Один из пиков заселенности Хабурской степи, включая и южную часть, находящуюся ныне в маргинальной для неполивного земледелия полосе, приходится на вторую половину IV – первую половину III тыс. до н. э. Гумидизация климата, отмеченная с начала IV тыс. до н. э., имела следствием активное заселение территории в нижнем течении вади Ханзир. Климатические условия этого района оставались достаточно благоприятными и в первой трети III тыс. до н. э. Об этом говорит тот факт, что на всех 11 памятниках нижнего течения вади Ханзир, где была обнаружена керамика урукского времени, жизнь продолжалась и

в раннединастический период. Собранные здесь керамика датируется временем раннединастического периода I–II. Керамика второй половины III тыс. до н. э. на этих памятниках отсутствует. Нет ее и среди материалов разведок. В то же время, в верхнем течении вадии Ханзир отмечено 12 памятников, содержащих слои III тыс. до н. э., включая материалы второй половины III тыс. до н. э.

Таким образом, хассунские памятники VII–VI тыс. до н. э. могут быть обнаружены на всей площади Хабурской степи. Распространение халафских и убейдских памятников ограничено на юге широтой Чагар Базара. Памятники второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э. распределены равномерно вдоль всех притоков Хабура. В то же время, памятники второй половины III тыс. до н. э. вдоль нижнего течения вадии Ханзир отсутствуют. Памятники первой половины II тыс. до н. э. зафиксированы вдоль всего течения вадии Ханзир.

На основании имеющихся данных можно утверждать, что в нижнем течении вадии Ханзир в VI тыс. до н. э. выпадало не менее 320–350 мм годовых осадков, что позволяло получать гарантированный урожай даже в условиях относительно низкой эффективности древнейшего земледелия. В V тыс. до н. э. ситуация была близкой к современной: район находился за пределами зоны гарантированной урожайности, и граница зоны устойчивого неполивного земледелия проходила в 20 км севернее, там же, где и в настоящее время. В начале IV тыс. до н. э. климат начинает меняться в сторону увлажнения. Один из периодов максимального увлажнения пришелся на конец IV – начало III тыс. до н. э., после чего начался процесс аридизации, который занял достаточно длительный промежуток времени. Критической отметки он достиг около середины III тыс. до н. э., когда стало выпадать менее 300 мм годовых осадков и население покинуло район Телль Хазны. Жизнь здесь возродилась только через 500–700 лет (*Амиров, 2000а. С. 5–17*).

Памятники нижнего течения вадии Ханзир можно разделить по размерам на три группы (*Амиров, 1999. С. 60–70*). Одиннадцать из них имеют размеры от 1 до 2 га, четыре – от 2 до 3 га, и два – свыше 10 га. В группу поселений площадью 2–3 га попадают те, на которых обязательно фиксировалась хабурская керамика первой половины II тыс. до н. э., т. е. своих максимальных размеров эти памятники, скорее всего, достигали в это время. Памятники конца IV – начала III тыс. до н. э., не перекрытые слоями II тыс. до н. э., в районе нижнего течения вадии Ханзир всегда имеют площадь от 1 до 2 га.

Картографирование поселений в низовьях вадии Ханзир позволило измерить расстояния между памятниками второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э. Было отмечено, что они расположены группами по 2–3 телля. Расстояние между группами равняется 3,5–4 км. Внутри группы расстояние между поселениями варьирует от 0,8 до 1,5 км. Как правило, в каждой группе одно поселение крупнее остальных. Такая система расселения и различные размеры поселков могут говорить о начале сложения в первой четверти III тыс. до н. э. поселенческой иерархии и начале формирования трехступенчатой системы администрирования (*Амиров, 1999. С. 60–70*).

В районе нижнего течения вадии Ханзир есть только два крупных поселения указанного времени, которые могут претендовать на звание «номового» центра, – это Чагар Базар и Телль Асвад, расположенные в границах обследованной

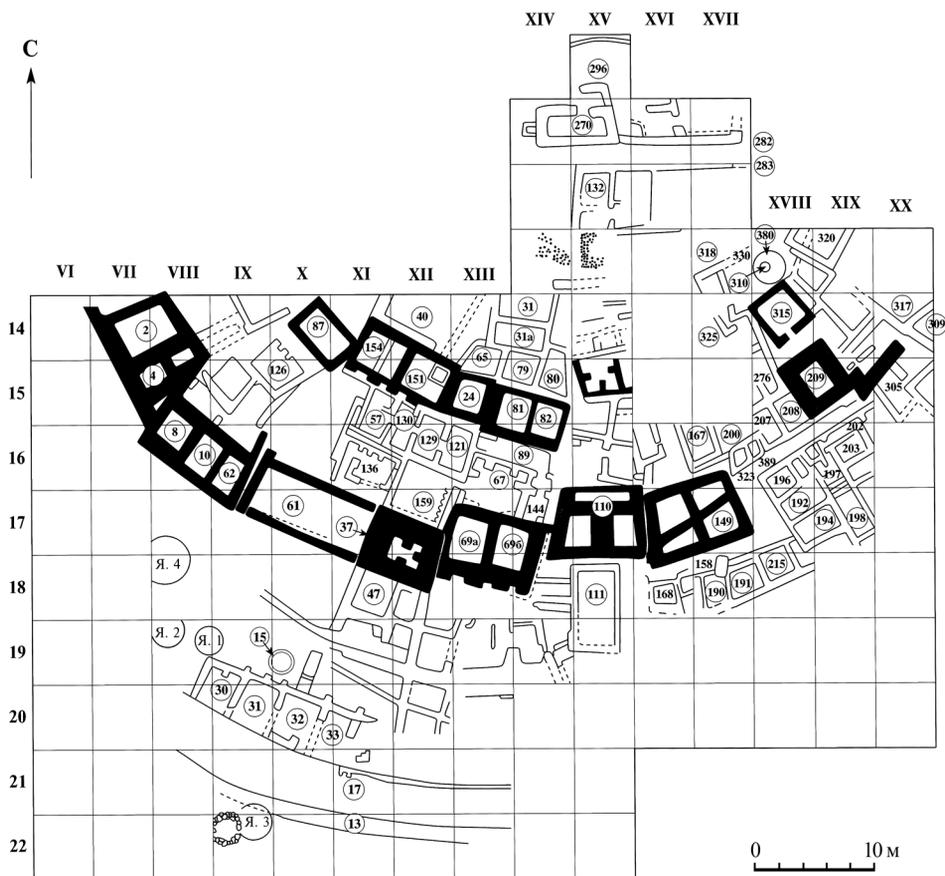
территории. Все мелкие поселения между ними находились в орбите влияния одного из этих двух центров.

Развитая трехступенчатая иерархия поселений – с первичными и вторичными центрами и сателлитами – складывается в Хабурской степи к середине III тыс. до н. э. Для поселений Хабурской степи второго и третьего таксономических уровней (это поселения с храмовыми комплексами и рядовые «деревенские» поселения) в первой половине III тыс. до н. э. размерные группы не являются очевидными. Здесь показательны поселения, расположенные в нижнем течении вادي Ханзир. Хотя, как показывают раскопки Хазны I и Хазны II, иерархическая соподчиненность поселений здесь могла существовать уже в это время. В силу того, что в жизнь на этих поселениях прекратилась до середины III тыс. до н. э., когда система административной иерархии только начинала складываться, она еще не нашла законченного выражения в оформлении размеров поселений, имеющих различный статус.

В контексте анализа материальной культуры община Телль Хазны I может быть охарактеризована как автохтонная популяция, населявшая регион нижнего течения вادي Ханзир с начала IV тыс. до н. э. В развитии экономики община Телль Хазны I опиралась исключительно на местные земледельческие ресурсы и к началу III тыс. до н. э. достигла достаточно высокого уровня социальной организации и администрирования. Об этом свидетельствуют монументальная общественная архитектура и функции распределения общественного продукта, сосредоточенные в руках общинной элиты. Несмотря на очевидную сложность организации общины Телль Хазны I конца IV – начала III тыс. до н. э., свидетельства социальной иерархии довольно ограничены. А предметы роскоши, аналогичные обнаруженным на городских поселениях Джезиры, вообще отсутствуют. Судя по всему, социальная дифференциация общины еще не достигла уровня ярко выраженного индивидуального имущественного расслоения.

Центральную часть поселения Телль Хазны I составляет комплекс массивных, плотно примыкающих друг к другу сооружений, которые образуют в плане овал неправильной формы (рис. 3). По длинной оси (запад – восток) овал достигает примерно 80 м. Внутри внешнего кольца сооружений отмечен внутренний овал, меньшего размера, образованный массивными сооружениями менее регулярной застройки. В юго-восточном секторе поселения выявлена часть монументальной обводной стены, мощность которой достигает 2 м при высоте более 4 м. Ее сооружение сопоставимо со временем возведения комплекса монументальных зданий, образующих внешний овал. Стены сооружений внешнего кольца вместе с фундаментом сохранились на высоту до 8 м. В ряде помещений сохранились консоли, поддерживавшие перекрытия крыши. Другими словами, почти все сооружения сохранились на полную высоту. Причиной такой уникальной сохранности является широкое использование глиняных забутовок, заполнявших переотложенным материалом помещения и дворы на позднем этапе жизни поселения.

Характер планировки экстраординарного монументального комплекса Телль Хазны I заставил предположить его сакральное назначение. Овальная планировка центральной части поселения аналогична овалу (священному участку) Хафадже и других памятников Месопотамии. На их культовый характер указывают

**Рис. 3. Телль Хазна I. Генеральный план раскопа.
Черным показаны монументальные сооружения**

такие особенности архитектуры, как исключительное, ритуальное внимание, уделяемое нулевому циклу строительства, выразившееся в сооружении массивных платформ-цоколей под монументальными сооружениями, и неоднократное использование в качестве декоративного приема стен с пилястрами. Должны быть отмечены и несколько помещений с глиняными столами-алтарями. В центральной части «теменоса» был обнаружен жертвенный участок, где мощность слоя золы, насыщенного костями животных, составила более 2 м.

Определено функциональное назначение ряда помещений. Одно из самых массивных сооружений комплекса – это башнеобразная конструкция 37 (рис. 4). При ее строительстве исключительное внимание было уделено сооружению фундамента. Фундамент (цоколь) представляет собой платформу, сложенную из сырцового кирпича, на которой были воздвигнуты стены башни, обмазанные глиной зеленоватого цвета. При закладке фундамента был вырыт котлован, на дне которого совершена посвятельная жертва двух мелких копытных животных,

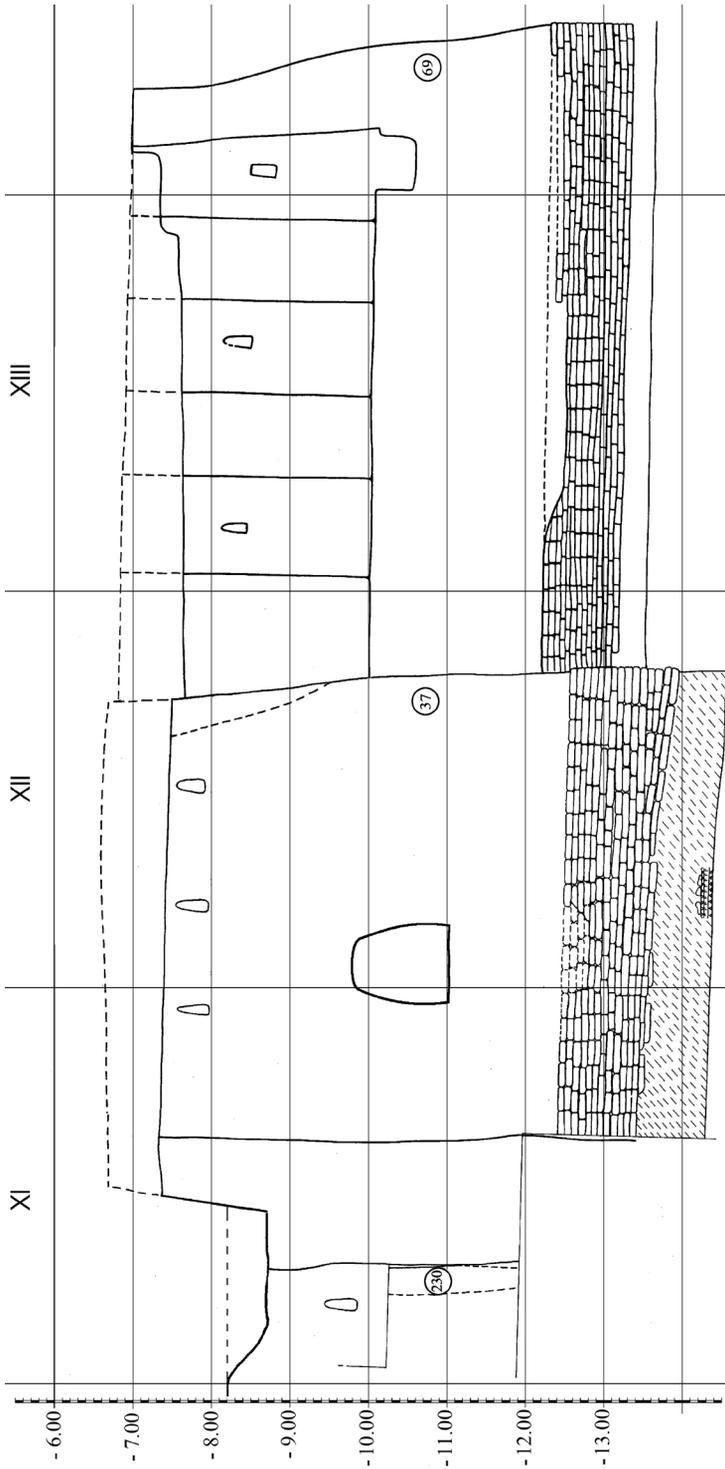

Рис. 4. Конструкции 37 и 69. Южный фас

что подчеркивает исключительную значимость этого сооружения. Над ней был насыпан балласт (глинистая порода серого цвета) и возведена цокольная платформа. Верхняя часть котлована до уровня дневной поверхности была засыпана грунтом светло-коричневого цвета, отличающегося от грунта, подстилающего цоколь. Башня имела плоское перекрытие, опиравшееся на консоли. В южной и северной стенах были сквозные дверные проемы небольших размеров. Вход в башню с юга представлял собой пандус, вымощенный камнем. Внутри башни расчищены два уровня полов, вымощенных галькой. Через северную дверь вела мощеная дорожка, которая шла с внешней стороны огороженного участка через внутреннее помещение башни 37 к открытому пространству (площади) в центральной части комплекса. Надо отметить исключительно малое количество находок на всех полах конструкции. Особенности и характер заполнения позволяют интерпретировать это сооружение как одно из молельных помещений храмового персонала, функционально аналогичное зиккуратам Южной Месопотамии.

Следует отметить помещение с пилястрами («верхний храм»), у стен которого было зафиксировано жертвенное место, представленное зольными скоплениями, насыщенными костями животных. Помещения «верхнего храма» в своей верхней части были заполнены золистыми отложениями. Среди находок много парадной тонкостенной керамики стиля Ниневия 5 и десятки зооморфных статуэток мелких копытных животных.

Отмеченная выше вымощенная дорожка прослежена на протяжении примерно 30 м, максимальная ширина ее составляет около 2,5 м. Ее магистральное направление с ЮЗ на СВ: из-за пределов массивных сооружений огороженного участка – к центральной и самой высокой части поселения. В центральной части, севернее башни 37, она имела линзовидное ложе, сформованное из чистой, специально принесенной глины и заполненное в несколько слоев мелкой галькой. Ритуальный характер использования этой дорожки виден, в частности, в том, что проход внутрь огороженного участка вел через дверные проемы башни 37, которые имеют высоту 1,5 м. Войти во внутреннее помещение сооружения и выйти из него можно было, только сильно согнувшись.

Около внутреннего кольца сооружений, в центральной части огороженного участка поселения, дорожка упирается в глухую стену конструкции 24 (рис. 5). Ее максимальная высота 5,5 м. Эта конструкция построена на неровной поверхности и не имеет в основании заглубленной цокольной части, но опирается на «подушку», сложенную из чистой глины. Глиняное основание, помимо уклона по линии С–Ю, имеет в центральной части сооружения 24 углубление линзовидной формы и представляет собой корытообразную емкость, заполненную золой. В ее основании отмечены разрозненные камни.

Южная и северная стены конструкции 24 были соединены массивной стеной, которая разделила конструкцию на два узких отсека шириной менее 1 м каждый. Стена была возведена непосредственно на зольном слое, заполнявшем упомянутую корытообразную емкость. Разделительная стена была целиком погружена в зольное заполнение. Выше отмечен слой забутовки. Севернее конструкции 24 среди исключительно насыщенных аккумуляций золы были обнаружены остатки круглоплановой очажной конструкции («печь» 288) – источника

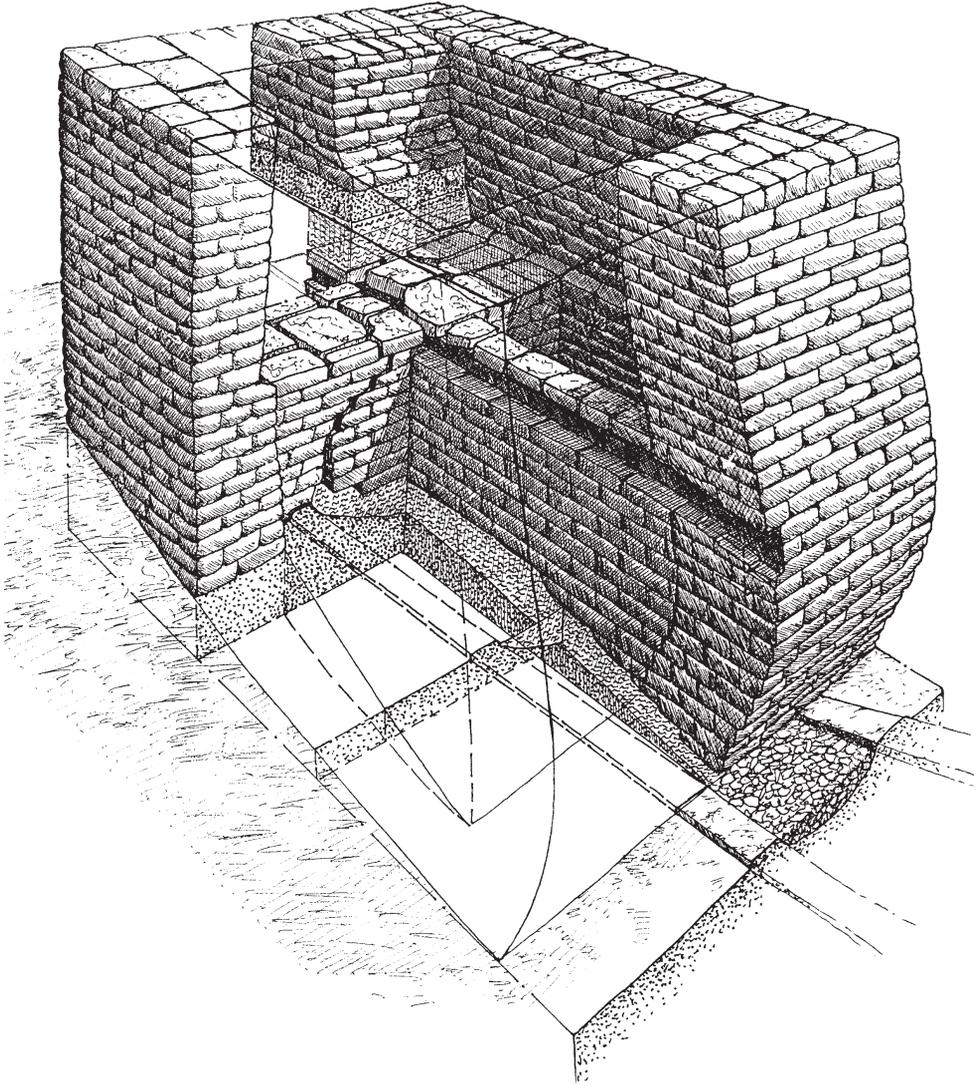

Рис. 5. Конструкция 24. Изометрическая проекция. Чертеж П. Ю. Черносвитова

более чем двухметровых отложений золы как внутри конструкции 24, так и за ее пределами. Это сложное архитектурное сооружение было специально построено и предназначалось непосредственно для сбора и хранения золы, поступавшей из печи 288. Функционально и по ряду морфологических признаков эта конструкция идентична жертвенникам (т. н. *opferstatten*), зафиксированным в непосредственной близости от храмовых зданий на поселениях Южной Месопотамии (*Buren*, 1952. Р. 76–92).

Первоначально проход во внутреннюю часть второго кольца «теменоса» по вымощенной дорожке был свободным, но на определенном этапе он был пере-

крыт конструкцией 24, что коренным образом изменило планировку центральной части «теменоса». Если наша интерпретация литургического характера вымощенной камнем дорожки верна, то возведение конструкции 24 привело к разрушению ритуала и изменению всей организации культовых отправлений поселения.

Завершение оформления архитектуры огороженного участка – «теменоса», подчиненного единому плану, и функционирование всех его сооружений как частей единого «организма» относится к рубежу IV–III тыс. до н. э. В общей сложности храмовый комплекс Телль Хазны I функционировал около 250 лет, до середины периода РД 1. Сооружения центральной части памятника в течение своего существования претерпели значительные перестройки, отмеченные в виде трех основных этапов эволюции комплекса.

За пределами огороженного участка, в юго-восточной части поселения, определен жилой сектор, составленный из многочисленных маленьких домостроений бытового характера. В юго-западной части памятника раскопан производственный участок с керамическими горнами и другими следами производства керамики. Таким образом, раскопки Телль Хазны I позволяют во всей полноте воссоздать не только культовую, но и хозяйственную жизнь поселения.

Одним из ключевых вопросов для характеристики уровня развития общества является организация хранения и управление хранением продуктов жизнеобеспечения (Pfalzner, 2002).

Самым массивным архитектурным сооружением Телль Хазны I является конструкция 110 (рис. 6). Как и все остальные башнеобразные сооружения комплекса, она представляет собой усеченную пирамиду. Конструкция была разделена внутренней перегородкой на два помещения, которые имели сводчатые перекрытия, вероятно, оформленные в древности в виде двух куполов. Вдоль южной стены конструкция исследована до основания, на глубину 8 м. С северной стороны к конструкции примыкает массивная платформа, сложенная из сырцового кирпича. Дверные проемы не обнаружены, доступ внутрь помещения осуществлялся через проемы в верхней части. Данная конструкция повторяет изображения зернохранилищ с купольными перекрытиями, известные на оттисках печатей III тыс. до н. э. Камеры «башни» 110 вмещали примерно 30,5 т зерна.

На подготовительном цикле, при выкапывании котлована для фундамента «башни» 37, была повреждена конструкция 243. Она представляет собой решетку из пяти рядов параллельных стен шириной 30 см, с таким же расстоянием между стенами. Стены сложены из трех-четырёх венцов сырцового кирпича. Сохранившаяся часть конструкции позволяет предположить, что план сооружения был близок к квадрату со стороной около 3 м. Такие платформы традиционно связывают с хранением и переработкой зерна. Наиболее широкое их использование отмечено от убейдского времени до начала III тыс. до н. э. (Hole, 2000. P. 614)

Большой интерес также представляют ямы 310 и 445, впущенные в слой недалеко от вершины телля. Эти ямы имели яйцеобразную форму. Максимальный диаметр одной из них – около 5 м, глубина – более 4 м. Сооружения такой

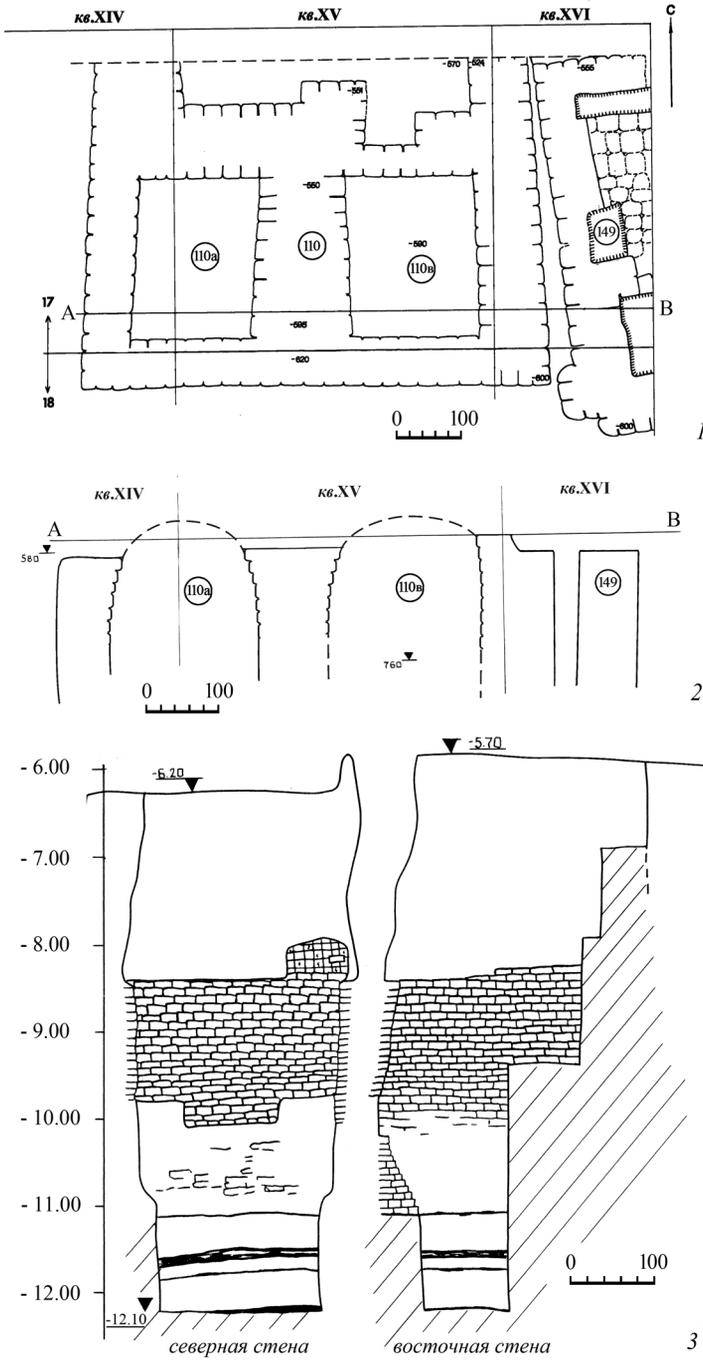

Рис. 6. Конструкция 110. 1 – план верхней площадки; 2 – разрез верхней части сооружения 11 по линии А–В; 3 – северная и восточная стены помещения 11 в интерьере

конструкции этнографически известны в Хабурской степи, они предназначались для хранения силоса. Обе отмеченные ямы функционировали на позднем этапе жизни поселения, когда сооружения огороженного участка, предназначенные для централизованного хранения зерна, уже перестали использоваться для этой цели.

В отличие от всех известных синхронных поселений Джезиры, зернохранилище на Телль Хазне I (конструкция 110) является составной частью многофункционального комплекса, отделенного от бытовой жизни общины. Помимо хранения и распределения продуктов земледелия этот комплекс служил для отправления религиозных (ритуально-магических) функций.

Свободный доступ к зернохранилищу Телль Хазны I из-за пределов огороженной территории был абсолютно невозможен. Это обстоятельство должно указывать на наличие служб, осуществлявших контроль над хранением и перераспределением зерна на Хазне I, что свойственно обществам уровня раннегосударственной консолидации.

Традиционно считается, что перераспределительная система хранения общественного продукта, равно как и становление цивилизации, в Хабурской степи впервые фиксируются во второй половине III тыс. до н. э. Данные, полученные на Телль Хазне I, свидетельствуют о том, что Хабурская степь знала два периода общественной (протогосударственной) консолидации. Первый из них, датируемый рубежом IV–III тыс. до н. э., пока отмечен только в юго-восточной части «хабурского треугольника». Признаки усложнения общественной организации могут быть зафиксированы не только в протогородских центрах (как Телль Брак), но и в маленьких сельских поселениях типа Телль Хазны I.

Этот период связан со значительной ролью храмовых структур в мобилизации общества. Ряд административных центров (храмовых поселений) в поселенческих системах этого района уже имел к этому времени зарождающиеся структуры социальной организации с элементами перераспределения общественного продукта.

Основным датирующим материалом Телль Хазны I служит массовая керамика. Ее коллекция составляет более 160 000 профильных фрагментов. Главным объектом нашего исследования явилась морфология сосудов.

Анализ распределения керамики позволил построить периодизацию культурного слоя памятника, состоящую из шести периодов (*Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 193–206*). Четыре связаны со временем функционирования храмового комплекса и вторичного использования помещений, а нижние два – со временем, предшествующим его сооружению. Оба наиболее ранних этапа аккумулируют значительно больший отрезок времени, чем период существования храмового комплекса. Нижние слои поселения содержат до 33% керамики с росписью убейдского вида. В вышележащих слоях отмечено резкое уменьшение количества этой керамики. В то же время, в самых нижних слоях отмечено значительное количество (19%) так называемых сосудов «соба bowls», связываемых с керамической традицией урукского времени, что говорит в пользу датировки самых ранних слоев Телль Хазны I переходным убейдско-раннеурукским временем.

Большие изменения в общественной жизни, совпавшие по времени с сооружением храмового комплекса на рубеже IV и III тыс. до н. э., нашли отражение в керамике, когда в слое Телль Хазны I впервые отмечается появление керамики стиля Ниневия 5. Сосуды этой разновидности использовались до конца функционирования поселения. Для этой керамики отмечена определенная динамика развития. Расписная и гравированная декорация появляются, видимо, одновременно. Сначала расписная керамика количественно превалирует. К концу жизни на поселении она выходит из употребления, и гравированных сосудов на самом позднем этапе становится больше. Среди последних преобладают сосуды, декорированные прочерченным орнаментом. Выемчатая декорация впервые появляется только на самом позднем этапе жизни поселения.

Наблюдения над распределением керамики позволили датировать завершающий период жизни поселения Телль Хазна I концом раннединастического I периода, что в абсолютных датах примерно соответствует 2700 г. до н. э. Так называемые бихромные подставки под сосуды отмечают самые поздние следы присутствия людей на поселении. Они были зафиксированы только в наиболее поздних погребениях Телль Хазны I, совершенных в течение периода РД 2.

Сопоставление распределения керамики в слое Телль Хазны I с материалами из других памятников Северной Месопотамии позволило синхронизировать процентное распределение морфологических групп из шести выделенных периодов поселения, связав стратиграфическую колонку Телль Хазны I с соответствующими стратиграфическими подразделениями наиболее широко исследованных памятников Джезиры, таких как Телль Брак, Телль Лейлан, Тепе Гавра, Мухаммад Араб, Хаммам эт-Туркман и целого ряда других, как минимум от раннеурукского времени до конца раннединастического I периода (*Мунчаев, Мерперт, Амиров, 2004. С. 207–225*).

Полученные для Хабурской степи результаты позволяют в настоящее время, опираясь на массовую керамику, дифференцировать примерно 100-летние интервалы для первой трети III тыс. до н. э. Для однозначного решения вопросов датировки и более подробной периодизации материалов нижних слоев, предшествующих времени сооружения «теменоса», необходимо значительное увеличение источниковой базы.

Становление цивилизации в Хабурской степи Северной Месопотамии приобрело завершенные формы в течение второй половины III тыс. до н. э. Об этом говорят как активные урбанизационные процессы, так и первые свидетельства использования письменности. Имеющиеся археологические материалы позволяют исследовать длительный формационный процесс, непосредственно предшествующий становлению государственности в регионе, и его динамику.

Проводниками модели государственного строительства в Хабурской степи были поселения Телль Брак и Хамукар, тесно связанные товарным обменом с наиболее крупными центрами, расположенными ближе к руслу Тигра, и опосредствовано – с Южной Месопотамией, начиная с раннеурукского времени. Жители поселений, расположенных в непосредственной близости от Телль

Брака, не могли не испытывать влияний, идущих из этого центра. К числу этих поселений принадлежит группа теллей, расположенных вдоль нижнего течения вади Ханзир, и среди них – Телль Хазна I. Судя по полученным данным, процесс обособления общинной элиты Телль Хазны I был достаточно долгим и завершился на рубеже IV и III тыс. до н. э. возведением монументального архитектурного комплекса, служившего административным и культурным целям.

Процессы экономического и социального развития во второй половине IV тыс. до н. э. в Хабурской степи проходили на фоне исключительно благоприятных климатических условий. Это позволяло населению южной части «хабурского треугольника» использовать значительную часть общественного труда на непроизводственные цели, в частности на монументальное общественное строительство.

Уровень социальной организации общины Хазны I и других поселений юго-восточной части Хабурской степи, достигнутый к началу III тыс. до н. э. благодаря выделению здесь общинной элиты, появлению элементов перераспределительного хранения общественного продукта и элементов сложения иерархически организованной поселенческой системы, превосходил уровень организации синхронных поселений, расположенных, в частности, на среднем Хабуре.

Несмотря на отмеченные признаки раннегосударственной консолидации, процесс сложения государства не получил продолжения из-за наступления очередного цикла аридизации климата. Результатом этого стало уменьшение материальных возможностей общины и разрушение ее социальной организации. Это видно при сравнении построек позднего периода поселения Телль Хазна I с монументальными сооружениями предшествующего времени. Окончательно обитатели Телль Хазны I были вынуждены покинуть поселение около 2700 г. до н. э., в конце периода РД 1, когда иссушение климата не оставило возможности для неполивного земледелия. Однако некоторое время спустя (в течение периода РД 2) люди еще возвращались для совершения погребений на заброшенном поселении.

Таким образом, население юго-восточной части Хабурской степи уже в начале III тыс. до н. э. приблизилось к порогу становления цивилизации, но в силу изменения климатических условий этот процесс не имел дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиров Ш. Н.*, 1999. Иерархия поселений первой половины III тыс. до н. э. и начало урбанизма в Хабурских степях Северной Месопотамии // Кавказ и Древний Восток. Махачкала.
- Амиров Ш. Н.*, 2000а. Природная среда верховьев Хабура // РА. № 3.
- Амиров Ш. Н.*, 2000б. Топография археологических памятников Хабурской степи Северной Месопотамии V–II тыс. до н. э. // ВДИ. № 2.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я., Амиров Ш. Н.*, 2004. Телль Хазна I: Культурно-административный центр IV–III тыс. до н. э. в Северо-Восточной Сирии. М.

Buren, E. D. van, 1952. Places of sacrifice («opferstätten») // Iraq. 14.

Hole F., 2000. Tell Ziyadeh on the Middle Khabur, Syria // Proceedings of the First International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Roma.

Pfalzner P., 2002. Models of storage and the development of economic systems in Early Jezireh Period // Of Pots and Plans. London.

С. Н. Корневский

ФЕНОМЕН ВЛАСТИ В ОБЩЕСТВАХ ДРЕВНИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ И СКОТОВОДОВ (ТЕОРИЯ ЭТНОЛОГИИ И АРХЕОЛОГИЯ)

S. N. Korenevsky. Power as a phenomenon in early agricultural and stockbreeding societies (Ethnological theory and archaeology)

Abstract. The importance of ethnological theories for the investigations of the origin and development of phenomenon of power is stressed. The author singles out such aspects, as moral, spiritual, economic, and military power and their historic development. It is shown that the way from a temporal military leader to a prince or king allotted with permanent military power by birth was a long and complicated one. It lasted from the earliest communities till the period of pre-state formations (from the 8th – 6th to the 3rd millennia BC). Archaeological associations show representatives of social elite as military leaders, magicians, priests, organisers of feasts. Generally, the paper represents an attempt to develop the trend in archaeology once termed by C. Renfrew as Cognitive archaeology, with special attention concentrated on the reconstruction of social development of ancient society.

Ключевые слова: этнология, археология, власть, социальное развитие, социальные реконструкции, моральные нормы, духовное лидерство, экономика, военный лидер, временная власть, наследственная власть.

Археология, несмотря на бурное внедрение методов естественных наук, по-прежнему сохраняет свою важнейшую историческую составляющую при ответе на вопросы, к какой фазе развития общества относятся те или иные ее источники. Основой для рассуждений исследователей на эту тему всегда остаются труды по этнологии, в которых рассматриваются проблемы развития первобытной экономики, военного дела и организации феномена власти (см., напр.: ИПО, 1983; 1986; 1988; *Перишц, Семенов, Шнирельман*, 1994)¹. Особое место среди

¹ Список литературы по этой теме может быть очень большим. В него входят многочисленные труды этнологов, начиная с основополагающих работ Л. Г. Моргана, Б. Малиновского, Инка Гарсиласио де ла Вега, А. П. Аверкиевой и мн. др. Поэтому я ограничиваюсь ссылкой лишь на наиболее обобщающие отечественные издания. Кратко содержание статьи было изложено в тезисах конференции (*Корневский*, 2006. С. 5, 6).

последних работ занимает трехтомная «Экономическая этнология» Ю. И. Семенова (1993). В ней, как и в других работах на эту тему, автор (Семенов, 1993а; 1993б; 1994) поставил задачу проследить на обширных этнологических материалах процесс зарождения и развития частной собственности, форм эксплуатации, а также выделил ступени развития первобытного общества от ранней общины до порога государственности.

Тема реконструкций фаз развития первобытного общества, как известно, давно привлекала к себе внимание многих ученых, начиная с трудов Л. Г. Моргана и Э. Тейлора. В современной англо-американской археологии широко распространена, как отмечают зарубежные исследователи, теория Сервиса (*Service*, 1962) и Фрида (*Fried*, 1967) (Сендерс, 2003; Фаулер, 2003; ИПО, 1983. С. 27). В обобщенном виде, согласно взглядам этих ученых, догосударственный этап истории делится на периоды эгалитарного и иерархического (кланового) общества. Последний период иногда соотносят с понятием комплексного общества или вожества. За ним следует третий период, который связан с государством как обществом, основанном на принуждении (Сендерс, 2003. С. 552)

Многообразие форм исторического развития, отражаемого источниками исторической этнологии и археологии, красноречиво показывает, что вся история первобытной культуры, имея общие закономерности, развивалась не только по неким общим ступеням экономических отношений, но и по историко-культурным моделям. Их своеобразие зависело от природного фона (локальных климатических условий), среды обитания, специфики хозяйственно-культурного типа, способности к контактам или замкнутости, умению впитывать технический прогресс или проходить мимо него. При этом многие археологические культуры или общности земледельцев и скотоводов впитывали в себя характерные признаки этих моделей или сами являлись таковыми.

Историческая этнология на многих примерах также показывает, что переход первобытнообщинного строя к государственным образованиям происходил как процесс непрерывных войн и конкретная трансформация основных отраслей феномена власти. Он был связан с формированием сознания, что власть и богатство – взаимно обусловленные и взаимозависимые понятия. Поэтому высший лидер общества – вождь – обязан быть богатым. В чем суть проявлений этих отраслей или ветвей феномена власти в древности? Для ответа на вопрос прежде всего эти отрасли надо конкретизировать по особенностям их проявления в догосударственных обществах охотников и собирателей, земледельцев и скотоводов.

Власть Моральная – древнейшая ветвь власти – охватывала правовые отношения в первобытном обществе, связанные с базовыми понятиями сознания что такое «хорошо», а что такое «плохо», неприемлемо и наказуемо. Она апеллировала к принципам «общего права» поведения, соблюдения обычаев, традиций и т. д. Ее осуществляло все общество через ячейки семейных устоев, возрастных групп, контролируя поведения своих членов локальных популяций. На ранних стадиях развития ее правила претворяли в жизнь старейшины и иные авторитеты до того момента, когда появились высшие лидеры, опирающиеся на военную силу и диктующие свои нормы морали. Власть Моральная имела в догосударственных обществах огромное значение, как власть, регулирующая

правовое сознание и поведение людей в сфере экономики, семейных отношений и продолжения рода (Малиновский, 2004. С. 88). Из нее возникли понятия суда и правосудия, всевозможные правовые кодексы и законы.

Власть Духовная возникла с первыми проблесками абстрактного человеческого сознания и становления Религии Природы. Она была связана с идеями о Творце, Боге, Хозяине и Хозяйке природы, с магией и всякого рода волшебством. В ее основе лежало представление о том, что кто-то или что-то может оказывать необъяснимыми с реальной точки зрения, т. е. волшебными, способами влияние на человека, заставляя его поступать так, а не иначе, быть в здравии или в немощи вплоть до летального исхода, влиять на урожай, удачу на охоте, войне и т. д. (Малиновский, 2004. С. 89). Власть Духовную осуществляли особые лидеры, которые образно называются волшебниками: волхвы, колдуны, шаманы, жрецы, маги и тому подобные специалисты по волшебству.

Власть Экономическая – базовый и важнейший феномен власти, затрагивающий отношения собственности, распределения и владения. Этот феномен долго находился в рамках Власти Моральной, регламентирующей различные способы коммуналистических принципов распределения общественной и личной собственности в рамках первобытнообщинных отношений. Она стала оформляться как особая ветвь феномена власти с развитием представлений о личной и частной собственности, т. е. собственности, способной приносить владельцу прибыль. Согласно Ю. И. Семенову, частная собственность возникла ранее всего на продукты обмена в сфере дарообменных отношений, «подарочной» торговли, на престижные ценности (Семенов, 1993а. С. 324, 440). Важнейшей сферой приложения власти экономической стало также право на распределение общественных продуктов и благ, т. е. руководство разделом продуктов и вещей. Например, Б. Малиновский описывает примеры распределения продуктов, выращенных на частных огородах папуасов о. Бойова (Новая Гвинея). При описываемом распределении личный вклад человека в производство ничего не значил для увеличения его персонального достояния, важен был только высокий престиж. При обычном распределении мужчина-папуас отдавал три четверти урожая как дар вождю и брату сестры, оставляя себе минимум (Малиновский, 2004. С. 79). В конечном итоге власть Экономическая со временем начала сливаться с властью высшего лидера-вождя как его родовое и персональное право на общинную или родовую территорию, ее ресурсы, контроль над ней, особую долю в распределении общественного продукта и т. д.

Власть Военная возникла вначале как власть руководящего военными действиями лидера. На ранних ступенях своего развития она совершенно не была связана с властью экономической, но затем стремительное увеличение ее влияния на общество было обусловлено появившейся возможностью личного обогащения за счет военной добычи, вследствие кардинальных перемен в правовой сфере отношений собственности, мифологии и сознания. Ее авторитет и поддержка обществом усиливались не только в связи с вечными проблемами обороны и агрессии, но и с открывшейся перспективой для широких слоев молодежи приобщиться к сфере экономической власти, минуя власть старейшин-мужчин, старших женщин и традиционную мораль, возможностью оплатить брачный выкуп, завести семью, повысить свой престиж и общественный статус. Кроме того,

военная власть с развитием специального военного снаряжения (не для всех) превратилась в особую высшую потестарную власть, т. е. власть, способную не столько убеждать, сколько диктовать свою волю силой оружия. Ее осуществляли вначале военные вожди лишь в период военных действий, затем уже постоянно как военные вожди по родовому праву, лугали, князья, короли и иные лидеры эпохи непрерывных войн за имущество, экономические блага и привилегии.

Путь от власти временного военного лидера к власти пожизненного военного вождя, князя, короля по праву рода был долг. Он затянулся от эпохи праобщины и ранней родовой общины до времени позднего предгосударственного общества (например, с VIII–VI до III тыс. до н. э.).

Можно ли для первобытности говорить об особом феномене политической власти? Ответ на этот вопрос связан с тем, как мы будем понимать последнее понятие. Если иметь в виду то, что политика – это прежде всего поведение людей, направленное на достижение какой-то цели в сфере общественных отношений на уровне персональном, групповом, общинном, племенном и государственном, то власть политическая может рассматриваться лишь как способ осуществления главным образом проявлений отмеченных выше феноменов власти.

Какие могут быть археологические критерии для соотнесения ее источников со ступенями развития общества, которые выделяют этнологи для культур земледельцев и скотоводов предгосударственного периода? При поисках ответа на этот вопрос прежде всего надо обратить внимание, что источники археологии весьма специфичны. Они, как правило, сводятся к данным погребального обряда, символики включенных в него вещей, далеко не всегда к бытовым памятникам и уж совсем редко – к произведениям искусства, свидетельствам появления неких знаковых систем. В этнологических характеристиках обществ, наоборот, как известно, упор менее всего делается на типологию и подробнейшее описание погребальных обрядов как отражения развития ступени общества и социальных отношений. Зато более рельефно описаны система власти, быт, нравы и религиозные традиции здравствующего населения. В силу этой специфики этнологические схемы Сервиса и Фрида, как считают зарубежные коллеги, очень трудно применять в археологической практике (Renfrew, 1972; 1984; 1994; Tringham, 1972). Более того, все используемые этнологические примеры относятся к так называемой «периферии» мировой, т. е. европейской, цивилизации, начавшей открывать для себя мир первобытности на далеких от Европы территориях в XV–XVI вв. Каков же был путь исторического социального развития обществ эпох «неолита и бронзы Старого Света», например Европы, Кавказа, – тема специального исследования. Она требует своих подходов и методик для интерпретации археологических источников.

В связи обсуждаемой темой возможно предложить следующую систему корреляции археологических «веков» и историко-этнологических «эпох», учитывая положения исторической этнологии (ИПО, 1983; 1986; 1988):

палеолит нижний, средний – разные стадии праобщины;

палеолит верхний – ранняя родовая община охотников на мегафауну;

мезолит – переход к поздней родовой общине и поздняя родовая община охотников на среднюю и мелкую дичь;

неолит, энеолит – начало производящей экономики, военизации, связанной с появлением специального оружия, фиксируемого археологически, переход от позднеродовой общины к раннему этапу предгосударственного периода, ранняя фаза предгосударственного периода, вплоть до позднего предгосударственного периода;

бронзовый век – при сохранении предыдущих фаз развития достигается начало государственности;

ранний железный век Евразии – у тех народов, которые достигли его, широко развивается поздняя фаза предгосударственного периода и начало государственности.

Одним из масштабных этапов в эволюции первобытного общества является предгосударственный период. Этот растянувшийся на тысячелетия этап связан с распространением и развитием производящей экономики, становлением культур земледельцев и скотоводов, развитием межобщинного дарообмена, зарождением частной собственности на его продукты (Семенов, 1993а; 1993б), возникновением металлургии цветных металлов (меди, серебра и особенно золота). В его недрах появились первые формы специального оружия², пригодные, прежде всего, для войны, которые начали превращаться в символы власти. Ими стали орудия ударного действия: булавы с каменными наконечниками, каменные топоры с отверстием, молоты, мечи и палицы из кости, дерева со вставными лезвиями из кремня и обсидиана, копья с накладками из золота. Финал предгосударственного периода связан с появлением государства раннего типа. В нашем понимании формулировка последнего феномена выглядит так.

Раннее государство – это интерплеменная организация сословного, иерархического общества с экономикой, основанной на праве индивидуальной (частной) и коллективной (общинной) собственности, на специализированных производствах и с эквивалентом обмена продукции, исчисляемым в металлах на вес. Государство декларирует и защищает свое право на территорию. Оно обладает аппаратом налогового, правового принуждения и сословно-профессиональной армией (дружиной). Использует эксплуатацию в виде сбора налогов в пользу высшей власти, а также в виде дани, магнатного (Семенов, 1993а; 1994) и рабовладельческого права.

Государство возглавляется клановой верховной военной властью, с опорой на власть Духовную. Внешне военная власть осуществляет и высшую экономическую власть в государстве, подчинив и приспособив для себя Власть Моральную. Хотя, по сути дела, феномен государства сделал главной ветвью власти Власть Экономическую, укрепив ее Властью Военной, Духовной и Моральной.

Наиболее ранний пример государственности, как известно, представляет собой юг Месопотамии. Здесь развивалась наиболее сильная экономически храмовая модель городов-государств. Очевидные свидетельства эквивалентов стоимости в оценке цветных и драгоценных металлов на вес относятся к вре-

² Оружия, сохраняющегося археологически. Эта оговорка вынужденная, т. к. оружие из дерева не сохраняется.

мени РДШ³ – XXV–XXIV вв. до н. э. (такowymi являются тексты о реформах Урукагины). В записях упомянуто, что серебром платили за белого рунного барана, даже назван сборщик уплаты серебром за этого животного (*Дьяконов*, 1983. С. 208, 209). Для периода РД II упоминается эквивалент платы в меди, а для РД I (эпос о Гильгамеше) отмечены детали оружия из золота с упоминанием их веса – «тридцать мин золота – рукоять кинжала» (1 талант – 30 кг, 1 мина – 0,5 кг, 30 мин = 15 кг), – которые изготовлялись для лугалья, военного вождя, жреца города Урука – Гильгамеша (*Дьяконов*, 2006. С. 23, 206). Таким образом, процесс оформления экономики раннего государственного типа охватывал весь раннединастический период и очевиден в его финале.

Согласно исследованиям в области исторической этнологии Ю. И. Семенова, предгосударственный период был представлен двумя фазами. Первая, ранняя, фаза названа Ю. И. Семеновым преполитарной (догосударственной) (т. е. предшествующей государственной – политарной фазе). Вторая, поздняя, фаза носит название протополитарной (т. е. предгосударственной). Этнология и письменная история человечества сохранили нам более всего свидетельств позднего, протополитарного периода. Для него характерны такие феномены социального развития, как вождества или первобытные империи. Например, вождества Зулуленда («империя» Чаки), Китара, Буганда (Уганда), Баконго (Конго) и др., прагосударства инков, ацтеков, майя и т. п. (*Семенов*, 1993а. С. 42–90).

Как правило, высшие символы власти в поздний предгосударственный период были связаны с подчеркиванием военного престижа, знаков суда, с сокровищами, троном. Эти же символы власти нередко переносились на образы небесных владык. Правящие слои знати уже отошли от занятий трудовой деятельностью, вспоминая о ней лишь в момент культовых церемоний.

Преполитарная модель фиксируется значительно хуже. В более развитой протополитарной фазе сохранились только ее пережитки.

Следующая тема, которой мы хотели бы коснуться в настоящей публикации, связана с тем, какие есть возможности для соотнесения информации, получаемой из археологических источников, с теорией этнологии об упомянутых выше двух фазах предгосударственного развития. Судя по данным экономической этнологии, более раннюю, преполитарную фазу развития общества отличают два показателя. Во-первых, труд у правящей родоплеменной элиты был в почете. Во-вторых, военная власть еще не оформилась как правящая страта общества. Этнологические примеры преполитарной стадии малочисленны. В работе Ю. И. Семенова они проиллюстрированы организацией общества о. Тикопия (*Семенов*, 1993а. С. 545–550). Власть здесь осуществлялась вождями. Но для последних был еще очень важен престиж в отдельных трудовых процессах, прежде всего в деревообработке как отрасли, имеющей огромное экономическое и военное значение, – изготовлении лодок, резьбе по дереву и т. д. Пережитки престижа ремесла, и прежде всего деревообработки, передают средневековые саги о Луге, военном вожде и божестве древних ирландцев, который обладал знаниями многих ремесел. На первом месте среди них стояла деревообработка, на

³ РД – раннединастический период Месопотамии.

втором – кузнечное дело, и т. д. (Предания и мифы... 1991). Бог-творец древних египтян Птах тоже, как и Луг, был покровителем многих ремесел. У шумерийцев эту роль выполнял Энки (МНМ, 1987; 1988). Так что мифологии различных народов независимо друг от друга запечатлели связь богов с ремеслом и их благотворное влияние на него.

Можно только предположить, что именно на этой ранней преполитарной фазе шел процесс, при котором общество разрешило богатым стать богатыми и позволило вождю концентрировать в своих руках доминирующую экономическую, распределительную власть, суд и высшие сакральные функции. Именно на этой фазе Власть Военная, самая молодая ветвь общего феномена власти, из области простого престижа стала превращаться в экономически верховную власть, начав контролировать власть Духовную и приспособив под свои интересы власть Моральную. Но все это было осуществлено не сразу.

Какие могут быть археологические критерии сопоставления ступени развития общества с той или иной фазой предгосударственного периода? В связи с этим в настоящей работе мы предлагаем в качестве примера обратить внимание на атрибуты престижа наиболее инвентарных или просто богатых захоронений на территории юга Восточной Европы и Кавказа.

Преполитарную стадию могут иллюстрировать памятники разных фаз энеолита, содержащие оружие и инструменты деревообработки. Среди них можно наметить в предварительном порядке как бы три группы комплексов, иллюстрирующие разные традиции погребальной практики в отражении символов погребального престижа.

Группа 1 – комплексы без символики золота и крупных трудовых затрат на сооружения захоронений с оружием, инструментами труда (деревообработки) и иногда атрибутами культа (например, памятники позднего энеолита Северного Кавказа и юга Восточной Европы).

Группа 2 – комплексы с символикой золота при полной эгалитарности (равенстве) могильной конструкции (например, Варненский некрополь) и с таким же набором оружия и инструментов.

Группа 3 – комплексы с символикой оружия, золота, инструментов деревообработки, культа, организации пира и в сочетании с огромными трудовыми затратами, ушедшими на строительство погребальных сооружений (например, майкопско-новосвободненская общность).

Все эти модели могут отражать состояние общества, при котором символика труда еще много значила для высшего престижа лидера, а военные успехи или деятельность на этом поприще еще не превратили его в представителя элитарной военной страты, для которого труд человека или только его престиж был неприемлем.

Конкретное изучение разных моделей погребальной практики по сочетанию в комплексах орудий войны, охоты, труда и культа является предметом специального исследования. Сейчас только можно заметить, что самыми значимыми комплексами по обилию в них предметов труда и престижу похорон стали редкие захоронения, в которых наблюдается сочетание оружия ударного действия, инструментов деревообработки и предметов какой-то культовой символики. Среди них есть захоронения без золотых вещей, с эгалитарным устройством

в могиле на родовом кладбище. Таков пример уникального для всего массива могил (1160) некрополя Дуранкулак погребения 1036 (культура Хаманджия, первая половина V тыс. до н. э.) (рис. 1). Умерший мужчина в нем был погребен с костяной боевой палицей из рога оленя, каменным теслом, статуэткой богини и путовой костью эквида, положенной вместе со статуэткой у головы (*Todorova, 2002*).

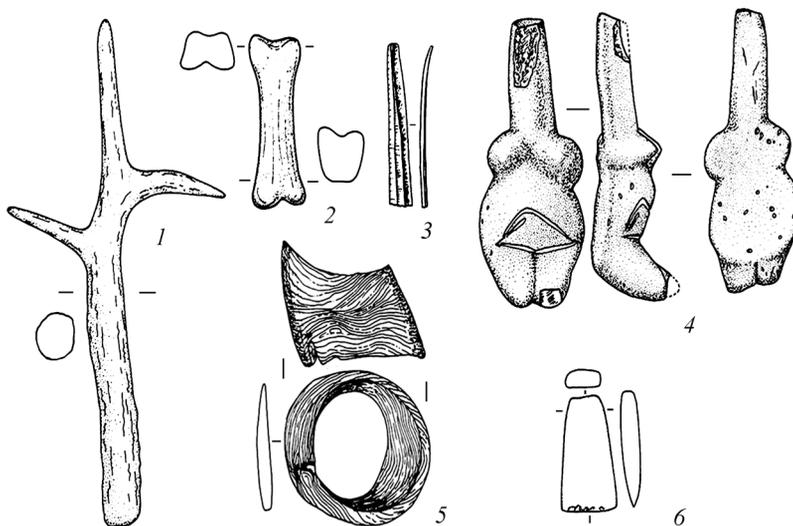

Рис. 1. Погребение 1036 могильника Дуранкулак (по: *Todorova, 2002*)

1 – костяная палица; 2 – кость эквида; 3 – кремневая ножевидная пластина; 4 – глиняная статуэтка; 5 – браслет из раковины; 6 – каменное тесло

Далее, весьма показателен пример богатейшего захоронения 43 Варненского могильника (середина V тыс. до н. э.) (рис. цвет. I). Умерший был помещен в яму с элитным оружием, каменными и медными теслами, а также символом мужского плодородия. Могила его была усыпана золотом (*Ivanov, 1988a; 1988b*).

Выдающимся погребением степных племен протоямной культуры является погребение 4 могильника Джурджулешти на р. Прут при впадении ее в Дунай (начало второй половины V тыс. до н. э.). Мужчина был погребен в глубокой яме со сложным устройством, в сопровождении оружия, посоха с золотыми накладками, длинной ножевидной пластины и лопатки барана как атрибута культовых гаданий. Его мужскую силу снова подчеркивал фаллический символ. Костюм умершего украшали различные костяные бусы и две золотые спиральные подвески (рис. 2) (*Haheu, Kurciatov, 1993; Govedariča, 2004*).

В отличие от погребений могильников Дуранкулак и Варна, погребение 4 могильника Джурджулешти уже нельзя называть эгалитарным по форме могилы. Оно явно выделялось конструктивными особенностями огромной ямы, вырытой до 5 м в глубину. Так у степных племен юга Восточной Европы начали развиваться идеи погребальной практики с акцентированием индивидуальных

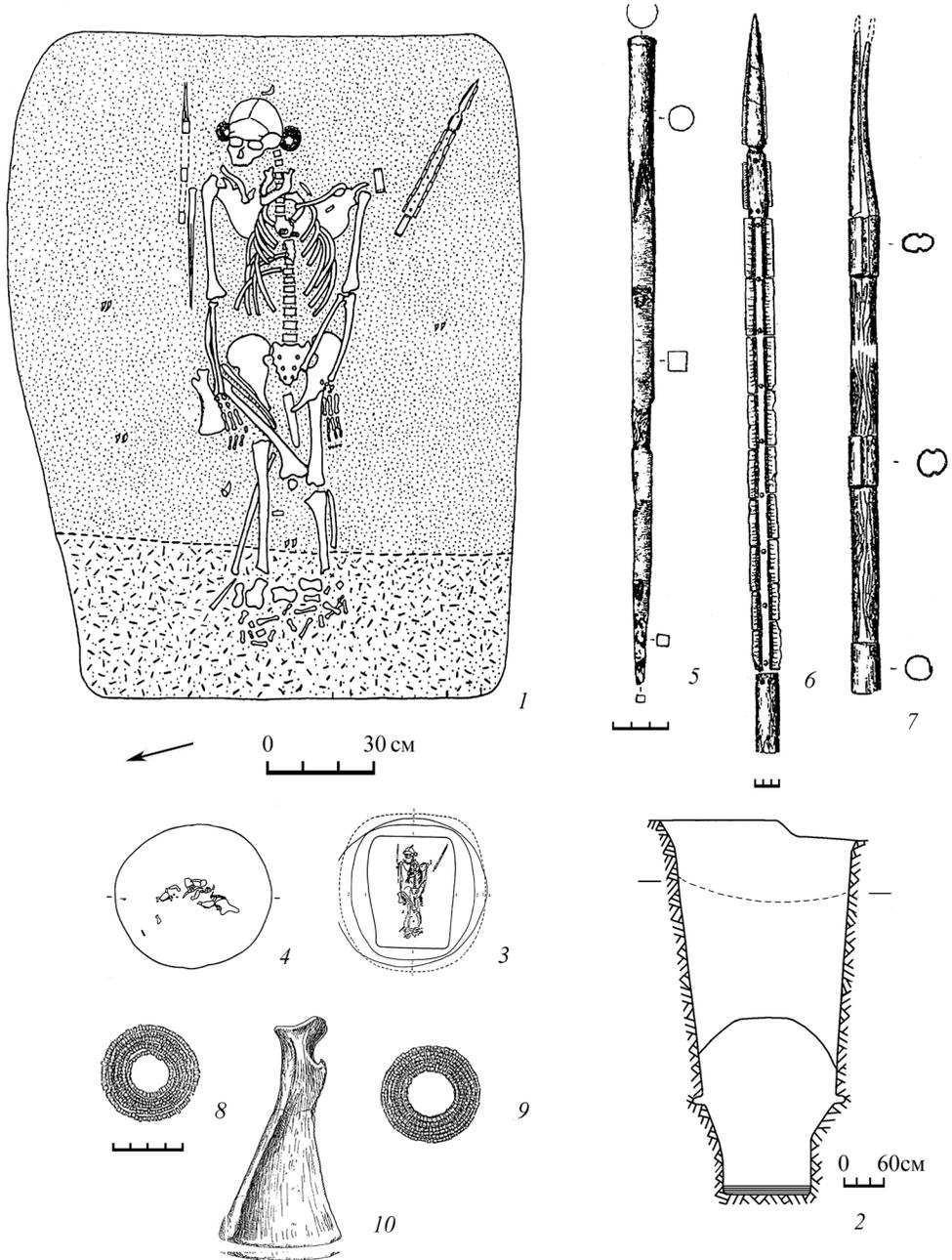

Рис. 2. Погребение 4 могильника Джурджулешти (по: *Govedariča, 2004*)

1, 3 – план погребения; 2 – разрез ямы погребения; 4 – жертвенник в верхней части заполнения ямы; 5 – медный стилет; 6 – наконечник копья или составной меч; 7 – жезл с костяным наконечником и золотыми обкладками; 8, 9 – наборные подвески из бусин; 10 – лопатка барана

особенностей захоронения размерами и глубиной могилы, а также формой катакомбы. Оба последних типа сооружения отражали, по всей вероятности, культ страха перед могущественными покойными сородичами.

Традиция обозначения индивидуальных черт захоронения развивалась в последующую эпоху освоения металла. Она ярко проявилась в Предкавказье. Так, с символикой оружия, орудий труда, пира и культа связаны наиболее богатые погребения майкопско-новосвободненской общности IV тыс. до н. э., и прежде всего само захоронение Майкопского кургана с наиболее вероятной датой XXXVII–XXXIV вв. до н. э.⁴ (*Веселовский*, 1900; *Корневский*, 2004. С. 78–89; *Корневский*, *Резепкин*, 2008. С. 109–127). В этот комплекс наряду с набором оружия, инструментов деревообработки, которые иллюстрируют символику войны и труда, были включены изделия с символикой волшебных цветов Древа Жизни. Изображения цветов связываются в мифах Переднего Востока с образами цветов богини плодородия и войны Инанны-Иштар (*Frankfort*, 1958. P. 19). В Майкопском кургане они представлены золотыми пятилепестковыми розетками и орнаментами – фестонами на лбах быков, фестонами на дне сосуда с гепардами и на крупной бусине (рис. цвет. II). Эти изделия и орнаментальные мотивы четко говорят, что их владелец⁵ (?) отправлялся в мир иной с престижными вещами военного лидера, бигмена, чародея, строителя трапез и культового лидера с символикой волшебных плодов Инанны-Иштар, связанных с представлением о вечной жизни, идеей омоложения, плодородия.

Символика комплекса из оружия и инструментов деревообработки проникла на Южный Кавказ в культуру Лейлатепе, судя по захоронению из кургана в Тельманкенде (*Махмудов*, *Мунчаев*, *Нариманов*, 1968; *Ахундов*, *Махмудова*, 2008. С. 147. Табл. 30). Но такая символика не прослеживается ни по более раннему некрополю могильника в Кюльтепе (V тыс. до н. э.) (*Абибулаев*, 1982), ни по некрополю урукского времени Тепе Гиссар IC, II (IV тыс. до н. э.) (*Schmidt*, 1937), хотя тесла из камня и бронзы представлены достаточно широко в этих памятниках.

Надо сказать, мне трудно назвать также погребения с одновременной находкой оружия и тесел в убейдский период Переднего Востока, как и в урукский период до времени Джамдет Насра. Поэтому такое сочетание вещей (оружие и тесло) в погребальной практике обладает большей древностью для культур энеолита Подунавья V тыс. до н. э. На Кавказе его ввели в традиции погребальной символики племени майкопско-новосвободненской общности в IV тыс. до н. э. Как было в иных местах – вопрос открыт⁶.

⁴ Дата взята по соотносению этого памятника с датой Усть-Джегутинского поселения, имеющего радиоуглеродные определения возраста (*Корневский*, *Резепкин*, 2008).

⁵ Откровенно говоря, мы не знаем, кто же был погребен в Майкопском кургане с обилием золота, мужчина или женщина. Набор инструментов предполагает, что это был мужчина. Но как с этим согласуются цветы-символы Инанны-Иштар, которые соотносятся с символами женского божества?

⁶ Погребальные традиции куро-аракской культуры Южного Кавказа, связанные с бескурганскими могильниками, не отражают такой символики и иллюстрируют более эгалитарные традиции куро-аракского населения времени Квацхелеби E–C (*Абибула-*

И, наконец, знаменитая гробница Т1 в Арслантепе 3000/2900 гг. до н. э. также включает предметы вооружения, инструменты деревообработки и металлические сосуды (*Palmieri et al.*, 2001. Р. 105–139).

В целом приведенные выше примеры отражают одну идею: захоронение военного и культового лидера с символикой оружия, орудий труда и принадлежностей культа – основой престижа первобытного бигмена.

Пережитки этой символики прослеживаются даже в погребениях царского некрополя Ура, в котором наряду с оружием наблюдаются церемониальные инструменты из золота, как, например, пила (*Woolley*, 1934; *Чайлд*, 1956. С. 242. Рис. 88).

На Южном Кавказе военно-производственная символика живет в погребальных традициях марткопских курганов (*Джапаридзе*, 1991. С. 136–153) (первая половина III тыс. до н. э.) вплоть до становления культуры круга памятников курганов Триалети, Кировакана и Карашамба (конец III тыс. до н. э.).

Протополитарную, позднюю стадию предгосударственного периода на Кавказском театре хорошо иллюстрируют комплексы Триалетских курганов (*Күфтин*, 1949. С. 418, 419. Табл. ХСІ; ХСІІ) и кургана у с. Карашамб (конец III тыс. до н. э.) (*Оганесян*, 1988. С. 146–160; *Кушнарера*, 1994. С. 100, 102, 103. Рис. 32). В них были найдены серебряные кубки с изображением людей и оружие (рис. 3). Эти захоронения были оставлены, скорее всего, знатно военизированных вождей. На обоих серебряных кубках изображены сцены жертвоприношений и культовых процессий. Персонажи одеты в похожие наряды – кафтаны, обувь с загнутыми вверх носками. Теперь обратим внимание на детали. На участниках шествия на триалетском кубке отчетливо заметны прикрепленные сзади пушистые (волчьи) хвосты. Скорее всего, это люди-волки, своего рода представители военного мужского союза (рис. 3).

На серебряном карашамбском кубке сюжеты более разнообразны. Здесь можно различить геральдические породы зверей и сцены охоты. Особенно важна сцена с фигурами лидеров – вождя и его супруги. Они изображены более крупно и сидя. Поэтому можно заключить, что по данным карашамбского кубка высшая власть уже подчеркивала свой статус символом трона. Основной «текст» сюжетов связан с иллюстрацией военных подвигов, батальей, поражения противника. Нельзя не отметить, что повержен враг, в костюм которого входят те же самые волчьи пушистые хвосты. Поэтому между триалетским и карашамбским кубками устанавливается некая сюжетная связь. Они оба относятся к местной истории южнокавказского населения, запечатлев сцены с изображениями воинской элиты, священных жертвоприношений, воинских подвигов.

На карашамбском кубке показан поверженный враг. Верховный лидер сидя (!) вершит суд, казня пленных противников. Он же совершает магические обряды на фоне побед своего войска над «хвостатым» недругом. В целом изображенные на карашамбском кубке сцены сражений, избиения пленных, ратные успехи – все это универсальные знаки высшего престижа лидеров финальных

ев, 1962; *Кушнарера*, *Чубинишвили*, 1970), чем обряды майкопско-новосвободненской и лейлатепинской культур.

Рис. 3. Серебряный кубок из кургана Карашамб (по: *Оганесян, 1988; Кушнарева, 1994*)
1 – кубок; 2 – развертка изображений; 3 – сцены с тронem

предгосударственных образований в Месопотамии, Египте, Малой Азии и Мезоамерике.

Позднюю предгосударственную стадию отражают также богатейшие могилы раннего железного века – кельтов, скифов, прочих подобных народов, стоявших на пороге государственности, но так и не перешедших к ней в течение

долгого времени. Характерной чертой этих обществ стали высокая военизация, превращение войны в особую экономическую сферу деятельности. Эти явления сопровождалась дальнейшим совершенствованием специального оружия. Формируется особый уклад военного профессионализма⁷, предполагающий развитие особых военных страт населения вплоть до военно-элитарных правящих прослоек, оснащенных наиболее дорогими и качественными типами защитного доспеха и наступательного вооружения (рис. 3).

Далеко не все общества поздней преполитарной фазы перешли к протополитарной фазе, а общества протополитарной фазы – достигли государственности. Судьбы преполитарных обществ на рассматриваемой территории также складывались по-разному. Некоторые модели просто «провалились» во времени, как, например, блестящие культуры дунайского энеолита блока Караново VI – Гумельница – Варна или майкопско-новосвободненская общность. С одной стороны, их подорвали изменения природных факторов. Так, одним из таких климатических «рубиконов», которые перешли далеко не все процветающие европейские и кавказские культуры атлантического периода голоцена, стали изменения климата во второй половине этого периода, начале суббореального периода голоцена и приход его особо жаркой фазы Sb2 (*Корневский, 2005*). Но не исключены и внутренние социальные взрывы в элитарных культурах, как полагают ученые в отношении культур «маундов» востока Северной Америки для комплексов Хоупвелл, Миссисипи, а также иных курганных культур Латинской Америки (*Уайт, 2006. С. 45; Сендерс, 2003; Фаулер, 2003*).

Изложенный выше обзор я рассматриваю лишь как одну из первых попыток осветить то направление в археологии, которое Колин Ренфрю ранее обозначил как познавательную археологию (*cognitive archaeology*), но специально ориентируя его на решение задач реконструкции социального развития древнего общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Абибулаев О. А.*, 1962. Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку.
Ахундов Т. И., Махмудова В. А., 2008. Южный Кавказ в кавказо-переднеазиатских этнокультурных процессах IV тыс. до н. э. Баку.
Веселовский Н. Н., 1900. Кубанская область // ОАК за 1897 г. СПб.
Джапаридзе О. М., 1991. Археология Грузии. Тбилиси. (На груз. яз.)
Дьяконов И. М., 1983. История древнего Востока. М.

⁷ Профессионализм военный имеет различные проявления в истории. Его последняя фаза – служба за плату, выраженную в деньгах. До этой фазы вознаграждение за военную службу могло выражаться в привилегиях, земельных наделах, доле военной добычи. Наиболее ранняя фаза военного профессионализма могла быть связана с регулярным участием в военных действиях, повлекших создание специальных форм вооружения. На этой фазе можно различать уровень «всеобщего вооружения» «для всех» и уровень элитного вооружения «не для всех», т. е. страту людей, обладающих наиболее дорогим и совершенным специальным оружием, нередко сопряженным с появлением протосословия воинов (*Шнирельман, 1994. С. 117*).

- Дьяконов И. М., 2006. Эпос о Гильгамеше. М.
ИПО, 1983 – История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М.
ИПО, 1986 – История первобытного общества. Поздняя родовая община. М.
ИПО, 1988 – История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М.
Корневский С. Н., 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.
Корневский С. Н., 2005. Ориентация культур древнейших земледельцев и скотоводов эпох энеолита – раннего бронзового века Кавказа и Подунавья в системе схемы Блитта-Сернандера // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала
Корневский С. Н., 2006. На долгом пути к государственности: Преполитарная модель этнологии и археология // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). М.
Корневский С. Н., Резепкин А. Д., 2008. Радиоуглеродная хронология памятников круга Майкопского кургана и Новосвободненских гробниц // Проблемы истории, философии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск. XXII.
Куфтин Б. А., 1949. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси.
Кушнарёва К. Х., 1994. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н., 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
Малиновский Б., 2004. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.
Махмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г., 1968. О древней металлургии Кавказа // СА. № 4. МНМ, 1987 – Мифы народов мира. М.
МНМ, 1988 – Мифы народов мира. М.
Оганесян В. Э., 1988. Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. Ереван. № 4.
Перишц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А., 1994. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
Семенов Ю. И., 1993а. Экономическая этнология. М.
Семенов Ю. И., 1993б. Переход от первобытного общества к классовому, пути и варианты развития // Этнографическое обозрение. М.
Семенов Ю. И., 1994. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Перишц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Сендерс У. Т., 2003. Центральная Америка // История человечества. VII до н. э. – VII н. э. / Ред. Й. Харманн, Э. Цюхлер. М. Т. III.
Уайт Д. М., 2006. Индейцы Северной Америки. М.
Фаулер М. Л., 2003. Северная Америка // История человечества. III тысячелетие до н. э. – VII до н. э. М. Т. II / Ред. А. Х. Дани, Ж.-П. Мозн.
Чайлд Г., 1956. Древний Восток в свете новых исследований. М.
Шнирельман В. А., 1994. Война как предмет исследования // Перишц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М. Т. I, II.
Frankfort H., 1958. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London.
Fried M. N., 1967. The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology. N. Y.
Govedariča B., 2004. Zeptrträger – Herrscher der Steppen. Vunz am Rhein.
Haheu V., Kurciatov S., 1993. Cimitiril plan eneolithic de linga satul Giurgilești // Revista Arheologica. Chsinău.
Ivanov I., 1988a. Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold. Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. Saabücken.

- Ivanov I.*, 19886. Die Ausgrabungen des Gräberfeld von Varna (1972–1986) // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. Saabrücken.
- Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.*, 2001. New symbols of a new power in a «royal» tomb from 3000 BC: Arslantepe, Malatya (Turkey) // *Paleorient*. Vol. 27/2.
- Renfrew C.*, 1972. Beyond a subsistence economy: The evolution of social organization in prehistoric Europe // *Reconstructing Complex Societies* / Ed. by Ch. B. Moore. (Suppl. to the Bulletin of the American School of Oriental Research. № 20.)
- Renfrew C.*, 1984. *Approaches to Social Archaeology*. Edinburg.
- Renfrew C.*, 1994. *Towards a cognitive archaeology* // *The Ancient Mind: Elements of Cognitive Archaeology*. Cambridge.
- Schmidt E. F.*, 1937. *Excavations at Tepe Hissar, Damghan*. Philadelphia.
- Service E. R.*, 1962. *Primitive Social Organization: An evolutionary perspective*. N. Y.
- Todorova H.*, 2002. *Durankulak*. Bd. II: Die Prähistorischen Gräberfeld. Teil I.
- Tringham R.*, 1972. Comments on Prof. Renfrew's Paper // *Reconstructing Complex Societies* / Ed. by Charlotte B. Moore. (Suppl. to the Bulletin of the American School of Oriental Research. № 20.)
- Woolley L.*, 1934. *Ur excavations*. London.

А. Л. Александровский, В. И. Балабина, Т. Н. Мишина, С. Н. Седов

ТЕЛЪ ЮНАЦИТЕ И ПОСЕЛЕНИЕ РЯДОМ С НИМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПЕДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИГРАФИИ

A. L. Alexandrovsky, V. I. Balabina, T. N. Mishina, S. N. Sedov. Tell Yunatsite and the nearby settlement – comparative pedological analysis in the context of archaeological stratigraphy

Abstract. The results of interdisciplinary studies performed at the Thracian sites dating from the Eneolithic to the Bronze Age are presented in the article. The data of soil, chemical, and micromorphological investigations of the sediments are compared to the archaeological stratigraphy of the two multilayer settlements for a long time excavated by joint Russian-Bulgarian expedition. The results of complex analytical studies do not agree in all aspects, since each method has certain limitations, which is clearly revealed when applied to the multilayer sites' deposits. The factors that cause disagreements should be established and analysed.

Ключевые слова: многослойное поселение, Южная Фракия, энеолит, бронзовый век, комплексные исследования, почвенный анализ, химический анализ, микроморфологический анализ.

В статье сопоставляются результаты почвенного, химического и микроморфологического исследования профилей двух расположенных рядом многослойных поселений на фоне сравнительного анализа их археологической стра-

тиграфии. Один из этих памятников – известный телль Юнаците, на котором в течение ряда лет велись комплексные палеоэкологические исследования, а второй – поселение большой площади, расположенное на пологом склоне террасы к западу от телля.

Телли отличаются от всех прочих типов поселений значительной мощностью напластований. Поскольку почвы формируются в условиях стабильной поверхности, на таких памятниках они фиксируют перерывы в накоплении культурных слоев и, кроме того, отражают характер растительного покрова и климатические условия своего образования. В зависимости от условий климата и биоты формируются почвы разного облика, на них влияют состав исходной породы и рельеф. В процессе почвообразования происходит накопление гумуса, а также миграция растворов и суспензий, оструктуривание, турбации, потеря исходной неоднородности седимента (слоистости, пятнистости), разложение растительных остатков, наследование материала от породы или от культурного слоя (в этом случае – керамики, костей и др.). Как известно, формирование почвы происходит относительно медленно. После стабилизации поверхности признаки гумусового горизонта появляются через 10 лет, а для образования зрелой почвы в результате проработки породы почвенными процессами на значительную глубину необходимо несколько сотен лет. На основании этого по степени развития почвы можно судить о длительности перерыва в накоплении слоя. Благодаря перечисленным факторам методы почвоведения дают возможность проводить разнообразные реконструкции природной среды на археологических памятниках (*Limbray, 1975; Дёмкин, 1997*). Они широко используются при изучении курганов и культурных слоев древних поселений (*Czerney, 1965; Иванов, 1992; Дергачёва, 1997; Сычёва, 1999*).

Применение почвенных методов на Юнаците показало их перспективность при палеоэкологических исследованиях мощных отложений теллей¹. Весьма обнадеживающими оказались итоги химического изучения колонки образцов на стратифицированном археологическом профиле этого памятника, поскольку они позволили выявить динамику изменения климата на протяжении полутора тысячелетий (*Александровский, Балабина, Мишина, 2004; Balabina, Mishina, Alexandrovskiy, 2003*). Для проверки этих результатов педологические работы в окрестностях телля Юнаците были продолжены. Профиль расположенного рядом поселения дал еще одну колонку, соотносимую с теллем, что позволяет оценить достоверность уже имеющихся данных.

На обоих памятниках проведены традиционные в педологии анализы концентрации гумуса, фосфора и карбонатов. В почвах содержание гумуса преимущественно связано с поступлением органического вещества растительного происхождения и положительно коррелирует с увлажненностью климата. В культурном слое Юнаците, который нарастал сравнительно быстро, такая корреляция не была прослежена, т. к. здесь основной источник накопления гумуса – антропогенное поступление органического вещества. Концентрация фосфора в

¹ Ранее методы почвоведения при изучении теллей практически не применялись. Можно упомянуть лишь начавшиеся недавно работы на одном из теллей в Венгрии (*Fül-eky, Vicze, 2003*).

культурных отложениях указывает, главным образом, на деятельность человека и свидетельствует об интенсивности поступления органического вещества животного происхождения.

Содержание карбонатов, по результатам исследования колонки Юнаците, отразило неоднородность накопления слоев и изменения увлажненности климата, по отношению к которой имеет отрицательную зависимость. Установлено, что сглаженная кривая содержания CaCO_3 отражает характерные для почвообразовательные процессы миграции карбонатов (выщелачивания) и их аккумуляции (окарбонирования). Изгибы этой кривой в сторону пониженного содержания карбоната кальция соответствуют периодам с более влажным климатом и интенсивным промыванием атмосферными осадками накапливающихся отложений. Наоборот, в периоды засушливого климата происходит накопление CaCO_3 биогенным и эоловым путем. Велика роль «подтягивания» карбонатных растворов по капиллярам к поверхности и осаждения их там в результате высыхания почвенной влаги. Следы указанных миграционно-аккумулятивных почвенных процессов в виде тонких прожилок CaCO_3 и пропиточных форм кальцита (последние обнаруживаются в шлифах) были прослежены по всей толще телля. Выявленные колебания концентрации CaCO_3 в отложениях Юнаците особенно интересно сравнить с колонкой анализов стратифицированного профиля второго поселения, находящегося рядом.

Начнем с топографических и археологических характеристик изученных нами памятников, находящихся в Верхней Фракии, на правом берегу западного рукава р. Тополница, недалеко от ее впадения в Марицу. Поверхность территории, полого наклоненная к востоку-юго-востоку, осложнена невысокими террасами рек. К югу и северу от Фракийской долины расположены горные массивы – Родопы и Средна Гора.

Телль Юнаците столетиями формировался в нижней части пологого склона от надпойменной террасы к пойме на слабовыраженном мысообразном выступе. За счет одновременных культурных напластований он стал выше террасы. В настоящее время высота телля достигает 7,5–8 м от уровня современной дневной поверхности, а мощность культурных напластований – 9–9,5 м от уровня *палеопочвы*. Его склоны крутые, поверхность слабо наклонена к ЮЮВ, диаметр составляет около 100 м (рис. 1). Восточной стороной памятник выходит на пойму р. Тополницы. По ее древнему руслу более ста лет назад был проложен канал. Западный край телля поднимается до верхней части пологого склона террасы. Сравнительно недавно в этом месте был прорыт еще один канал, а также проложена дорога, разрушившая полу телля. Выше по склону, к западу от телля, на расстоянии не более 100–150 м находится интересующее нас поселение с отложениями эпохи энеолита и раннего бронзового века.

Палеогеографические исследования по данным трех шурфов (1 × 1 м) по обе стороны от телля позволили частично восстановить топографию древней поверхности. Шурф 1 был заложен в 10 м к северу от телля, в пойме, у края террасы, с целью выявления древней береговой линии Тополницы. Еще два шурфа были вырыты к югу от телля, на склоне террасы – на расстоянии 25 м (№ 2) и 100 м (№ 3) от памятника (рис. 1).

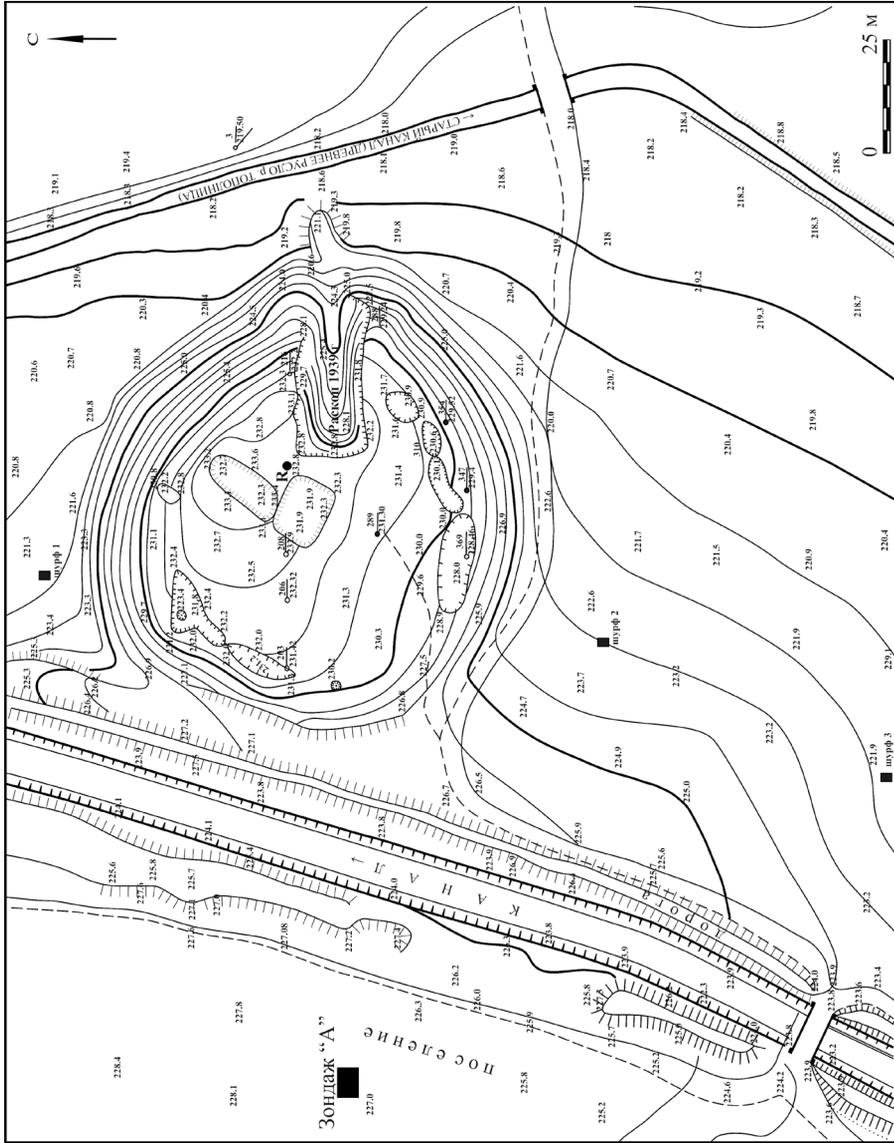

Рис. 1. Топографический план теля Юнаите и его окрестностей. Отмечены шурфы 1–3, а также зондаж «А» на соседнем поселении

В шурфе 1 верхние 30 см составлял пахотный горизонт. На глубине 30–110 см залегал слабоструктурный слабо уплотненный темно-серый суглинок. Ниже, на глубине 110–195 см, находились намывные слоистые светло-желтые суглинисто-песчаные отложения. На глубине около 2 м был достигнут песок – видимо, край древнего берега Тополницы. Отметим, что в этом шурфе отдельные фрагменты античной и раннебронзовой керамики встречались до самого дна (до глубины 2 м).

В шурфе 2 (рис. 2) под дерном верхние 45–49 см сложены из темно-серого рыхлого суглинка со следами плантажной вспашки. На глубине 50–80 см присутствовал темно-серый плотный наносной грунт, который подстилала тонкая пепельная прослойка с включениями угольков, по-видимому представляющая собой последнюю дневную поверхность нижележащего культурного слоя. Здесь встречены отдельные фрагменты керамики, относящиеся к РБВ II, но преобладала энеолитическая керамика.

Ниже, на глубинах 80–125 см, фиксировался культурный слой эпохи энеолита, сложенный серо-бурым плотным суглинком с включениями мелких камней. В его пределах присутствовала керамика с графитным орнаментом, а также с углубленным орнаментом, инкрустированным белой пастой. В центральной части данной толщи выявлен наклонный углистый прослой толщиной около 5 см.

На глубинах 125–150 см находился темно-серый суглинок, плотный, комковатый, без каких-либо включений (*погребенная почва*). Ниже залегал светлый серо-желтый материковый суглинок.

В шурфе 3 верхние 80 см также сложены темно-серым комковатым суглинком со следами плантажной вспашки. До глубины 175 см залегал намытый (слоистый, слабо уплотненный, комковатый) суглинок с примесью гравия. Ниже, до 2 м, присутствовал более светлый суглинок с примесью песка и мелкого гравия. Обломки керамики встречались в шурфе до самого дна².

Как видим, по обе стороны от телля по линии север – юг во всех трех шурфах на глубину от 1 до 2 м фиксируются намывные отложения, включающие керамику. Этот материал сносился вместе с делювием к подножию террасы. Таким образом, по мере роста культурного слоя на телле происходил и постоянный смыв отложений по склону в сторону поймы Тополницы, благодаря чему памятник заносился с флангов делювием, хотя и не сильно. Древняя *почва*, выявленная в шурфе 2, была соотнесена с *палеопочвой* под теллем, что позволило реконструировать дневную поверхность, существовавшую до образования поселения (рис. 3).

Край древнего берега Тополницы (по шурфу 1) находился в пойме ниже террасы, на которой расположен телль. Это показывает, что древнее русло реки огибало эту террасу, равно как и телль.

Многослойное поселение, сосуществовавшее с разновременными поселениями на Юнаците, несомненно, было с ними связано, возможно, являлось их napольной частью. Сейчас оно занимает значительную площадь, до 40 000 м², но систематическим раскопкам пока не подвергалось, поэтому какими-либо

² Шурф 3, к сожалению, не удалось довести до материковых отложений.

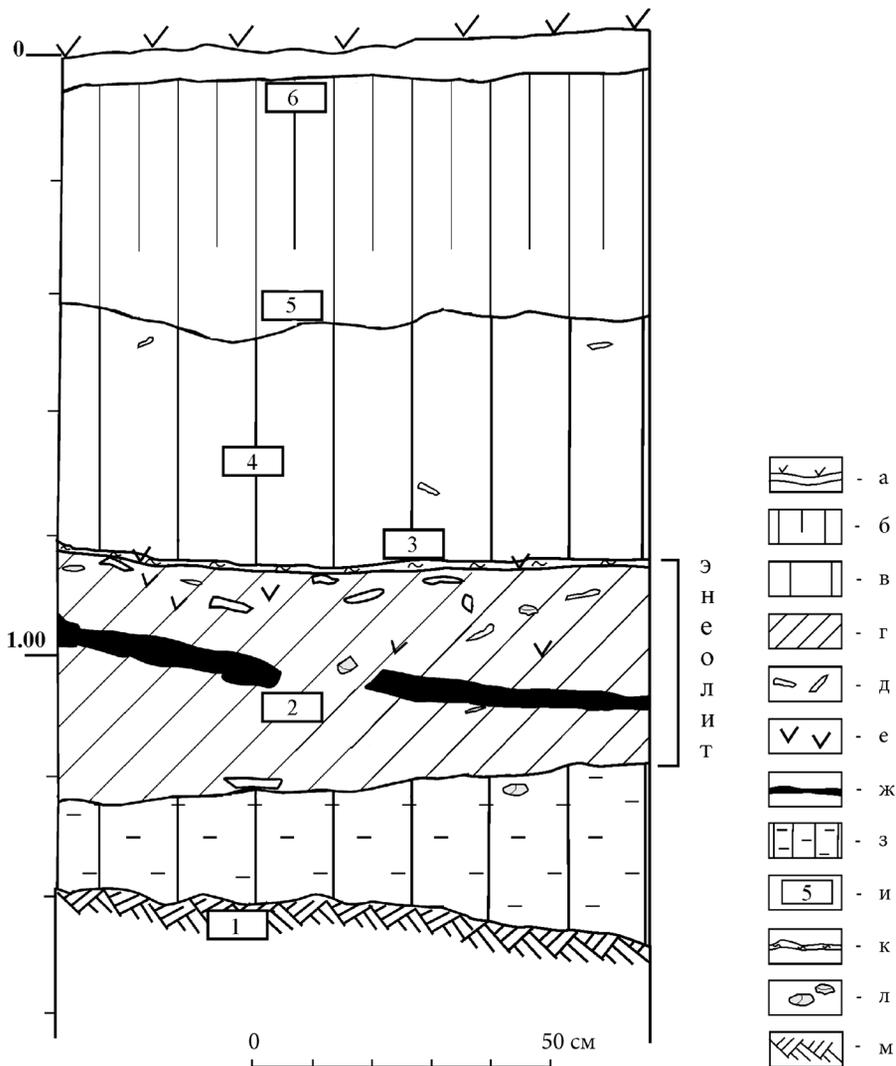

Рис. 2. Стратиграфия шурфа 2

a – дерн; *b* – гумусовый горизонт, проработанный распашкой; *v* – темно-серый суглинок; *z* – серо-бурый суглинок; *d* – фрагменты керамики; *e* – угольки; *ж* – углистая прослойка; *z* – темно-серый комковатый суглинок; *и* – номера проб; *к* – прослойка пепла; *л* – камни; *м* – серо-желтый суглинок (материк)

сведениями о его планиграфии и архитектурных особенностях мы не располагаем. Предпринятая шурфовка позволила лишь в общих чертах описать стратиграфию памятника и соотнести ее со стратиграфией телля.

Поселение на поле рядом с теллем было обнаружено в 1980 г. при строительстве оросительной системы, когда в траншеях выявился культурный слой с материалами эпохи ранней бронзы. Тогда же в 150 м к ЗЮЗ от репера на телле

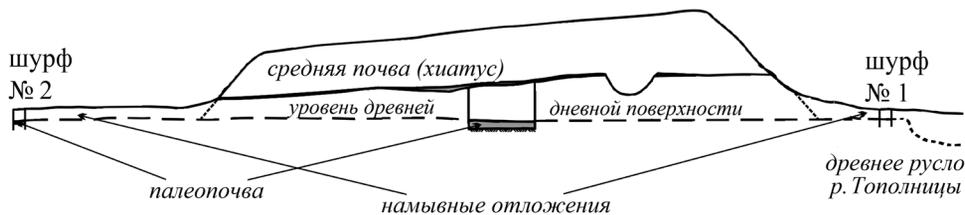

Рис. 3. Палеогеографические реконструкции на основании имеющихся разрезов

был заложен зондаж (размерами 6×3 м), получивший в полевой документации название зондаж «А» (рис. 1). Он был ориентирован по сторонам света, доведен до глубины 2 м от поверхности, но материка не достиг.

В 2001 г. северная стенка зондажа «А» была зачищена, углублена шурфом 1×1 м до $-2,90$ м от поверхности. С этого уровня и до глубины 4,00 м исследование толщ продолжалось бурением. Материк был достигнут на глубине 3,6 м. Полное стратиграфическое описание зондажа «А» опубликовано (Телль Юнаците, 2007. С. 11–14), приведем его основные результаты. Профиль поселения рядом с теллем Юнаците включает отложения РБВ III и РБВ II с дневными поверхностями и маркирующим материалом. Ниже – над *палеопочвой* и в ее верхнем горизонте – присутствуют перемешанные материалы РБВ и эпохи энеолита (Караново VI) (рис. 4, 1).

Полный профиль телля длиннее и подробнее (рис. 4, 1, 2). Над *палеопочвой* зафиксированы отложения раннего энеолита (культура Марица), перекрытые несколькими горизонтами Караново VI, верхний из которых включает материалы культуры Селкуца III. Над энеолитическим пластом («В») расположена *почва хиатуса*, а выше последовательно залегают шестнадцать раннебронзовых горизонтов (пласт «Б»), отчетливо относимых к трем соответствующим периодам – РБВ I, II и III³. Верхняя часть отложений телля (пласт «А» толщиной около 1 м) содержит материалы раннего железного века – раннего средневековья.

Археологическая синхронизация отложений зондажа «А» и телля Юнаците. Материалы РБВ II и III на телле и на соседнем поселении, по-видимому, синхронны. Примечательно, что между ними на обоих памятниках выявлены слабые следы почвообразования. При этом на телле период запустения памятника между РБВ II и III в процессе раскопок не прослеживался. Карпологические же исследования показали, что именно в пробах из соответствующих горизонтов (IX–VIII) нет культурных злаков (Popova, Pavlova, 1994).

Из-за отсутствия надежных керамических маркеров остался открытым вопрос о присутствии в зондаже «А» отложений времени РБВ I, хорошо представленных на телле. Однако энеолитическую керамику, обнаруженную на этом памятнике в верхней части *палеопочвы*, можно уверенно синхронизировать с последним энеолитическим горизонтом телля (Караново VI). Таким образом,

³ По периодизации, предложенной Кр. Лешаковым (2000).

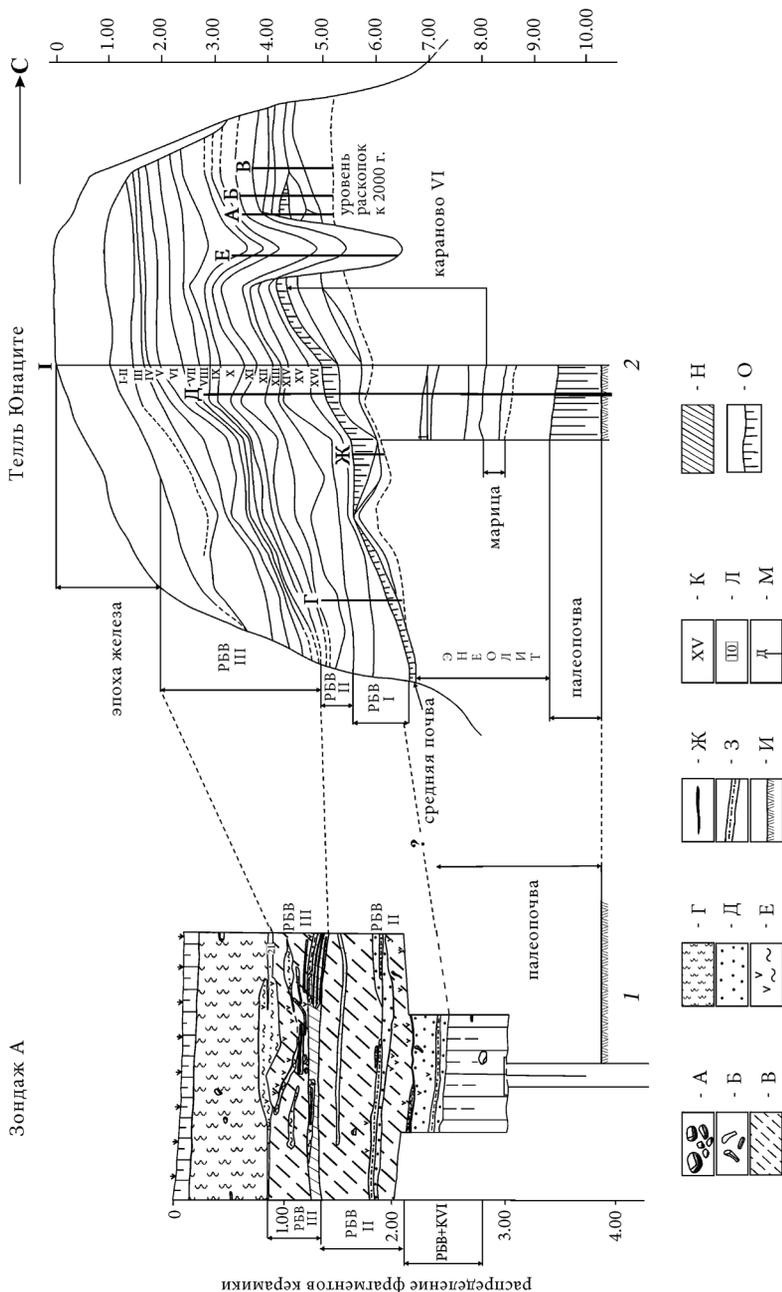

Рис. 4. Стратиграфическое соотношение зондажа «А» (1) и телля (2). Схема напластований телля дана в горизонтально сжатом масштабе

А – камни; Б – кости; В – рыхлый серый суглинок; Г – темно-серый грунт с леплом; Д – серый суглинок; Е – уголь и зола; Ж – углистая прослойка; З – обожженная глина; И – материк; К – номера горизонтов; Л – номер пробы; М – колонка проб; Н – необожженная зеленая глина; О – погрешная почва

палеопочва, прослеженная в зондаже «А», развивалась значительно дольше, нежели *палеопочва* под теллем. Она существовала на протяжении энеолита (культуры Марица и Караново VI) и позже, в то время, когда на телле формировалась почва *хиатуса*.

Почвенные характеристики окрестностей телля. Основными почвами в районе телля являются смолницевидные и бурые лесные на поверхности террасы, а также аллювиальные в пойме Тополницы. Бурые лесные почвы свидетельствуют об относительно влажных условиях природной среды последнего позднеголоценового этапа почвообразования. Данные почвы в результате длительного использования в значительной степени прогумусированы и окарбоначены. Смолницевидные почвы формируются в безлесных условиях. Они указывают на наличие степных участков в составе ландшафтов, но эти участки могут иметь как природное, так и антропогенное происхождение. Кроме нормальных почв здесь имеются кумулятивные, формирующиеся при медленной седиментации, в частности пойменные. К ним относится и *палеопочва* под теллем. Сходные черты имеет и *палеопочва* из зондажа «А», нарастающая за счет медленной седиментации материала культурного слоя.

Почвенные характеристики телля. В центральном профиле памятника были обследованы три почвы. *Верхняя (современная)* развита слабо, что, вероятно, свидетельствует о недавних нарушениях поверхности телля. *Средняя почва* залегает между отложениями энеолита и ранней бронзы. *Нижняя (палеопочва)*, находящаяся под теллем, была изучена по данным бурения. Кроме перечисленных очевидных почв следует отметить признаки слабого почвообразования в отложениях РБВ.

Палеопочва, подстилающая энеолитический пласт, имеет мощный профиль (рис. 4, 2). Ее гумусовая прокраска относительно слабая. Структура комковатая, выражена плохо, что связано с процессами диагенеза. Верхняя граница ее профиля прослеживается нечетко, переход к вышележащему слою выглядит постепенным, с признаками слоистости. Ниже гумусового горизонта мощностью 0,6–0,7 м, располагается карбонатный горизонт, содержащий мелкие частицы карбонатов песчаной размерности. Весь профиль содержит почвенные карбонаты. Отметим, что признаки лесного почвообразования – натеки и оподзоленность – отсутствуют. В верхней части почвенного профиля встречены фрагменты керамики.

Средняя почва сформировалась в течение хиатуса в накоплении культурного слоя. Эта почва ярко выделяется на фоне культурных напластований по цвету и слоению и четко прослеживается от южного до северного края телля на протяжении 60 м, почти по всей стенке раскопа (за исключением нарушенных и не докопанных участков). Уровень ее залегания неровный, наблюдается слабый уклон к ЮЮВ (Телль Юнаците, 2007. Рис. 111, 112). Профиль представлен системой гумусовых горизонтов А1-АВ-Вса, с постепенным ослаблением прокраски книзу, что характерно преимущественно для степных почв.

Мощность гумусового горизонта А1 составляет около 20 см, а вместе с переходным горизонтом АВ – до 40 см. Отметим, что в заглаблениях мощность увеличена. Здесь во время образования кумулятивной почвы на ее поверхности происходило отложение почвенного материала, смытого с поверхности окружа-

ющих повышений. В свою очередь на повышении почвенный профиль укорочен, что объясняется процессами смыва (рис. 4, 2).

Почва имеет темно-серо-бурый цвет и окрашена однородно. Хорошо выражена ее зернисто-комковатая структура, особенно в верхнем горизонте А1. Отмечается отсутствие глинистых натеков, что также присуще степным почвам. Местами ниже горизонта АВ имеются типичные для степных почв следы ходов грызунов-землероев округлой формы диаметром 5–10 см, заполненные темным материалом. К периоду почвообразования относятся частично вымытые из горизонтов А + АВ и накопившиеся под ними карбонаты (горизонт Vca), преимущественно пропиточные, слабо выраженные морфологически.

Хотя у рассматриваемой *средней почвы* профиль не столь мощный, как у *палеопочвы* и почв за пределами поселения, судя по степени развития ее профиля и структуры, по содержанию гумуса, а также прочим почвенным характеристикам, длительность хиатуса, которому она соответствует, составляла не менее 800 лет. Отметим, что такой диапазон хиатуса между финалом энеолита и началом РБВ подтверждают как результаты археомагнитного исследования, так и серия ¹⁴С дат, полученных для финала энеолита и нижних горизонтов РБВ телля Юнаците (Телль Юнаците, 2007. С. 222–238; Чичагова и др., 2007).

Результаты микроморфологических исследований средней почвы. Микроморфологические данные позволяют уверенно отличать почвы, обладающие специфической биогенной структурой, от археологических горизонтов антропогенного сложения, темная окраска которых связана с повышенным содержанием дисперсного угля. Гумусовый горизонт характеризуется хорошо развитой биогенной структурой и губчатым сложением. Отмечается сильная темная прокраска прогумусированных агрегатов, представляющих собой копролиты почвенной мезофауны, размер агрегатов – 0,05–0,5 мм (рис. цвет. III, 1, 2). В шлифах из подгумусовых горизонтов среди почвенной массы, слабо прокрашенной гумусом и не имеющей биогенной структуры, встречаются скопления мелких фрагментов угля древесных или травянистых растений (рис. цвет. III, 3), некоторые фрагменты раздроблены.

В горизонте А1₂ встречаются обломки раковин сухопутных моллюсков (2–3 мм, толщиной 0,05 мм) хорошей сохранности. При скрещенных николях на илл. 1, 4 видна раковина наземного моллюска, который жил в период образования почвы. Здесь также встречаются агрегаты первичного кальцита. В условиях влажного климата и лесной (лесостепной) растительности и первичный кальцит, и раковины должны активно растворяться. Выявленная же хорошая сохранность раковин и первичного кальцита свидетельствует об отсутствии периодов выщелачивания карбонатов из почвы – и следовательно, периодов с влажным климатом и лесным почвообразованием – для горизонта А1₂. Отмечается также отсутствие микроморфологических признаков иллювирирования глины, характерных для почв лесного генезиса. В горизонте А1₂ также встречаются выветренные фрагменты кости. Местами они нарушены трещинами, видны отслаивающиеся мелкие фрагменты размером 0,03–0,1 мм (рис. цвет. III, 5). Также имеются мелкие фрагменты керамики (около 1 мм). В их составе кроме глинистой прокаленной массы присутствуют включения минеральных зерен (0,1–0,2 мм), соответствующие по размерности фракции мелкого песка (вероятно, отошитель).

Четкую зернистую структуру и развитое поровое пространство имеет нижележащий горизонт АВ (рис. цвет. III, 2), что свидетельствует о проникновении процессов биогенного оструктурирования на большую глубину. Вместе с тем в следующем шлифе при скрещенных николях видны белые светящиеся точки – карбонатные новообразования по краям пор, представленные мелкокристаллическим кальцитом (рис. цвет. III, 6). Подобные новообразования характерны для иллювиальных карбонатных горизонтов и указывают на весьма засушливый, характерный для степи, климат. Еще ниже, в карбонатном горизонте Вса, новообразованный кальцит фиксируется в виде толстых пленок. Таково светящееся кольцевое образование левее центра при скрещенных николях (рис. цвет. III, 7). Резюмируя изложенное, отметим, что микроморфологические исследования свидетельствуют о степном климате в период формирования *почвы хиатуса* вплоть до горизонта А1₂.

Распределение карбонатов по профилю Юнаците (колонка «Д»). Результаты химического исследования почв и седиментов Юнаците по колонке «Д» (в середине центрального профиля памятника) показали, что почвы и отдельные слои телля существенно различаются по содержанию фосфора, гумуса и карбонатов (рис. 5, 2) (Александровский, Балабина, Мишина, 2004; Балабина, Мишина, 2008). На основании распределения по профилю карбонатов, свидетельствующих о степени увлажненности климата, были выявлены следующие палеоклиматические закономерности.

Палеопочва под теллем имеет аллювиально-степной генезис. В конце ее формирования и позже, когда данный участок впервые стал обитаем (культура Марица), фиксируется некоторое снижение содержания карбонатов, указывающее на рост увлажненности. Но максимальная интенсивность выщелачивания CaCO₃ соответствовала финалу культуры Марица и началу культуры Караново VI. Позднее, в период существования этой культуры, климат стал меняться в сторону аридизации. Отметим, что *почва хиатуса* начала развиваться в условиях сухой степи, но в конце ее формирования климат снова стал влажнее. Именно в этих условиях появился первый поселок эпохи бронзы (РБВ I). Выше по профилю опять наблюдается постепенное увеличение содержания карбонатов, что указывает на новое климатическое колебание в сторону засушливости, приходящееся на РБВ II. Наивысшая концентрация карбонатов (более 30%) в пределах колонки «Д» фиксируется в ее верхней части (на уровне около 3 м). Этот пик аридизации соответствует началу РБВ III.

Сравнение графиков распределения карбонатов на телле и в зондаже «А». На рис. 5, 1, 2 приведены графики распределения гумуса, карбонатов и фосфора по профилям обоих памятников в соответствии с имеющимися данными об археологической стратиграфии. По сравнению с колонкой «Д» на телле, в зондаже «А» фиксируются меньшие колебания содержания гумуса, фосфора и карбонатов. При медленном накоплении отложений они нивелируются в процессе почвообразования. В результате этого и имевшихся перерывов в седиментации было возможно и перемешивание слоев. Значительно сильнее был переработан и карбонатный профиль. Видимо, имела место миграция фосфора в форме трикальцийфосфата. В целом толща культурного слоя в зондаже «А» по содержанию всех проведенных анализов несколько более монотонна, чем на телле.

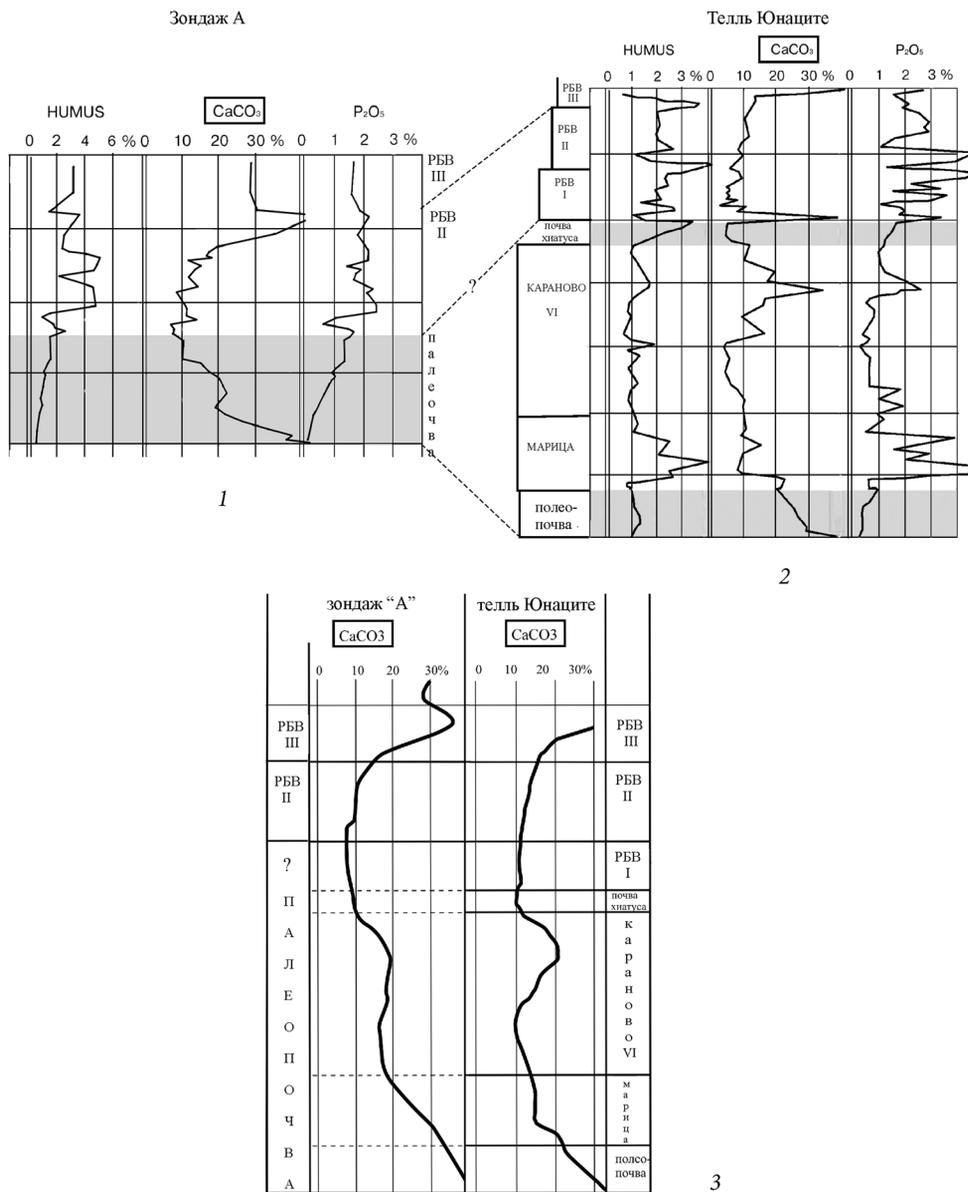

Рис. 5. Результаты химического исследования

1, 2 – кривые распределения гумуса, карбонатов и фосфора по профилям теля и зондажа «А»;
3 – кривые распределения карбонатов в сглаженном виде и в масштабе времени

Существенно, что на телье и в зондаже «А» распределения карбонатов имеют некоторые общие черты. Узнаваемы отрезки кривых CaCO₃ в нижней части обоих профилей – окарбоначенные участки, отражающие условия сухой степи и соответствующие времени образования *палеопочвы*. Пик увлажненности,

приходящийся на телле на переходное время от культуры Марица к культуре Караново VI, повторяется и в нижней трети почвенного профиля открытого поселения. На обоих графиках за этим пиком следует аридизация, приходящаяся на телле на Караново VI, а на открытом поселении отмечаемая в средней части погребенной почвы.

Из-за осыпания центрального профиля Юнаците колонку «Д» удалось довести только до нижних горизонтов РБВ III, в то время как колонка зондажа «А» охватила этот период полностью, что отчетливо демонстрируют соответствующие участки графиков распределения карбонатов. Так, на телле резкого увеличения карбонатов (свидетельство сильной аридизации) на участке профиля, соответствующего РБВ III, только начинает расти, а в зондаже «А» он представлен целиком (рис. 5, 1, 2).

Для более корректного и наглядного сопоставления кривые распределения карбонатов сравнивались в масштабе времени и в сглаженном виде (рис. 5, 3). Это предполагает их графическую синхронизацию согласно времени накопления соответствующих отложений. В частности, из-за отсутствия в зондаже «А» отложений Марицы и дневных поверхностей времени Караново VI *палеопочва* здесь развивалась значительно дольше, нежели *палеопочва* под теллем. Поэтому в масштабе времени она должна охватывать периоды существования на телле и обеих энеолитических культур, и *почву хиатуса*. Сглаженные кривые распределения карбонатов на двух памятниках, построенные в одном временном масштабе имеют большое сходство. В нижней части *палеопочвы*, подстилающей оба памятника, содержание карбонатов с глубиной увеличивается, что характерно для естественного почвообразования. На протяжении энеолита (согласно стратиграфии телля) на обоих графиках фиксируется сначала заметное увлажнение климата, приходящееся на финал культуры Марица, а потом постепенная аридизация, совпадающая с концом Караново VI и началом формирования на телле *почвы хиатуса*. Завершению этого процесса и времени РБВ I соответствует пониженное содержание карбонатов на обоих графиках, что и позволяет с наибольшей вероятностью соотнести начало РБВ I на телле с верхом погребенной почвы на открытом поселении.

Выше по профилю и на телле, и на соседнем поселении последовательно залегают отложения РБВ II и III, между которыми в обоих случаях читаются слабые следы почвообразования. Переломный момент в интенсивности жизнедеятельности на Юнаците в это время, помимо упоминавшегося отсутствия культурных злаков в пробах соответствующих горизонтов, выявляют такие показатели, как количественное распределение остатков хозяйственных сооружений и керамики (*Балабина, Мишина, 2008*).

РБВ II на обоих памятниках отмечает плавное увеличение карбонатов (вторая постепенная аридизация). Период РБВ III в том и другом случае маркирует пик карбонатности (полный для зондажа «А» и незавершенный по кромке колонки «Д» на телле). Можно полагать, что данный пик аридизации климата соответствует подобным событиям, выявленным и в других регионах, например, в Месопотамии (*Weiss et al., 1993*), Предкавказье (*Александровский, Александровская, 2005*), на среднем Дону (*Спиридонова, 1991*), и относимым к 2400–2300 ВС, что не противоречит датам РБВ III телля Юнаците.

Итоги и сопоставления. При исследовании методами педологии колонок телля и зондажа «А» получены кривые распределения карбонатов, сравнительный анализ которых свидетельствует об изменении увлажненности климата на протяжении более полутора тысяч лет. Кроме того, охарактеризованы две погрешенные почвы, одна из которых подстилает телль, а вторая соответствует хиатусу между пластами энеолита и РБВ.

Эти результаты мы можем сопоставить с данными еще некоторых палеоэкологических исследований, проводившихся на Юнаците, – спорово-пыльцевого, фитолитного и диатомового.

На археологических памятниках чаще всего анализируются спорово-пыльцевые комплексы. Отметим, что редко исследуемые длинные колонки теллей отражают смену растительности и, соответственно, изменение ландшафтов для целых эпох. Опубликованная палинологическая колонка Юнаците свидетельствует о значительных колебаниях климата и изменениях ландшафта от раннего энеолита до современности (*Балабина и др.*, 1999).

Нижние пробы колонки (комплекс I, культура Марица) соответствуют достаточно прохладному и влажному климату. В них присутствует пихта. Долина реки использовалась под пашню лишь частично. Рядом с поселением сохранялись пойменные луга. На время культуры Караново VI приходятся три спорово-пыльцевых комплекса – II–IV. Последний из них, видимо включающий низ почвы хиатуса, указывает на исчезновение лесов и аридизацию, что согласуется с результатами карпологического исследования, согласно которым, носители Каранова VI культивировали скороспелые злаки, приспособленные к аридным условиям (*Янушевич*, 1983. С. 116).

По данным спорово-пыльцевого комплекса V (РБВ I – начало РБВ II, горизонты XV–XII), климат стал прохладным и влажным. Горный пояс леса продвинулся на более низкие отметки. В пробах снова присутствует пихта. Следующий, VI, спорово-пыльцевой комплекс (РБВ II – начало РБВ III, горизонты XI–VIII) отражает уже более сухой климат – господство пыльцы травянистых растений, среди которых доминируют злаки, в том числе культурные. VII комплекс (РБВ III, горизонт VII) диагностирует наиболее аридные условия внешней среды за все время существования памятника: засушливость, сокращение посевных площадей, перелог. Позднее, к концу РБВ III, происходит постепенное похолодание, снова появляются леса.

Как видим, колебания увлажненности климата, фиксируемые по кривым распределения карбонатов по профилям Юнаците и поселения рядом с ним, в целом не противоречат результатам палинологического исследования телля. Повышенная влажность климата, соответствующая времени обитания на памятнике носителей культуры Марица, судя по данным палинологии, была связана с похолоданием. Постепенную аридизацию на протяжении существования здесь культуры Караново VI фиксируют и кривые распределения карбонатов, и спорово-пыльцевые исследования. Оба метода отметили колебания влажности в течение РБВ. Первое увеличение увлажненности, связанное с похолоданием (по данным палинологии), произошло в конце развития *средней почвы* и в РБВ I (около 3200–3000 BC). Потом, в РБВ II, происходит постепенная аридизация – как свидетельствует палинология, соответствующая потеплению. Она достигает

своего максимума в середине РБВ III, после чего вновь становится прохладнее и влажнее. Существенно, что данный пик аридизации климата подтверждается разными исследователями на очень большой территории.

Обратимся к характеристикам двух погребенных почв.

1. *Палеопочва*. На основании визуального исследования и по данным химического анализа установлено, что *палеопочва* под теллом малогумусная, в ней отсутствуют глинистые натеки и, наоборот, очень много карбонатов. Это свидетельствует об аридных условиях времени ее формирования. Также мы имеем результаты исследования диатомей и фитолитов в этой палеопочве (*Киселева и др.*, 2005).

Диатомеи – панцири определенных разновидностей микроскопических водорослей. Присутствие в спектре чисто почвенных видов, развивающихся на дневной поверхности вне водоемов, может быть показателем периода стабильного развития территории. Как оказалось, в верхнем горизонте *палеопочвы* доминирует почвенный вид диатомей *Hantzschia amphioxys* (67%). Однако в препарате велика доля обломков раковин (до 50%), что может свидетельствовать об их переотложении, т. е. о нарушении верхнего горизонта данной почвы.

Под фитолитами чаще всего подразумеваются кремневые образования растительного происхождения, и они оказываются весьма информативными в палеоэкологическом отношении. Фитолиты формируются в процессе жизнедеятельности растений и обнаруживаются преимущественно в почвах. Это позволяет использовать их при реконструкции растительного покрова, причем наиболее достоверными будут результаты их анализа из гумусовых горизонтов. *Палеопочва*, подстилающая телль, сформировалась на естественных почвообразующих породах и имеет состав фитолитов, в основном отражающий структуру естественного растительного покрова. Вместе с тем в ее спектрах присутствуют фитолиты посевных хлебных злаков, что указывает на антропогенное воздействие на исходную поверхность в период возникновения поселения.

Некоторые характеристики фитолитных комплексов погребенных почв, в частности индекс аридности, могут быть использованы в качестве палеоэкологических показателей (*Twiss et al.*, 1969; *Twiss*, 2001). Верхний гумусовый горизонт *палеопочвы* характеризуется наиболее высоким коэффициентом аридности (по сравнению с *почвой хиатуса* и *современной почвой*), что тоже указывает на аридные условия развития экосистемы до возникновения поселения на этой территории (*Киселева и др.*, 2005).

2. *Почва хиатуса*, по данным педологического исследования, также формировалась в условиях степи. Об этом свидетельствует ряд ее признаков: зернисто-комковатая структура, отсутствие глинистых натеков, наличие в нижней части профиля (горизонт Вк) ходов степных грызунов-землероев, заполненных материалом верхних гумусовых горизонтов (А1 + АВ). На степной характер этой почвы указывают и результаты микроморфологических исследований. В ней отмечается отсутствие признаков иллювирирования глины, характерных для почв лесного генезиса.

По результатам диатомового анализа в средней части *почвы хиатуса* доминирует почвенный вид диатомей *Hantzschia amphioxys* (48%), а его вари-

ция *Hantzschia amphioxys f. capitata* достигает 35%. Существенно, что этот вид представлен преимущественно целыми панцирями, что свидетельствует о естественном сложении данной толщи. Эта почва начала развиваться на наносах культурного слоя (Телль Юнаците, 2007. С. 125; Балабина, Мишина, 2010) и в значительной мере унаследовала фитолиты, привнесенные в результате хозяйственной деятельности. Вместе с тем на протяжении длительного времени ее гумусовый профиль формировался без антропогенного воздействия.

Наиболее стабильные фитолитные спектры характерны для слоев средней части профиля *почвы хиатуса*, от которых заметно отличаются ее верхние слои. Индекс аридности в ней не одинаков. В нижней части гумусового горизонта он достаточно высок, а в верхней – втрое ниже и характеризуется минимальными значениями. Столь резкое колебание коэффициента аридности в пределах толщи одной и той же почвы можно объяснить тем, что на последних зафиксированных этапах развития *почвы хиатуса* фитолитные спектры формировались в условиях, благоприятных для произрастания (на поверхности телля) достаточно влаголюбивых злаков. Верхняя же часть гумусового горизонта была нарушена при строительстве первого поселка РБВ. Таким образом, диатомовый и фитолитный анализы подтвердили не только естественный степной генезис обеих погребенных почв телля, но и диагностировали нарушенность верхних горизонтов той и другой.

Итоги разносторонних естественнонаучных методик не всегда безупречно согласуются друг с другом. Каждая из них имеет свои ограничения. Особенно остро они ощущаются именно на теллях, где необходимо соотнесение всех полученных результатов на многометровых разрезах. Причины противоречий необходимо выявлять и анализировать. Поэтому считаем необходимым отметить некоторые расхождения.

1. По итогам пыльцевого анализа влажным было время культуры Марица, по почвенным данным – время перехода от культуры Марица к Караново VI.

2. Исследования фитолитов свидетельствуют о присутствии влаголюбивых растений в верхнем сохранившемся горизонте *почвы хиатуса*, что согласуется с данными палинологии (увлажнение и похолодание к началу РБВ), но расходится с результатами микроморфологического исследования, указывающими на достаточно засушливый, характерный для степи, климат на последних стадиях ее формирования.

Хорошо известно, что почвы показывают усредненную картину событий для более продолжительных периодов. Возникшие расхождения, помимо вероятных технических погрешностей, могут быть связаны и с различиями механизмов записи истории природной среды в почвах (карбонатность, гумусность, характер структуры и микростроения почвенной массы), пыльцевых, фитолитных и диатомовых спектрах, других природных и антропогенных записывающих системах.

Поэтому только разносторонние комплексные исследования позволяют получать действительно корректные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., Александровская Е. И.*, 2005. Эволюция почв и географическая среда. М.
- Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2004. Материалы к истории палеоландшафта верхнего течения реки Марицы в среднем голоцене // Добруджа. 21. Варна.
- Балабина В. И., Мацанова В., Мерперт Н. Я., Мишина Т. Н., Спиридонова Е. А.*, 1999. Стратиграфия и палинология телья «Плоская могила» во Фракии // Естественнонаучные методы в полевой археологии. М. Вып. 3.
- Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2008. Телья Юнаците в эпоху ранней бронзы: колебания климата и динамика хозяйственной деятельности // Материалы II (XVIII) Археологического съезда. Суздаль. Т. III.
- Балабина В. И., Мишина Т. Н.*, 2010. Последний энеолитический поселок на телье Юнаците: история гибели // Человек и древности: Сб. памяти А. А. Формозова (1928–2009). М.
- Демкин В. А.*, 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушкино.
- Дергачева М. А.*, 1997. Археологическое почвоведение. Новосибирск.
- Иванов И. В.*, 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- Киселева Н. К., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Переладов А. М.*, 2005. Особенности формирования фитолитного и диатомового спектров культурного слоя телья «Плоская могила» // Opus. 4. М.
- Лыцаков Кр.*, 2000. Исследования върху бронзовата епоха в Тракия // Годишник на Софийския университет «Климент Охридски». Исторически факултет. София. Т. 84–85.
- Спиридонова Е. А.*, 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.
- Сычева С. А.*, 1999. Культурный слой как объект географии // Изв. РАН. Сер. геогр. № 6.
- Телья Юнаците. М., 2007. Т. 2. Ч. 1.
- Чичагова О. А., Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Зазовская Э. П.*, 2007. Новая серия ¹⁴C дат для телья Юнаците // Телья Юнаците. М. Т. 2. Ч. 1.
- Янушевич З.*, 1983. Находки культурных растений из позднеэнеолитических слоев Овчарова // Овчарово. Разкопки и проучвания. София. VIII.
- Balabina V. I., Mishina T. N., Alexandrovskiy A. L.*, 2003. Interdisciplinary studies of soils and sediments of the tell Yunacite, Bulgaria // Second International Conference on Soils and Archaeology (Pisa, 12th – 15th May, 2003). Pisa.
- Czerney P.*, 1965. Bodenkundliche Untersuchungen an einer fossilen und einer rezenten Schwarzerde // Albrecht Thaer-Archiv. 9. № 10.
- Füleky G., Vicze M.*, 2003. Soil and archaeological evidence of the periods of tell development of Száshalombatta-Földvár // Second International Conference on Soils and Archaeology (Pisa, 12th – 15th May, 2003). Pisa.
- Görsdorf J., Bojadziev J.*, 1996. Zur absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte // Eurasia Antiqua. 2.
- Limbray S.*, 1975. Soil science and archaeology. London.
- Popova Tz., Pavlova P.*, 1994. Paleoethnobotanical study of the Yunatsite Bronze Age settlement, Pazardzhik district // Годишник на Софийския Университет «Св. Климент Охридски». Биологически факултет. София. Кн. 2: Ботаника. Т. 84.
- Twiss P. C.*, 2001. A curmudgeon's view of grass Phytolithology // PHYTOLITH: Applications in EARTH Sciences and Human History: Proceedings of the Second International Phytolith Conference. Aix-en-Provence.
- Twiss P. C., Suess E., Smith G.*, 1969. Morphological Classification of Grass Phytoliths // Soil Science Society of America Proceeding. № 33.
- Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W. et al.*, 1993. The Genesis and Collapse of Third Millennium North Mesopotamian Civilization // Science. Vol. 261.

Т. М. Потемкина

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУРГАНА УСАТОВО I-4

T. M. Potemkina. Specific architectural features of kurgan Usatovo I-4

Abstract. The paper considers architectural structure of kurgan Usatovo I-4, with regard to different interpretations of its semantics (Fig. 1, I-III). The author draws archaeoastronomic data, which disagrees with the reconstruction of the mound and stone constructions as a stylized image of a frog (Fig. 1, I, II). The author proves that the architecture of the stone circle corresponds to the basic moments of the solar and lunar cycles. The structure includes six solar and six lunar directions, orientations pointing North and South marking daily and seasonal changes in the celestial bodies (Fig. 2, I). These data suggest that the Usatovo population practiced solar and lunar cults. Certain cosmogonic ideas are also evidenced by painted decoration of a bowl interpreted as lunar monthly calendar (Fig. 2, II, 4). Accordingly, the architectural structure of kurgan Usatovo I-4 mirrors burial and ritual practices, and calendar traditions of the Early Bronze Age population of the North Pontic zone.

Ключевые слова: ранний бронзовый век, Северное Причерноморье, усатовская культура, курган, архитектурные особенности, ритуал, археоастрономия, календарный цикл.

Погребальный обряд является одним из наиболее информативных источников при воссоздании мировоззренческих представлений населения прошлых эпох. Он отражает складывавшуюся веками целостную систему взглядов, связанных как с религиозными воззрениями, так и с социально-политической структурой породившего их общества.

Привлечение данных археоастрономии при исследовании курганов, включающих в очерченное пространство наряду с погребениями культовые комплексы, рвы, столбы, менгиры, каменные стелы и выкладки, земляные валы, значительно расширяет возможности интерпретации артефактов. Результаты археоастрономических исследований позволяют говорить о том, что уже самые ранние степные курганные захоронения начиная с предьямного времени являли собой в понимании их создателей конкретную модель Мира и сооружались в соответствии с этими представлениями. Многие курганные комплексы имели строго организованную в соответствии с горизонтальной, вертикальной и горизонтально-вертикальной проекциями Вселенной пространственную структуру. В мировоззренческой логике ей придавалось весьма сложное и сущностное мифолого-ритуальное и космологическое содержание. Особенно наглядно это демонстрируют курганы, где под насыпями обнаружены культовые комплексы со столбовыми конструкциями и разного рода каменными сооружениями (Потемкина, 2004. С. 214–250; 2005. С. 188–199; Потемкина, Иванова, 2005. С. 145–162).

К их числу относятся и курганы Усатово I-4, I-12, II-2. Некоторые исследователи данных курганов, пытаясь объяснить ритуальное и мифологическое содержание выявленных в процессе археологических раскопок достаточно сложных

и нестандартных архитектурных особенностей наземных конструкций, высказали точку зрения о зооморфности курганных насыпей и каменных крепид. Так, форма насыпи и выкладки камней кромлеха кургана Усатово I-4 была определена как стилизованное зооморфное изображение, сходное с жабой или лягушкой (Петренко, 1983. С. 28, 29. Рис. 2, 1). Конфигурация кромлеха кургана Усатово I-12 сопоставляется со скульптурным изображением головы существа с антропо-зооморфными чертами, а форма каменного заклада над основным погребением – с головой безрогого быка (Субботин, Петренко, 1986. С. 31–33. Рис. 1, 1, 3, 6, 7, 9). Насыпь кургана Усатово I-7 по цветовому соотношению слагающего ее грунта, как считает В.Г. Петренко, имеет форму серпа Луны, а насыпь и примыкающая к ней крепиды кургана I-8 составляют фигуру черепахи (Петренко, 1983. С. 29, 30. Рис. 1, 2; 2, 2, 3).

Идеи об антропоморфности и зооморфности насыпей и других курганных сооружений эпохи энеолита и бронзового века Северного Причерноморья высказывались также в ряде других работ (Андросов, Мельник, 1991. С. 35–50; Ковалева, Шалобудов, 1994. С. 106). Основная часть опубликованных сведений о так называемых фигурных курганах представлена в монографии Ю. А. Шиловой (1995. С. 572–607). К сожалению, в подавляющем большинстве случаев выводы о зооморфной и антропоморфной форме курганных сооружений не основаны на глубоком анализе археологических материалов и не имеют четкой системы доказательств. Приводимые в публикациях планы фигурных курганов и погребений слишком схематичны, чтобы иметь возможность дополнительно и с других позиций проанализировать представленный материал (Шилов, 1995. Рис. 13–20, 28, 38, 44, 48, 49, 54).

Детальный анализ планировки и архитектуры курганов Усатово I-4, I-12, II-2 с учетом специфики погребального обряда и особенностей инвентаря, с привлечением данных археоастрономии, мифологии и других смежных научных направлений, не выявляет отмеченных зооморфных форм курганов. Полученные данные свидетельствуют о более многообразной и сложной информации, заложенной создателями рассматриваемых погребальных комплексов в их конструктивные особенности. Курганы являлись сакральным пространством, с определенным внутренним структурированием, ориентацией объектов в соответствии со значимыми солнечными и лунными азимутами, опосредованно отражающими представления о строении Мира и соответствующую им систему верований, ритуалов и календарно-обрядовой практики. В данной публикации эта проблема рассматривается на примере кургана Усатово I-4.

Результаты исследования данного памятника не опубликованы в полной мере. Раскопки кургана были начаты в 1929 г. М.Ф. Болтенко и закончены в 1937 г. В. И. Селиновым и Е. Ф. Лаговойской. Данные о результатах раскопок кургана впервые были представлены в монографии Э. Ф. Патоковой (1979. С. 49–51. Рис. 20, I-4, 8). Автор приводит краткое описание погребальных комплексов и единичные рисунки находок. Общий план кургана и планы погребений в монографии отсутствуют.

В 1983 г. В. Г. Петренко опубликовал план кромлеха этого кургана на предмет его семантической значимости. Но на план не были нанесены погребения и другие объекты внутри каменной конструкции под насыпью кургана (рис. 1, 1), о которых

сообщает в своей монографии Э. Ф. Патокова. Ничего не сказано в публикации и о характере погребальных комплексов кургана (Петренко, 1983. С. 23–29).

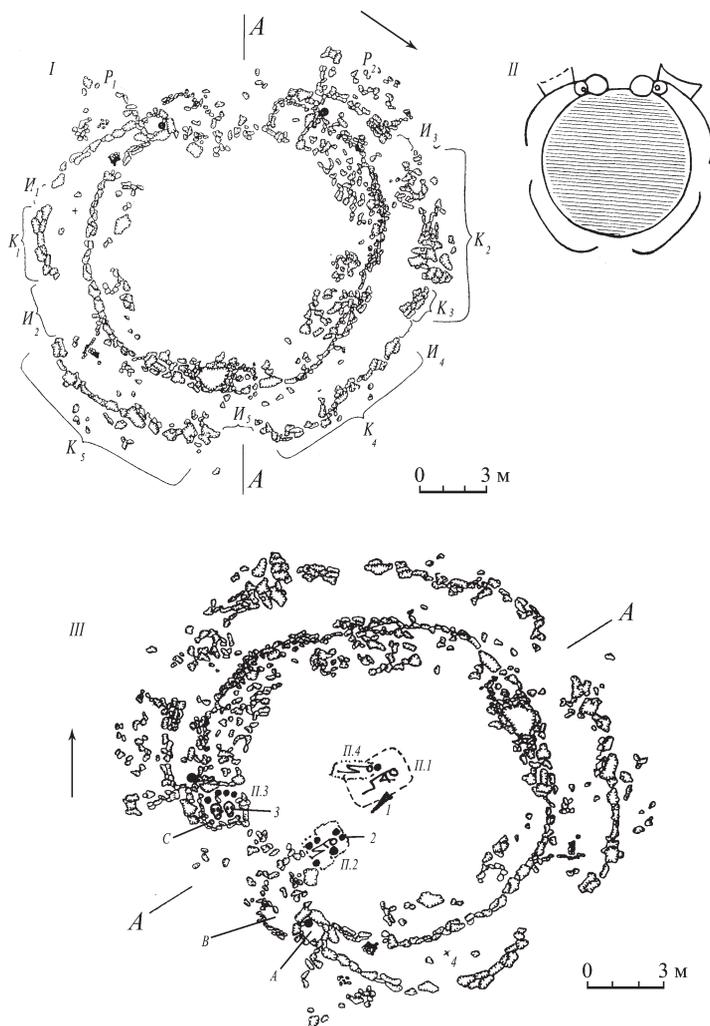

Рис. 1. Курган Усаово I-4

I – план кургана (Петренко, 1983. С. 25. Рис. 1, 1); *II* – схематическая реконструкция кургана (Там же. С. 26. Рис. 2, 2); *III* – план кургана с условным обозначением погребений № 1–4 по: Патокова, 1979. С. 49, 50 (*1* – бронзовый кинжал; *2* – сосуды; *3* – череп человека; *4* – череп человека (?); *A, B, C* – дугообразные кладки)

Учитывая имеющиеся расхождения в освещении материалов рассматриваемого кургана, есть необходимость специально остановиться на основных результатах его раскопок, известных по опубликованным данным. Это важно не только для полноты и обоснованности характеристики архитектурных особен-

ностей кургана, но и для возможности корректного привлечения данных археоастрономии при реконструкции его пространственной организации.

Курган Усатово I-4 имел насыпь высотой 1,24 м и диаметром 20 м. По одним данным, в центре кургана под насыпью над основным погребением обнаружено куполообразное полусферического типа сплошное перекрытие-заклад, которое покоилось на насыпанном слое чернозема (Патокова, 1979. С. 49). По другим – сооружения кургана состояли из каменного кромлеха и грунтовой насыпи, которая первоначально находилась внутри кромлеха (Петренко, 1983. С. 27. Рис. 1, I). Кромлех, окружавший насыпь, отличался заметным своеобразием, не характерным для курганов Усатово. Он был двойным, состоящим из двух концентрических каменных колец. С запада – юго-запада в двух местах кольца кромлеха соединялись, образуя проход (рис. 1, I, III). Края прохода с каждой стороны были оформлены в виде двух кольцеобразных выкладок. Каждая пара состояла из большой и маленькой кладки, размещенных друг за другом в одинаковой последовательности: по краям большая, за ней – меньшая. По данным раскопок, в древности в меньших кольцевых выкладках находилось по сосуду (Петренко, 1983. С. 27).

Внутреннее кольцо кромлеха было сплошным и имело разрыв только на месте прохода с юго-западной стороны (рис. 1, I, III). Во внешнем кольце, кроме западного направления, имелись пропуски в кладке камня еще в пяти местах. В юго-восточном секторе кромлеха, между внутренним и внешним кольцами, находился череп человека. Согласно данным Э. Ф. Патоковой (1979. С. 50), в пределах внутренней площадки кромлеха обнаружены четыре погребения.

Как уже отмечалось выше, план кургана в монографии Э. Ф. Патоковой отсутствует. Имеется лишь краткое описание погребений, которое приводится ниже. Напротив, план кромлеха имеется в публикации В. Г. Петренко, но здесь отсутствуют даже упоминания о наличии погребений внутри кромлеха. Автор данной статьи взяла на себя смелость, основываясь на опубликованных материалах кургана (Патокова, 1979. С. 50, 51; Петренко, 1983. С. 26–29), в самой общей форме восстановить возможную схему плана кургана Усатово I-4 (рис. 1, II).

Ниже приводится краткое описание погребений кургана по Э. Ф. Патоковой.

Основное погребение I находилось в центре кургана, в прямоугольной яме (2,3 × 1,8 × 0,6 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад. По краям ямы сохранились следы деревянной облицовки стен, на дне – остатки деревянного настила (Патокова, 1979. С. 51. Рис. 20, I). Умерший был погребен в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток (рис. 1, III). При расчистке костяка встречались кусочки охры. У края ямы был обнаружен кинжал из мышьяковистой бронзы (рис. 2, II, I).

Рядом с основным погребением под закладом на уровне камней кромлеха обнаружено поверхностное погребение 4, в скорченном положении на боку, головой на восток, перекрытое известняковой плитой. У изголовья погребенного находились раздавленный сосуд, янтарная бусина, остатки пережженных костей, пепел и кучка охры; около таза – медное колечко (рис. 2, II, 2).

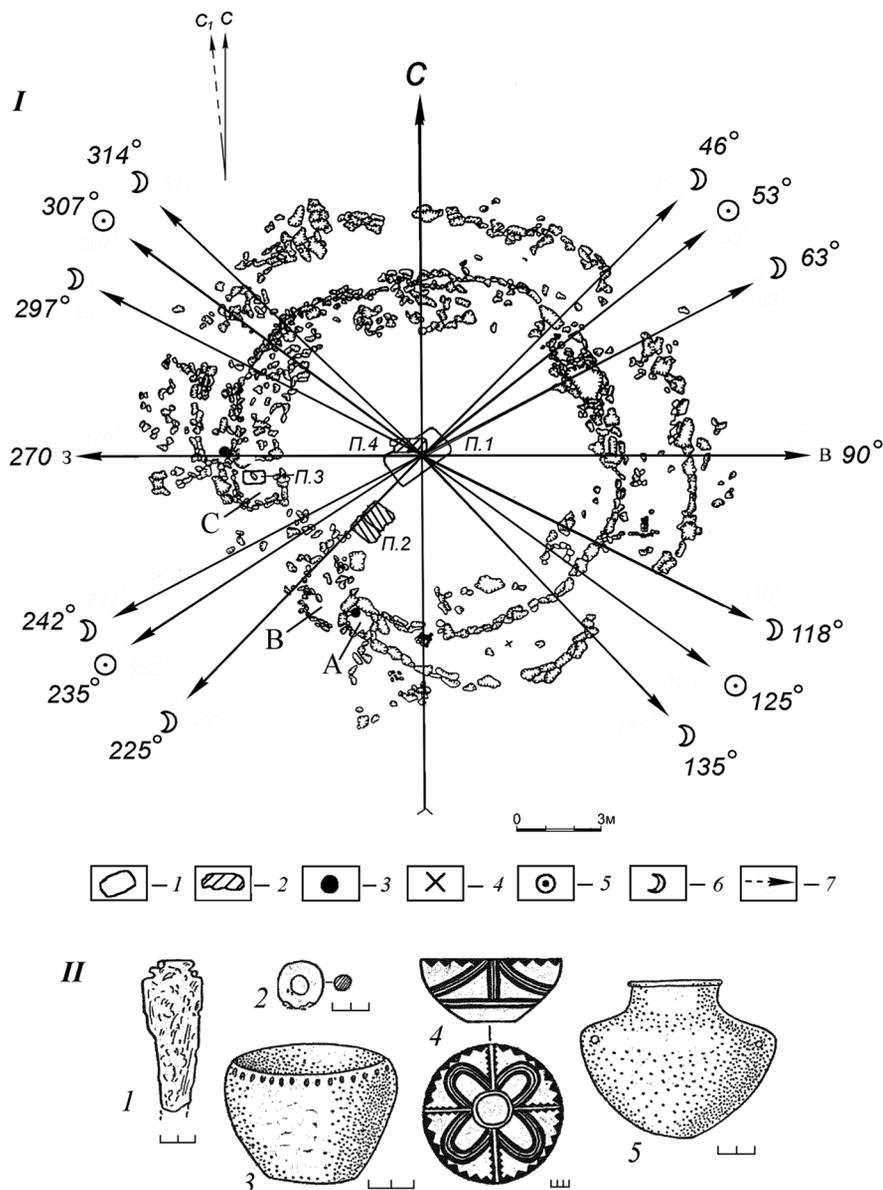

Рис. 2. Курган Усатово I-4

I – план кромлеха (Петренко, 1983. Рис. 1, 2) с обозначением предполагаемого места расположения погребений № 1–4 (Патокова, 1979. С. 49, 50) и астрономическими ориентирами (Потемкина); *1* – очертания могильных ям; *2* – погребения на уровне камней кромлеха, перекрытые каменными плитами; *3* – сосуды; *4* – череп человека (?); *5* – солнечные азимуты; *6* – лунные азимуты; *7* – истинный Север; *II* – погребальный инвентарь из кургана (Патокова, 1979. С. 51. Рис. 20, 1–4, 8): *1* – бронзовый кинжал; *2* – янтарная бусина; *3–5* – сосуды

В юго-западном секторе под двумя большими плитами было расположено погребение 2. Умерший захоронен в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток (рис. 1, III). С погребенным найдены шесть сосудов и две костяные бусины. Один из сосудов – расписная чаша из отмученной глины – стоял против груди. Чаша полусферической формы, со слегка загнутыми внутрь краями (Там же. Рис. 20, 3). Орнамент нанесен черной краской и, по нашему мнению, несет большую семантическую нагрузку, связанную с космогоническими представлениями усатовского населения (рис. 2, II, 4). Этот вопрос подробнее будет рассмотрен ниже. Остальные пять сосудов из глины с примесью толченой ракушки не сохранились.

Погребение 3, если судить по описанию Э. Ф. Патоковой (1979. С. 50, 51. Рис. 20, 2, 4), обнаружено в пределах кольцевой выкладки у северного края западного прохода в кромлехе (рис. 1, III). Под каменной выкладкой в прямоугольной яме размерами 0,1×0,5 м, глубиной 1,5 м найдены два детских черепа, четыре сосуда и три костяных изделия. Сохранилась только амфора из отмученной глины и миниатюрная чашечка с примесью толченых раковин в глине (рис. 2, 3, 5). Условия и характер этого захоронения позволяют считать его культовым комплексом (жертвенным).

Уже первые исследователи кургана Усатово I-4 обращали внимание на необычную форму кромлеха и указывали на культовое назначение архитектуры сооружения и его солярную символику, связанную с почитанием солнца и небосвода (*Мещанинов*, 1930. С. 20; *Лагодовська*, 1947. С. 49, 50). Однако в пользу этого предположения не были приведены весомые доказательства.

Значительно позже, в 1980-е гг., обращаясь вновь к материалам этого кургана, В. Г. Петренко не счел возможным поддержать данную точку зрения, а высказал свою версию относительно архитектурных особенностей кургана. По его заключению, расположение камней кромлеха и насыпь образовывали стилизованное зооморфное изображение, сходное с жабой или лягушкой (рис. 1, II). Основанием для такого вывода послужил схематический силуэт первоначальной формы каменных сооружений кургана, который помог исследователю «более целостно воспринимать особенности и контур конструкций» (*Петренко*, 1983. С. 28, 29. Рис. 2, I).

Несмотря на дискуссионность вывода о зооморфной форме кромлеха кургана Усатово I-4, публикация В. Г. Петренко выгодно отличается от других работ этого плана прежде всего тем, что автор дает четкий и хорошо выполненный план кромлеха и, что еще более важно, впервые публикует его (рис. 1, I). В статье также подробно рассмотрены общая архитектура кромлеха и ее детали. Основным результатом этого анализа можно считать то, что автор обоснованно определил основную ось кургана и кромлеха по линии северо-восток – юго-запад, указав при этом, что размещение архитектурных элементов сооружений в горизонтальной плоскости на оси юго-запад – северо-восток является основной конструктивной особенностью большинства подкурганых сооружений Усатово (Там же. С. 27), что подтверждается другими методами исследования курганов.

Привлечение данных астрономии для изучения архитектурных особенностей кромлеха Усатово I-4 позволяет получить дополнительную информацию о пространственной и временной организации сооружений этого кургана. В дан-

ном случае была использована та же методика работы с планом кромлеха, что и для других курганов эпохи энеолита и ранней бронзы Северного Причерноморья (Потемкина, 2004. С. 214–217; 2005. С. 188–198). Первоначально были выяснены географические координаты памятника (с. ш. – 46, 5°, долгота – 30,6°) и магнитное склонение (+3°) для данной местности. В соответствии с этими данными были рассчитаны, согласно имеющимся астрономическим вычислениям (Потемкина, Юревич, 1998. С. 46, 47. Табл. 1; 4), значимые солнечные и лунные азимуты для широты расположения памятника на 2000 г. до н. э.

Полученные точные азимуты были наложены на опубликованный план кромлеха (рис. 1, 1) относительно центральной точки его внутреннего кольца, которая была условно принята за центр наблюдения (рис. 2, 1). Магнитное склонение при этом не было учтено, поскольку мы располагаем не полным планом вскрытой площади кургана с расположением погребений и других сооружений внутри кромлеха, а лишь планом кромлеха, т. е. части его конструкции. В этом случае осложняется возможность привязки к конкретным объектам кургана значимых астрономических ориентиров. К тому же на месте расположения кургана угол отклонения магнитной стрелки от географического меридиана сравнительно невелик – +3°. Возможные в этом случае незначительные расхождения между рассчитанными и реальными азимутами принципиально не меняют реальной картины ориентации объектов, получивших отражение в археологическом материале.

Использование данных археоастрономии при анализе планировки каменных сооружений кургана Усатово I-4 свидетельствует, что архитектура кромлеха в целом и отдельные ее детали согласуются с азимутами важных солнечных и лунных дат, а также с выявленными следами обрядности, связанными с этими датами. Прежде всего это относится к центральной осевой линии, являющейся осью симметрии всего сооружения, ориентация которой совпадает с азимутом восхода Солнца в период летнего солнцестояния (53°) и, в противоположном значении, с азимутом захода солнца в период зимнего солнцестояния (235°). Одновременно основная ось проходит через центр прохода в кромлехе с юго-западной стороны и через разрыв во внешнем кольце кромлеха в северо-восточном направлении, края которого совпадают с азимутами Высокой (46°) и Низкой (63°) полной Луны в крайних северных позициях, связанных с поворотными точками ее движения (рис. 1, 1; 2, 1).

Если исходить из описания основного погребения 1 (Патокова, 1979. С. 50), то есть все основания предполагать, что оно также располагалось на центральной осевой линии, с ориентацией продольной оси могильной ямы и погребенного в ней в направлении восхода Солнца в период летнего солнцестояния или полной Луны в дни зимнего солнцестояния. Эти направления были маркированы выкладкой из крупных камней во внутреннем кольце и разрывом во внешней кладке кромлеха (рис. 2, 1). В данном конкретном случае, при отсутствии плана центрального погребения Усатово I-4, трудно сказать определенно, с каким из этих светил была связана ориентация погребенного в основной могиле. Но достоверно известно, что северо-восточная ориентация как центральных, так и периферийных могильных ям и погребенных в них людей характерна для большинства раскопанных курганов Усатово (Там же. С. 89, 95). По нашим под-

счетам, из одиннадцати исследованных и опубликованных курганов Усатово I и II, где имеется возможность определить ориентацию основных погребений, в девяти продольная ось центральных могил и погребенные ориентированы на северо-восток, в двух – на восток. На примере планировки других раскопанных курганов могильника можно предполагать, что и периферийное погребение 2, расположенное, согласно описанию Э.Ф. Патоковой, в юго-западном секторе кромлеха, также было привязано к центральной оси (рис. 2, *Л*).

Анализ архитектуры кромлеха кургана Усатово I-4 с точки зрения археоастрономических данных показывает, что практически все ее особенности, отмеченные В. Г. Петренко как имеющие отношение к схематическому изображению фигуры лягушки (*Петренко*, 1983. С. 27–29. Рис. 1, *Л*), имеют непосредственное отношение к фиксации основных солнечных и лунных азимутов для широты расположения памятника (рис. 1, *Г*; 2, *Л*).

Так, через центры разрывов во внешнем кольце кромлеха, обозначенных В. Г. Петренко как I_2 и I_5 , проходят азимуты, указывающие на восход Солнца в дни летнего (53°) и зимнего (125°) солнцестояний (рис. 1, *Г*; 2, *Л*). Одновременно края этих разрывов фиксируют направления на точки восходов Высокой (46° , 135°) и Низкой (63° , 118°) полной Луны в крайних северных и южных позициях, в которых она оказывается в дни зимнего и летнего солнцестояний один раз за период своего 18,6-летнего цикла (*Климишин*, 1985. С. 36–40). Аналогичная ситуация прослежена и во входе в кромлех с юго-западной стороны, и в разрыве внешнего кольца кромлеха в северо-западном направлении (по В. Г. Петренко – I_3), где азимуты, указывающие на заход Высокой (314° , 225°) и Низкой (297° , 242°) полной Луны в крайних позициях, также привязаны к разрывам в каменных выкладках (рис. 1, *Г*; 2, *Л*). Важно отметить, что линия, ориентированная на заход Солнца в период летнего солнцестояния (307°), как и азимут его восхода в эти дни (53°), проходит через кольцевую выкладку в центре разрыва во внешнем кольце с северо-западной стороны. Эта кольцевая выкладка, наряду с другими, хорошо видимыми на плане кромлеха, не была отмечена в работах исследователей кургана.

Обозначенный В. Г. Петренко разрыв во внешнем кольце (I_4) совпадает с направлением на север (рис. 1, *Л*). Напротив этого разрыва у внутренней стенки кромлеха находятся три небольшие кольцевые выкладки, расположенные в ряд с запада на восток (рис. 2, *Л*). На линии, указывающей на запад (270°) и соответствующей точке захода Солнца в дни равноденствий, в одном из небольших каменных колец находился сосуд. В схематической фигуре «кургана-лягушки» этот сосуд, наряду с другим в такой же кольцевой выкладке с южной стороны прохода, был интерпретирован В. Г. Петренко (1983. С. 29) как «большие глаза с сосудами-зрачками». На наш взгляд, эти кольцевые выкладки с сосудами являются жертвенниками, что подтверждается присутствием в соседнем каменном кольце культовой ямы, интерпретируемой авторами раскопок как погребение 3 (рис. 1, *III*)

Культовая яма с двумя детскими черепами и четырьмя сосудами также была расположена в западном направлении по отношению к центру кургана и основному погребению – у северного края западного прохода в кромлех.

Восточное направление, на первый взгляд, не имеет маркировки в конструкции кромлеха. Но на линии, указывающей направление на восход Солнца

в дни равноденствий (90°), в выкладках внутреннего и внешнего кольца находятся сравнительно крупные камни. Аналогичная ситуация прослежена также в устройстве крепиды Редова 3 (*Потемкина*, 2005. С. 194–196. Рис. 70; 71). В восточном направлении ориентировано также погребение 4, помещенное на уровне древней поверхности в центре кургана рядом с основной могилой (рис. 1, III; 2, II, 2)

Таким образом, данные археоастрономии, привлекаемые для анализа особенностей конструкции кромлеха кургана Усатово I-4, рассматриваемого В. Г. Петренко как стилизованное зооморфное изображение в виде лягушки или жабы (*Петренко*, 1983. С. 29. Рис. 2, I), не подтверждают это предположение. Имеется больше оснований для определения конструктивных особенностей кромлеха как своеобразных мет, фиксирующих направления на значимые точки восходов и заходов Солнца и Луны, положенных в основу планировки курганного комплекса и используемых в погребальной и календарной обрядности.

Следовательно, основу структуры очерченного пространства кургана I-4 составляют значимые азимуты Солнца и Луны, фиксирующие суточные и сезонные изменения. Здесь достаточно четко обозначены шесть солнечных и шесть лунных направлений, а также ориентиры на север и юг. Из них четыре направления соответствуют четырем сторонам света: север – юг, восток – запад. Эти данные свидетельствуют, что обрядовая практика усатовского населения была связана как с солнечным, так и с лунным культом.

Значение Луны в верованиях строителей кургана Усатово I-4 подтверждают и другие археологические материалы. Прежде всего это касается расписной чаши из погребения 2, орнамент на внутренней поверхности которой читается как лунный месячный календарь (рис. 2, II, 4); аналогии ей имеются среди подобных сосудов других курганов и грунтовых погребений Усатово.

На характеристике расписной чаши следует остановиться подробнее в связи с семантической значимостью ее орнаментации. Схема росписи типична для усатовских расписных чаш. Рисунок по внутренней поверхности состоит из следующих элементов: дно обведено двумя линиями, образующими центральное придонное кольцо, от которого к венчику отходят четыре вертикальных столбца из двух рядов закрашенных треугольников (по пять треугольников в ряду), обращенных друг к другу основаниями (рис. 2, II, 4). Столбцы образуют прямоугольный крест и делят внутреннюю поверхность чаши на четыре сектора. В каждом секторе между столбцами от придонного кольца также крестообразно поднимаются полуовалы. По краю венчика с внутренней и внешней стороны расположены висящие закрашенные треугольники. На внутренней поверхности их всего 30: в двух секторах – по 7, в двух других – по 8 треугольников, или по 15 с противоположных сторон венчика.

С наружной стороны сосуда по окружности тулова нанесена полоса из двух линий, которая делит поверхность на две части: верхнюю – с рисунком, и нижнюю – без него. Пространство верхнего пояса также разделено вертикальными линиями на четыре части, внутри которых расположены дуговидные полосы из трех линий. Рисунок на верхнем ярусе внешней поверхности по своему смысловому содержанию продолжает узор росписи внутренней поверхности.

Рисунок на чаше с внутренней стороны, вероятнее всего, символизирует существовавшую в представлениях населения энеолита – ранней бронзы Евразии четырехчленную структуру горизонтального пространства по странам света.

Принцип четырехкратности, как считают исследователи, появляется и утверждается в керамике земледельческих племен энеолита. Узловые знаки орнамента располагались на боках сосудов таким образом, что они смотрели «на все четыре стороны» (Рыбаков, 1994. С. 48). Ярким примером являются трипольские четырехчастные жертвенники, которые были точно ориентированы своими четырьмя крестовинами по сторонам света. В трипольское время, по мнению Б. А. Рыбакова, уже определились понятия «юг», «север», «восток» и «запад», которые соответствовали полудню, полночи, восходу и заходу. Это признак того, что земные координаты определялись по Солнцу (Там же. С. 49, 210).

Роспись на внешней поверхности чаши могла моделировать представления о трехчастном вертикальном строении Мира, где горизонтальная полоса служила разделителем на нижний и средний миры, а вертикальные столбцы, являясь символом мирового древа или столпа, как бы поддерживали небесный купол, с которым отождествлялась внутренняя поверхность чаши с символизирующим небесный свод узором. Мысль о возможности сопоставления внутренней поверхности расписных усатовских чаш с макетом небесной полусферы (без уточнения символики узора) уже высказывалась исследователями (Петренко, 1980. С. 98).

О трехчленной вертикальной структуре мира, получившей полное и яркое отражение в трипольском орнаменте, как в раннем прочерченном, так и в позднем расписном, достаточно развернуто писал Б. А. Рыбаков (1994. С. 191–200, 208). Он пришел к выводу, что картина мира, нарисованная трипольскими художниками, отражала сложный комплекс представлений о земле и плодovitости, о небесах, о движении времени, которое становится важным фактором в идеологии земледельцев, ожидающих смены сезонов, дождя, созревания урожая. И все это было выражено в орнаменте, который отражал отношение к миру.

На космологический смысл орнамента чаши может указывать также количество изображенных треугольников по внутреннему краю – общим числом 30, что, вероятно, отображает число дней лунного месяца, разделенных по основным видимым фазам Луны. Два сектора внутреннего края чаши, имеющие по восемь треугольников, вероятнее всего, включали в счет лунного месяца два дня неомении, когда молодая луна практически не заметна на небосводе.

Подобная интерпретация числового ряда треугольников по внутреннему верхнему краю чаши согласуется с известными науке закономерностями движения Луны. Число 30 (30 лунных суток) – усредненное число календарного лунного месяца, близкого к синодическому месяцу в 29,530 лунных суток (от греческого *synodos* – «соединение»), за время которого происходит возвращение Луны в то же самое видимое с Земли положение относительно Солнца. Синодический месяц явился основой лунного календаря, что, вероятно, связано с тем, что промежуток времени в 29,530 суток хорошо прослеживается с Земли по лунным фазам, т. е. по различным формам видимой части Луны. Считается, что смена фаз Луны была первым астрономическим явлением, на которое обратил внимание первобытный человек (Цибульский, 1987. С. 12–14; Климишин, 1985. С. 33–35).

Началом синодического месяца принято считать новолуние – первое появление лунного серпа на вечернем небе, которое называется неоменией (греч. *неомения* – «новолуние»). Фактически молодой месяц бывает виден с Земли через 2–3 суток после астрономического новолуния. По этой причине число обозначенных лунных суток на древних бытовых и культовых предметах бывает разное – 27, 28, 29, 30, что соответствует продолжительности месяца по лунному календарю при разных способах исчисления времени. Число 27 находит соответствие в сидерическом или звездном месяце – периоде систематического видимого появления Луны в одном и том же месте среди звезд (т. е. обращения Луны вокруг Земли), равном 27,321 суткам; число 28 обозначает количество суток в условном лунном месяце; число 29 соответствует синодическому лунному месяцу из 29,530 суток (см. выше); число 30 – принятому календарному лунному месяцу.

Так как календарные дни, недели, месяцы, годы и т. д. могут состоять только из целых чисел, с древних времен было принято считать в лунном месяце поочередно то 30, то 29 суток (в среднем 29,5 суток).

Указанные особенности древних лунных календарей, получившие отражение в орнаментах на посуде, достаточно убедительно демонстрируют также числовые множества элементов рисунков на расписных чашах из других курганов Усатово I и II. Здесь по верхнему краю чаш с внутренней и внешней сторон присутствуют ряды из треугольников, обращенные зубчиками внутрь и вниз, в количестве 28, 29 и 30 единиц (*Патокова*, 1979. Рис. 20, 3; 22, 5; 32, 10). На ряде чаш по верхнему внутреннему краю встречается ряд из 14–16 подобных треугольников, что соответствует числу лунных суток в пределах двух основных фаз растущей Луны – от новолуния до полнолуния (Там же. Рис. 17, 4; 19, 4; 20, 5).

Изображения Луны в различных видимых фазах, в основном молодой и полной, совместно с другими знаками (текущей и падающей воды, змеи, креста, свастики, спирали, собаки и др.) были широко представлены в Буго-Днестровье в орнаментальных схемах на посуде трипольско-кукутеньской культуры, предшествовавшей усатовской (*Рыбаков*, 1965. С. 30; 1994. С. 199; *Ткачук, Мельник*, 2000. С. 85–91, 132–137, 227; *Энциклопедія... 2004. С. 369, 404, 413–417*). Большое число выразительных знаков Луны позволило исследователям высказать предположение, что Луна была основным астральным символом, которому уделяло внимание население трипольско-кукутеньской общности, что, вероятнее всего, было связано с такой функцией знаковой системы, как сохранение и передача информации о времени и пространстве (*Ткачук, Мельник*, 2000. С. 227).

Особенно показательны знаки Луны, представленные на сосудах трипольской культуры из пещеры Вертеба у с. Бильче-Золотое в Тернопольской области. Исследователи считают пещеру убежищем, где в силу обстоятельств ее обитатели большое внимание уделяли магическим действиям (*Ткачук*, 2005. С. 89). С точки зрения автора данной публикации, все данные свидетельствуют о том, что памятник являлся пещерным святилищем. На фотографии с автографами посетителей пещеры Вертеба в XIX – начале XX в. (*Энциклопедія... 2004. С. 29*) достаточно четко просматриваются высеченные на стене пещеры изображения лунных серпов в первой и восьмой фазах – молодой и старой луны (в левом нижнем углу и в центре над современной надписью «ХI»), а также знаки в виде волнистых и наклонных дуговидных линий в верхней левой половине снимка.

Если это предположение, сделанное, к сожалению, только на основе фотографии, подтвердится, при условии проверки его исследователями памятника, то пещера Вертеба может пополнить ряд известных в Европе пещер-святилищ эпохи энеолита и ранней бронзы, на стенах которых высечены изображения Луны в различных фазах (Липница и Байлово в Болгарии, Порто Бадиско в Италии, Абри де Баниатихар на Пиренейском полуострове) (*Стойчев*, 1998. С. 83–90. Обр. 62–67). На принадлежность пещеры Вертеба к кругу святилищ может указывать также находка в культурном слое памятника в начале XX в. широко известной костяной пластины в форме головы быка с выбитым на ней изображением женщины (*Энциклопедия... 2004. С. 29*).

Среди основных элементов орнамента расписной посуды Вертебы I значительное место (3,7% от общего числа знаков) занимают знаки Луны в форме сегментовидных (серповидных) фигур, которые исследователи памятника считают базовыми знаками трипольской знаковой системы (*Ткачук*, 2005. С. 90. Табл. 13, 41–56). Это то число знаков, которое можно достоверно считать изображениями молодой и старой Луны (рис. 3, 2). Особое внимание трипольско-кукутенского населения привлекала молодая Луна, когда она только появлялась на небе в виде узкого серпа.

Наряду с серповидными формами на расписной посуде Вертебы I присутствуют в большом числе (18,9% от общего числа) знаки-символы «черный круг», которые исследователи считают изображениями полной Луны. Широко представлены на посуде большинства трипольско-кукутенских памятников круги, внутри которых часто изображены кресты, полуovalы, сегменты и пр. (*Ткачук*, *Мельник*, 2000. С. 82–91; *Ткачук*, 2005. С. 89. Табл. 13; *Энциклопедия... 2004. С. 457, 452*). Тот факт, что знаки полной Луны встречаются рядом или составляют графему со знаками молодой и старой Луны, вероятнее всего, свидетельствует о том, что таким способом трипольские художники пытались отобразить существующие представления о месячном лунном цикле (рис. 3, 3, 4).

Знаки Луны в виде сегментов и кругов в большинстве случаев встречаются на усеченно-конических мисках, в меньшей степени – на сосудах сфероконических форм (*Ткачук*, 2005. С. 87, 88. Табл. 2). На миски эти знаки чаще всего наносились рядом со знаками воды и располагались в центре внутренней поверхности (рис. 3, 2, 2a). Не только серпы и круги, но и крест являлся символом неба, четырех сторон света и четырех основных сторон горизонта (*Рыбаков*, 1965. С. 30, 32; 1994. С. 48; *Голан*, 1994. С. 106, 107). Это, как представляется, подтверждает мысль, высказанную Б.А. Рыбаковым, что трипольские чаши связаны с обрядами моления о воде и предназначены для обращения к небу. По его предположению, роспись также отражала представления о небе, к которому обращались владельцы этих мисок (*Рыбаков*, 1994. С. 185).

Выявленная у трипольцев знаковая система свидетельствует, что наблюдаемые положения Луны на горизонте и небосводе, связанные с ее основными фазами, отмечающими видимые с Земли этапы лунного месячного цикла, играли большую роль в мировоззренческих представлениях и практической жизни трипольского населения. Это весьма убедительно свидетельствует о существовании лунного календаря, по которому регулировались все стороны жизни трипольского общества.

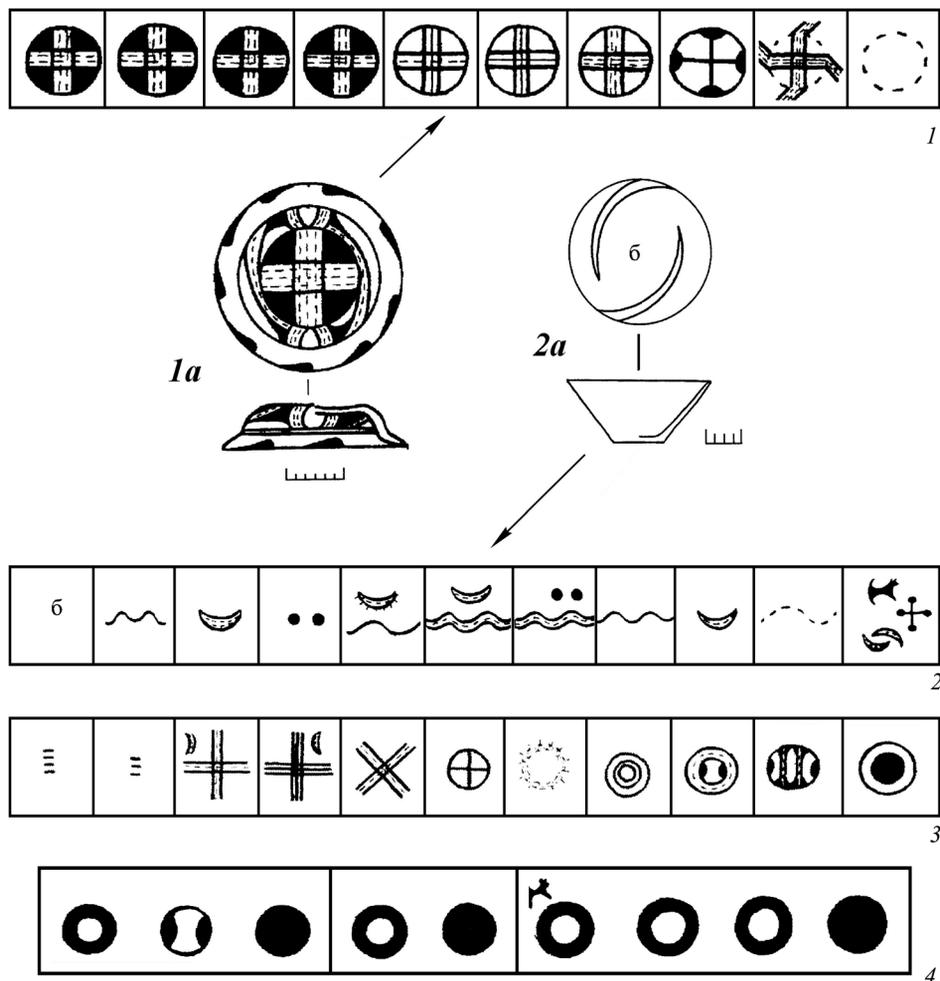

Рис. 3. Знаки на сосудах трипольской культуры из пещеры Бильче Золотое Вертебы I
 1 – некоторые знаки на крышках грушевидных сосудов; 1а – крышка грушевидного сосуда;
 2 – знаки в центре усеченно-конических мисок, расписанных дугами; 2а – усеченно-коническая миска, расписанная дугами; 3 – знаки на фрагментах сосудов, схемы росписей которых не восстановлены; 4 – некоторые знаки на нижних ярусах сфероконических сосудов (Ткачук, 2005: 1, 1а – табл. 10; 2, 2а – табл. 2, 4, 5; 3 – табл. 3; 4 – табл. 6)

Судя по имеющимся данным, в эпоху позднего неолита и в энеолите лунные календари появились и достаточно широко применялись не только у раннеземледельческого населения Европы, но и у охотников и рыболовов более северных территорий Евразии. Об этом, например, свидетельствует присутствие сходных с трипольскими лунных знаков, фиксирующих основные фазы Луны, на синхронных культовых памятниках Онежского озера (Потемкина, 2009; 2010), а также лунного календаря и вотивных предметов с лунным значением на круговом святилище Савин в Зауралье (Потемкина, 2001. С. 175. Рис. 4, 6, 9).

Аналогичная реконструкция структуры сакрального пространства и заложенных в ней представлений о Вселенной получена автором и по материалам других курганов Усатово, а также синхронных им курганов различных районов Северного Причерноморья (*Потемкина*, 2004. С. 214–251; 2005. С. 188–199; *Потемкина, Иванова*, 2005. С. 145–162). Все это свидетельствует о существовании единых в своей основе представлений о Вселенной в эпоху энеолита и ранней бронзы на обширной территории.

Следовательно, зафиксированные в Усатово I-4 и других упомянутых курганах астрономические ориентиры в определенной мере отражали представления древних о взаимодействии полярностей Мироздания на примере взаимного положения восходов и заходов Солнца, полной Низкой и Высокой Луны в крайних северной и южной позициях в дни солнцестояний и равноденствий. Это предполагает, что курганный комплекс Усатово I-4 имел не только погребальное, обрядовое, но и календарное значение. Учитывая, что в древности эти направления деятельности древнего населения тесно переплетались, являясь основой представлений о Вселенной, мы имеем все основания считать, что многие, особенно имеющие особый статус, курганы функционировали одновременно и как место для погребения умерших, и для наблюдения за движением основных светил с целью ведения календаря. Календарные знания использовались как в процессе организации сакрального пространства, так и в ритуальной практике в соответствии с существующими представлениями о Мироздании. Некоторые курганы функционировали как святилища, где, наряду с погребальными, совершались и другие культово-обрядовые действия, в том числе календарного значения (*Потемкина*, 2004. С. 217–235).

ЛИТЕРАТУРА

- Андросов А. В., Мельник А. А.*, 1991. Курганы раннего бронзового века Криворожья с зооморфными конструкциями // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Голан А.*, 1994. Миф и символ. Иерусалим; М.
- Енциклопедія трипільської цивілізації. Київ, 2004. Т. 1.
- Климишин И. А.*, 1985. Календарь и хронология. М.
- Ковалева И. Ф., Шалобудов В. Н.*, 1994. Курган эпохи бронзы у с. Боровковка // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
- Лагодовська О. Ф.*, 1947. Усатівська культура та її місце в археологічному минулому України // Вісник Академії Наук УРСР. Київ. № 6.
- Мецианинов И. И.*, 1930. Кромлехи // ИГАИМК. Т. 6. Вып. 3.
- Патокова Э. Ф.*, 1979. Усатовское поселение и могильник. Киев.
- Петренко В. Г.*, 1980. О семантике усатовской антропоморфной пластики // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев.
- Петренко В. Г.*, 1983. Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев.
- Потемкина Т. М.*, 2001. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Потемкина Т. М.*, 2004. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.

- Потемкина Т. М.*, 2005. Археoaстрономический аспект исследования ранних сооружений кургана 3 у с. Ровова: Приложение // *Иванова С. В., Петренко В. Г., Ветчинникова Н. Е.* Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса.
- Потемкина Т. М.*, 2009. Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археoaстрономический аспект) // Историко-астрономические исследования. М. Вып. XXXIV.
- Потемкина Т. М.*, 2010. Знаки Луны и Солнца в наскальных рисунках онежского святилища // Уральский исторический вестник. № 1 (126).
- Потемкина Т. М., Иванова С. В.*, 2005. Кургan эпохи энеолита – ранней бронзы у с. Ровова Одесской области и его археоaстрономическая интерпретация // *Stratum plus*. 2003–2004. № 2. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест.
- Потемкина Т. М., Юревич В. А.*, 1998. Из опыта археоaстрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М.
- Рыбаков Б. А.*, 1965. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. № 1, 2.
- Рыбаков Б. А.*, 1994. Язычество древних славян. 2-е изд. М.
- Стойчев Т.*, 1998. Археoaстрономия: праисторически свидетелства за измерване на времето от България. Департамент «Археология», Нов Български университет.
- Субботин Л.В., Петренко В.Г.*, 1986. Об архитектуре усатовских курганных сооружений // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Ткачук Т. М.*, 2005. Знаковая система Бильче Золотое Вертебы: Опыт практической семиотики // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т. 2.
- Ткачук Т., Мельник Я.*, 2000. Семіотичний аналіз Трипільсько-Кукутенських знакових систем (малюваний посуд). Івано-Франківськ.
- Цибульский В. В.*, 1987. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.
- Шилов Ю. А.*, 1995. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев.

В. В. Ткачев

ИШКИНИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН ЭПОХИ БРОНЗЫ: СТРУКТУРА, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, ХРОНОЛОГИЯ¹

V. V. Tkachev. The Bronze Age Ishkinovka archaeological micro-region:
Structure, periodization, chronology

Abstract. In the Ural region of Mugodzhary in the Late Bronze Age there functioned a powerful centre of mining and metallurgy. A series of archaeological micro-regions formed by dense clusters of sites entered this structure. The sites of different types were related to the ancient mines discovered in the zones of copper ore deposits. Complex investigations carried out in the Ishkinovka archaeological micro-region (the eastern part of Orenburg region) revealed a settlement, a cluster of cemeteries, surface finds, a series

¹ Доклад, прочитанный на заседании отдела бронзового века Института археологии РАН 15 апреля 2010 г. Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 08-06-00136а) и РГНФ (проект № 08-01-00359а).

of geo-archaeological production sites (copper mines). Burial associations of the Early Bronze Age Pit-grave culture and Sintashta culture dating from the turn of the Middle and Late Bronze Ages were investigated. The majority of sites date from the Late Bronze Age; they represent a single complex, which functioned as a regional economic and cultural focus based on the combination of mining and metallurgy with shift stock-breeding.

Ключевые слова: Урал, Мугоджарский район, бронзовый век, микрорайон, горно-металлургический центр, медные месторождения, рудник, хозяйственно-культурный центр, адаптация.

Комплексное изучение Уральско-Мугоджарского горно-металлургического центра (ГМЦ) эпохи поздней бронзы показало, что эта хозяйственно-культурная система была организована по сегментарному принципу. Локализация археологических памятников носила дискретный характер и отнюдь не всегда была продиктована нуждами эффективной организации скотоводческого хозяйства. В ряде случаев особенности вмещающего ландшафта, природно-климатические условия в конкретных экологических нишах, напротив, требовали дополнительных усилий для выработки действенных механизмов адаптации. Между тем даже в неблагоприятных физико-географических условиях нередко фиксируется высокая концентрация относительно синхронных памятников различных категорий, образующих компактные археологические микрорайоны. Стимулом для формирования подобных хозяйственно-культурных комплексов в Уральско-Мугоджарском регионе, вероятно, являлись потребности горно-металлургического производства, роль которого в системе жизнеобеспечения скотоводческого населения степей Северной Евразии эпохи палеометалла существенно возросла.

Для реконструкции механизмов функционирования Уральско-Мугоджарского ГМЦ назрела необходимость комплексного изучения эталонного археологического микрорайона, приуроченного к медным рудникам, эксплуатация которых началась в бронзовом веке. В качестве опорного района исследования был избран Ишкининский археологический микрорайон в Восточном Оренбуржье (рис. 1).

Первые сведения о древних горных выработках и археологических находках близ п. Ишкинино (в настоящее время Гайский р-н Оренбургской обл.) фигурируют в геологических отчетах К. Д. Субботина 1940–1942 гг. Согласно его сообщениям, при закладке шурфов в пределах древних карьеров были обнаружены фрагменты керамики с примитивным «веревочным» орнаментом (*Зайков и др.*, 2005. С. 106, 107). В конце 1950-х гг. этот объект посетил актюбинский геолог Р. А. Сегедин, обнаруживший на отвале древнего рудника массивный каменный молот (*Ткачев и др.*, 1996. Рис. 13) (рис. 3, 10).

Впоследствии неизменный участник работ Южно-Уральской (Оренбургской) экспедиции АН СССР под руководством К. Ф. Смирнова, краевед из г. Новотроицка Р. Н. Ацеховский, обнаружил могильник в 6 км от п. Ишкинино, названный позже Ишкиновка I. В 1992 г. экспедицией Орского краеведческого музея, возглавляемой С. Н. Заседателевой и О. Ф. Бытковским, были открыты поселение бронзового века Ишкиновка недалеко от Ишкининского рудника и курганный могильник Камейкино I эпохи раннего железа в левобережье р. Сухой Губерли.

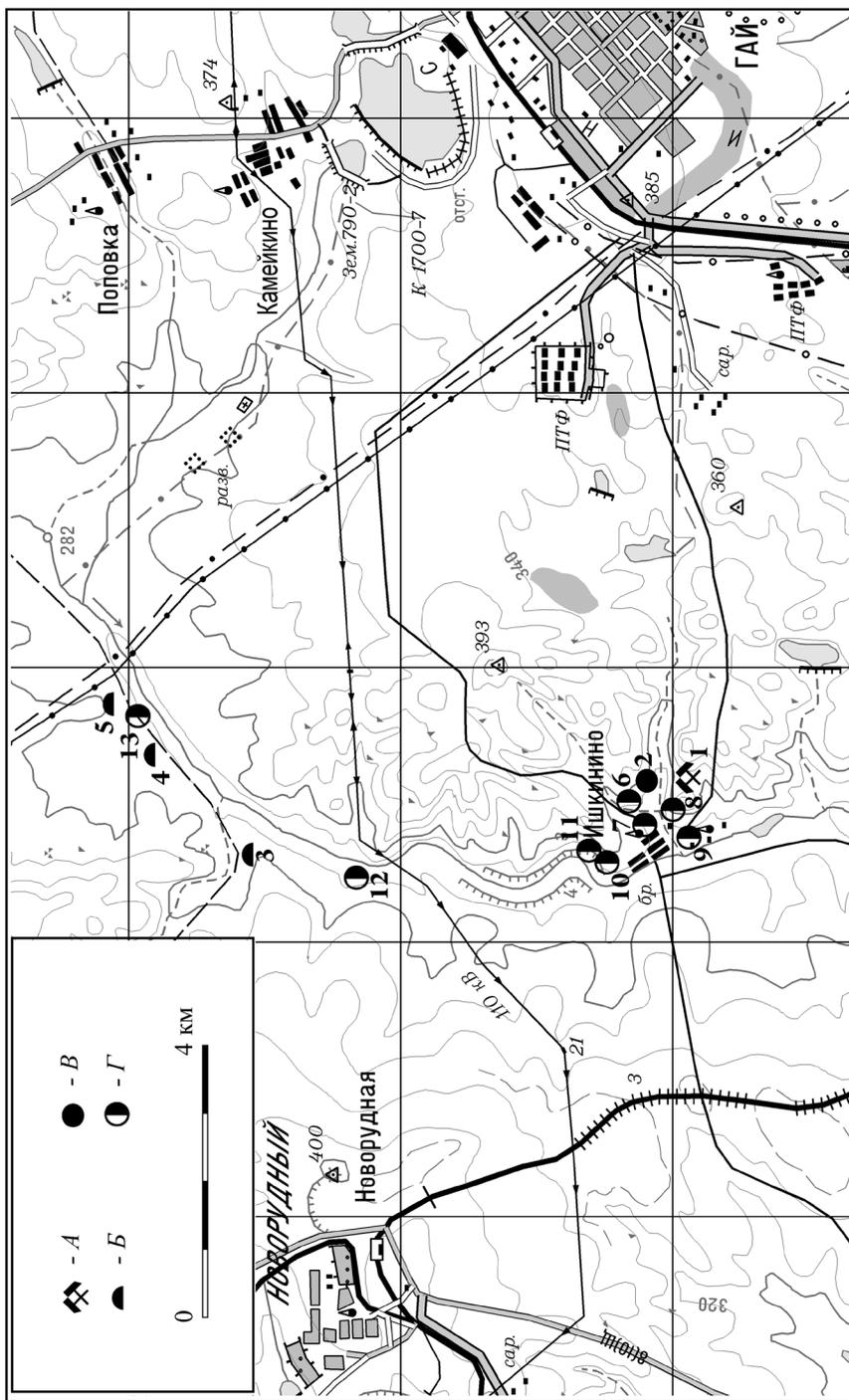

Рис. 1. Карта расположения памятников бронзового века в Ишкинском археологическом микрорайоне

А – рудник; Б – могильник; В – поселение; Г – рудник Ишкининский, 2 – пос. Ишкиновка, 3 – мог. Ишкиновка I, 4 – мог. Ишкиновка II, 5 – мог. Ишкиновка III, 6 – мест. Аулган I, 7 – мест. Аулган II, 8 – мест. Аулган III, 9 – мест. Аулган IV, 10 – мест. Сухая Губерля I, 11 – мест. Сухая Губерля II, 12 – мест. Сухая Губерля III, 13 – мест. Сухая Губерля IV

Дальнейшие археологические исследования в Ишкининском микрорайоне проводились автором настоящей статьи. В 1996 г. были произведены рекогносцировочные раскопки двух объектов могильника Ишкиновка I. В 2 км вверх по течению р. Сухой Губерли зафиксирован еще один курганный могильник – Ишкиновка II. В течение нескольких полевых сезонов с 1997 по 2001 г. экспедицией Института Степи УрО РАН под руководством автора осуществлялись стационарные исследования указанных некрополей, а также работы разведочного характера на Ишкининском поселении и в районе локализации некрополей в правобережье р. Сухой Губерли, в ходе которых были выявлены новые погребальные сооружения, определена культурно-хронологическая позиция поселения. В 2004 г. автором, возглавлявшим археологическую экспедицию Орского гуманитарно-технологического института (ОГТИ), были также раскопаны два кургана Ишкининского III могильника, находящегося в 1 км выше по течению от могильника Ишкиновка II (рис. 1). Отдельные результаты этих исследований отражены в серии публикаций (Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 30–33; Ткачев, 2005; 2007. С. 62–72).

В эти же годы геоархеологические исследования на Ишкининском рудном поле проводились экспедицией Института минералогии УрО РАН под руководством В. В. Зайкова. Горно-геологические реконструкции, связанные с эксплуатацией рудника в бронзовом веке, а также аналитические данные о соотношении химизма металлических изделий из ряда памятников эпохи бронзы Южного Урала и рудных источников в регионе были представлены в специальных работах (Юминов, Зайков, 2002; Зайков и др., 2005. С. 106–108).

Возобновление полевых исследований в Ишкининском микрорайоне в настоящее время произошло в рамках реализации возглавляемого автором научного проекта, получившего поддержку РФФИ и связанного с комплексным изучением Уральско-Мугодзарского ГМЦ эпохи поздней бронзы. Проведена детальная археологическая разведка, в ходе которой выявлена серия некрополей и местонахождений, уточнены границы, планиграфия и характер культурного слоя поселения, локализация, количество и особенности горных выработок, связанных с эксплуатацией Ишкининского рудопоявления в бронзовом веке (рис. 1). Археологической экспедицией ОГТИ начаты стационарные раскопки поселения Ишкиновка и рекогносцировочные работы на древних карьерах, сопровождающиеся палеопочвенными, палинологическими, археозоологическими, геоархеологическими исследованиями, отобраны образцы для радиоуглеродного датирования поселения и горных выработок.

Эти работы продемонстрировали перспективность продолжения комплексного изучения Ишкининского археологического микрорайона. В результате многолетних исследований получены материалы, характеризующие динамику культурных трансформаций в данном районе начиная с позднего энеолита и заканчивая ранним железным веком и эпохой средневековья. Интересующий нас период представлен достаточно обширным перечнем культурно определенных комплексов с надежно установленной хронологической позицией, сосредоточенных в памятниках бытового, погребального и производственного назначения.

Начальный этап эпохи палеометалла представлен погребением 7 в кургане 3 могильника Ишкиновка I, относящимся, по всей видимости, к позднему энеоли-

ту – началу раннего бронзового века (РБВ) и датирующимся второй половиной IV тыс. до н. э. (Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 30–32. Рис. 11а; 12) (рис. 2, 1–3). В данном комплексе соединились культурные составляющие, маркирующие взаимодействия суртандинского и раннеямного населения в контактной зоне индоевропейского и прафинно-угорского миров (Ткачев, 2005. С. 183. Рис. 7). К позднему этапу ямной культуры РБВ-2 (первая половина III тыс. до н. э.) относится погребение 5 в кургане 1 могильника Ишкиновка II, совершенное в яме с заплечиками, перекрытой курганом, окаймленным кольцевым ровиком (Ткачев, Гуцалов, 2000. С. 31. Рис. 13; 14; Ткачев, 2005. С. 183, 184. Рис. 4; 5) (рис. 2, 4, 5).

В настоящее время следует оставить открытым вопрос о возможности начала эксплуатации Ишкининских медных рудников в РБВ. Несмотря на присутствие единичных погребальных комплексов древнеямной культуры в некрополях, расположенных в относительной близости от древних выработок, относящиеся к этому периоду объективные свидетельства горно-металлургического производства, базирующегося на добыче медной руды Ишкининского месторождения, не обнаружены. Сведения геолога К. Д. Субботина о находках в древних выработках архаичной керамики с веревочным орнаментом вряд ли можно рассматривать в качестве доказательства раннебронзового возраста медных рудников. Напротив, химический состав металлических изделий из древнеямных памятников в степном Приуралье демонстрирует гомогенную картину использования металлургически чистой меди группы МП, выплавленной из медистых песчаников пермского периода, которые добывались в это время преимущественно в пределах Каргалинского рудного поля (Черных, 1970. С. 106; 1978. С. 64; 2008. С. 46). Спорадические же проникновения древнеямного населения в Южное Зауралье, зафиксированные также в материалах могильников Александровский IV, Мало-Кизильский II, Верхняя Алабуга, стоянки Бурли II (Мосин, 1996. С. 55–60. Рис. 3–5), вероятно, не были связаны с освоением новых сырьевых ресурсов для металлургического производства.

К сожалению, в ходе исследований в Ишкининском археологическом микрорайоне не удалось получить данные, позволяющие составить представление о культурном облике населения среднего бронзового века (СБВ) в регионе. Но комплексы синташтинской культуры начала позднего бронзового века (ПБВ), датирующиеся рубежом III–II тыс. до н. э., составили довольно представительную серию. Все они были впущены в насыпи курганов древнеямной культуры и соответствовали погребальным канонам синташтинских памятников Южного Приуралья (Ткачев, 2005. С. 184, 185. Рис. 6–9; 2007. С. 62–72. Рис. 32–37) (рис. 2, 6–11).

Исследование синташтинских захоронений в могильниках Ишкиновка I и II, расположенных в 6–8 км вверх по течению от Ишкининских рудников, представляется достаточно перспективным для выяснения сырьевой базы синташтинской металлургии. Прежде всего это обусловлено тем обстоятельством, что изучение хромшпинелидов в шлаках синташтинских поселений Южного Зауралья и медных рудах Ишкининского месторождения позволило с большой степенью вероятности предположить, что «важным источником медных руд для металлургов Синташты и Аркаима было Ишкининское месторождение» (Зайков и др., 2005. С. 111–113). Геологические и минералого-геохимические наблюдения,

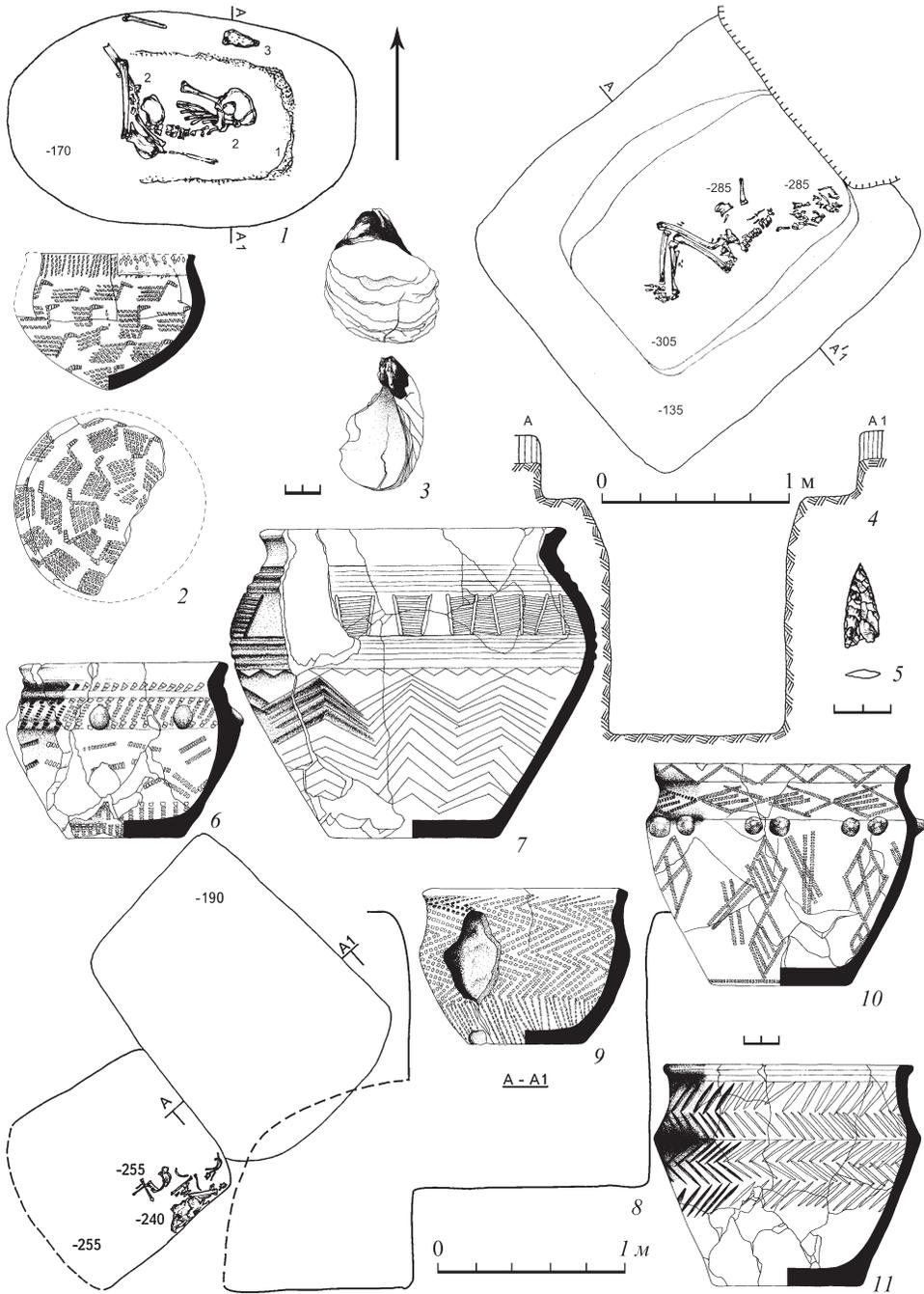

Рис. 2. Ишкининский археологический микрорайон. Материалы раскопок погребальных комплексов раннего бронзового века (1–5) и рубежа эпох средней и поздней бронзы (6–11)

1–3, 6, 10, 11 – могильник Ишкиновка I; 4, 5, 7–9 – могильник Ишкиновка II

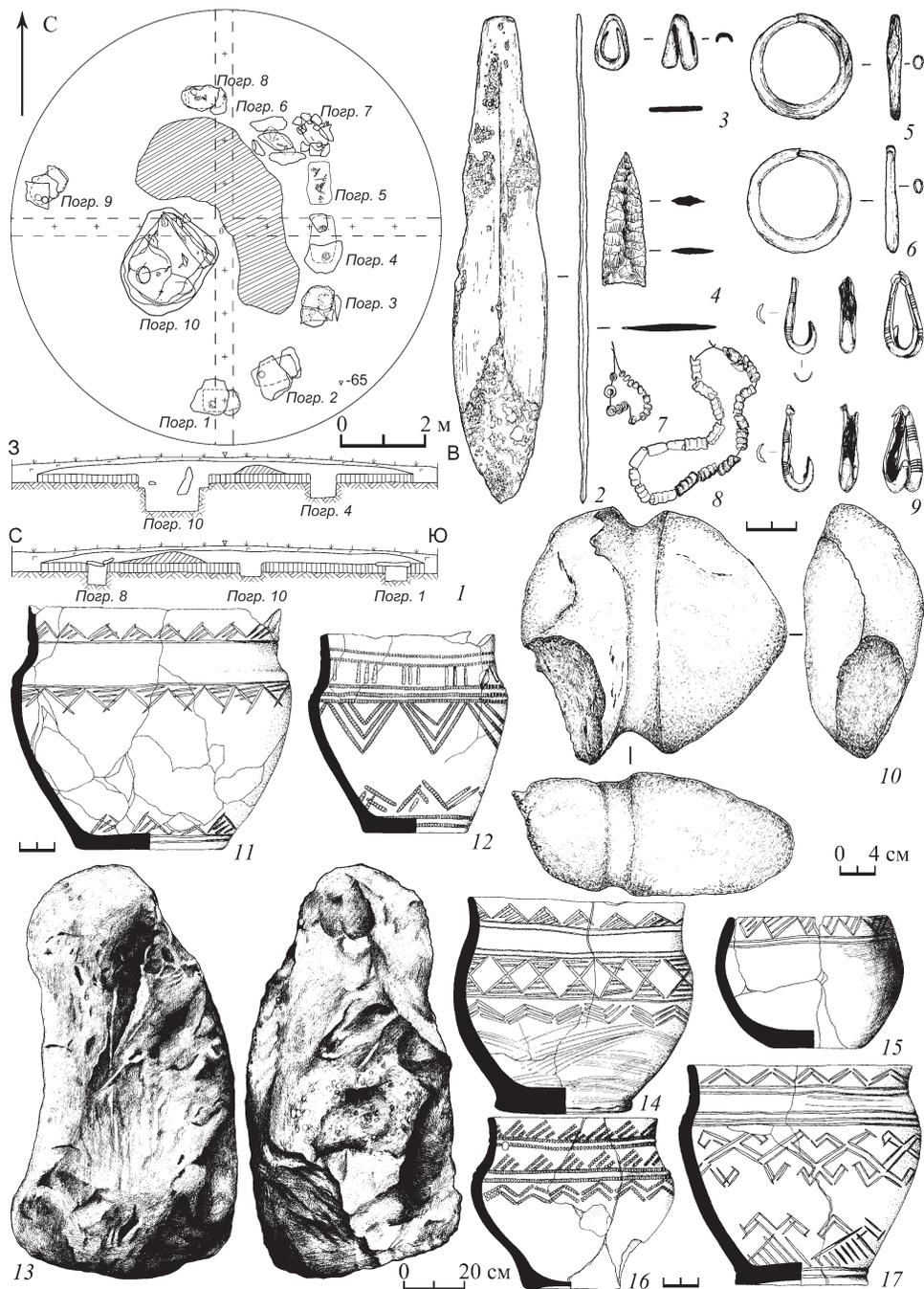

Рис. 3. Ишкининский археологический микрорайон. Материалы позднего бронзового века 1-9, 11, 12, 14-17 - могильник Ишкиновка II; 10 - рудник Ишкининский; 13 - могильник Ишкиновка III

несомненно, являются весомыми аргументами в пользу отнесения начала горных работ на Ишкининском месторождении к синташтинскому времени. Однако для категоричных суждений на этот счет пока недостаточно данных, поскольку на поселении и в пределах древних карьеров не обнаружено ни одного надежно атрибутированного артефакта, связанного с синташтинской культурой. В синташтинских могильниках Ишкининского микрорайона преобладают погребения детей младенческого возраста и совершенно отсутствуют маркеры горно-металлургической деятельности. Возможно, ответ удастся получить в ходе дальнейших полевых исследований. Материалы алакульских памятников в этом же районе позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу появления реальных доказательств, тем более что естественнонаучные данные действительно требуют объяснения.

Пожалуй, наиболее емкую информацию удалось получить в ходе комплексного изучения памятников позднего бронзового века. Именно в этот период, судя по результатам многолетних полевых исследований в Ишкининском археологическом микрорайоне, здесь окончательно оформилась сбалансированная хозяйственно-культурная система с жесткой структурой, определяемой особенностями функционирования локального центра металлопроизводства в рамках Уральско-Мугоджарского ГМЦ.

Основу Ишкининского археологического микрорайона эпохи поздней бронзы составляли геoarхеологические производственные объекты, представленные группой горных выработок, локализующихся на левобережье ручья Аулган — левого притока р. Сухая Губерля. На противоположном берегу ручья на ровной площадке, окаймленной с трех сторон горами, располагалось поселение, составлявшее, вероятно, с древними карьерами единый производственный комплекс. В непосредственной близости от этих памятников обнаружена серия местонахождений керамики эпохи поздней бронзы, не образующих культурного слоя. Одно из них обнаружено на левом берегу безымянного ручья недалеко от его впадения в ручей Аулган. Еще два местонахождения зафиксированы на площадках по обе стороны Аулгана в устье безымянного ручья. Керамика ПБВ найдена также у места впадения ручья Аулган в р. Сухая Губерля. На левобережье р. Сухой Губерли, в 1 км выше по течению от устья Аулгана, также обнаружены керамика и кости домашних животных (рис. 1).

Другая компактная группа археологических объектов ПБВ сосредоточена на правобережье р. Сухая Губерля в некотором удалении от описанных памятников. В устье ее правого притока, ручья Жериклинский, на краю пологой водораздельной возвышенности размещался могильник Ишкиновка I. Недалеко от этого некрополя, на мысообразной площадке, образованной пересыхающим саем, обнаружено местонахождение керамики эпохи бронзы. В 2 км выше по течению р. Сухой Губерли находится курганный могильник Ишкиновка II, еще в 1 км вверх по течению располагается могильник Ишкиновка III. Между этими некрополями зафиксировано еще одно местонахождение (рис. 1).

Культурно-хронологическая позиция этой группы памятников определяется достаточно уверенно. Стационарные исследования осуществлялись на всех перечисленных могильниках и поселении, достаточно масштабные геoarхеологические изыскания проведены практически на всех древних выработках.

Три погребения этого времени обнаружены в кургане 2 и каменной ограде 4 могильника Ишкиновка I. Еще 31 могила выявлена под насыпями курганов 2, 3, 4 в могильнике Ишкиновка II. Восемь захоронений раскопано в курганах 1 и 3 могильника Ишкиновка III. В общей сложности исследованы 42 погребения в шести курганах и каменной ограде. Облик надмогильных сооружений, особенности могильных ям и внутримогильных конструкций, характер ингумации и сопровождающий инвентарь соответствуют стандартам алакульской погребальной обрядности развитого этапа (Ткачев, 2005. С. 185, 186. Рис. 10–12) (рис. 3). В наибольшей степени эти материалы близки памятникам кожумбердынского типа (Кузьмина, 2008. С. 250–268), ареал которых охватывает обширные пространства Уральско-Мугоджарского региона. Однако, располагаясь на северной периферии ареала кожумбердынской культурной группы, памятники Ишкининского археологического микрорайона демонстрируют присутствие в погребальном обряде и материальном комплексе признаков, типичных для синкретической группы алакульских памятников магнитогорского варианта алакульской культуры, локализующегося в верховьях р. Урал, для которого характерно наличие проявлений воздействия со стороны срубной культуры (Кузьмина, 2008. С. 139, 141. Рис. 42; 43).

На площади поселения Ишкиновка были заложены разведочные шурфы на различных участках и разбит небольшой раскоп, которым вскрыты приуроченные к двум жилищным впадинам на южном краю памятника, активно разрушающейся береговой линией ручья Аулган и оврагом, два хозяйственных комплекса, представлявшие собой очаги с легкими каркасными навесами и колодцы. Культурный слой в этой части поселения достигал 1 м. Помимо массового остеологического материала в ходе работ получена представительная коллекция керамики, каменных, глиняных, костяных и металлических орудий, металлургические и керамические шлаки. Подавляющее большинство фрагментов глиняной посуды соответствует по технологическим и морфологическим характеристикам, орнаментации и технике ее нанесения керамическому комплексу алакульских могильников Ишкиновка I–III. Однако отдельные фрагменты сосудов с плавным профилем, украшенные крестовым орнаментом и наклепным валиком по горловине, обнаруженные в верхних горизонтах культурного слоя, по всей видимости, относятся к эпохе финальной бронзы.

Керамика, собранная на местонахождениях в районе поселения и могильников, с трудом поддается культурной идентификации, но по фактуре, примесям, технике орнаментации и отчасти морфологическим характеристикам может быть с большой долей вероятности отнесена к эпохе бронзы.

О культурной атрибуции рудников судить достаточно сложно. Отвалы значительной части горных выработок были разрезаны рекогносцировочными траншеями, отобраны образцы погребенных почв для радиоуглеродного датирования, палеопочвенных и палинологических анализов, результаты которых пока неизвестны. Но уже сейчас можно констатировать, что большинство карьеров, по всей видимости, относится к эпохе поздней бронзы. Об этом свидетельствуют находки на отвалах древних выработок двух каменных молотов, идентичных обнаруженным на десятках других рудников в Уральско-Мугоджарском регионе, а также присутствие в материалах поселения руды, металлургических шлаков, каменных терочных плит, заготовок горнопроходческих костяных клиньев.

Добыча и первичное сухое обогащение медной руды осуществлялись на отвалах карьеров, которые выполняли функцию промплощадок. После первичной переработки руда доставлялась на поселение, где осуществлялись последующие технологические циклы металлургии и металлообработки. Примечательно, что в районе поселения не обнаружен связанный с ним некрополь, несмотря на мощность культурных напластований на поселении. Однако вблизи поселения выявлены многочисленные местонахождения керамики. Это пункты регулярных кратковременных посещений родственного населения, целью которых, по всей видимости, являлись торгово-обменные операции с организованными по клановому принципу профессиональными группами, постоянно проживавшими на Ишкининском поселении и специализировавшимися на горно-металлургическом производстве.

С другой стороны, в районе локализации некрополей, в 6–8 км выше по течению р. Сухой Губерли, не выявлено стационарного поселения, а зафиксированы немногочисленные местонахождения, не образующие культурного слоя. Можно предположить, что подобная ситуация объясняется особенностями сложившейся хозяйственно-культурной системы, основанной на сочетании отгонных форм скотоводства и горно-металлургического производства. Курганные могильники, видимо, маркировали родовую территорию. Особенно показателен в этом плане культово-погребальный комплекс, выявленный в кургане 1 могильника Ишкиновка III. Помимо погребения женщины зрелого возраста и двух детских захоронений в периферийных секторах кургана, в центре подкурганной площадки располагалась прямоугольная яма, в которой вертикально была установлена каменная антропоморфная стела (рис. 3, 13). Лицевой стороной она была ориентирована на запад, в основании расклинена камнями небольших размеров (Ткачев, 2005. С. 185. Рис. 13). Примечательно, что жители поселка Ишкинино до сих пор отгоняют скот на пастбища, расположенные в районе курганных могильников бронзового века, при этом конечным пунктом таких перемещений является участок локализации могильника Ишкиновка III.

Таким образом, с поздним бронзовым веком связана группа компактно расположенных синхронных памятников различного характера. По всей видимости, они представляли собой единый комплекс, функционировавший как локальный хозяйственно-культурный центр, основанный на сочетании горно-металлургического производства и отгонного скотоводства. Дальнейшее комплексное изучение эталонного Ишкининского археологического микрорайона открывает перспективы реконструкции механизмов функционирования Уральско-Мугоджарского ГМЦ эпохи поздней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайков В. В., Юминов А. М., Дунаев А. Ю., Зданович Г. Б., Григорьев С. А., 2005. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4.
- Кузьмина Е. Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе.

- Мосин В. С.*, 1996. Стоянка Бурли II и некоторые вопросы энеолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Ткачев В. В.*, 2005. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск. Вып. 4.
- Ткачев В. В.*, 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе.
- Ткачев В. В., Гуцалов С. Ю.*, 2000. Новые погребения энеолита – средней бронзы из Восточного Оренбуржья и Северного Казахстана // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург. Вып. IV.
- Ткачев В. В., Сегедин Р. А., Грешнер С. Г.*, 1996. Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугоджарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара. Вып. 1.
- Черных Е. Н.*, 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е. Н.*, 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. № 4.
- Черных Е. Н.*, 2008. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3 (35).
- Юминов А. М., Зайков В. В.*, 2002. Горные разработки в бронзовом веке на Ишкининском медном руднике // Уральский минералогический сборник. Миасс. № 12.

ПУБЛИКАЦИИ

К. Н. Гаврилов

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА МАЛЫХ ФОРМ ИЗ РАСКОПОК СТОЯНКИ ХОТЫЛЁВО 2 (ПУНКТ В)¹

*K. N. Gavrilov. New objects of minor arts from the excavations
of the Khotylevo 2 station (point B)*

Abstract. The Upper Palaeolithic station of Khotylevo 2 is excavated on the Desna River (Bryansk region). The site enters the Eastern Gravette cultural circle. Among the most significant finds there are objects of primitive art. The anthropomorphic figurines discovered at the site generally represent three types: female statuettes shaped in realistic manner, schematic female figurines, and a male (?) statuette. In the paper two new figurines from the excavations of 2009 are published. These are: a unique double female statuette, and a schematic anthropomorphic one. The author publishes their detailed description and a series of analogies.

Ключевые слова: верхний палеолит, восточный Граветт, стоянка Хотылево 2, первобытное искусство, скульптура малых форм, женская статуэтка, стилистический анализ.

Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 входит в круг восточнограветтских памятников, давших серию произведений искусства малых форм, среди которых первое место по своей выразительности, безусловно, занимает антропоморфная скульптура.

Хотылёво 2 находится в 25 км к северо-западу от г. Брянска, на правом высоком берегу р. Десны (рис. 1, I). Топографически место расположения стоянки представляет собой мысовидный участок краевой части приводораздельного плато, образованный двумя древними балками, своими устьями выходящими в долину Десны. Более мелкие овраги разбивают его на небольшие регулярные мысы, имеющие северную экспозицию. Памятник был открыт в 1968 г. Ф. М. Заверняевым (1974), который систематически раскапывал его с небольшими перерывами в 1969–1981 гг. В 1993 г. полевые работы здесь были возобновлены Хотылёвской экспедицией Института археологии РАН. В настоящее время культурный слой, относящийся к Хотылёво 2, зафиксирован в четырех пунктах, которые получили обозначения буквами кириллицы от А до Г

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 08-06-00387.

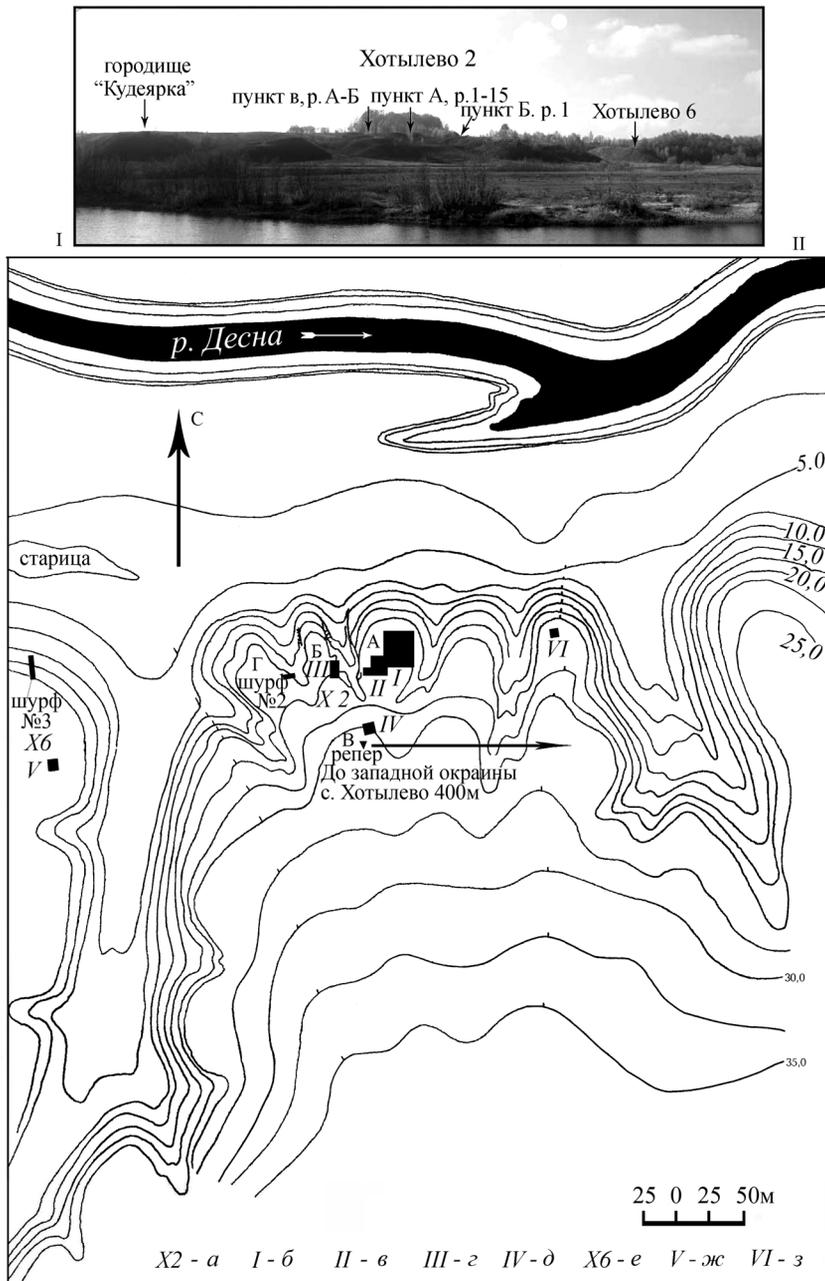

Рис. 1. Геоморфологическая ситуация на месте расположения стоянки Хотылёво 2

I – панорама правого берега р. Десны к западу от с. Хотылёво (фото Е. В. Воскресенской);

II – ситуационный план (топооснова выполнена Ю. Н. Грибченко)

а – Хотылёво 2; *б* – раскопы №№ 1–11; *в* – раскопы №№ 12–15; *г* – раскоп № 1; *д* – раскоп А;

е – Хотылёво 6; *ж* – раскоп № 1; *з* – шурф № 7

горизонталы проведены через 2,5 м

(рис. 1, II). Стратиграфические условия залегания культурного слоя во всех четырех пунктах идентичны, радиоуглеродные датировки, полученные по образцам из пунктов А и Б, дополняют друг друга, что позволяет предполагать для них близкую хронологическую позицию. Однако особенности стратиграфии культурного слоя, зафиксированные на участках пункта А (*Гаврилов*, 2008) и пункта В, свидетельствуют в пользу того, что памятник Хотылёво 2 включает в себя ряд асинхронных, хотя и близких по времени существования, комплексов, назначение которых было различным – от жилищного и хозяйственно-бытового до культового.

Пространственная организация выделяемых на стоянке комплексов и типологические особенности ведущих категорий материальной культуры дают основания рассматривать Хотылёво 2 в качестве самостоятельного типа поселения в рамках восточного граветта на территории Восточной и Центральной Европы (*Гаврилов*, 2008). При этом Хотылёво 2 остается именно восточнограветтским памятником, несмотря на свой ярко выраженный, уникальный характер, а также на наличие в кремневом инвентаре аналогий – связанных, прежде всего, с остриями «микро-граветт» и «вашон» – с западноевропейскими памятниками, относимыми к позднему граветту/перигордьену VI.

Принадлежность Хотылёво 2 к восточному граветту подчеркивается и стилистическими особенностями антропоморфной скульптуры. В настоящее время произведения искусства малых форм, относящиеся к данной категории, могут быть разделены на три группы: 1) женские статуэтки, выполненные в реалистической манере; 2) схематические фигурки, символизирующие женский образ; 3) схематическая антропоморфная скульптура, скорее всего изображающая мужскую фигуру (*Заверняев*, 1978; *Гаврилов*, 2008). Реалистическая женская скульптура наиболее полно среди хотылёвских антропоморфных изображений подчеркивает как восточнограветтский характер, так и специфические черты материальной культуры этого памятника.

Женские фигурки Хотылёво 2 из коллекции Ф. М. Заверняева были отнесены М. Д. Гвоздовер к самостоятельному, хотылёвскому, типу, отличному от костёнковского, который характерен для Костёнок I, Авдеево (*Гвоздовер*, 1985; *Gvozdover*, 1995) и Зарайска (*Амирханов*, *Лев*, 2009), а также частично для Гагарино (*Тарасов*, 1979). Обоснованность выделения хотылёвского и костёнковского типов в настоящее время подтверждается результатами не только стилистического, но и технологического анализа (*Хлопачев*, 1998; 2006). Однако оба типа вписаны в единый стилистический и семантический контекст, что убедительно было показано в работах М. Д. Гвоздовер (*Gvozdover*, 1995). Они не могут рассматриваться в качестве культурно-хронологических маркеров развития искусства восточного граветта, поскольку зафиксировано совместное нахождение фигурок обоих типов в одном археологическом комплексе – гагаринском жилище. Устойчивость этих типов свидетельствует в пользу их различной смысловой нагрузки, связанной, скорее всего, с отражением тех или иных стадий репродуктивного цикла и/или возраста женщины.

В 2006 г. Хотылёвская экспедиция приступила к раскопкам нового пункта В стоянки Хотылёво 2. Этот участок расположен выше по склону, на некотором удалении от края высокого берега Десны. Минимальное расстояние меж-

ду раскопами пунктов А и В составляет 50 м. В современном рельефе между ними прослеживается седловидное понижение, связанное с древней ложбиной, погребенной до формирования культурного слоя восточнограветтского поселения. Стратиграфия отложений, вмещающих, подстилающих и перекрывающих культурный слой, аналогична зафиксированной при раскопках в пунктах А и Б. Пункт В пока не имеет определений радиоуглеродного возраста, однако стратиграфическая позиция его культурного слоя позволяет предположить, что этот показатель, как и в случае с пунктами А и Б, возможен в пределах от 24 до 21 тыс. л. н.

В настоящее время культурный слой изучен в двух раскопах (А и Б) общей площадью 45 м². Археологический материал представлен скоплениями костей мамонта, в том числе преднамеренно уложенных, пятнами охры, скоплением костного угля и разрозненными угольками, скоплениями кремневых предметов и отдельными экземплярами расколотого кремня, а также изделиями из кости и бивня. На площади раскопа А особенно интересны группы из попарно уложенных черепов мамонта в сочетании с лопатками и тазовыми костями. В раскопе Б такие группы костей мамонта не зафиксированы. Пространственная организация культурного слоя здесь иная (рис. 2). Ее определяют следующие археологические объекты: а) ямы, получившие порядковые номера 4, 5 и 6 в северо-западном, центральном и северо-восточном секторах раскопа соответственно; б) скопление костного угля на квадратах Б-В/1', зафиксированное к югу от ямы 5; в) скопление костного угля, расщепленного кремня, фрагментированных костей животных и охры к западу от ямы 6 (кв. Б-В/4'); г) скопление костного угля, расщепленного кремня и охры к востоку и юго-востоку от ямы 6 (кв. Д/4'); д) скопления охры и расщепленного кремня на кв. Г-Д/3'; е) вертикально и наклонно стоящие кости мамонта, преднамеренно вкопанные обитателями стоянки; ж) скопления крупных костей мамонта в юго-западном и юго-восточном секторах раскопа. Последние, т. е. скопления крупных костей мамонта, судя по их стратиграфической позиции внутри культурного слоя, связаны с объектами, зафиксированными на раскопе А, который примыкает к раскопу Б с юга. Большинство же перечисленных объектов планиграфически связаны между собой в единый комплекс, аналогичный тем площадкам, которые были исследованы Ф. М. Заверняевым (*Гаврилов*, 2008). Для них характерны расположение в центре очага или скопления костного угля совместно с фрагментированными костями животных, расщепленным кремнем и охрой. На некотором удалении от очага или скопления угля располагаются неглубокие округлые или подовальные в плане ямы, а также вертикально или наклонно вкопанные кости мамонта. Судя по взаимному расположению объектов, вскрытых в раскопе Б, на данном участке изучена половина площади подобного рода комплекса. Оставшаяся часть, если данная интерпретация верна, должна располагаться к северу от раскопа Б.

В 2009 г. при раскопках названного комплекса были сделаны находки двух произведений искусства малых форм, которые благодаря ярко выраженным индивидуальным чертам существенно расширили наши представления о степени вариабельности иконографии женского образа в скульптуре восточного граветта. Новые произведения искусства представлены двойной женской статуэткой (рис. цвет. IV, а) и схематической антропоморфной фигуркой (рис. цвет. IV, б),

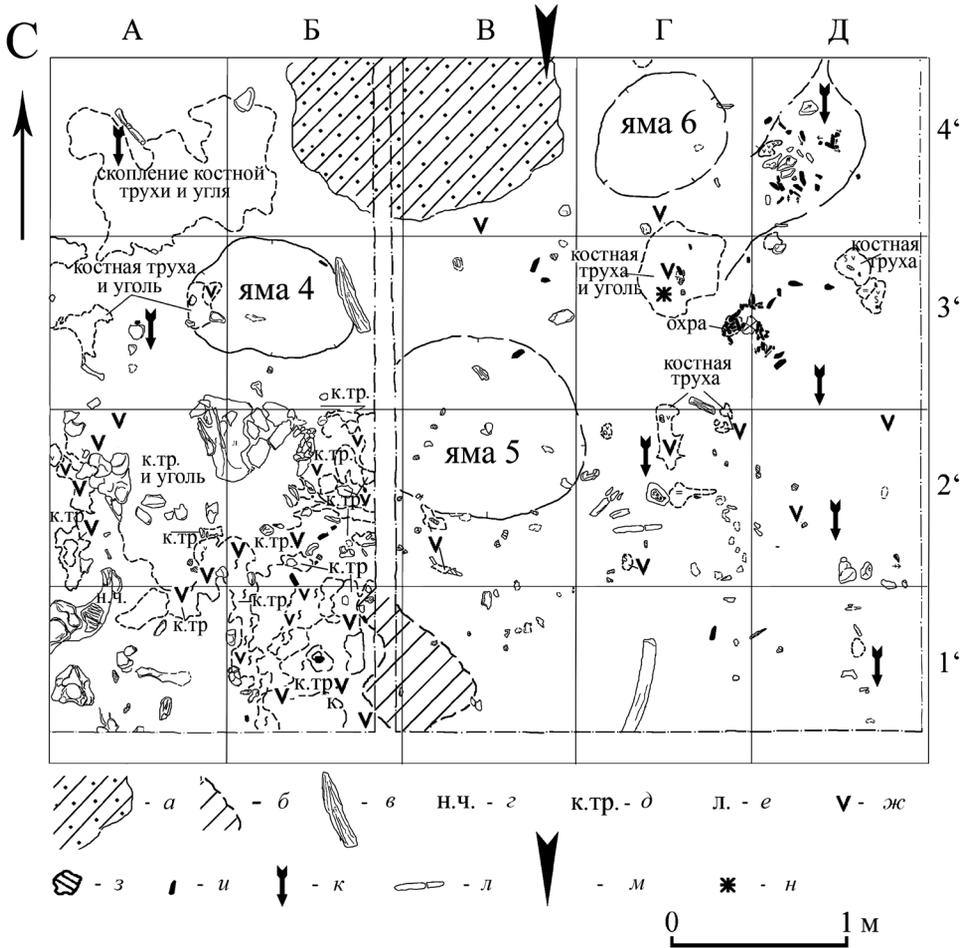

Рис. 2. План-схема раскопа Б на уровне верха культурного слоя

а – скопление костного угля, расщепленного кремня и фрагментированных костей животных; *б* – скопление костного угля; *в* – бивень; *г* – нижняя челюсть; *д* – костная труха; *е* – лопатка; *ж* – костный уголь; *з* – обожженная кость; *и* – расщепленный кремень; *к* – вертикально или наклонно вкопанные кости мамонта; *л* – кость; *м* – место залегания двойной статуэтки и схематической фигурки из мела; *н* – охра

вырезанными из мела – широко распространенной в округе с. Хотылёво породы. С таким же мелом связан в местных залежах плитчатый кремень, им же выполнены кортикальные слои данного сырья.

Статуэтка и схематическая фигурка были зафиксированы в северо-восточном углу кв. В/4', в верхней части скопления костного угля, расщепленного кремня, фрагментированных костей и охры, у его края. Следует подчеркнуть, что охра в данном скоплении была представлена прослойкой толщиной 2–3 мм, залегавшей в его основании. Большинство изделий из расщепленного кремня,

найденных в 2009 г. (57%), было связано с данным объектом. В целом это скопление может рассматриваться как зона эвакуации материала, возможно связанная с располагающимся за пределами раскопа Б очагом. В непосредственной близости от произведений искусства, на кв. Г/4', находилась яма 6. В плане она имела овальную форму размерами 72,5 × 52,5 см. Верх заполнения ямы был представлен гумусированным суглинком с включениями костного угля, охры и расщепленного кремня. Суглинок перекрывал интенсивно окрашенную охрой поверхность, выполненную фрагментами черепных костей мамонта с большим количеством мелких кремневых сколов. Под этими костями залегала прослойка из суглинка и костного угля, которая выполняла нижнюю часть заполнения ямы 6. Максимальная глубина ямы не превышала 15 см.

Двойная женская статуэтка может быть отнесена к категории плоской скульптуры. Ее размеры – 58,5 × 44,5 × 15 мм. Женские фигуры изображены плечом к плечу на лицевой стороне плитки мела подтрапещиевидных очертаний в технике барельефа, в реалистической манере, характерной для памятников восточного граветта. Изображены груди, живот и ноги по щиколотку. Изображения рук и голов отсутствуют и, по-видимому, не предполагались. Тыльная поверхность статуэтки заглажена, однако детальная проработка отсутствует. Нижняя половина поверхности разделена широкой бороздкой на два объема, соответствующие изображению двух женских фигур на лицевой поверхности статуэтки. Кроме того, широкой, но менее глубокой бороздкой выделены ноги левой фигуры с тыльной стороны. Изображение левой женской фигуры отличается еще и тем, что ее грудь разделена на две равные половины двумя параллельными тонкими неглубокими линиями. Левая грудь правой женской фигуры имеет округлой формы неглубокую выемку – возможно, это результат повреждения статуэтки от удара каким-то предметом. Статуэтка была разбита в древности, по всей видимости, на четыре фрагмента: один из них – это изображение двух женщин в области груди и живота, второй – в области ног, два фрагмента – изображения нижних частей ног женщин. Однако один из этих фрагментов, а именно нижняя часть (ноги) правой фигуры, не обнаружен. Поверхности граней древних сколов заглажены. Верхний фрагмент уже после попадания в культурный слой был разбит на две части в результате природных пост-депозиционных процессов, вероятно, мерзлотного характера. Таким образом, в современном виде статуэтка состоит из четырех фрагментов (рис. 3, 1, 1). В культурном слое статуэтка залегала лицевой стороной вниз, ногами направленной в северо-восточную сторону, а той частью, где должны были быть изображены головы, – в юго-западную. Положение статуэтки в слое говорит о том, что ее части были не выброшены, а уложены человеком в правильном порядке, соответственно их изначальному положению до фрагментации этого предмета.

Рядом с двойной статуэткой, к северо-западу от нее, непосредственно у северной стены раскопа, обнаружена схематическая фигурка. Ее размеры – 18 × 16 × 7/6 мм. Она уплощена и имеет подтрапещиевидные очертания. Одна из сторон фигурки, условно «лицевая», моделирована двумя объемами, которые разделены поперечной по отношению к длинной оси изделия широкой и асимметричной в профиль бороздкой. Один из объемов, выполняющий максимально широкую часть предмета, соответствует и наиболее выпуклой, рельефной части

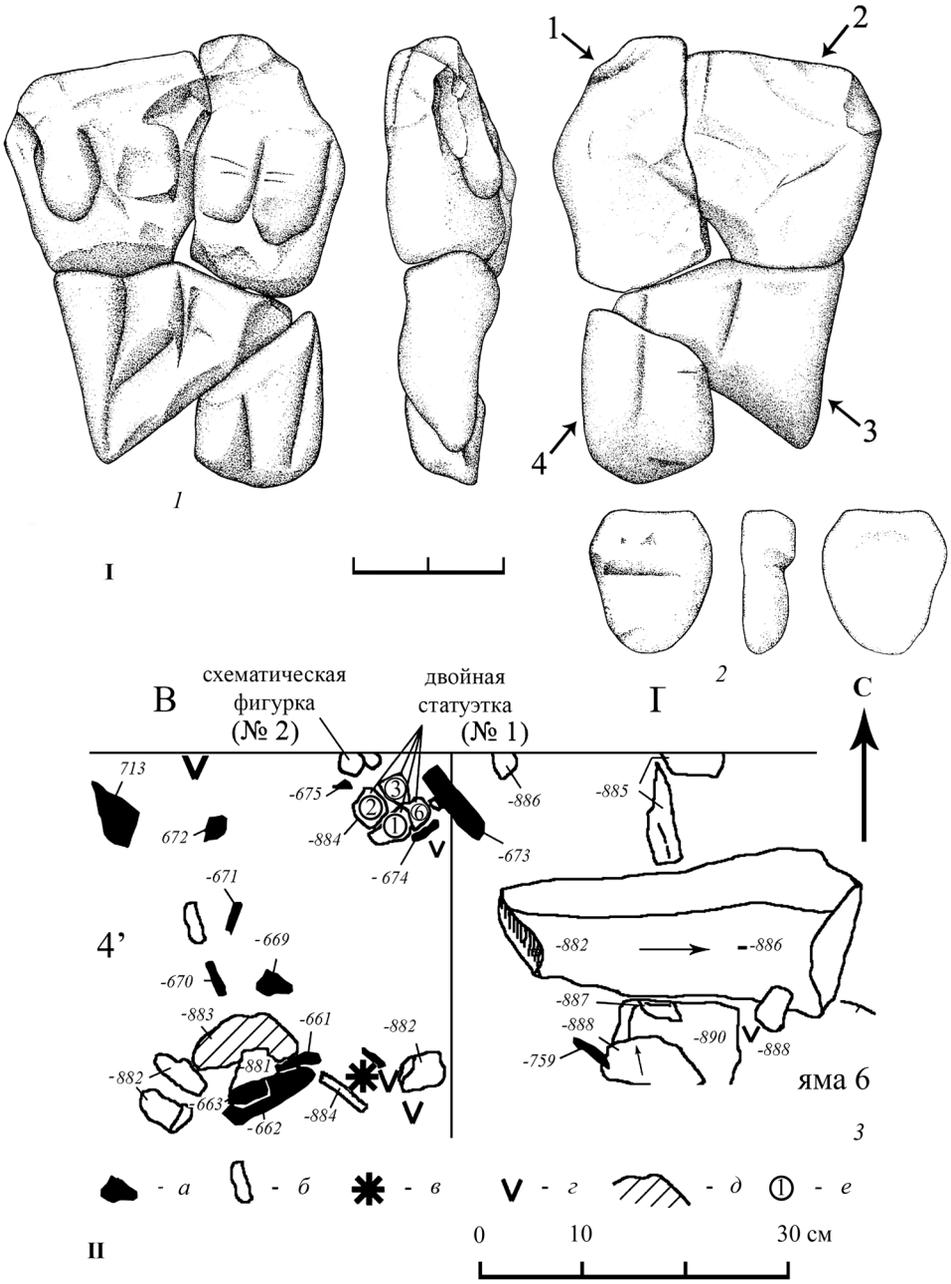

Рис. 3. Двойная женская статуэтка (1) и схематическая антропоморфная фигурка (2)
 I – рисунок А. В. Трусова. Номера со стрелками обозначают фрагменты двойной статуэтки;
 II – археологический контекст залегания
a – кремль; *б* – кость; *в* – охра; *г* – костный уголь; *д* – скопление костного угля; *е* – номера фрагментов двойной статуэтки

«лицевой» стороны фигурки. Вторая сторона, «тыльная», – плоская. Несмотря на разницу в размерах, соотношения длины и ширины у обоих предметов довольно близки. Фигурка лежала «лицевой» частью вниз. Длинной осью она была ориентирована по линии северо-запад – юго-восток, широкой частью – на юго-восток. Оба изделия залегали таким образом, что их длинные оси были ориентированы перпендикулярно друг к другу. Соответственно, наиболее широкая часть фигурки, так же как и статуэтки, относится к верхней части изделия. Все поверхности предмета заглажены. Характерно, что по своим пропорциям двойная статуэтка и фигурка достаточно близки друг другу, несмотря на разницу в размерах. Морфология схематической фигурки и ее археологический контекст дают основания предполагать, что это произведение является антропоморфным и, скорее всего, символизирует женский образ. При такой интерпретации наиболее выпуклая и широкая часть «лицевой» поверхности соответствует области груди, тогда как остальная изображает живот и низ (ноги?).

Стилистически изображения женщин двойной статуэтки выполнены в манере, близкой к манере, характерной для скульптурных изображений костёнковского типа. Сходство подчеркивается наличием двойных поперечных нарезок на груди левой фигуры. Похожим образом, например, изображена перевязь поверх груди на первой женской статуэтке из Костёнок I (сл. 1), с тем лишь отличием, что между поперечными нарезками, нанесенными на костёнковскую статуэтку, прорезан также орнамент в виде косой решетки (*Ефименко*, 1958. С. 346, 347. Рис. 140). Близки также вытянутые пропорции женских фигур двойной статуэтки и скульптур костёнковского типа. Однако отсутствие изображений голов, рук и нижней части ног все же заметно отличает двойную хотылёвскую статуэтку от костёнковских фигурок. К тому же хотылёвская статуэтка не может быть отнесена к круглой скульптуре, и ее сходство с костёнковским канонам изображения женщин ограничивается лишь передним планом.

Скульптурные реалистические изображения безголовых и безруких женщин известны в искусстве верхнего палеолита Европы. По этим признакам ближайшая территориально статуэтка происходит из раскопок эпиграветтской стоянки Елисеевичи 1 (*Поликарпович*, 1968; *Хлопачев*, 2006). Однако стилистически это произведение принадлежит более позднему периоду верхнего палеолита, что вполне согласуется с данными о возрасте самого памятника (*Величко*, *Грехова*, *Грибченко*, *Куренкова*, 1997). Графические изображения безголовых и безруких женщин, выполненные в реалистической манере, также имеют широкое хронологическое распространение в пределах европейского верхнего палеолита. Наиболее ранний пример создания подобного образа зафиксирован в знаменитой пещере Шове, где на одном из сталактитов черной краской были изображены бизон и женское тело без головы, рук и нижней части ног (*Chauvet et al.*, 1995). Хотылёвская статуэтка, таким образом, демонстрирует развитие подобной иконографии женского образа в восточном граветте, начавшееся ранее в культурной среде европейского ориньяка.

Композиционное построение двойной статуэтки из Хотылёво 2 имеет некоторые аналогии среди западноевропейских образцов женских изображений. В данном случае имеется в виду барельефный фриз на мадленской стоянке Англи-сюр-Англен (Roc-aux-Sorciers). Среди животных на этом фризе имеются реалистические изображения пяти обнаженных женщин, три или четыре из

которых – это фронтально стоящие плечом к плечу фигуры (*Iakovleva, Pincon, 1997. Fig. 162*). Они также не имеют голов, рук и нижних частей ног. Стилистика женских фигур из Англь-сюр-Англен соответствует культурной атрибуции этого памятника в качестве мадленского.

Схематическая антропоморфная фигурка из Хотылёво 2 не имеет прямых стилистических аналогий среди произведений искусства малых форм в верхнем палеолите Европы. Тем не менее этот предмет не следует рассматривать как случайное явление. Если верна интерпретация этого изделия в качестве символического женского образа, то тогда повторяется ситуация, зафиксированная для планиграфии произведений искусства в комплексах 3 и 4. В них совместно залежали реалистическая и схематическая женские фигурки (*Гаврилов, 2008*). В комплексе 3 – это статуэтки 3 и 4, в комплексе 4 – статуэтки 2 и 7. Кроме того, схематические изображения безголовых женщин, своими пропорциями напоминающие меловую фигурку из Хотылёво 2, известны в восточном граветте Центральной Европы. К ним относятся соответствующие произведения искусства, обнаруженные во время раскопок стоянки Дольни Вестонице в Моравии (*The Oldest Art... 2009. Fig. II, 20*).

Новые находки произведений искусства малых форм из раскопок Хотылёво 2, несмотря на свою уникальность, вполне органично вписываются в изобразительный ряд, который характеризует иконографию женского образа в восточном граветте. Однако должна быть пересмотрена точка зрения о том, что хотылёвская женская скульптура представлена лишь одним типом изображений. Очевидно, можно констатировать существование определенной закономерности, связанной с совместным нахождением реалистической и схематической женской скульптуры в пределах нескольких комплексов, выделяемых в Хотылёво 2. Характер аналогий и их география находят соответствие в тех связях, которые прослеживаются между Хотылёвским поселением и европейскими граветтскими памятниками по кремневому инвентарю (*Гаврилов, 2004*). Отличие в данном случае состоит в том, что аналогии, связанные с кремневым инвентарем, касаются прежде всего синхронных памятников, тогда как женские изображения встраивают Хотылёво 2 в более общий европейский контекст, связанный с целым рядом разновременных и разнокультурных стоянок.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2009. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бузова Н. Д., Лев С. Ю., Мащенко Е. Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.*
- Величко А. А., Грехова Л. В., Грибченко Ю. Н., Куренкова Е. И., 1997. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М.*
- Гаврилов К. Н., 2004. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины / Под ред. Х. А. Амирханова. М.*
- Гаврилов К. Н., 2008. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.*
- Гвоздовер М. Д., 1985. Типология женских статуэток костенковской палеолитической культуры // ВА. № 75.*
- Ефименко П. П., 1958. Костенки I. М.; Л.*

- Заверняев Ф. М.*, 1974. Новая верхнепалеолитическая стоянка на р. Десне // СА. № 4.
- Заверняев Ф. М.*, 1978. Антропоморфная скульптура Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки // СА. № 4.
- Поликарпович К. М.*, 1968. Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск.
- Тарасов Л. М.*, 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.
- Хлопачёв Г. А.*, 1998. Два подхода к построению фигуры женских статуэток на восточно-граветтских стоянках Русской равнины // Восточный граветт. М.
- Хлопачёв Г. А.*, 2006. Бивневые индустрии верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.
- Chauvet J.-M., Brunel-Deschamps E., Hillaire Chr.*, 1995. Grotte Chauvet: Altsteinzeitliche Höhlenkunst im Tal der Ardèche / Mit einem Nachwort von J. Clottes (Sigmaringen).
- Gvozdover M. D.*, 1995. Art of Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford.
- Iakovleva L., Pincon G.*, 1997. La Frise sculptée du Roc-aux-Sorciers. Paris.
- The Oldest Art of Central Europe / Eds. K. Valoch, M. Lázníčková-Galetová. Brno, 2009.

С. В. Кузьминых

СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ¹

S. V. Kuzminykh. New data on the problem of the Seima-Turbino unity

Abstract. The Seima-Turbino problem is a key one in the Late Bronze Age archaeology of North Eurasia. The discussion concerning the phenomenon lasts for over a century, starting from the discovery of the Borodino treasure and the Seima cemetery. The problem raised much interest after publication of the book by E. N. Chernykh and S. V. Kuzminykh in 1989. During 20 years that passed after this publication the database on metal finds and casting moulds has increased substantially: 180 metal finds and 5 moulds of the Seima-Turbino types, and over 200 finds and 12 moulds of Samus-Kizhirovo types. The paper presents a review of these materials. Of special interest are the Ust-Vetluga cemetery and the Galich treasure in the European area, in the Asiatic territory the Satyga cemetery on the Konda River, and the cemetery Preobrazhenka 6 and plundered nameless necropolis near Omsk on the Om River. Among the sites of Samus-Kizhirovo types very important are the sanctuary Shaitanskoe Lake II (Koptyaki culture) and the cemetery on the Tatarka mountain on the Yenisej River.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, сейминско-турбинская проблема, археологический памятник, модель расселения, база данных, морфология.

Проблема, вынесенная в заглавие статьи, вне всякого сомнения, является стержневой в археологии позднего бронзового века Северной Евразии. Полемика вокруг нее длится уже без малого сто лет, с момента открытия в 1912 г. Бородинского (Бессарабского) клада и Сейминского могильника, – и не только не утихает,

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проекты №№ 10-06-00405-а, 10-06-00408-а, 11-06-00034-а, 06-93979-ИНИС-а.

но, напротив, становится все острее. Изданная более 20 лет тому назад монография Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых (1989) в немалой степени способствовала тому, что в конце XX века сейминско-турбинская проблема вновь оказалась в эпицентре пристального внимания отечественных и зарубежных археологов.

Особый интерес она вызвала в Китае. Археология этой страны, как можно было судить по итогам конференции «Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects»², выставке, специально подготовленной в 60-летию Института археологии Академии социальных наук КНР и серии юбилейных изданий, развивается весьма динамично. Китайская археология в настоящее время сама широко открылась миру и в то же время ученые КНР стали активнее участвовать в обсуждении проблем археологии Северной Евразии (включая Среднюю и Центральную Азию). В их числе важное место принадлежит как раз сейминско-турбинской проблеме, поскольку в свете новейших исследований в центре и на северо-западе Китая выявилась серия бронзовых орудий и оружия, в которых угадывается отчетливый сейминско-турбинский импульс. В этой связи в КНР оказалась востребована и переведена на китайский язык наша с Е. Н. Черных книга 1989 г. (*Черных, Кузьминых, 2010*). Издание 2010 г. дополнено несколькими приложениями Е. Н. Черных и моим; в последнем дан обзор новых сейминско-турбинских и самусьско-кижировских бронз и литейных форм, появившихся за последние 20 лет или не вошедших по той или иной причине в книгу 1989 г. (*Кузьминых, 2010а*).

Настоящая статья является переработанным и существенно дополненным вариантом этого обзора. Я посчитал необходимым обратиться с ним к российскому читателю, поскольку само обсуждение сейминско-турбинской проблемы – наряду с публикацией новых памятников и находок³ – требует ясного представления о том, как же пополнилась база данных по металлу и литейным формам сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов. Обзор опирается в основном на опубликованные работы и не предполагает подробной морфологической характеристики металлических изделий и литейных форм. Номенклатура конечных типологических разрядов дана в соответствии с ранее принятой (*Черных, Кузьминых, 1989. С. 37–162*); специально оговорены случаи выделения новых КТР. Структурно статья делится на две части. Первая – обзор и комментарий памятников и находок сейминско-турбинского типа сначала в европейской, а затем в азиатской зонах Евразийской металлургической провинции; вторая – обзор и комментарий памятников с орудиями и оружием самусьско-кижировского типа, львиная доля которых сосредоточена к востоку от Урала.

Сейминско-турбинские памятники: Европа

Галичский «клад» (Галичский р-н Костромской области) – захоронение шамана, шаманского комплекта вещей или «вотивный» клад атрибутов шаманского костюма (*Студзицкая, Кузьминых, 2001; Studzitskaya, Kuzminykh, 2002*).

² Конференция состоялась 28-30 июля 2010 г. в Пекине и была организована Институтом археологии Академии социальных наук КНР; см. ее материалы: (*Archaeology in China... 2010*).

³ См. основные из них в списке литературы к данной статье.

Учено не менее 56 предметов (в реальности больше), включая кинжал разряда КЖ–2 (*Черных, Кузьминых, 1989*. Рис. 62, 3) (рис. цвет V, 3); среди остальных предметов: втульчатые топоры разряда Т–2 (2 экз.); рукоять еще одного кинжала разряда КЖ–2, увенчанная головой змеи или ящерицы; культовые изделия⁴ разрядов: КИ–2 (фигурки идиолов и маскоиды) – 5 экз. (рис. цвет. V, 2, 4; рис. на задней стороне обложки); КИ–4 (фигурки животных) – 4 экз. (рис. цвет. V, 1); КИ–6 (ножи-ланцеты) – 5 экз.; серии браслетов, колец, накладок и пронизей.

Туровское поселение (близ которого обнаружен знаменитый Галичский «клад»). В сводку 1989 г. не вошел бронзовый пластинчатый нож разряда НК–6 из землянки 5 раскопа 1924 г. (*Городцов, 1928*. С. 32, 42. Табл. I, 1). Для В. А. Городцова это была «очень важная находка, установившая связь с вещами Галичского клада» (*Городцов, 1928*. С. 32). Предполагалось, что нож (рис. 1, 4) мог происходить из разрушенного сейминско-турбинского могильника или одиночного захоронения (*Студзицкая, Кузьминых, 2001*. С. 134). Но в свете находок сейминско-турбинских бронз на поселениях Воймежная 1 и Березовая Слободка II–III возможна его связь с фатьяноидным (чирковским) керамическим комплексом Туровского поселения (см. о нем: *Халиков, 1969*. С. 203–206).

Могильник Бор-Ленва (Добрянский р-н Пермского края). К ранее опубликованным изделиям (*Денисов, Кузьминых, Черных, 1988*. Рис. 1–4; *Черных, Кузьминых, 1989*) прибавились: 1) наконечник копья разряда КД–30, происходит из Висимской дачи (по В. П. Денисову это и есть могильник Бор-Ленва) из сборов конца XIX в., известен по изображениям в работах А. А. Спицына (1902. Табл. 27, 9), А. М. Тальгрена, А. В. Збруевой, О. Н. Бадера и др.); 2) кинжал разряда КЖ–8 из сборов 2001 г. (информация А. Ф. Мельничука); 3) антропоморфная фигурка разряда КИ–2 (*Денисов, Кузьминых, Черных, 1988*. Рис. 2).

Могильник Усть-Ветлуга (Юрино) (Юринский р-н Республики Марий Эл). Новый сейминско-турбинский некрополь близ устья р. Ветлуги исследован благодаря сборам Е. Г. Шалахова в 2000–2001, 2007–2010 гг. и раскопкам Б. С. Соловьева в 2001–2006 гг. (*Соловьев, 2005; 2011*). Прослежено 10 могил, выделено семь предполагаемых погребений, представленных единичными и групповыми находками. Среди медных и бронзовых предметов (41 экз.; рис. цвет. VI) имеются ножи (21 экз.; НК–2, вне могил; НК–4, 4 экз., три вне могил и п. 15; НК–6, 6 экз., два вне могил и п. 1, 2, 7, 12; НК–14, 4 экз., один вне могил и п. 3, 5, 12; НК–16, 2 экз., вне могил и п. 10; НК–20, вне могил; вне КТР, 3 экз., вне могил, п. 8 (вариант НК–16) и 14); кельты (8 экз.; К–6, 2 экз., вне могил и условное п. 11; К–10, вне могил; К–14, 2 экз., вне могил и п. 12; К–16, п. 15; два орудия (п. 10 и вне могил), не имеющие полных аналогов среди выделенных КТР); наконечники копий (3 экз.; КД–4, вне могил; КД–30, п. 10; КД–32, п. 15); тесла и долота (ТД–2, вне могил); шилья (2 экз., вне могил и п. 11?); обломок иглы (п. 17?); браслеты и кольца (4 экз.; У–8, 2 экз., п. 6; У–10, п. 11(?), 14).

⁴ Блок КТР культовых изделий выделен при систематизации металла лесных и лесостепных производящих центров Евразийской металлургической провинции (*Кузьминых, 1995*).

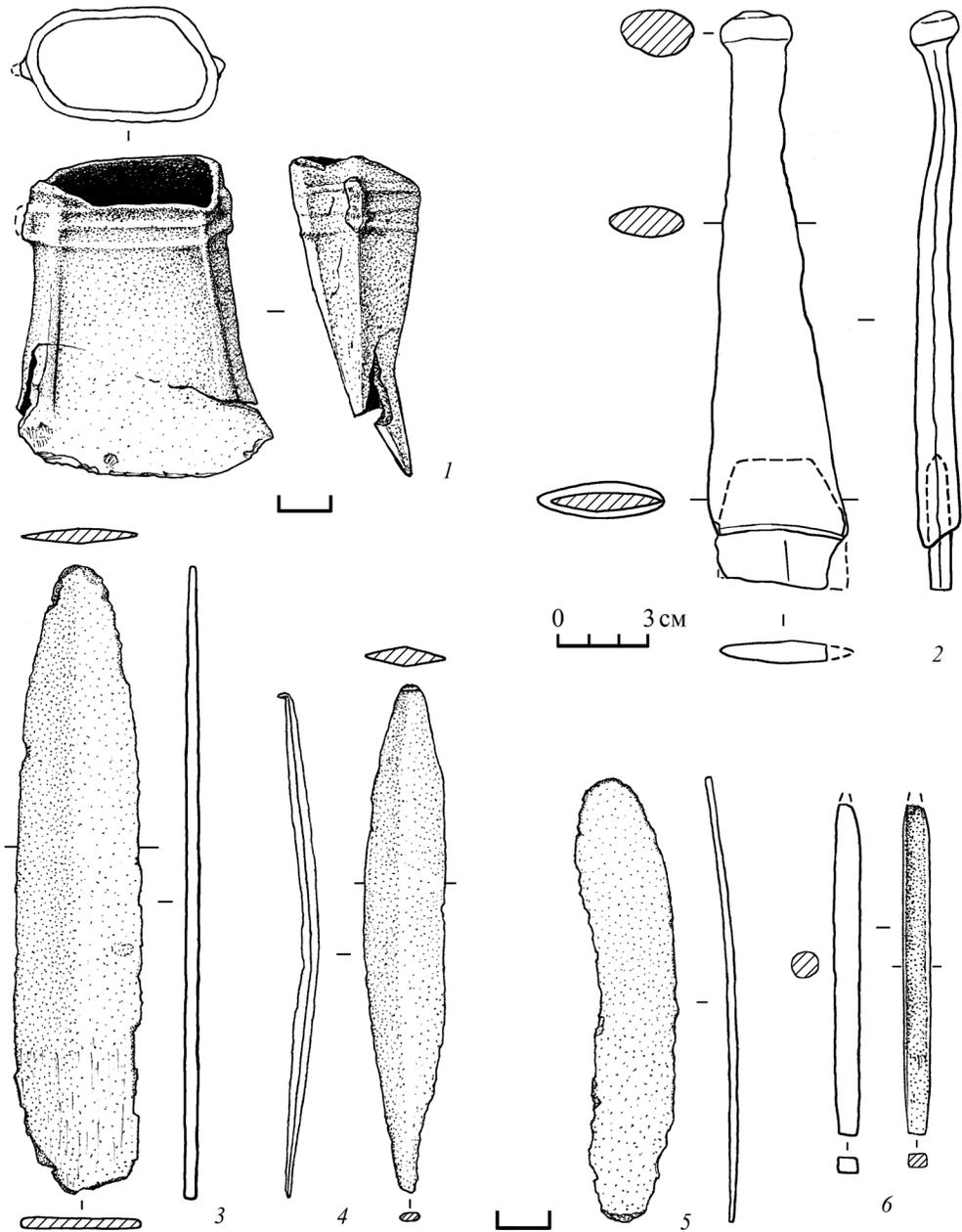

Рис. 1. Изделия из святилища Вис 2 (медь/бронза)

Одинокое захоронение в местечке *Hangaskankaalla* (близ Оулу на северо-западе Финляндии). В трупосожжении обнаружены нож-пилка разряда НК-18 и набор кремневых наконечников стрел с усеченным основанием (*Ikäheimo*,

2002. S. 68), характерных для сейминско-турбинских памятников. Как известно, источников кремня в Финляндии нет – ближайшие находятся на Валдае.

Поселение Воймежная I (Туголесский бор) (Шатурский р-н Московской области). При раскопках В. В. Сидорова (*Король и др.*, 1996. № 1891) в жилище с фатьяновской и фатьяноидной (*чирковской*) керамикой обнаружен фрагмент кельта разряда К–6, а на торфянике близ поселения – втульчатый топор разряда Т–2.

Поселение Березовая Слободка II-III (Нюксенский р-н Вологодской области). Из слоя памятника вместе с фатьяновской, фатьяноидной (*чирковской*) и ранней «сетчатой» керамикой (*Иванищева*, 2005. С. 32–34) происходит нож разряда НК–2 или НК–8 (*Иванищева*, 2005. Рис. 4) (рис. 1, 5). Автор раскопок соотносит его с «сетчатым» керамическим комплексом (*Иванищева*, 2005. С. 33, 34). Я полагаю, что более вероятно его хронологическая связь с комплексом фатьяноидной керамики.

Сейминско-турбинские памятники: Азия

Могильник Сатыга XVI (Кондинский р-н Тюменской области, в среднем течении р. Конда при впадении в нее р. Евра) – самый крупный сейминско-турбинский памятник в таежной зоне Западной Сибири (Сатыга XVI... 2010) (рис. цвет. VII). Раскопки Е. М. Беспрозванного, О. Н. Корочковой и В. И. Стефанова дали серию бронзовых изделий (21 экз.) и три литейных формы (*Кузьминых*, 2010б; 2010в). Основу коллекции составляют ножи нескольких типологических разрядов (17 экз.): НК–2 (3 экз.; п. 6, 25, 35); НК–4 (3 экз.; п. 2, 24, 27); НК–6 (2 экз.; п. 25, 28); НК–2, 4, 6 (2 фрагмента; п. 24, 25); НК–16 (п. 3); НК–24 (3 экз.; п. 9, 36, 37); НК–25 (2 экз.; п. 40, 41); НК–28 (п. 10). Здесь впервые для сейминско-турбинских древностей выявлена группа вкладышевых однолезвийных орудий НК–25 с тончайшими откованными или литыми лезвиями, которые, по всей вероятности, являлись ножами-бритвами. В отдельный типологический разряд они выделены при систематизации металла лесных и лесостепных производящих центров Евразийской металлургической провинции (*Кузьминых*, 1995) не только по материалам Сатыги, но и ряда позднебронзовых могильников Западной Сибири, таких как Еловка 2 (*Матющенко*, 2004. Рис. 252, 11) и Сопка 2 (мог. 423, 449, 456, раскопки В. И. Молодина). Кроме того, в коллекции Сатыги имеются небольшие долотца или стамески, сформованные из фрагментов пластинчатых ножей (п. 24 и вне могил), обломки пластины и стержня (п. 25).

В могиле 5 найдены обломки трех глиняных литейных форм для отливки двух втульчатых кельтов и пластинчатого ножа. Все створки намеренно разбиты при помещении в могилу. С некоторой долей условности первый из отливавшихся кельтов можно соотнести с разрядом К–14 или К–18, второй – с разрядом К–10 или К–16 (последнее менее вероятно), а матрицу и крышку для отливки ножей – с разрядами НК–2, 4, 6. Неопределенность с соотношением негатива ножа с конкретным типологическим разрядом связана с тем, что отливалась заготовка орудия; заверченный морфологический облик оно приобретало только после кузнечной доводки.

Могильник Товкуртлор 3 (Белоярский р-н ХМАО, на р. Казым – правом при-токе р. Оби в ее нижнем течении). Это один из самых северных сейминско-турбинских памятников (*Стефанов, 2006*). Изучено 11 могил плюс две условных. В одной из них (п. 11) обнаружен нож-скобель разряда НК–24 (*Стефанов, 2006*. Рис. 7, 7).

Могильник или одиночное захоронение Окунево XI близ д. Окунево (Омская обл., устье р. Тары). По информации А. В. Полеводова при разведочных поисках была вскрыта могила, в которой наряду с другим инвентарем находился наконечник копья разряда КД–34, позднее утраченный. Схематичный рисунок А. В. Полеводова воспроизведен в публикации (*Ефремов и др., 2009*. Рис. 4).

Могильник Ростовка (вошедший в настоящее время в черту г. Омска) в свое время не был исследован В. И. Матющенко, и прежде всего с южной стороны раскопов 1966–68 гг. (*Матющенко, Синицына, 1988*). По информации, полученной В. И. Молодиным в Ростовке во время рекогносцировочных раскопок в 2010 г., отсюда в руки перекупщиков “ушел” бронзовый вильчатый наконечник копья разряда КД–8 или КД–10 (*Молодин, Нескоров, 2010*. С. 59, 60).

Могильник на р. Омь (окрестности г. Омска). В частной коллекции в Тобольске «отложились» уникальная коллекция сейминско-турбинских бронз (*Молодин, Нескоров, 2010*). Предполагается, что они происходят из разрушенного современными бугровщиками могильника типа Ростовки, (*Молодин, Нескоров, 2010*. С. 59). Коллекция (15 экз.) явно не исчерпывается яркими и крупными по своим размерам предметами. Вполне вероятно, что пластинчатые ножи (составляющие самую массовую серию находок в сейминско-турбинских некрополях) и другие менее выразительные изделия были проданы «черными копателями» в другие частные собрания. В коллекции из Тобольска, опубликованной В. И. Молодиным и А. В. Нескоровым, имеются наконечники копий разрядов КД–10 (2 экз.) (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 1, 2, 3, 2)⁵, КД–18 (3 экз.) (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 3–6), КД–42 (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 7)⁶; кельты разрядов К–6 или, что вернее, К–10 (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 12)⁷, К–18 (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 13), К–20 (4 экз.) (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 8–11)⁸, два уникальных кинжала – однолезвийный разряда КЖ–10, вы-

⁵ Один из них выставлялся в Интернете на продажу как находка из Владимирской области.

⁶ Кроме того, авторы публикации располагают информацией о существовании в частных собраниях еще четырех наконечников (*Молодин, Нескоров, 2010*. С. 59), из них один зафиксирован мною как происходящий из Ростовки (см. выше).

⁷ Авторы публикации однозначно отнесли это орудие к разряду К–6 (*Молодин, Нескоров, 2010*. С. 64), однако две детали указывают на то, что необходимо еще раз внимательно познакомиться с фото данного предмета. У этого кельта два горизонтальных и широко отстоящих друг от друга валика, что не характерно для орудий К–6 (*Черных, Кузьминых, 1989*. Рис. 4, 10, 11, 6, 7, 8, 1–10). У последних чаще всего три и больше валиков, близко расположенных друг к другу. Вполне вероятно, на фотографии не четко «читается» пояска-«лесенка» орудий К–10, у которых валики отстоят друг от друга именно на таком расстоянии.

⁸ У одного из них (*Молодин, Нескоров, 2010*. Рис. 11) вместо треугольников и ромбов на фаску свисают три зигзагообразных параллельных линии. У другого (*Молодин,*

гнутообушковый, со скульптурным навершием в виде двух фигурок лошадок (Молодин, Нескоров, 2010. Рис. 14–16) и двулезвийный (не имеющий аналогов), с кольцевидным навершием плоской рубчатой рукояти и клинком, украшенным по долам (углублениям) вдоль центрального ребра жесткости геометрическими фигурами – вписанными и заштрихованными треугольниками и ромбами (Молодин, Нескоров, 2010. Рис. 17), а также втульчатое навершие в виде фигуры коня с длинной гривой (Молодин, Нескоров, 2010. Рис. 18).

Могильник Преображенка-6 (Венгеровский р-н Новосибирской области; Барабинская лесостепь, правый берег р. Омь). Серию взрослых и детских захоронений этого памятника В. И. Молодин относит к т. н. доандроновской бронзе, отмечая в керамике кротовские и более ранние одиновские и крохалёвские традиции (Молодин и др., 2004; Молодин и др., 2005. С. 421; Молодин и др., 2007. С. 494). Среди 12 бронзовых предметов сейминско-турбинского типа: наконечники копий разрядов КД–8 (п. 37) (Молодин и др., 2007. С. 344. Рис. 2) и КД–42 (вне могил) (Молодин и др., 2005. С. 422. Рис. 2, 2); кельты К–4 (2 экз., вне могил) (Молодин и др., 2004. С. 382. Рис. 1, 1, 2); шилья четырехгранные (8 экз., из могил, раскопанных в разные годы) (Молодин и др., 2005. С. 420; Молодин и др., 2007. С. 340).

Могильник Сопка-2 (Венгеровский р-н Новосибирской области; на р. Омь при впадении р. Тартас). В 1982 г. В. И. Молодин (1983) вскрыл здесь захоронение кузнеца-литейщика с ярким инвентарем сейминско-турбинского типа. Информация о втором захоронении литейщика (раскопки 1984 г.) была крайне скупа (Черных, Кузьминых, 1989. С. 26). Позднее при содействии В. И. Молодина удалось установить, что могиле 427 найдена глиняная литейная форма для отливки наконечника копья разряда КД–20.

Могильник или одиночное захоронение в с. Верхняя Мульга (Курагинский р-н Красноярского края) – наиболее восточный памятник с сейминско-турбинскими бронзами – расположен в горно-таежных районах Минусинской котловины, к востоку от Енисея (Леонтьев, 2002; 2007). Характер памятника остался невыясненным. С ним связаны три предмета: кельт разряда К–18, наконечник копья разряда КД–22 и однолезвийный нож без выделенного черенка, вероятно, от вкладышевого орудия типа НК–28.

Могильник Ак-Чий 1 (Новошувльбинский р-н Семипалатинской области Республики Казахстан). В 1988 г. в кургане 3 вскрыто захоронение (Алехин, Демин, Илюшин, 1992. С. 135, 136), которое сопровождалось каменными рудотеркой⁹, гальками и пестом фаллической формы, костяным наконечником стрелы и двумя бронзовыми изделиями: кельтом-лопаткой разряда К–30 (с остатками деревянного вкладыша) (Алехин, Демин, Илюшин, 1992. Рис. 1, 3) и предметом неизвестного назначения¹⁰ (Алехин, Демин, Илюшин, 1992. Рис. 1, 4). Первоначально

Нескоров, 2010. Рис. 10), украшенного с известной по фотографии стороны пояском «лесенкой», на противоположной стороне – по аналогии с орудиями из Ростовки (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 18, 3, 4) – от пояска должны были бы свисать геометрические фигуры.

⁹ Авторы раскопок посчитали, что это зернотерка.

¹⁰ Авторы раскопок предполагают, что это фрагмент гривны.

комплекс по обломку сосуда из насыпи (*Алехин, Демин, Илюшин, 1992. Рис. 1, 9–11*) был отнесен к энеолиту (*Алехин, Демин, Илюшин, 1992. С. 137*), а позднее – к кротовско-елунинскому кругу памятников (*Грушин и др., 2009. С. 29*). Кельт-лопатка морфологически близок к орудиям из Ростовки (*Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 22, 2, 4*).

Поселение Юрт-Бергамак 4 (Омская область); матрица глиняной литейной формы для отливки наконечника копья разряда КД–18 (информация А. В. Полеводова).

Поселение Новенькое 21 (Алтайский край); обломок кельта-лопатки разряда К–30 (*Кирюшин, Клюкин, 1985. Рис. 17, 17; Грушин и др., 2009. Рис. 1, 3*).

Поселение Алексеевка 1 (Алтайский край); нож разряда НК–2 (*Кирюшин, Клюкин, 1985. Рис. 6, 10*).

Поселение Мундыбаш 1 (Кемеровская область, Горная Шория, устье р. Мундыбаш). Кельт разряда К–18 (*Бобров, 2000. Рис. 1; Ширин, 2010. Рис. 5, 6*) найден на окраине поселения, наиболее удаленной от устья речки. Керамический комплекс памятника В. В. Бобров соотносит с посудой 2-й группы крохалёвской культуры (2000. С. 78).

Случайные находки СТ-бронз: Европа

Выселок Усть-Щугур (Чердынский р-н Пермского края); кельт разряда К–4 и втульчатый топор разряда Т–2 (*Мельничук, Тавризян, 2000. Рис. 1, 2; Мельничук, 2009. Рис. 2, 1, 2. С. 263*).

Село Дубровичи (Рязанская обл. и р-н); наконечник копья разряда КД–28 известен по фото и рисунку из архива В. А. Городцова в ОПИ ГИМ и публикации В. П. Челяпова (1992. С. 11–13).

Город Алексин (Тульская область); на левом берегу р. Оки в пределах города приблизительно напротив Сорокинского городища) найден наконечник копья разряда КД–30 (*Ефремов и др., 2009. Рис. 1, 2*).

Случайные находки СТ-бронз: Азия

Талды-Курганская область Республики Казахстан; наконечник копья разряда КД–6 (*Самашев, Жуманбекова, 1993. Рис. 2*).

Село Канонерка (Семипалатинская область Республики Казахстан, южный берег Канонерского озера); кельт – вариант разряда К–18 (*Мерц, 1999. С. 72. Рис. 1, 1; Грушин и др., 2009. Рис. 1, 6*). Цепочка из ромбов и треугольников, свисающая на фаску, возможно, не получилась при отливке или при резьбе по матрице. В итоге она замещена с обеих сторон цепочкой в виде “якоря”, выполненной при помощи чекана на готовом орудии (рис. 2, 2). Грубые литейные швы не удалены, кроме сильно раскованной лезвийной части.

Село Григорьевка (Павлодарская область Республики Казахстан, правый берег Иртыша, в 40 км к северу от Павлодара). Наконечник копья разряда КД–24 (*Грушин и др., 2006. Рис. 1, 5; 2009. Рис. 3, 3*) выделяется двумя деталями: 1) ор-

наментальный поясок в нижней части втулки образован двумя рельефными валиками (обычно у «вилчатых» наконечников поясок состоит из 3–5 валиков); 2) валики имитируют «ложный» шнур.

Село Парфеново (Топчихинский р-н Алтайского края); наконечник копья (Кирюшин, 2002. Рис. 152; Грушин и др., 2009. Рис. 4, 2) (рис. 1, 1), отнесенный к новому типологическому разряду КД–27 (отличается от КД–26 наличием бокового ушка); ранее был отнесен к разряду КД–18 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 285).

Деревня Николаевка (Петропавловский р-н Алтайского края, р. Ануй); кельт разряда К–26 (Уманский, 1992. С. 21, 25, 26. Рис. 4; Грушин и др., 2009. Рис. 1, 5) (рис. 2, 3).

Деревня Драченино (Ленинск-Кузнецкий р-н Кемеровской обл.); наконечник копья разряда КД–27 (Бобров, 2000. Рис. 4). Как и наконечник из Парфеново, отличается от КД–26 наличием бокового ушка; еще одна важная морфологическая деталь – основание «вилки» ограничено валиком.

Урочище Карасук (близ с. Ороктай Шебалинского р-на Республики Алтай); кельт-лопатка (Кудрявцев, 1993. С. 144. Рис. 1, 1) принадлежит к числу миниатюрных орудий разряда К–30 (общая длина 78 мм, длина втулки 35 мм, а лезвия 54,5 мм). По морфологическим признакам входит в сейминско-турбинскую серию кельтов-лопатонок. Особенно близок экземпляру с оз. Иткуль (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 22, 1). В этой связи датировка орудия из Карасука финалом бронзового века или рубежом эпох бронзы и раннего железа (Кудрявцев, 1993. С. 144, 146; Грушин и др., 2009. С. 108) не правомерна.

Село Усть-Мута (Усть-Канский р-н Республики Алтай); миниатюрная рукоять кинжала разряда КЖ–10 (Киреев, Кудрявцев, 1988. Рис. на с. 166; Грушин и др., 2009. Рис. 7, 3) (рис. 1, 3).

С территории Казахстана – Алтая; в утраченной коллекции Дарто и Бахирева имелся двушковый кельт сейминско-турбинского типа с неясным орнаментом (Маргулан, 2001. Вклейка № 30).

Обзор базы данных сейминско-турбинского металла. К 1989 г. в ней было учтено 449 металлических изделий и 30 литейных форм (Черных, Кузьминых, 1989. Табл. 8). За 20 лет она существенно пополнилась – еще 180 предметов и 5 литейных форм, из них на западную (европейскую) зону приходится 109 изделий, а на восточную (азиатскую) – 71 и 5 литейных форм. Большая часть предметов (105 в Европе и 62 в Азии) связана с памятниками. В западной зоне большинство случайных находок (4 экз.) происходит еще из старых сборов, а в восточной (9 экз.) – из недавних, причем в основном из районов Алтая и Восточного Казахстана. Среди европейских находок только три связаны с поселениями (Туровское, Воймежная 1, Березовая Слободка II–III), но основная часть – с могильниками (прежде всего с Усть-Ветлугой) и культовым памятником (Галичский «клад»). В азиатской зоне на поселениях кротовско-елунинского и крохалевского круга выявлены четыре находки (включая литейную форму из пос. Юрт-Бергамак 4), остальные происходят из могильников (в том числе четыре литейных формы из двух захоронений кузнецов-литейщиков в Сатыге и Сопке-2).

Более половины бронзовых изделий и литейных форм относятся к классу орудий и оружия (соответственно 119 и 5 экз.). Их распределение по категориям

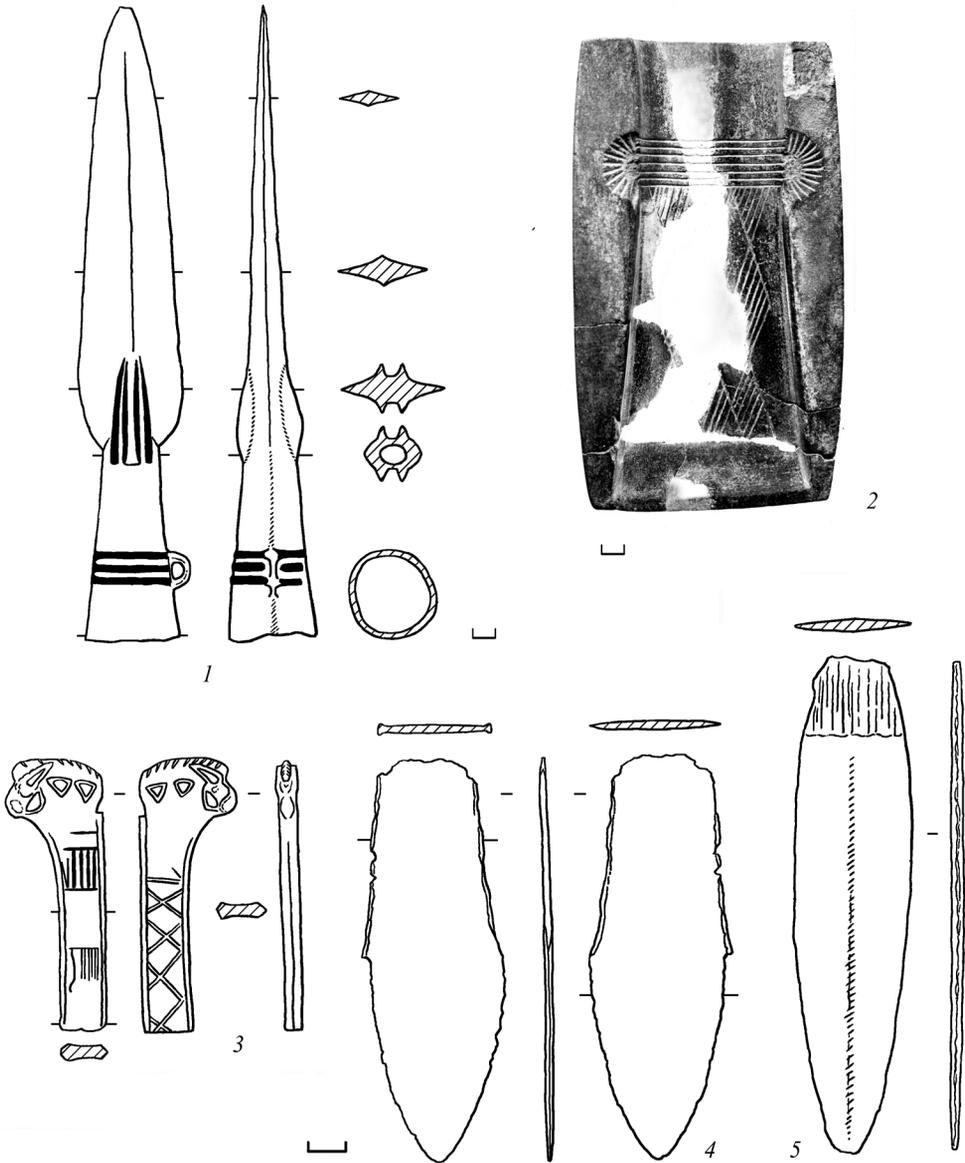

Рис. 2. Изделия и литейная форма сейминско-турбинского (1, 3-5) и самуско-кижировского (2) типов

1 – Парфеново; 2 – Танай 4; 3 – Усть-Мута;
4 – Туровское; 5 – Березовая Слободка II-III (2 – камень, остальное – бронза)

орудий и оружия показывает, что ножи (44 + 1 л.ф.), кельты (26 + 2 л.ф.) и наконечники копий (24 + 2 л.ф.) по-прежнему представлены наиболее значительными в количественном отношении сериями. Кинжалы с металлическими рукоятями (6 экз.), втульчатые топоры (4 экз.), тесла и долота (4 экз.) и шилья (11 экз.)

заметно им уступают. В новой выборке по сравнению с базой данных 1989 г. несколько снизилась доля кельтов (21%), но стала более заметной доля ножей (37%) и наконечников копий (более 20%); последних – прежде всего за счет находок из-под Омска и из районов Саяно-Алтая. Украшений в данной выборке почти в три раза меньше (42 экз.), чем орудий и оружия, причем в основном это так называемые «шумящие» подвески, браслеты и кольца, мелкие серебряные полусферовидные бляшки-накладки и пронизи из шаманского комплекта вещей Галичского «клада» (38 экз.), которые в контексте самого комплекса вполне могут рассматриваться как изделия культового назначения. К последним в итоге отнесены лишь фигурки идолов, животных, маскоиды и миниатюрные ножи-ланцеты из этого же «клада» (14 экз.) и антропоморфная фигурка из Бор-Ленвы. Вне КТР учтено всего лишь четыре находки.

Среди европейских памятников сейминско-турбинского типа особое внимание привлекают могильник Усть-Ветлуга и комплект вещей Галичского «клада». Первый по степени типолого-морфологической близости проявляет наибольшее сходство с окскими могильниками Сеймой и Решным. Это же касается и химико-металлургической характеристики металла Усть-Ветлуги: здесь доминируют изделия из медно-мышьяковых и медно-мышьяково-сурьмяных сплавов и крайне низка доля оловянных бронз (*Луньков, Орловская, Кузьминых, 2009. Табл. А, Б*), то есть повторяется картина, выявленная ранее в Сейме и Решном (*Черных, Кузьминых, 1989. Табл. 10*).

Галичский «клад» может рассматриваться как шаманский комплект, принадлежавший представителю той части сейминско-турбинских популяций, истоки которых Е. Н. Черных и я усматривали в Западных Саянах и Прибайкалье. Длительная история изучения этого памятника породила немало проблем, связанных с культурной и хронологической верификацией «клада» и знаковым статусом галичских бронз – они специально рассмотрены в работах С. В. Студизцкой и автора.

Примечательно, что погребение с инвентарем сейминско-турбинского типа впервые обнаружено на дальнем северо-западе Финляндии, близ Оулу (*Ikäheimo, 2002*). Вместе с более ранними находками здесь кельтов (*Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 2*) это демонстрирует не случайный характер распространения памятников и бронз сейминско-турбинского типа на севере Европы.

Впервые изделия этого типа выявлены в Восточной Европе в слоях поселений. Причем пластинчатый нож из Туровского поселения загадочным образом выпал из поля зрения нескольких поколений археологов, обращавшихся к сейминско-турбинской проблеме и непосредственно к коллекции самого памятника. Вероятно, нужно было дождаться юбилейного городцовского года¹¹, чтобы вспомнить наконец-то об этой находке. Это же касается и фрагмента кельта из поселения Воймежная 1, найденного В. В. Сидоровым еще в 1976 г., но только сейчас ставшего доступным для исследования. Крайне важно, что относительная хронология керамических комплексов этих поселений (включая и Березовую Слободку II-III), связанных с фатьяновской и фатья-

¹¹ В 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В. А. Городцова; см.: (*Белозёрова, Кузьминых, Сафонов, 2011. С. 154–165*).

ноидной (чирковской) культурами, не противоречит современной радиоуглеродной хронологии собственно сейминско-турбинских памятников (*Черных*, 2008. С. 49).

Крупнейшим новым могильником в азиатской зоне является Сатыга. Основу металлической коллекции здесь составляют ножи, но отсутствуют кельты и наконечники копий. В сейминско-турбинских могильниках ножи, как известно (*Черных*, *Кузьминых*, 1989. Табл. 8), принадлежат к одной из наиболее характерных и массовых категорий инвентаря. Но Сатыга существенно выделяется среди известных некрополей этого круга: ножи здесь явно доминируют (более 80%) по сравнению с другими категориями медных и бронзовых изделий. С аналогичной ситуацией мы сталкиваемся только в Канинской пещере. Это святилище в верховьях Печоры является территориально наиболее близким к Сатыге крупным сейминско-турбинским памятником. Большая часть поврежденных металлических предметов представлена здесь фрагментами ножей и кинжалов или изготовленными из них небольшими орудиями (*Канивец*, 1964. Рис. 21, 4–12; *Черных*, *Кузьминых*, 1989. Рис. 56, 8–15, 18–21; 60, 3, 4, 9; 61, 4–7, 9).

Вряд ли за этим кроется некая особенность погребального обряда или верований населения, оставившего такие разные по своему характеру памятники. Однако следует учитывать то обстоятельство, что сейминско-турбинские группы на Конде и Печоре оказались в глубине тайги – в стороне и в отрыве от основных путей поступления металла начала позднебронзовой эпохи; они явно испытывали недостаток в металле, который был к тому же у них не лучшего качества¹². Скорее всего, именно поэтому в могилах Сатыги отсутствуют металлоемкие орудия и оружия – топоры-кельты и наконечники копий, а в Канинском святилище в качестве приношений использовались в основном фрагменты ножей или пилки и скребели небольших размеров. В противном случае весь наличный металл мог бы оказаться с теми, кто ушел в «мир мертвых», а их соплеменники остались бы без металлических орудий и оружия. В действительности – наряду со стрелами с кремнёвыми и костяными наконечниками – у населения, оставившего Сатыгу и Канинскую пещеру, бронзовое оружие, конечно, имелось. Свидетельством тому литейные формы для отливки топоров-кельтов из захоронения кузнеца-литейщика в Сатыге (*Кузьминых*, 2010в) и обломки двух кинжалов из Канинской пещеры (*Канивец*, 1964. Рис. 22, 2, 5; *Черных*, *Кузьминых*, 1989. Рис. 63, 4; 66, 4).

Таежный могильник Товкуртлор 3 в низовьях Оби содержит всего лишь один диагностирующий металлический предмет – нож-скобель разряда НК–24. Однако в сочетании с изделиями из кремня и кварцито-песчаника (наконечники стрел с усеченным основанием и концевые ножи-вкладыши) этот памятник убедительно рассматривается В. И. Стефановым (2006) как сейминско-турбинский.

Комплекс из Верхней Мульги из енисейского Правобережья является в настоящее время самым восточным сейминско-турбинским памятником. В этой связи более ранние находки сейминско-турбинских бронз из Минусинской котловины (*Черных*, *Кузьминых*, 1989. Рис. 2) не могут рассматриваться как слу-

¹² В Сатыге основная часть сплавов представлена низколегированной оловянной бронзой и «чистой» медью (*Дегтярева*, *Кузьминых*, 2010).

чайное явление и объединяться с древностями окупёвской, андроновской или других позднебронзовых культур данного региона.

На р. Омь, кроме уже известных Ростовки и Сопки-2, появились по меньшей мере еще два могильника – Преображенка-6 (судя по всему, явно не исчерпанный раскопками) и безымянный некрополь близ Омска, разграбленный «черными копателями». Первый из них дал любопытное сочетание неорнаментированных кельтов (К-4), ранее известных только в европейской зоне и главным образом в Турбине (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 39), и специфических ростовкинских наконечников копий с широким пером и короткой втулкой (КД-42) и общесейминских вильчатых (КД-8) (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 65, 89). Второй памятник является столь же выдающимся, как Ростовка, Турбино и Сейма, но судьба его более трагична, чем, к примеру, Сеймы, коллекция которой – пусть не из комплексов – но все же сохранилась достаточно полно в музейных собраниях и доступна для исследователей.

С появлением этих памятников омская группа памятников (т. е. на р. Омь и в прилегающих к ней районах среднего течения Иртыша) стала, безусловно, базовой в азиатской зоне сейминско-турбинской области – и прежде всего ввиду концентрации здесь могильников. Прирост находок в этой территориально достаточно компактной группе связан почти исключительно с новыми могильниками (30 экз.). В итоге из этого региона в нашей базе данных учтено 93 металлических изделия и 23 негатива на литейных формах. В количественном отношении данная группа доминировала и ранее, и главным образом благодаря Ростовке (*Черных, Кузьминых*, 1989. Табл. 8). Территориально более обширная саяно-алтайская группа заметно пополнилась как за счет памятников, так и случайных находок (по 8 экз.). В итоге отсюда учтено 44 металлических изделия и 7 негативов на литейных формах. Но соотношение материалов омской и саяно-алтайской групп, несмотря на заметный количественный прирост, за эти годы не изменилось (примерно 3 : 1). В то же время с появлением новых материалов отчетливее проявились их локальные особенности.

Омская группа приросла обширными могильниками и погребениями литейщиков, а также морфологически редкими образцами бронзового оружия. В их числе – наконечники копий с короткой втулкой и необычно широким пером разряда КД-42 (могильник на р. Омь и Преображенка-6) и два вильчатых наконечника копий с крюком разряда КД-10 (р. Омь), заметно пополнившие аналогичную серию оружия из Ростовки (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 67, 89); уникальные кинжалы и напершия из могильника на р. Омь; два кельта разряда К-4 из Преображенки, столь характерные для Турбино 1 и других восточноевропейских памятников (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 39), но впервые выявленные в Сибири. Среди новых находок кельтов (р. Омь) по-прежнему преобладают одноушковые орудия разряда К-20 – основной тип в Ростовке (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 57, 58).

Своеобразие бронзовых орудий и оружия саяно-алтайской группы проявилось в находках кинжалов разряда КЖ-10 (Усть-Мута), вильчатых наконечников копий с пояском в виде ложношнуровых линий (Григорьевка), общесейминских кельтов разряда К-18, включая образцы с оригинальным декором (Канонерка), двушковых кельтов (Николаевка), которые и ранее тяготели к районам Алтая (*Черных, Кузьминых*, 1989. Рис. 21), кельтов-лопаток разряда К-30.

Памятники с металлом и литейными формами типа Самусь-Кижирово

Как и в книге 1989 г., обращение к бронзам и литейным формам этого типа обусловлено тем, что проблема соотношения металлообработки типа Самусь-Кижирово и сейминско-турбинской продолжает оставаться актуальной в урало-западносибирской археологии позднего бронзового века. Тем более что за эти годы появились принципиально новые материалы, проливающие свет на формирование самусьско-кижировской металлообработки, круг связанных с нею культур и общностей и динамику ее развития. В отличие от сводки сейминско-турбинских бронз, в данном разделе я не ставил своей целью учесть все известные находки типа Самусь-Кижирово. Для меня было важно представить наиболее важные в качественном отношении материалы.

Святилище или votивный клад Вис 2 (Республика Коми, Княжпогоский р-н, д. Синдор). При раскопках В. С. Зеленского в 1997 г. и В. Н. Карманова в 1999 г. выявлен пока единственный в Восточной Европе комплекс материалов с орудиями самусьско-кижировского типа (6 экз.) (костные останки погребенных не выявлены). Среди них – кельт разряда К-40, но с «ложными» ушками; кинжал варианта КЖ-8; нож разряда НК-8; узкий ланцетовидный нож с ребром на клинке и приостренным черенком; нож-скобель разряда НК-24; шило или стержень (рис. 3, 1–6).

Культовый памятник (святилище) Шайтанское Озеро II (Кировградский р-н Свердловской области). Из раскопок Ю. Б. Серикова 2006–2007 гг., О. Н. Корочковой и В. И. Стефанова 2008–2010 гг. происходит 188 бронзовых предметов. Большая часть материалов, за исключением раскопок 2009–2010 гг., опубликована (Сериков, 2006. Рис. 1, 1; Сериков и др., 2008; 2009; Корочкова, Стефанов, 2010). Металл памятника (рис. цвет. VIII) морфологически делится на три группы. К сейминско-турбинской отнесены пластинчатые двулезвийные ножи (разряды НК-2 и НК-4, реже НК-6) (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 3–8, 5; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3Б, 1, 3), ножи-скобели (НК-24) и другие комбинированные орудия, сделанные на основе или из фрагментов пластинчатых ножей (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 12, 6, 46, 47, 49; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 15, 3Б, 10), два миниатюрных безушковых кельта (К-14) (Сериков и др., 2009. Рис. 7, 8; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 11). Самусьско-кижировская группа включает в себя серию кельтов с одним или двумя «ложными» ушками (разряды К-46 и К-48) (Сериков и др., 2009. Рис. 7, 1–7, 11, 12, 8, 9; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 18), кинжал с кольцевым навершием, пластинчатым клинком и плоской рукоятью, украшенной с обеих сторон заштрихованными ромбами и треугольниками (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 20, 10, 1). Для евразийской группы характерны двулезвийные кинжалы с прилитыми рукоятями (КЖ-8) (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 16, 17, 21, 10, 2, 11), модели прорезных рукоятей (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 1, 2), ножи с перекрестьем и перехватом (НК-14 и НК-16) (Сериков и др., 2009. Рис. 4, 9, 10, 13–15; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 12, 17), кованые долота и тесла (Сериков и др., 2009. Рис. 6, 51; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 16), наконечник копья (КД-36), их обломки и модель (Сериков и др., 2009. Рис. 6, 37–39; Корочкова, Стефанов, 2010. Рис. 3А, 2), пластинчатые и прутковые браслеты и кольца и др. (Сериков и др., 2009. Рис. 6,

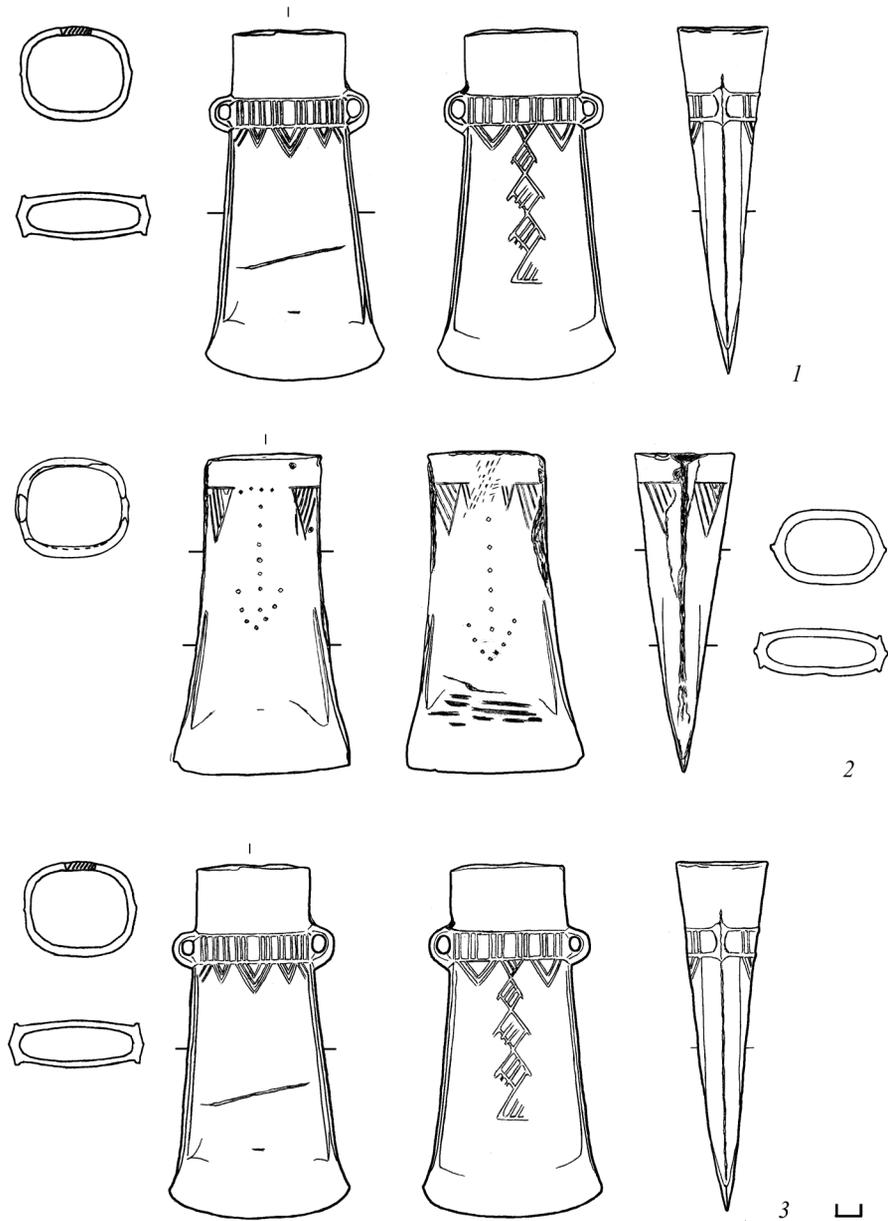

Рис. 3. Кельты сейминско-турбинского (2, 3) и самуско-кижировского (1) типов
1 – Сулем; 2 – Канонерка; 3 – Николаевка (бронза)

42–45, 52–54, 64), хорошо известные, прежде всего, в степных и лесостепных культурах – синташтинской, петровской, алакульской и др.). Ряд изделий, как уникальные (втульчатые чеканы) (Сериков и др., 2009. Рис. 7, 9, 10; Корочкова,

Стефанов, 2010. Рис. 3А, 1), так и основная масса отходовковки и литья, не соотносены с той или иной морфологической группой металла. Общий синкретичный характер комплекса бронзовых и медных изделий памятника, имеющий сейминско-турбинскую основу, является отражением начальной фазы сложения металлообработки самусьско-кижировского типа, которая через некоторое время распространится в ряде культур таежной и лесостепной зон Западной и Восточной Сибири. Одной из ее отличительных черт станут как раз «ложные» ушки у кельтов и наконечников копий (Черных, Кузьминых, 1989. С. 147, 157). Сам памятник Шайтанское Озеро II связан с культурой практикой населения коптяковской культуры (Корочкова, Стефанов, 2010. С. 129).

Поселение Палатки 1 (Исеть 1) близ Екатеринбурга; обломок матрицы тальковой литейной формы для отливки кинжала разряда КЖ–8 (Викторова, 2001. Рис. 5, 11). Ранее здесь же были найдены кинжал этого же типа и фрагмент кельта с «ковровым» орнаментом разряда К–50 (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 65, 6, 79, 7; Викторова, 2001. Рис. 5, 3, 7). Эти находки связаны, по всей вероятности, с коптяковско-черкаскульским культурным комплексом памятника.

САО (сев. берег Андреевского озера близ Тюмени), комплекс находок, связанных со святилищем или вотивным кладом; в их числе – ложноушковый кельт разряда К–50 (информация В. И. Стефанова и О. Н. Корочковой).

Могильник Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской области, Барабинская лесостепь). Из п. 323 позднекротовской культуры происходит обломок матрицы глиняной литейной формы для отливки кельта разряда К–44 (условно) (Молодин, Мыльникова и др., 2009. С. 338, 339. Рис. 1, 3).

Поселение Танай 5 (Тогучинский р-н Новосибирской обл.); матрица каменной литейной формы для отливки кельта разряда К–50 (Бобров, 2000. Рис. 2) (рис. 1, 2); связана с керамическим комплексом самусьской культуры.

Поселение Умна-6 (Колыванский р-н Новосибирской обл.); две матрицы глиняной литейной формы для отливки кельта-лопатки (Бородовский, 2002. Рис. 1, 1–3). Металлические образцы орудий типа Умна-6 с сильно выступающей втулкой отсутствуют. Створки были явно «захоронены» на периферии памятника, а сверху покрыты скоплением керамики крохалёвского типа (Бородовский, 2002. С. 163, 165).

Могильник или погребение близ Новосибирска; кельт разряда К–52 (Соловьев, Чибиряк, 2001. Рис. 1–5) обнаружен на городском пляже. Авторы публикации предполагают, что сюда он попал вместе с песком, взятым для благоустройства пляжа в береговой зоне реки Оби выше или ниже по течению от города (Соловьев, Чибиряк, 2001. С. 454). Во втулке орудия хорошо сохранились фрагменты деревянного вкладыша от составной рукояти (Соловьев, Чибиряк, 2001. Рис. 6–9). Эта деталь позволила соотнести находку с разрушенным погребением (Соловьев, Чибиряк, 2001. С. 454). Действительно, именно из погребальных памятников происходят почти все сохранившиеся деревянные детали рукоятей кельтов бронзового и раннего железного веков в Северной Евразии – от сейминско-турбинских до ананьинских, аозинско-меларских и кулайских. Данное орудие А. И. Соловьев и В. Э. Чибиряк (2001. С. 456, 457) связывают с поздним этапом самусьской культуры.

Могильник Озерное (Онгудайский р-н Республики Алтай); в каменном ящике при земляных работах вскрыто захоронение каракольской культуры (*Молодин*, 2006. С. 273–282) с сосудом, бронзовой пластинкой и каменной матрицей для отливки кельта-лопатки (*Кубарев*, 1988. Рис. 65, 2; *Грушин и др.*, 2009. Рис. 2, 1). Верхняя часть створки утрачена, вследствие чего не поддается реконструкции тип орудия. Соотношение размеров втулки и лопатки не характерно для сейминско-турбинских образцов.

Поселение Школьный (Прокопьевский р-н Кемеровской обл., в истоках р. Карагайла). Из раскопок М. Г. Елькина происходят три матрицы песчаниковых литейных форм для отливки наконечников копий КД–48 (*Бобров*, 2005. Рис. 2, 1, 3, 4) и одна, глиняная, – для отливки антропоморфной фигуры (*Бобров*, 2005. Рис. 2, 2). Намечена их связь с керамическим комплексом самусьской культуры (*Бобров*, 2005. С. 54, 57).

Поселение Кузнецк 1/2 (г. Новокузнецк Кемеровской обл.), памятник расположен в непосредственном соседстве с историческим центром Кузнецка – Кузнецким острогом (возле Спасо-Преображенского собора). В слое поселения с ложнотекстильной керамикой крохалёвской культуры найдены обломки глиняных литейных форм: 1) часть матрицы для отливки кельта разряда К–38 или К–40 (*Ширин*, 2008. Рис. 6, 1); 2) верхняя часть сердечника для формовки рифленной втулки наконечников копий разряда КД–48 (*Ширин*, 2008. Рис. 6, 2). Лучший образец матрицы с негативом наконечника копья с подобной втулкой известен на поселении Самусь 4 (*Черных, Кузьминых*, 1989. Рис. 82, 1).

Поселение Долгая 1 (Яшкинский р-н Кемеровской обл., в устье р. Долгой).

Из раскопок 2010 г. в слое с керамикой крохалёвской культуры найден фрагмент глиняной литейной формы для отливки кельта-лопатки (информация А. Г. Марочкина и И. В. Ковтуна). Реконструируемое орудие морфологически сходно с теми, что отливались в матрицах из поселения Умна-6.

Могильник на горе Татарка (Шарыповский р-н Красноярского края). В 1998–2000 гг. раскопками А. С. Вдовина исследован позднебронзовый памятник, погребальный обряд и материальная культура которого характеризуются чертами культур соседних регионов. В металле (однолезвийные и реже двулезвийные ножи, «рогатые» браслеты, кольца, обтянутые золотой фольгой, разнообразные пластинчатые украшения и др.) отчетливо проявления лесостепных «андроноидных» культур Западной Сибири (типа Еловки 2, Сопки-2, Черноозерья 1). Каменные погребальные конструкции и нефритовые кольца указывают на связи с культурами Прибайкалья. Минусинская линия связей, несмотря на географическую близость котловины, отражается в памятнике в наименьшей степени. Впервые достоверно в могильниках (п. 14 и 15) выявлены два ложноушковы кельта разряда К–54¹³. Более ранние находки орудий данного типа происходят также с Енисея (2 экз.) и Васюгана (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 154).

Стоянка Бронзовая близ с. Тунка (Республика Бурятия, Тункинская котловина, среднее течение р. Иркут, в разрыве между Черной и Белой горой). Вместе с керамикой глазковской культуры из сборов происходит тальковая литейная форма для

¹³ В настоящей сводке учтены только эти два кельта.

отливки кельта (*Угольков, Уголькова, 2001. Табл. 51–53*). Его орнаментальная композиция соответствует орудиям разряда К–52, но реконструируемый по матрице кельт заметно крупнее известных образцов (*Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 79, 8, 80, 1, 2, 4*); он отличается и заметными ушками-выступами, подобными орудию из пос. Горемык на Байкале (*Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 80, 8*).

Поселение Шеньна (близ г. Синина провинции Цинхай на северо-западе Китая). В одной из ям-хранилищ, отнесенной к позднему периоду Шэньна (*Молодин, Комиссаров, 2001. С. 377*), обнаружен наконечник копья (*Молодин, Комиссаров, 2001. Рис. на с. 375; Черных, 2009. Рис. 14.3, 3*), который, судя по морфологическим признакам, является подражением известным сейминско-турбинским копиям с крюком разряда КД–10 (*Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 29, 30; Молодин, Нескоров, 2010. Рис. 1, 2, 3, 2*). Исходя из этих признаков, я предполагаю, что он принадлежит к числу постсейминских (но не самусьско-кижировских) образцов оружия. Поражает его общая длина – 61,5 см. У цинхайского наконечника «вилка» (а по сути, ее имитация) сформована не в основании пера, а в верхней части втулки; на втулку «заходит» и округлый (не ромбический!) в сечении стержень пера; крюк размещен на противоположной стороне от бокового ушка; от копий из Ростовки и из-под Омска его отличает и закругленное острие, возможно указывающее на режущую функцию оружия в боевой готовности.

Случайные находки изделий самусьско-кижировского типа

Деревня Сулем (близ г. Первоуральска Свердловской области, р. Чусовая); кельт – вариант разряда К–48 (с «глухим» ушком и пояском-лесенкой) (*Серииков, 2006. Рис. 1, 9*) (рис. 2, 1).

Село Союзга (Майминский р-н Республики Алтай); наконечник копья – вариант разряда КД–48 (без ушка) (*Кочеев, 1997. Рис. 1, 1*).

Обзор базы данных самусьско-кижировских бронз

Итак, в дополнение к сводке 1989 г. учтено 24 металлических находки¹⁴ и 13 литейных форм, из них в европейской зоне – 6 предметов (и это первые находки самусьско-кижировского типа к западу от Урала – святилище или вотивный клад Вис 2), в азиатской – 18 предметов и все литейные формы. Материалы азиатской зоны распределяются следующим образом: случайные находки – 2 орудия, святилища или вотивные клады – 12, поселения – 11 литейных форм¹⁵, могильники – 4 металлических изделия и 2 литейные формы.

¹⁴ Из 188 металлических изделий, найденных на святилище Шайтанское Озеро II, здесь учтены только орудия и оружие самусьско-кижировского типа: 10 кельтов и кинжал. Вне учета остался и наконечник копья с поселения Шеньна.

¹⁵ Не исключено, что часть поселенческих находок связана со святилищами или жертвенными кладами на периферии поселений. Примером тому «захороненные» створки литейной формы на поселении Умна-6.

Распределение по классам: орудия и оружие – 23 экз. и 12 литейных форм, культовые изделия (антропоморфная фигура) – литейная форма и неопределенные – пластинка из могильника Озерное. Распределение по категориям орудий и оружия: кельты – 16 + 7 л.ф., ножи – 3, кинжалы – 2 + 1 л.ф., наконечники копий – 1 + 4 л.ф., шилья – 1 экз. В самусьско-кижировской серии орудий и оружия наиболее заметный прирост по сравнению с ранней выборкой (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 146) связан с кельтами: почти вдвое увеличилось число металлических образцов – и по-прежнему за счет орудий т. н. кижировского типа¹⁶ («ложными») ушками и богатым геометрическим декором); количество литейных форм возросло на четверть. Остальные категории достаточно малочисленны как в ранней, так и в настоящей выборках, поэтому их корректное сравнение невозможно.

Обращает на себя внимание, что наиболее значительный прирост самусьско-кижировских бронз дали в последние десятилетия святилища или иные культовые памятники – прежде всего Вис 2 и Шайтанское Озеро II. В выборке 1989 г. мы с Е. Н. Черных основную часть материалов связывали с поселениями, хотя в свете новейших исследований необходима корректировка прежних представлений, особенно в отношении памятников Самусь 4 и Сайгатино VI (Остяцкий Живец VI). Так, предполагается, что первый из них «представлял собой не поселенческий и не производственный, а в первую очередь сакральный центр, посещаемый в определенное время года и связанный с событиями и обрядами получения и распределения металла и изготовления (скорее символического, чем реального) бронзовых орудий. В рамках этой гипотезы актуальная проблема соотношения различных комплексов Самуся IV может быть интерпретирована не через модель многослойного поселения, а через участие в обрядах носителей различных культурных традиций» (*Васильев*, 2001. С. 26). В настоящее время В. И. Стефанов и О. Н. Корочкова – в свете исследований Шайтанского Озера II – склонны рассматривать Сайгатино VI как культовый памятник.

Касаясь морфологической характеристики новых орудий и оружия самусьско-кижировского типа, отмечу, что на примере кельтов Вис 2 наметилась еще одна – неизвестная ранее – линия трансформации сейминско-турбинских морфологических стереотипов. Она связана с поясковыми кельтами разряда К–6, основной массив которых происходит из Турбинского I могильника (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 39, 46). Однако ложноушковыи кельты варианта, известного в Вис 2, не получили дальнейшего распространения в Северной Евразии. Эта линия развития оказалась тупиковой. В то же время на примере самусьских поясковых орудий разряда К–40 (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 148, 152) мы видим основную линию трансформации поясковых орудий Турбино¹⁷.

На базе сейминско-турбинских орудий разряда К–4 (т. н. неорнаментированные), выявленных в основном в Восточной и Северной Европе (*Черных, Кузьми-*

¹⁶ До сих пор не найдено ни одного достоверного кельта т. н. самусьского типа (безушковые неорнаментированные или украшенные пояском в виде горизонтальных валиков под венчиком втулки).

¹⁷ См. подробнее об этой проблеме: (*Кузьминых, Черных*, 1988. С. 71–74; *Черных, Кузьминых*, 1989. С. 146, 147).

ных, 1989. С 39), в Фенноскандии сформировался тип орудий с широкой манжетой по устью втулки и лишенных массивных «ребер жесткости», окаймляющих фаску (*Meinander*, 1954. Taf. 10, e, f)¹⁸. Хронологическая позиция этих кельтов еще не определена, поэтому не ясно их соотношение с сейминско-турбинскими орудиями, а также с сериями евразийских кельтов позднего бронзового века, втулка которых укреплена массивным валиком-ободком (лобойковские, дербеденевские и др.). Судя по всему, мы имеем дело с узлокальной группой орудий, которые морфологически продолжают сейминско-турбинскую линию развития.

Серия ложноушковых кельтов, выявленная на святилище Шайтанское Озеро II (рис. цвет. VIII, 5, 7, 8), подтвердила догадку об исходных моделях кижировских кельтов с «ложными» ушками и т. н. «ковровым» узором (*Черных, Кузьминых*, 1989. С. 152, 154). Ряд случайных находок из Зауралья и матрицы из Сайгатино VI (разряды К-46 и К-48) Е. Н. Черных и я отнесли в свое время к переходным типам от сейминско-турбинских орудий к кижировским. В свете шайтанозерских находок стало ясно, что формирование и становление металлообработки самусьско-кижировского типа происходило в горно-лесных и лесных районах Среднего Зауралья на базе сейминско-турбинских и синташтинско-петровских традиций. Несколько позднее, с формированием свиты т. н. «андроноидных» культур, металлообработка самусьско-кижировского типа укоренилась в большинстве таежных и лесостепных культур Западной Сибири; ее крайним пределом на востоке стала Тункинская котловина в Прибайкалье. Западнее Урала, кроме единичных орудий из святилища Вис 2, нет явных следов металлообработки этого круга. На большей части лесной и лесостепной полосы Восточной Европы стали изготавливаться кельты, родство которых с сейминско-турбинскими улавливается лишь иногда в декоре (пояски-«лесенки», геометрические фигуры), но морфологически серии ушковых и безушковых кельтов конца бронзового века (*Черных*, 1976. Табл. I) весьма далеки от сейминско-турбинских и самусьско-кижировских. Эта линия развития «всплывает» здесь лишь в эпоху раннего железа – шестигранные серии кельтов ананьинского мира и иткульской культуры (*Кузьминых*, 1983. Табл. XIII–XXII).

Важно отметить, что впервые кижировские орудия разрядов К-52 и К-54, относящиеся к позднейшим типам кельтов сейминско-турбинской линии развития (*Грязнов*, 1941. С. 237–271), выявлены в погребальных памятниках Обь-Енисейского междуречья (могильник на горе Татарка и погребение близ Новосибирска), причем в первом из них отчетливы проявления западносибирских «андроноидных» культур.

Завершая обзор самусьско-кижировских бронз, необходимо обратить внимание на доминирование новых находок в Среднем Зауралье в ареале коптяковской и черкаскульской «андроноидных» культур, вдоль ленточных боров обского Правобережья и в Обь-Енисейском междуречье (самусьская, крохалевская и «андроноидный» тип культуры). На востоке ареал характерных («ковровых») кижировских кельтов достиг Байкальского региона (Тункинская котловина); не исключена их связь здесь с одним из этапов глазковской культуры.

¹⁸ К ранее известным орудиям из Karis и Shappertuna недавно прибавилась находка с Аландских островов (информация и фото Henrik'a Asplund'a).

Благодарности. Обсуждение сейминско-турбинской и самусьско-кижировской проблематики в два последних десятилетия шло в тесном общении с Е. Н. Черных, В. И. Молодиным, В. В. Бобровым, Ю. Ф. Кирюшиным, В. И. Стефановым, О. Н. Корочковой и И. В. Ковтуном, и оно было для меня и, надеюсь, для моих коллег весьма ценным и полезным. Моя искренняя благодарность С. В. Студзицкой, В. В. Сидорову (Москва), Б. С. Соловьеву (Йошкар-Ола), В. С. Зеленскому и В. Н. Карманову (Сыктывкар), М. В. Иванищевой (Вологда), А. Ф. Мельничуку (Пермь), Ю. Б. Серикову (Нижний Тагил), Е. М. Беспрозованному (Екатеринбург), А. В. Полеводову (Омск), В. К. Мерцу (Павлодар), С. П. Грушину (Барнаул), А. Г. Марочкину (Кемерово) и Ю. В. Ширину (Новокузнецк), оказавшим содействие в сборе материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алехин Ю. П., Демин М. А., Илюшин А. М.*, 1992. Некоторые результаты исследования на Рудном Алтае // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.
- Белозёрова И. В., Кузьминых С. В., Сафонов И. Е.*, 2011. Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. № 1.
- Бобров В. В.*, 2000. *Бронзовые* изделия самусьско-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // АЭАЕ. № 1.
- Бобров В. В.*, 2005. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул.
- Бородовский А. П.*, 2002. Литейная форма кельта-лопатки самусьско-сейминского времени из Новосибирского Приобья // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул.
- Васильев Е. А.*, 2001. Феномен поселения Самусь IV в самусьской культуре // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск.
- Викторова В. Д.*, 2001. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург. Вып. 4.
- Городцов В. А.*, 1928. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. Т. 3.
- Грушин С. П., Мерц В. К., Папин Д. В., Пересветов Г. Ю.*, 2006. Материалы эпохи бронзы из Павлодарского Приртышья // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул.
- Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В.*, 2009. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул.
- Грязнов М. П.*, 1941. Древняя бронза минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Тр. ОИПКГЭ. Т. 1.
- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.*, 2010. Результаты аналитического изучения металлических изделий могильника Сатыга // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург-Сургут.
- Денисов В. П., Кузьминых С. В., Черных Е. Н.*, 1988. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань.
- Ефремов В. К., Кравцов А. Е., Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В.*, 2009. Наконечник копья сейминско-турбинского типа (г. Алёксин) // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Иванищев М. В.*, 2005. Комплексы эпохи бронзы и раннего железного века поселения Березовая Слободка II-III // Археология Севера. Вып. 1. Череповец.

- Канивец В. И.*, 1964. Канинская пещера. М.
- Киреев С. М., Кудрявцев П. И.*, 1988. Новые находки эпохи бронзы из Горного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю. Ф.*, 2002. Энеолит и бронзовый век юга Западной Сибири. Барнаул.
- Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А.*, 1985. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул.
- Король Г. Г., Николаенко Т. Д., Чернов С. З., Янишевский Б. Е.*, 1996. Археологическая карта России: Московская область. Ч. 3. М.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И.*, 2010. Культовый памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. № 4.
- Кочев В. А.*, 1997. Новые находки эпохи развитой бронзы из Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы научно-практической конференции. Барнаул. Вып. VIII.
- Кубарев В. Д.*, 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск.
- Кудрявцев П. И.*, 1993. Новые случайные находки бронзовых кельтов в Горном Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы научно-практической конференции. Ч. 1. Барнаул.
- Кузьминых С. В.*, 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.
- Кузьминых С. В.*, 1995. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры). М. (Рукопись. Архив лаборатории естественнонаучных методов).
- Кузьминых С. В.*, 2010а. Новое в сейминско-турбинской проблематике: Приложение 4 // Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 2010. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен) (на кит. яз). Пекин, 2010.
- Кузьминых С. В.*, 2010б. Изделия из металла // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург-Сургут.
- Кузьминых С. В.*, 2010в. Сатыга: литейные формы // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург-Сургут.
- Кузьминых С. В., Черных Е. Н.*, 1988. Сейминско-турбинская и самусьская металлообработка: проблема соотношения // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988.
- Леонтьев С. Н.*, 2002. К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье: ММНК, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. I. СПб.
- Леонтьев С. Н.*, 2007. «Клад» бронз сейминско-турбинского типа из деревни Верхняя Мульга // РА. № 3.
- Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.*, 2009. Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1. М.
- Маргулан А. Х.*, 2001. Сочинения: В 14 т. Т. 2. Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекказган – древний и средневековый металлургический центр (городище Милькудук). Алматы.
- Матющенко В. И.*, 2004. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск.
- Матющенко В. И., Синицына Г. В.*, 1988. Могильник у дер. Ростовка вблизи Омска. Томск.
- Мельничук А. Ф.*, 2009. Малоизвестные предметы вооружения эпохи бронзы из Среднего Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 11, № 2 (28).
- Мельничук А. Ф., Тавризян М. В.*, 2000. Малоизвестные бронзовые предметы турбинского хронологического горизонта из Верхнего Прикамья // Пермское Прикамье в истории Урала и России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Березники.
- Мерц В. К.*, 1999. Новые материалы по археологии приграничных районов Казахстанского Прииртышья // Михайловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул.

- Молодин В. И.*, 1983. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул.
- Молодин В. И.*, 2006. Каракольская культура // Окуневский сборник. Вып. 2: Культура и ее окружение. СПб.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А.*, 2001. Сейминское копьё из Цинхя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2001 г. Новосибирск, 2001. Т. VII.
- Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Новикова О. И., Соловьёв А. И., Наглер А., Дураков И. А., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Ненахов Д. А.*, 2009. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2009 г. Новосибирск. Т. XV.
- Молодин В. И., Нескоров А. В.*, 2010. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества XXI века) // АЭАЕ. № 3 (43).
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Гришин А. Е.*, 2007. Работы на грунтовых могильниках в Барабинской лесостепи // АО–2005. М.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Дядьков П. Г., Софеев О. В., Михеев О. А., Позднякова О. А.*, 2004. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2004 г. Новосибирск. Т. X. Ч. 1.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Позднякова О. А.*, 2007. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2007 г. Новосибирск. Т. XIII.
- Молодин В. И., Чемякина М. А., Позднякова О. А., Гаркуша Ю. Н.*, 2005. Результаты археологических исследований на памятнике Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2005 г. Новосибирск. Т. XI. Ч. 1.
- Самашев З. С., Жумабекова Г.*, 1993. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия НАН РК. Серия обществ. наук. № 5.
- Сатыга VI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург-Сургут.
- Серигов Ю. Б.*, 2006. Изделия из цветных металлов на территории Тагильского Зауралья // Вопросы археологии Поволжья. Самара. Вып. 4.
- Серигов Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И.*, 2008. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. Т. I.
- Серигов Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И.*, 2009. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. № 2 (38).
- Соловьёв А. И., Чибиряк В. Э.*, 2001. Бронзовый кельт самусьско-кижировского типа из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2001 г. Новосибирск, 2001. Т. VII.
- Соловьёв Б. С.*, 2005. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. № 4.
- Соловьёв Б. С.*, 2011. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник: Сейминская эпоха на Средней Волге. Йошкар-Ола (в печати).
- Спицын А. А.*, 1902. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Т. 26.
- Стефанов В. И.*, 2006. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // РА. № 1.
- Студзицкая С. В., Кузьминых С. В.*, 2001. Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.
- Угольков Ю. Н., Уголькова В. С.*, 2001. Древности Тункинской котловины. Кемерово, 2001.

- Уманский А. П., 1992. Находки эпохи бронзы из Верхнего Приобья // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул.
- Халиков А. Х., 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Челяпов В. П., 1992. Наконечник бронзового копья сейминского типа из окрестностей с. Дубровичи на Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 6. Иваново.
- Черных Е. Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Черных Е. Н., 2008. Формирование евразийского «степного» пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // АЭАЕ. № 3 (35).
- Черных Е. Н., 2009. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 2010. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). Пекин (на кит. яз.) (Series of Studies on Turfan).
- Ширин Ю. В., 2008. Древние памятники на месте Кузнецка // Кузнецкая старина. Вып. 10. Новокузнецк.
- Ширин Ю. В., 2010. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из кузнецкой старины. Вып. 1. Новокузнецк.
- Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects (Institute of Archaeology, CASS, 2010, 7.28–30). Beijing, 2010.
- Ikäheimo J., 2002. Arkeologisista tutkimuksista alisessa Oulujokilaaksossa 1995–2000 // Arkeologia Suomessa – arkeologi i Finland 1999–2000. Helsinki.
- Korochkova O. N., Kuzminykh S. V., Serikov Y. B. and Stefanov V. I., 2010. Shaitanskoe Ozero II: The Ritual Sites of the First Metallurgist of Middle Urals // Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects (Institute of Archaeology, CASS, 2010, 7.28–30). Beijing.
- Meinander C. F., 1954. Die Bronzezeit in Finland // SMYA. T. 54.
- Studzitskaya S. V., Kuzminykh S. V., 2002. The Galich treasure as a set of shaman articles // Fennoskandia archaeologica XIX. Helsinki.

А. А. Бисембаев, С. М. Умрихин

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ¹

A. A. Bisembaev, S. M. Umrikhin. Late Bronze Age cemetery in Aktyubinsk region

Abstract. The authors publish the materials obtained by the excavations of the Late Bronze Age cemetery Guryuldek in the north of Aktyubinsk region (Kazakhstan Republic). Four kurgans with single burial each were investigated. The mounds contained stone enclosures with central burial inside. Burial chambers were built mostly of stone and timber; grave goods included pottery and personal ornaments. The associations have features in common with Alakul-type sites, which establishes chronology of the cemetery

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ № 08-06-00136а и № 10-06-90732моб_ст.

within the developed stage of the LBA (the 15th – 13th cc. BC). The site is attributed to the Kozhumberdy cultural group with typical combination of the Alakul and Fedorovka characteristics.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Республика Казахстан, курганный могильник, алакульская культура, керамический комплекс, Кожумбердынская культурная группа.

При изучении погребальных памятников западного фланга андроновской культурно-исторической общности ряд исследователей обращается к территории Восточного Оренбуржья (*Формозов*, 1951б. С. 18; *Федорова-Давыдова*, 1973. С. 152; *Кузьмина*, 2008. С. 63). Во многих культурно-хронологических схемах алакульских древностей так или иначе освещается материал района г. Орска (*Формозов*, 1951а. С. 115–121; *Мошкова, Федорова-Давыдова*, 1964. С. 135–138), Еленовского (Еленовско-Ушкаттинского) (*Кузьмина*, 1994. С. 46), Джарлинского (*Кузьмина, Попов*, 1984. С. 141–147; *Кузьмина*, 1994. С. 46), Ишкининского (*Ткачев*, 2005. С. 182–198) археологических микрорайонов. Между тем территория распространения очень схожих по своему облику памятников, в том числе погребальных, простирается и южнее, охватывая значительные площади на территории соседнего государства – республики Казахстан, в частности в Актюбинской области. В этой связи весьма важной является возможность своевременного и оперативного введения в научный оборот нового материала, полученного в ходе полевых работ 2006 г. на приграничной с Оренбургской областью территории.

Виды памятников данного региона разнообразны и представлены всеми основными типами, характерными для эпохи поздней бронзы, – могильниками, поселениями, рудниками. Являясь источником доступной медной руды, район привлекал к себе население и алакульских, и федоровских племен (*Федорова-Давыдова*, 1973. С. 147). В свое время О. А. Кривцовой-Граковой была отмечена специфика керамики Кожумбердынского могильника, расположенного в Домбаровском районе Оренбургской области, которая несколько отличалась от уже известных к тому времени материалов андроновского времени (*Кривцова-Гракова*, 1948. С. 149, 150, 165–169). Позже на его основе Е. Е. Кузьминой был выделен кожумбердынский тип керамики, сочетающий в себе как алакульские, так и федоровские черты, с преобладанием первых (*Кузьмина*, 2008. С. 250). Термин прочно вошел в отечественную историографию андроноведения для обозначения определенного типа керамики эпохи поздней бронзы на западе ареала алакульской культуры. С накоплением источниковой базы в последующие десятилетия закономерно встал вопрос о расширении данного понятия и распространении его на весь погребальный комплекс. В данной публикации будет рассмотрен могильник Гурюльдек, материал которого может быть отнесен к кожумбердынскому типу алакульской культуры.

Курганный могильник Гурюльдек расположен на территории Велиховского сельского округа, в 15 км к СЗ от п. Херсон, в низкогорной долине, пересеченной полевой дорогой, ведущей из п. Херсон к р. Урал, на склоне возвышения, спускающегося к ручью Гурюльдек (Калымта), который течет в меридиональ-

ном направлении к правому берегу Урала. Состоит из 14 курганов с насыпями из земли и колотого камня. Из них в центральной части могильника располагались три крупных кургана, вытянутых по линии север – юг. В 600 м западнее от центрального кургана находилась кучно расположенная группа каменных оградок. В 800 м южнее могильника, за полевой дорогой, располагалась верхняя группа, состоящая из одиночного кургана и каменных оградок.

В 1 км к северо-востоку от курганной группы находилось казахское кладбище конца XIX – начала XX в. К северо-западу от могильника были обнаружены остатки фундамента зимовки из колотого камня, возможно перенесенного с поверхности кургана.

Раскопкам были подвергнуты 4 кургана (1, 2, 3 и 4), находящиеся в центре могильника (рис. 1, 1).

Курган 1 (рис. 1, 2, 3) – самый крупный, его диаметр 16 м, высота – 137 см; имел овальную форму, вытянутую с севера на юг. Северная сторона более крутая. Возможно, современный вид курган принял благодаря мощным гумусным напластованиям у северного подножия, значительно увеличившим его размеры. С северной и юго-западной сторон прослеживался небольшой ровик глубиной от 0,1 до 0,3 м. Курган был разбит на восемь секторов. Для выявления более четкой стратиграфии курганной насыпи была выведена одна центральная бровка по линии север – юг и три перпендикулярные бровки по линии запад – восток. После снятия гумусного слоя насыпи по периметру кургана вырисовались каменная ограда овальной формы диаметром 14 м и панцирь в северо-восточной части. Длина панциря достигает 11,5 м, ширина – 9 м.

По основанию кургана выявлена ограда из крупных булыжников, длина которых доходит до 1 м, ширина до 0,5–0,6 м, высота до 0,4 м. Оградка отчетливо прослеживается в южной, юго-восточной, западной и северо-западной частях кургана. Расстояние от центра кургана до ограды 5,7 м. Ширина ограды – от 1 м в западной части до 1,5–2,2 м в северной и южной частях.

Насыпь кургана состояла из темно-серого суглинка с примесью большого количества мелких камней. На фоне среза бровки погребенная почва прослеживается неотчетливо. Могильный выкид – суглинок светло-желтого цвета – идет тонкой полосой (10–20 см).

В центральной части кургана на глубине 0,9 м и в 0,4–1 м к югу, практически по центру бровки С–Ю, лежали два сосуда с носиком-сливом и жертвенник, относящиеся к раннему железному веку. Также к эпохе раннего железа относилось и погребение 1 данного кургана.

Полная расчистка материкового основания показала, что каменная кладка очерчивала контуры могильной ямы и доходила до ее дна. На глубине 65 см обнаружено погребение 2, основное, которое оказалось парным (рис. 1, 4). Костяки лежали по центру на дне могилы, напротив друг друга, головами ориентированы на ЮЗ. Левый костяк лежал в позе адорации на левом боку, скорченность средняя, руки вытянуты вперед и положены под вторым погребенным, ноги сильно согнуты в коленях.

Второй костяк лежал на правом боку, с откинутой назад головой, кости конечностей перемешаны. Вдоль юго-западной стенки за головами покойных стояли три лепных плоскодонных сосуда плохой сохранности (рис. 1, 4).

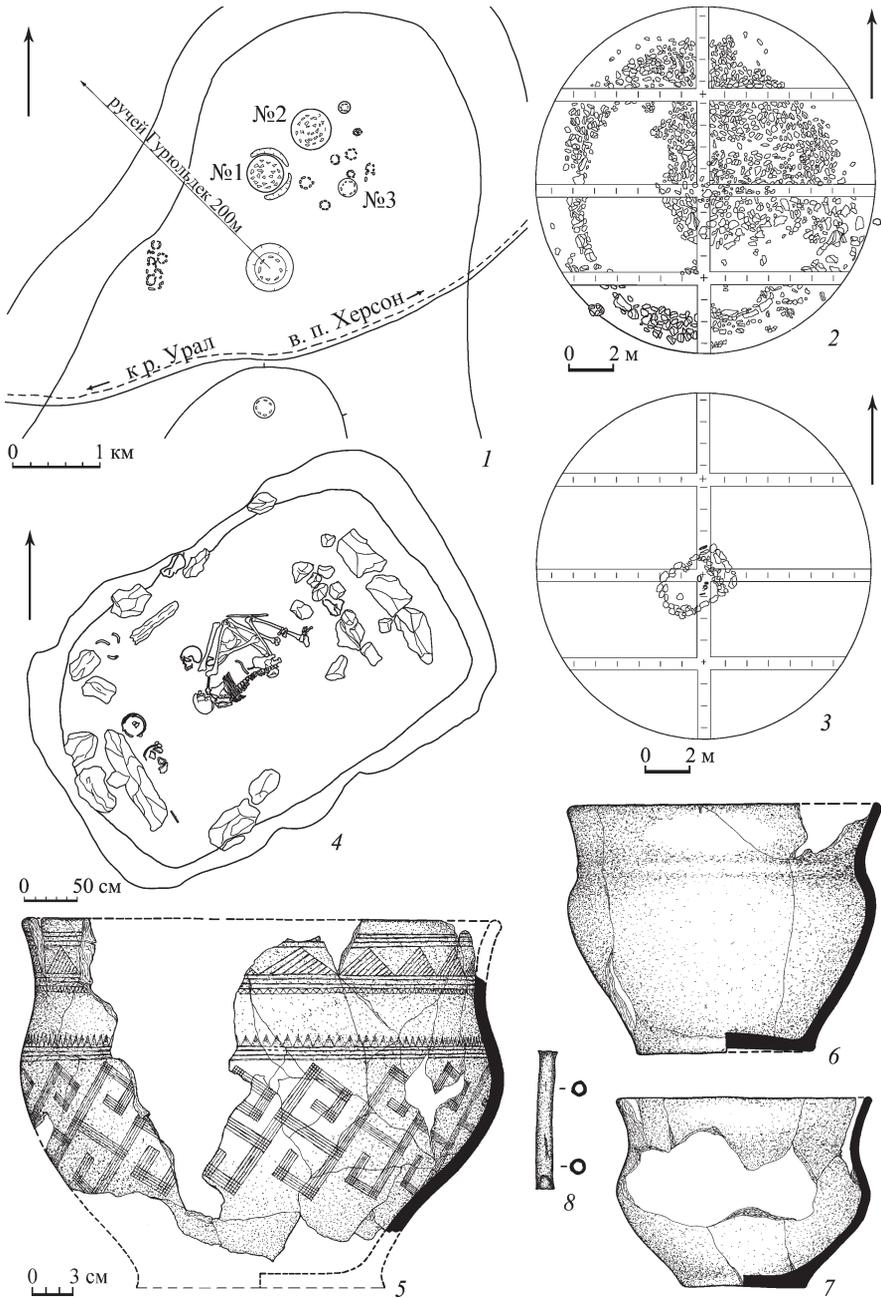

Рис. 1. Могильник Гурюльдек, курган 1

1 – план могильника; 2 – план каменной конструкции кургана 1; 3 – план расположения погребения; 4 – план погребения; 5 – сосуд 1; 6 – сосуд 2; 7 – сосуд 3; 8 – костяная трубочка

Сосуд 1 – лепной плоскодонный, вазовидной формы, с отогнутым наружу венчиком, плавной шейкой, раздутым туловом и с переходом к дну, тесто серого цвета с примесью шамота и толченой раковины (рис. 1, 5).

Сосуд 2 – лепной плоскодонный, отчетливой вазовидной формы, средних пропорций, с раздутым туловом, отогнутым наружу венчиком и двумя параллельными желобками по шейке. По венчику имеет косые асимметричные насечки, остальная поверхность без орнамента, хорошо выделяется поясок венчика. Тесто красновато-серого цвета. Высота сосуда 18,4 см, диаметр днища 13,3 см, диаметр тулова 23 см, устья – 21,5 см (рис. 1, 6).

Сосуд 3 – лепной плавно профилированный плоскодонный горшок средних пропорций, с выраженной придонной частью, отогнутым наружу венчиком и хорошо выделенным пояском венчика. Сосуд не орнаментирован, тесто красновато-серого цвета. Высота сосуда 14,1 см, диаметр днища 9 см, тулова – 19 см, устья – 17,3 см (рис. 1, 7).

В 30 см от южного угла лежало трубчатое костяное изделие длиной 10 см и диаметром 1,5 см, оба конца которого были оформлены закраиной (рис. 1, 8). В западном углу находились фрагменты костей. Ниже были расчищены остатки древесного тлена, возможно, остатки сруба (рис. 1, 4). Стенки ямы слегка наклонные, дно ровное, заполнение земляное.

Курган 2 (рис. 2, 1, 2) – правильной округлой формы, диаметром 13 м, высотой 0,4 м – располагался на расстоянии 31 м к СВ от кургана 1. Насыпь каменно-земляная. После снятия гумусного слоя выявилась каменная ограда подквадратной формы, чуть вытянутой к северу, размерами 9,5 × 9 м. При расчистке ЮЗ и ЮВ секторов обнаружилось продолжение кладки из камней мелких размеров. Ввиду этого оба сектора были расчищены по окружности секторов до краев каменных гряд. Примкнутые каменные оградки занимают южную часть основной конструкции. Фиксируются выходы фрагментов керамики. В ЮЗ секторе выделяются три небольшие каменные пристройки. Во второй по счету слева оградке на глубине 46 см от дневной поверхности обнаружен лепной плоскодонный сосуд темного цвета, с прямым венчиком, отчетливых пропорций шейки, плечика и с переходом к дну (рис. 2, 3). Орнамент отсутствовал; в тесте примесь толченого талька. Высота сосуда 17,1 см, диаметр днища 9 см, тулова – 17,1 см, устья – 15,2 см. После снятия каменного слоя пристроек были проведены контрольные вкопы, не выявившие следов погребений.

Расчистка внутренней части основной каменной ограды показала почти по центру кургана внутреннюю оградку подпрямоугольной формы, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ, длиной 320 см, шириной 190 см (рис. 2, 2). По срезу профилей могильный выкид зафиксирован в восточной бровке, линза высотой 8 см начинается от внутренней оградки и доходит до основной ограды. После полной зачистки обнаружилось пролегание могильного выкида под внешней оградой, линза 8–9 см из глины желтого цвета с вкраплениями мелких камней.

Могильная яма под внутренней оградкой длинными сторонами ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Яма подпрямоугольной формы с закругленными углами (3,6 × 2,7 × 0,5 м), завалена массивными каменными глыбами, засыпь могилы песчанистая рыхлая. Длина ямы 3 м, ширина 2,7 м, глубина 0,5 м. Дно ямы

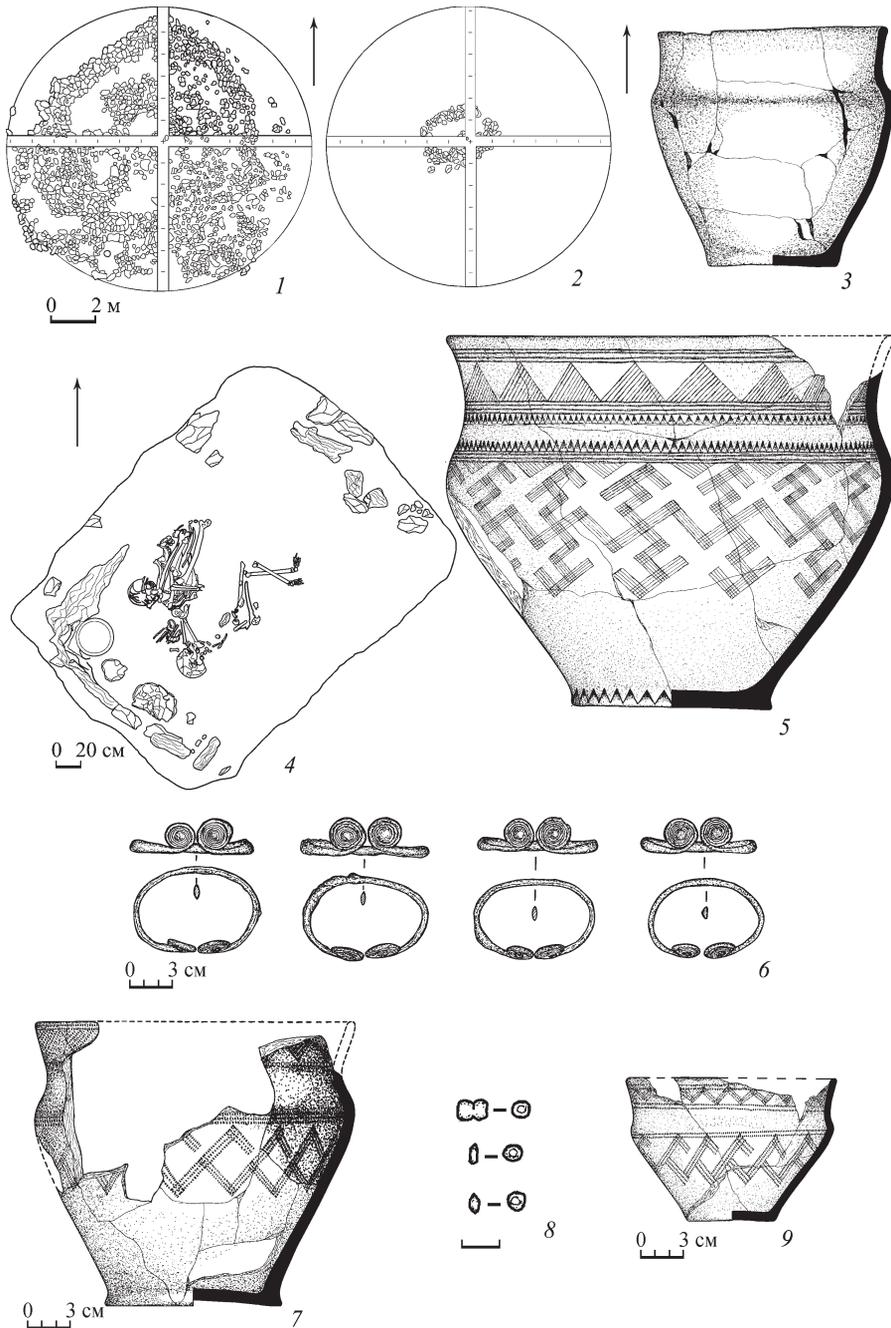

Рис. 2. Могильник Гурюльдек, курган 2

1 – план каменной конструкции; 2 – план расположения погребения; 3 – сосуд из насыпи; 4 – план погребения; 5 – сосуд 1; 6 – бронзовые бусы; 7 – сосуд 2; 8 – пастовые бусы; 9 – сосуд 3

по периметру обложено камнями, на них располагались остатки древесного тлена – возможно, деревянная рама, установленная на каменную основу. Остатки древесного тлена сохранились кусками, отчетливо прослеживались в СЗ углублениях (рис. 2, 4).

На дне могилы скорченно, лицом друг к другу, лежали два костяка, головами ориентированные на ЮЗ. Костяк 1 лежал в позе адорации на левом боку, скорченность слабая, ноги перекрещены в голених, руки согнуты в локтях, кистями перед лицом. На запястья рук были надеты бронзовые браслеты полукруглого сечения с несомкнутыми концами, оформленными завитками (рис. 2, 6). В районе шейных позвонков зафиксированы бусинки из стекловидной массы белого цвета (рис. 2, 8).

Скелет 2 лежал в сильно скорченном положении на правом боку. Колени и кисти располагались перед лицом (рис. 2, 4).

За головами покойных вдоль стенки находились три лепных плоскодонных сосуда, из которых сосуды 2 и 3 – плохой сохранности.

Сосуд 1 большой, вазовидной формы, с отогнутым наружу венчиком, плавной шейкой, раздутым туловом и с переходом к дну, тесто серого цвета с примесью шамота и толченой раковины. Высота 27,1 см, диаметр днища 14,6 см, тулова – 32,9 см, устья – 30,2 см. Орнаментом полностью покрыты область венчика, шейки, плечика, дна и верхняя часть тулова. Мотивы орнаментации – свастика, заштрихованные треугольники, вдавленные треугольники, параллельные горизонтальные линии из прямых насечек, выполненные гребенчатым штампом. Свастические мотивы полностью покрывают верхнюю половину тулова. По плечу, шейке и верхней части венчика проходят по четыре параллельные горизонтальные линии, выполненные гребенчатым штампом. Между линиями венчика и шейки нанесены заштрихованные треугольники, направленные вершинами вверх. Между линиями шейки и плечика, соответственно смыкаясь с линиями, в два ряда проходят вдавленные треугольники, направленные острыми углами вверх. Придонную часть также покрывают вдавленные треугольники более крупных размеров, направленные вершинами вверх. Под параллельными горизонтальными линиями, проходящими по плечу, нанесены заштрихованные треугольники, вершинами направленные к дну (рис. 2, 5).

Сосуд 2 оказался раздавленным, в связи с чем восстановить его удалось лишь частично. Реконструкция дала возможность выявить следующие формы сосуда: венчик чуть отогнут наружу, отчетливые пропорции шейки, плечика, переход к дну. Тесто красновато-коричневого цвета с примесью шамота и толченой раковины. Высота 21,5 см, диаметр днища 13,5 см, тулова – 24,5 см, устья – 22,5 см. Орнаментирована верхняя половина сосуда. По венчику проходят две параллельные горизонтальные линии из прямых насечек, треугольники, оформленные насечками, направленные вершинами вниз, и горизонтальные насечки, выполненные крупнозубчатым штампом. Плечико сосуда орнаментировано тремя параллельными горизонтальными прямыми насечками и крупнозубчатым штампом. Верхняя часть тулова оформлена орнаментом в виде уточек (рис. 2, 7).

Сосуд 3 – лепной острореберный плоскодонный горшок приземистых пропорций, со слегка выраженной придонной частью и прямым венчиком, чуть отогнутым наружу. Тесто красновато-серого цвета с примесью раковин. Высота

сосуда 11,6 см, диаметр дна 7 см, тулова – 16 см, устья – 15,6 см. Орнамент, выполненный гребенчатым штампом, нанесен на верхнюю часть тулова в виде уточек и двумя параллельными горизонтальными прямыми насечками, и на венчик в виде треугольников, выполненных насечками, направленными вершинами вниз и параллельными горизонтальными прямыми насечками (рис. 2, 9).

Курган 3 (рис. 3, 1) находился в 50 м к СВ от кургана 1. Земляная насыпь кургана, диаметром 8 м и высотой 34 см, имела полусферическую, несколько уплощенную форму. На поверхности кургана визуально фиксировались камни различных размеров. На периферии насыпи прослеживалась округлая в плане выкладка из камней, диаметром до 6 м.

В результате расчистки выявлено сооружение кромлеха из массивных каменных глыб по периферии курганной насыпи. При полной расчистке каменной ограды отмечена сохранность конструкции в первоначальном виде; судя по профилям бровок, камни, составлявшие конструкцию, укладывались прямо на древнюю поверхность.

После снятия насыпи в центре подкурганной площадки была выявлена могильная яма удлиненно-прямоугольной в плане формы, ориентированная осью по линии север – юг (рис. 3, 2). Размеры ее на уровне материка $1,9 \times 1,1$ м, глубина 54 см от уровня древней поверхности. В засыпи могильной ямы на глубине 40 см обнаружены глиняный сосуд, черепки, череп и кости человека. Все находки были расположены бессистемно по всей яме. На дне ямы в разных ее частях выявлены спиралевидные нашивки и бусы.

Сосуд 1 – плоскодонный, практически баночной формы, со слегка выделенным плечиком, неорнаментированный (рис. 3, 5).

Сосуд 2 – баночной формы, плавных пропорций. Представлен крупными фрагментами. Орнаментирован елочным орнаментом, выполненным зубчатым штампом (рис 3, 6).

Сосуд 3 – баночной формы с выделенным плечиком, без орнамента (рис 3, 7).

Бронзовые спиралевидные нашивки диаметром 1,5–2 см (рис 3, 3) и две бронзовые бусы (рис. 3, 4) сильно окислены.

Курган 4 (рис. 4, 1), диаметром 8 м, высотой 0,46 м, располагался в 45 м к СВ от кургана 1. На поверхности кургана визуально фиксировались камни различных размеров. В результате расчистки выявлено сооружение кромлеха из массивных каменных глыб по периферии курганной насыпи. В южной части кургана наблюдался развал камней до центральной точки кургана. Камни конструкции были углублены в насыпь кургана и, по всей видимости, укладывались в процессе его сооружения. Внешний диаметр оградки 6,4–6,55 м, внутренний – 4,6 м.

В разных частях насыпи обнаружены фрагменты сосуда, кости взрослого человека и лошади.

В центре ограды зачищена еще одна выкладка подпрямоугольной формы размерами $2,8 \times 1,8$ м (рис. 4, 2), окаймлявшая могильную яму (рис. 4, 3). Последняя имела почти правильную прямоугольную форму ($2,5 \times 1,7$ м) и была расположена на уровне древней поверхности.

У южной стенки на поверхности могильной ямы обнаружены трубчатые кости человека, кости животного и фрагменты керамики, из которых удалось

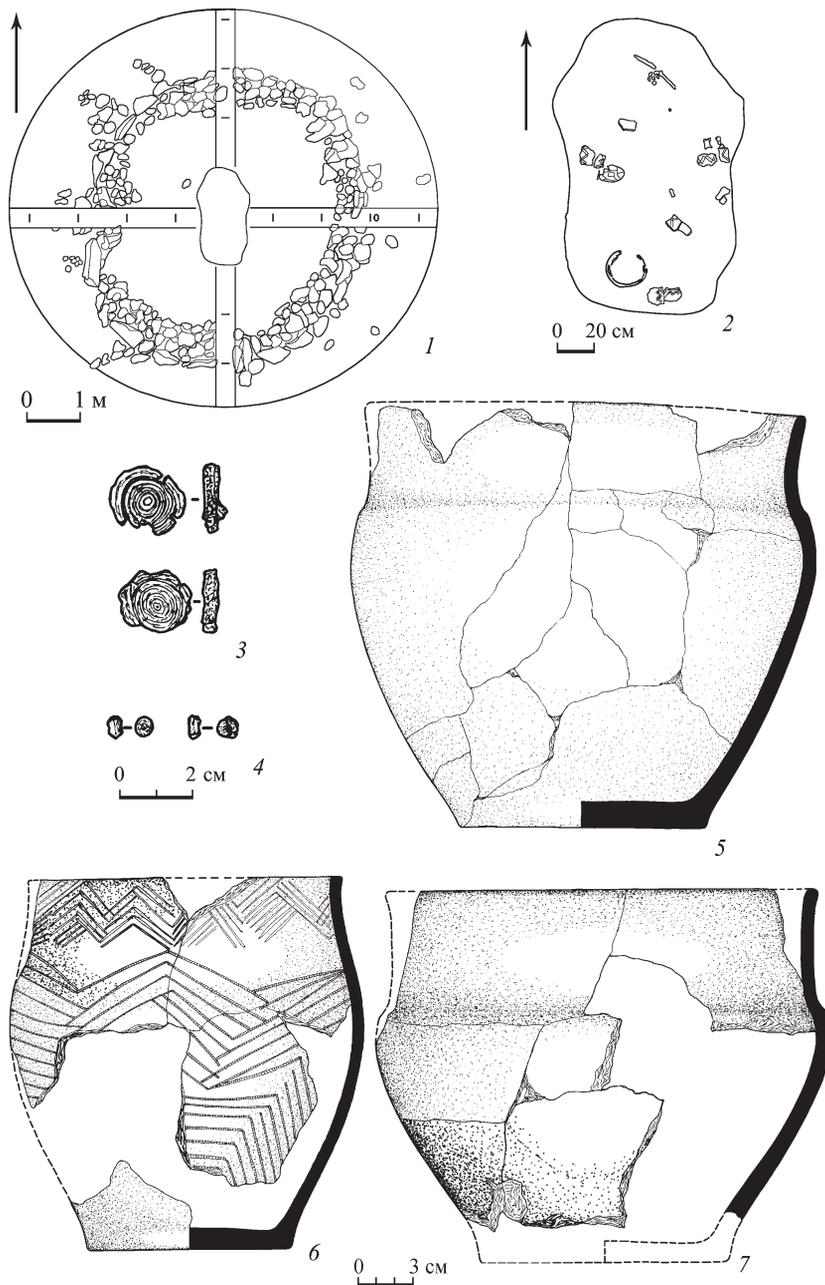

Рис. 3. Могильник Гурюльдек, курган 3

1 – план каменной конструкции и расположения погребения; 2 – план погребения; 3 – бронзовые нашивки; 4 – бронзовые бусы; 5 – сосуд 1; 6 – сосуд 2; 7 – сосуд 3

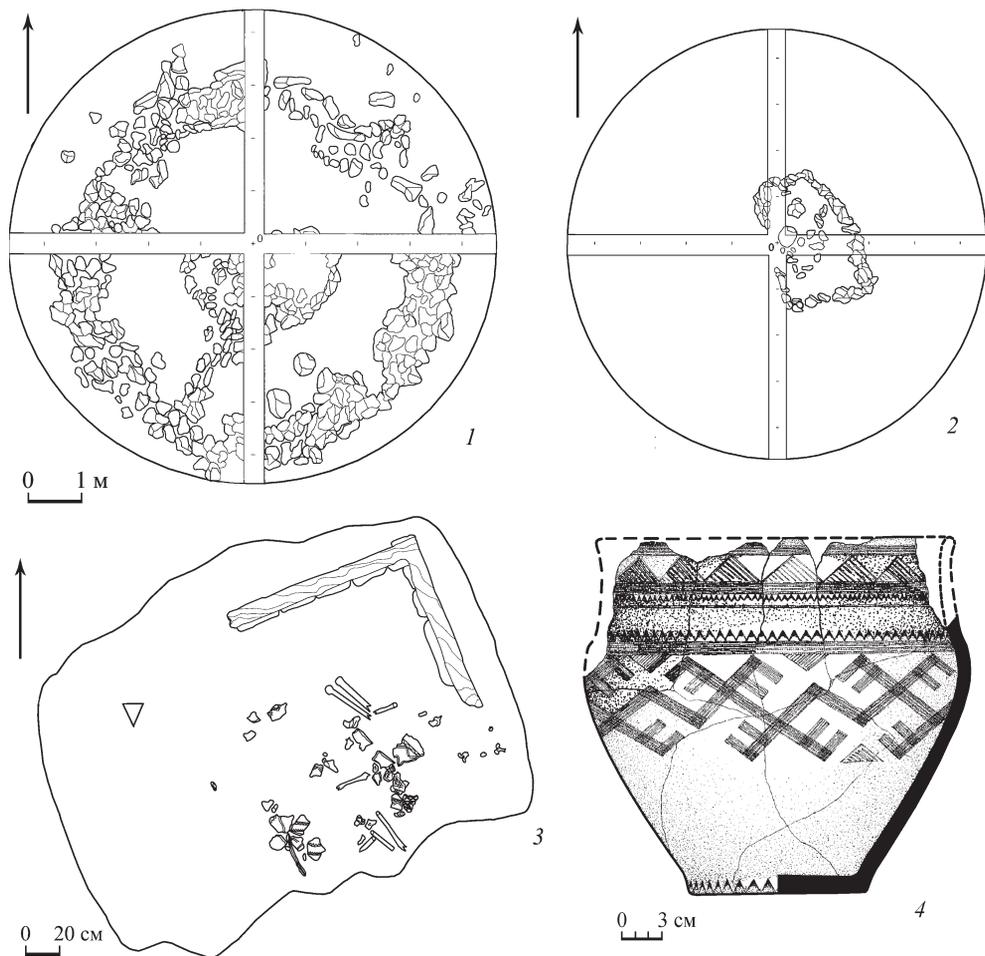

Рис. 4. Могильник Гурюльдек, курган 4

1 – план каменной конструкции; 2 – план расположения погребения; 3 – план погребения; 4 – сосуд

восстановить сосуд 1 – вазовидной формы, с отогнутым наружу венчиком, плавной шейкой, раздутым туловом и с переходом к дну, тесто серого цвета с примесью шамота и толченой раковины. Высота 28,1 см, диаметр днища 14 см, тулова – 30,5 см, устья – 28,5 см. Орнаментом полностью покрыты область венчика, шейки, плечика, дна и верхняя часть тулова. Мотивы орнаментации – свастика, заштрихованные треугольники, вдавленные треугольники, параллельные горизонтальные линии из прямых насечек, выполненные гребенчатым штампом (рис. 4, 4). В северо-восточном углу выявлены остатки дерева очень плохой сохранности. Оно было обнаружено под каменным ящиком. В ходе дальнейшей расчистки под древесным тленом обнаружены камни, которые лежали на дне ямы глубиной 30 см. Кроме камней на дне ничего не обнаружено.

Анализируя представленный материал, можно сделать ряд выводов. *Надмогильные конструкции* описанных курганов обладают весьма схожими чертами: 1) они являются одномогильными; 2) обязательной для надмогильных конструкций могильника Гурюльдек является каменная ограда вокруг погребальной площадки и самого погребения, с небольшим земляным курганом над ней; 3) ограды имеют округлую или же немного подквадратную форму. *Погребальные камеры* являются основными в курганах и имеют центральное планиграфическое расположение. Все ямы имеют прямоугольную форму, три из них ориентированы длинными сторонами по линии СВ–ЮЗ, одна – по линии север – юг. Два погребения из четырех – парные, с ориентировкой погребенных головой на юго-запад. В погребении кургана 3 по расположению керамики можно предположить южную ориентировку, а в погребении кургана 4, судя по костям ног, а также по ориентировке ямы, можно говорить о юго-западной ориентировке, аналогичной зафиксированной в погребениях курганов 1 и 2. Безусловно, к конструктивным особенностям сооружения погребальных камер следует отнести одновременное использование камня и дерева. Причем деревянный сруб устанавливался на фундамент из камня, лежащий по контуру дна могильной ямы. Также каменная обкладка располагалась по верхнему краю могилы и, возможно, укладывалась на деревянный сруб, формирующий внутренний объем погребения. *Погребальный обряд* – ингумация в скорченном положении. В погребениях курганов 3 и 4 зафиксировать положение костяков не удалось ввиду их нарушенности. Скорее всего, они были индивидуальными. Погребения курганов 1 и 2 были парными, погребенные лежали скорченно, лицом друг к другу. *Погребальный инвентарь* практически во всех погребениях представлен, прежде всего, керамикой – 11 сосудов. В трех погребениях из четырех обнаружено по три горшка. Керамика могильника Гурюльдек демонстрирует сходство форм и орнаментальных мотивов. Среди сосудов преобладают горшки с плавным профилем при переходе от тулова к шейке, слабо выраженным поддоном. Орнаментальные композиции представлены заштрихованными треугольниками, зигзагами, елочками, треугольными вдавлениями и горизонтальными линиями, разграничивающими зоны нанесения орнамента. Практически на всех орнаментированных горшках имеется неорнаментированная полоса, разграничивающая область тулова и венчика. Пять неорнаментированных сосудов имеют практически ту же форму, что и орнаментированная посуда из погребений могильника Гурюльдек. *Погребальный инвентарь* представлен также бронзовыми браслетами, бронзовыми нашивками, пастовыми и бронзовыми бусами, костяной трубочкой.

Переходя к культурно-хронологической интерпретации представленного материала, необходимо отметить, что он имеет ряд прямых аналогий на сопредельной территории. Такие могильники, как Казачья Губерля II, Шаншар (раскопки В. В. Ткачева), Хмелевский, Малокайлинский (раскопки О. Ф. Бытковского), Киргильда I, II, Кунакбай-сай, Урал-сай (*Грязнов, 1927*), Хабарное I (*Федорова-Давыдова, 1959*), Турсумбай I, II, III (*Кузьмина, 1962; 1966*), Ново-Аккермановский (*Подгаецкий, 1940*), Тасты-Бутак I (*Сорокин, 1962*), Кожумберды (*Кривцова-Гракова, 1948; Кузьмина, 1965*) и др., демонстрируют близкое сходство по многим признакам, касающимся и надмогильных конструкций, и погребального обряда, и погребального инвентаря. Таким образом, представленные погребаль-

ные комплексы могильника Гурюльдек можно отнести к развитому периоду эпохи поздней бронзы. Материал, видимо, может датироваться XV–XIII вв. до н. э. Также очевидно, что представленный комплекс содержит керамику кожумбердынского типа, особенностью которой является сочетание алакульских и федоровских черт, с явным преобладанием первых (*Кривцова-Гракова*, 1948. С. 149, 150, 165–169; *Федорова-Давыдова*, 1973. С. 152; *Кузьмина*, 1994. С. 46; 2008. С. 250–268). Вместе с тем практически все исследованные погребальные памятники эпохи поздней бронзы, содержащие керамику кожумбердынского типа, имеют также ряд особенностей в конструкции надмогильных и погребальных сооружений. В этой связи встает вопрос о целесообразности распространения понятия кожумбердынского типа, применяемого в основном для керамики, на весь погребальный комплекс, который территориально расположен в бассейне р. Ор и территориях, прилегающих к нему с севера, юга и запада.

ЛИТЕРАТУРА

- Грязнов М. П.*, 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // *Казакки: Антропологические очерки*. Л.
- Кривцова-Гракова О. А.*, 1948. Алексеевское поселение и могильник // *Тр. ГИМ*. Вып. XVII.
- Кузьмина Е. Е.*, 1962. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции за 1962 год // *Архив ИА*. Р-1. № 2500, 2500а.
- Кузьмина Е. Е.*, 1965. Отчет Еленовского отряда Оренбургской экспедиции за 1965 год // *Архив ИА*. Р-1. № 3081, 3081а.
- Кузьмина Е. Е.*, 1966. Отчет Еленовского отряда Южноуральской экспедиции за 1966 год // *Архив ИА*. Р-1. № 3427, 3427а.
- Кузьмина Е. Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.
- Кузьмина Е. Е.*, 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе.
- Кузьмина Е. Е., Попов С. А.*, 1984. Новый микрорайон андроновских памятников на р. Джарлы // *Древности Евразии в скифо-сарматское время*. М.
- Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.*, 1964. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // *КСИА*. Вып. 101.
- Подгаецкий Г. В.*, 1940. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // *Археологические памятники Урала и Прикамья*. М.; Л. (МИА. № 1.)
- Сорокин В. С.*, 1962. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане // *МИА*. № 120.
- Ткачев В. В.*, 2005. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана: Сб. науч. ст. Уральск*. Вып. 4.
- Федорова-Давыдова Э. А.*, 1959. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ в 1959 году // *Архив ИА*. Р-1. № 1929, 1929а.
- Федорова-Давыдова Э. А.*, 1973. К проблеме андроновской культуры // *Проблемы археологии Урала и Сибири*. М.
- Формозов А. А.*, 1951а. Археологические памятники в районе г. Орска // *КСИИМК*. Вып. XXXVI.
- Формозов А. А.*, 1951б. К вопросу о происхождении андроновской культуры: Докл., прочитанный на заседании сектора первобытной археологии ИИМК 20 мая 1950 г. // *КСИИМК*. Вып. XXXIX.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия. М.
АС – Археологический съезд.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
ИИЯЛ – Институт истории языка и литературы.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
КЭС – Кавказский этнографический сборник. М.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МРЗ – *Самоквасов Д. Я.*, 1908. Могилы русской земли. М.
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
ОАК – Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
СЭ – Советская этнография. М.
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
Тр. ОИПКГЭ – Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.
BP – *Archaeologische Studien auf Russischem Boden von Béla Pósta.* Budapest; Leipzig, 1905.
CASS – Китайская Академия общественных наук
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «КАТАКОМБНАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ/ОБЛАСТЬ: СТРУКТУРА, НОМЕНКЛАТУРА, ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ» (МОСКВА, АПРЕЛЬ 2007 г.)

<i>Гей А. Н.</i> Спорные вопросы и перспективы изучения катакомбной культурно-исторической общности	3
<i>Мельник В. И.</i> Проблема уровней общности катакомбного культурного круга	10
<i>Кайзер Э.</i> Проблемы абсолютного датирования катакомбной культуры Северного Причерноморья	15
<i>Мимоход Р. А.</i> Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований	28
<i>Кияшко А. В., Сухорукова Е. П.</i> О волго-донском варианте полтавкинской культуры	54
<i>Гак Е. И.</i> Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья	69
<i>Клеценко А. А.</i> Бронзовые ножи и шилья раннего этапа эпохи средней бронзы Закубанья	88
<i>Кислый А. Е.</i> Демоэкономический анализ населения катакомбных культур с учетом некоторых исторических закономерностей развития	100
<i>Литвиненко Р. А.</i> Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура	108
<i>Лысенко С. Д.</i> К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье	123
<i>Борисов А. В., Мимоход Р. А., Демкин В. А.</i> Палеопочвы и природные условия южнорусских степей в посткатакомбное время	144
<i>Селиверстов Д. Н., Чекменев Ю. А.</i> Развитие рецептуры керамических масс в эпоху средней и поздней бронзы (по материалам катакомбной, абашевской, воронежской и срубных археологических культур Лесостепного Подонья)	155

ЭПОХА БРОНЗЫ. ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н.</i> Сирийская экспедиция Института археологии РАН (из итогов исследований Телль Хазны I)	160
<i>Корневский С. Н.</i> Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (Теория этнологии и археология)	175
<i>Александровский А. Л., Балабина В. И., Мишина Т. Н., Седов С. Н.</i> Телль Юнаците и поселение рядом с ним: сравнительный педологический анализ в контексте археологической стратиграфии	189
<i>Потемкина Т. М.</i> Архитектурные особенности кургана Усатово I-4	206
<i>Ткачев В. В.</i> Ишкининский археологический микрорайон эпохи бронзы: структура, периодизация, хронология	220

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Гаврилов К. Н.</i> Новые произведения искусства малых форм из раскопок стоянки Хотылёво 2 (пункт В)	231
<i>Кузьминых С. В.</i> Сейминско-турбинская проблема: новые материалы	240
<i>Бисембаев А. А., Умрихин С. М.</i> Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области	263
СОКРАЩЕНИЯ	275

CONTENTS

MATERIALS OF THE ROUND TABLE “CATACOMB CULTURAL AND HISTORICAL UNITY/ZONE: STRUCTURE, TERMINOLOGY, DEVELOPMENT” (APRIL, 2007, INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, MOSCOW)

<i>A. N. Gei.</i> Catacomb cultural and historical unity: Problems, discussions, and prospects of investigation	3
<i>V. I. Melnik.</i> The Catacomb cultural circle: Problem of the unity structure	10
<i>E. Kaiser.</i> The problems of absolute dating of Catacomb culture in the North Pontic zone	15
<i>R. A. Mimokhod.</i> Radiocarbon chronology of post-Catacomb cultural units	28
<i>A. V. Kiyashko, E. P. Sukhorukova.</i> On the Volga-Don variant of Poltavka culture	54
<i>E. I. Gak.</i> Indications of metal production of the Catacomb cultures in the steppe zone of the North Caucasus piedmont and the southern part of the Don-Volga interfluvium	69
<i>A. A. Kleshchenko.</i> Bronze knives and awls of the early stage of the Middle Bronze Age in the Kuban basin	88
<i>A. E. Kisly.</i> Demographic and economic analysis of Catacomb population with regard to the model of historic development	100
<i>R. A. Litvinenko.</i> Babino cultural circle: Name, taxonomy, and structure	108
<i>S. D. Lysenko.</i> Concerning cultural, chronological, and functional attribution of bone “belt-plates” in the Middle Dnieper area	123
<i>A. V. Borisov, R. A. Mimokhod, V. A. Demkin.</i> Palaeosoils and environmental conditions in the steppes of South Russia in the post-Catacomb time	144
<i>D. N. Seliverstov, Yu. A. Chekmenev.</i> Development of pottery paste recipes in the Middle and Late Bronze Ages (on the materials of Catacomb, Abashevo, Voronezh, and Timber-grave cultures in the Don forest-steppe)	155

THE BRONZE AGE. PROBLEMS AND MATERIALS

<i>R. M. Munchaev, Sh. N. Amirov.</i> Syrian expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (on the results of investigations at Tell Hazna I)	160
<i>S. N. Korenevsky.</i> Power as a phenomenon in early agricultural and stockbreeding societies (Ethnological theory and archaeology)	175
<i>A. L. Alexandrovsky, V. I. Balabina, T. N. Mishina, S. N. Sedov.</i> Tell Yunatsite and the nearby settlement: comparative pedological analysis in the context of archaeological stratigraphy	189
<i>T. M. Potemkina.</i> Specific architectural features of kurgan Usatovo I-4	206
<i>V. V. Tkachev.</i> The Bronze Age Ishkinovka archaeological micro-region: Structure, periodization, chronology	220

PUBLICATIONS

<i>K. N. Gavrilov</i> . New objects of minor arts from the excavations of the Khotylevo 2 station (point B)	231
<i>S. V. Kuzminykh</i> . New data on the problem of the Seima-Turbino unity	240
<i>A. A. Bisembaev, S. M. Umrikhin</i> . Late Bronze Age cemetery in Aktyubinsk region	263
ABBREVIATIONS	275

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 225

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректор Е. Сметаникова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 09.08.2011. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 23,22. Тираж 400. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037789030641
Тел.: 95-952-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (499) 255-77-57, тел.: (499) 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Zubovskiy проезд, 2, стр. 1
(Метро «Парк Культуры»)